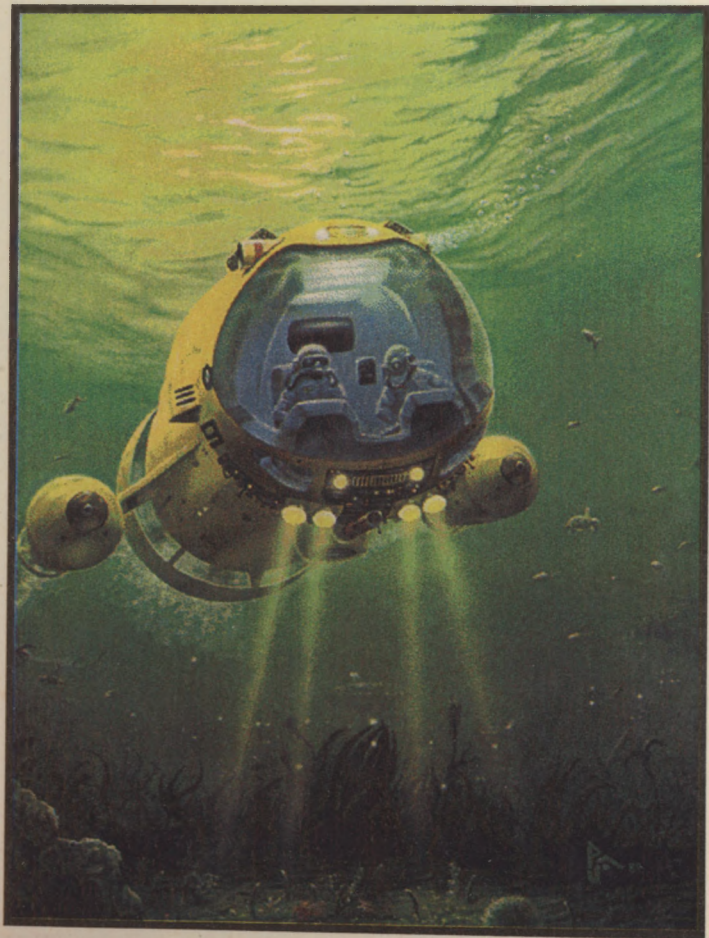
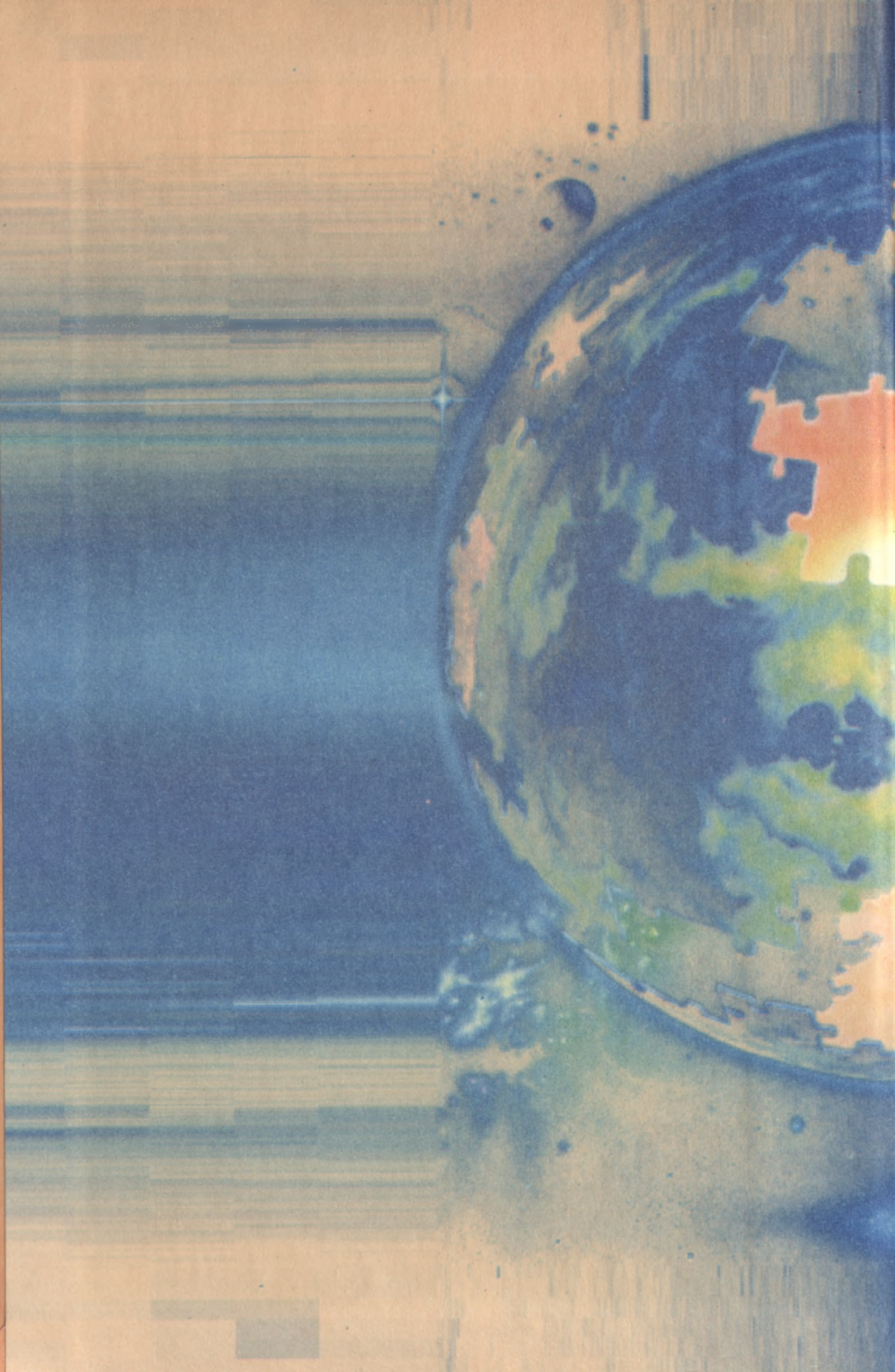
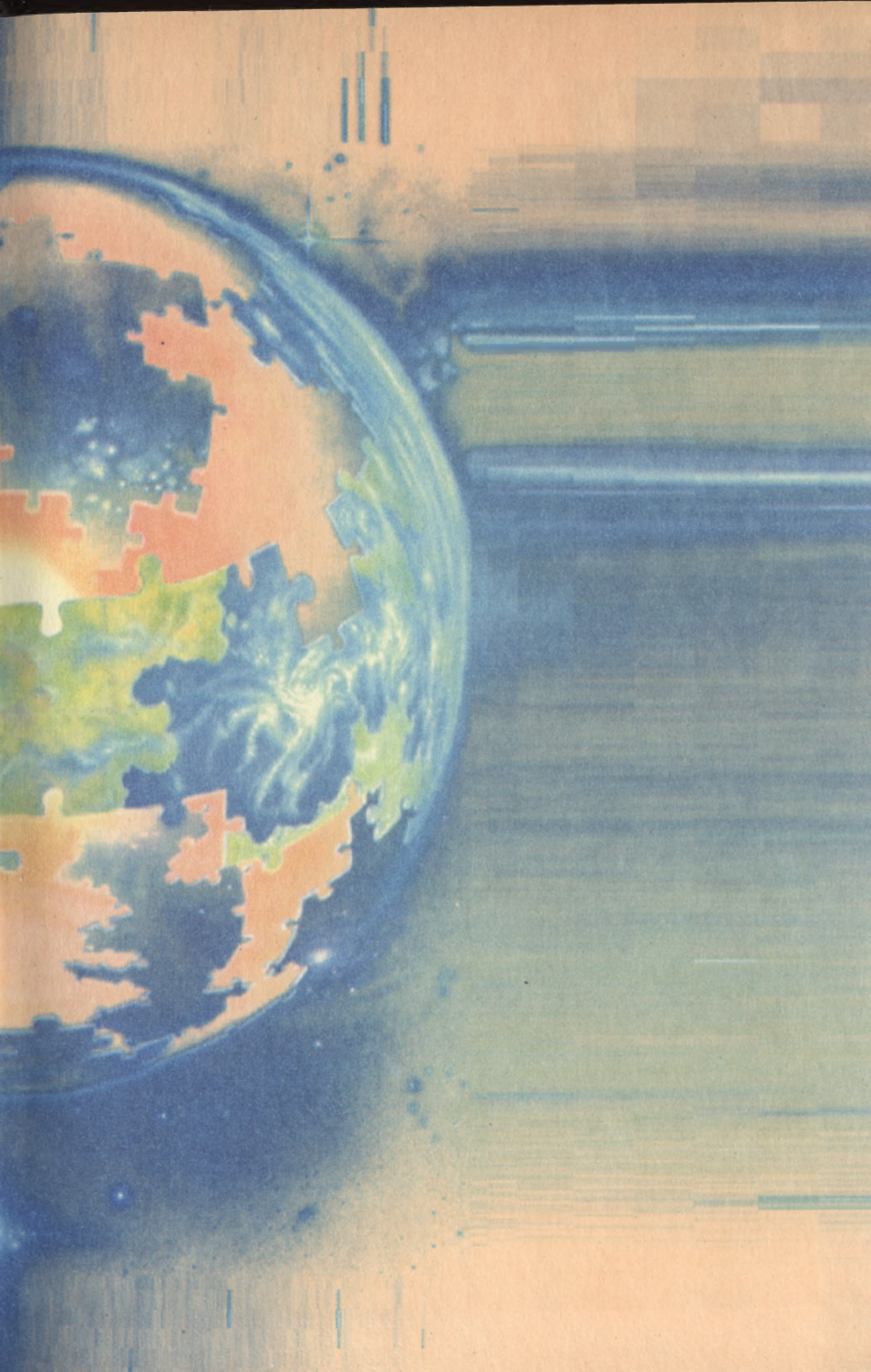

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF POUL ANDERSON

Volume seven

BRAIN WAVE

TWILIGHT WORLD

«POLARIS» PUBLISHERS
1996

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

Том седьмой

**ВОЛНА МЫСЛИ
СУМЕРЕЧНЫЙ МИР**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1996

Миры Пола Андерсона. Т. 7 / Пер. с англ. — Рига: Полярис, 1996. — 335 с.

В очередной том собрания сочинений известного фантаста вошли романы «Волна мысли» и «Сумеречный мир», ставящие серьезные вопросы о будущем человечества.

Произведения, включенные в данное издание, охраняются законом об авторском праве. Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

Brain Wave
Copyright © 1954 by Poul Anderson
Twilight World
Copyright © 1961 by Poul Anderson
© Издательство «Полярис»,
перевод, оформление, 1996
© Издательство «Полярис»,
составление, название серии, 1995

ISBN 5-88132-156-1

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

собрание фантастических произведений
в тридцати томах

ТОМ СЕДЬМОЙ

Уважаемые читатели!

Издательство «Полярис» благодарит вас
за интерес к нашим книгам
и поздравляет с удачным вложением денег.
В каждом томе «Миров Пола Андерсона»
(кроме последнего)

вы найдете аналогичный призовой купон.
Мы рекомендуем сохранить эти купоны
до окончания выхода в свет всего собрания
фантастических произведений Пола Андерсона.

Потому что... Внимание!!!

Потому что читатели, которые вышлют нам
29 разных купонов (по одному из каждого тома),
получат последний том «Миров Пола Андерсона»
БЕСПЛАТНО!

Каждому, кто соберет и вышлет
в адрес издательства 29 призовых купонов,
мы гарантируем получение по почте бесплатно
последнего тома «Миров Пола Андерсона».

НАШ АДРЕС:

Латвийская Республика, LV-1039, Rīga, а/я 22

«МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА»

собрание фантастических произведений в тридцати томах

1	«Зима над миром» «Огненная пора»	Терранская империя — 3 Рассказы и повести	16
2	«Победить на трех мирах» «Тау — ноль» «Полет в навсегда»	Терранская империя — 4 «День, когда они возвратились» «Рыцарь призраков и теней»	17
3	«Орион взойдет»	Терранская империя — 5 «Игра империи» «Камень в небесах»	18
4	«Челн на миллион лет»		
5	«Враждебные звезды» «После судного дня» «Ушелец»	«Ночной лик» «Орбита не ограничена» Рассказы	19
6	«Планета, с которой не возвращаются» «Война двух миров» «Мир без звезд» «Самодельная ракета»	«Звездные нивы»	20
		«Звезды тоже из огня»	21
7	«Волна мозга» «Сумеречный мир»	Патруль времени — 1	22
8	«Операция «Хаос»» «Танцовщица из Атлантиды»	Патруль времени — 2	23
9	«Три сердца и три льва» «Буря в летнюю ночь»	«Щит времени»	24
10	«Сага о Хрольфе Жердинке» «Дети морского царя»	Психотехническая лига — 1 «Психотехническая лига» «Снега Ганимеда»	25
11	Торгово-техническая лига — 1 Рассказы и повести	Психотехническая лига — 2 «Бескровная победа» «Звездные пути»	26
12	Торгово-техническая лига — 2 «Сатанинские игры» «Обитель мрака»	Психотехническая лига — 3 «Звездолет» «Планета девственниц»	27
13	Торгово-техническая лига — 3 Рассказы и повести		
14	Терранская империя — 1 «Дети ветра» «Мичман Флэндри»	«Аватара»	28
		Рассказы	29
15	Терранская империя — 2 «Все круги ада» «Восставшие миры»	Рассказы	30

*В содержании отдельных томов после двадцатого
возможны незначительные изменения.*

От издательства

В седьмой том собрания сочинений Пола Андерсона вошли два романа, занимающие в творчестве писателя особое место.

Первый из них — «Волна мысли» — написанный в 1954 году, стал первым «взрослым» романом Андерсона, вышедшим в виде книги, — до того писателю удалось опубликовать лишь детскую повесть «Хранилище эпох» и большое количество рассказов в различных журналах. Несмотря на это, роман мгновенно привлек внимание критики. В нем уже чувствовался строгий стиль и научная педантичность будущих книг писателя, да и сама идея, на которой строилось повествование «Волны мысли», свидетельствовала о незаурядной образованности и фантазии автора.

Предположим, что семьдесят миллионов лет назад наша Солнечная система вошла в некое поле, замедляющее все электромагнитные процессы — пусть на долю процента, но ведь мозг — это тоже электрическая машина, и на нем влияние поля сказалось особенно сильно. Многие миллионы лет эволюция протекала в этом «оглуляющем» поле. Но вот Солнце выходит из пораженной области пространства, и Землю захлестывает волна мысли, увеличивающая интеллект каждого живого существа в десятки раз...

Необычное предположение позволяет писателю строить интереснейшие предположения о связи интеллекта и здравого смысла, о путях эволюции и развития человечества — и в то же время книга заставляет нетерпеливо перелистывать страницы, прослеживая судьбы ее героев, пытающихся найти свое место в новом мире гениев поневоле, где шимпанзе салютуют автоматами Калашникова, а безумцы стремятся вернуть старый порядок...

Второй роман — «Сумеречный мир» (1961) — также занимает особое место в творчестве писателя. Первоначально он был опубликован еще в 1947 году в виде двух рассказов; полутора десятками лет позже Андерсон переработал их в роман, добавив еще одну часть. Таким образом, этот роман может служить примером как раннего, так и зрелого творчества писателя, несмотря на то что полностью стереть грань между первоначальным и добавленным текстом автору так и не удалось.

Тем не менее «Сумеречный мир» интересен не только библиографам Пола Андерсона. Переживший ядерную войну мир обрисован в романе не просто ясно, но на редкость убедительно. Немногие

видения постапокалиптического будущего могут сравниться с «Сумеречным миром» по силе предупреждения — никому не избежать радиационного клейма, нигде не найдется убежища.

В то же время предупреждение не является самоцелью книги. Как и все произведения Андерсона, «Сумеречный мир» отличается туго закрученным сюжетом, не уступающим по завлекательности любой из его «космических опер», и особым внутренним оптимизмом, уже давно ставшим «фирменным знаком» писателя. Несмотря на любые катастрофы, мы знаем — дело Аларика Вэйна победит.

ВОЛНА МЫСЛИ

Глава 1

Ловушка сработала на закате. Пока красноватый свет заходящего солнца еще не померк, кролик кружил по ней, тычась в стенки, но вскоре страх и отчаяние взяли верх, и он, дрожа, забился в угол. Когда пришла ночь и на небе появились звезды, он продолжал сидеть на том же месте, боясь пошелохнуться. Однако стоило взойти луне, отразившейся холодным светом в его огромных глазах, как кролик повел головой и стал всматриваться в тонувший во мраке лес.

Зрительный аппарат кролика был устроен так, что сфокусировать взгляд на предметах, находящихся рядом, ему было крайне сложно, и все же через какое-то время он вдруг ясно различил вход в ловушку. Стоило ему войти вовнутрь, как тяжелая деревянная дверца скользнула вниз, перекрыв ему дорогу назад. В призрачном лунном свете все казалось ему нереальным. Кролик внутренне напрягся и, вновь увидев перед собой падающую дверцу, тихо пискнул от ужаса. Теперь эта твердая темная дверца была прямо перед его носом, из-за нее слышалось дыхание леса. Она была вверху и вместе с тем была внизу — с такого рода двойственностью «теперь—тогда» кролик сталкивался впервые.

Луна поднималась все выше в усеянном звездами небе. Где-то совсем рядом заухала сова, и кролик мгновенно застыл, ощутив спиной движение ее призрачных крыльев. Недоумение и страх слышались в совином крике, он исполнился новой, неведомой прежде боли. Вновь стало тихо. Еле приметные привычные ночные шорохи и запахи окружали кролика. Он так и сидел, глядя на дверцу, раз за разом вспоминая ее падение.

Начинало сереть. Луна уже клонилась к горизонту.

Кролик, вероятно, даже немного всплакнул на свой кроличий манер. В тусклом свете занимающегося утра среди серых стволов деревьев ясно вырисовывались прутья западни. Дверца, в отличие от стенок, имела и поперечину.

Кролик медленно двинулся к выходу. Оказавшись возле решетки, отсекавшей ему путь назад, он испуганно съезжился. Решетка пахла человеком. Кролик уперся в нее мордочкой и

почувствовал, как ему на нос упали холодные капельки росы. Решетчатая дверца не поддавалась. И все же совсем недавно она упала вниз.

Припав к земле, кролик уперся в нижний край поперечины и попытался распрямиться. Решетка дрогнула. От возбуждения дыхание кролика стало шумным и частым. Он напрягся изо всех сил, отчего решетка скользнула вверх по своим направляющим, и он, юркнув в возникшую щель, вновь оказался на свободе.

Кролик на мгновение даже ошалел, но тут за его спиной раздался стук вернувшейся на место дверцы, и он стремглав понесся к лесу.

Арчи Брок, занимавшийся корчевкой пней на северной делянке, здорово припозднился. Господин Россман хотел, чтобы эта работа была закончена уже к среде, так, чтобы он мог побыстрее распахать свое новое поле. За срочность он пообещал Броку дополнительную плату. Арчи взял с собой обед и работал до темна. Три мили, отделявшие его от дома, он должен был отмахать пешком — ни «джип», ни трактор ему не доверяли.

Он чувствовал себя изрядно усталым, и если о чем-то и думал, то разве что о пиве. Мысли приходили и уходили сами, он не звал, но и не гнал их. По обеим сторонам дороги темнел лес. Деревья отбрасывали на посеребренную лунным светом просеку длинные тени. Стрекотали сверчки, раз или два заухала сова. Будь у него ружье, он бы с ней вмиг разобрался, иначе она могла перетаскать у них всех цыплят. Охотиться господин Россман ему разрешил.

Сегодня с его головой творилось что-то странное. Обычно он шел себе и шел, и всякие разные мысли ему особенно не досаждали, но сейчас — наверное, не без влияния луны — ему в голову лезла всякая всячина. Слова возникали в голове сами собой, словно кто-то говорил их. Он подумал о мягкой постели и о том, как славно было бы возвращаться с работы не пешком, а на машине. Впрочем, окажись он за рулем, он тут же куда-нибудь влетел бы, — в этом Арчи Брок не сомневался. Странное дело, вроде бы все так просто — верти баранку, да не засыпай за рулем, и только, — так нет же, все куда сложнее.

Лесная тишь нарушалась лишь звуком его шагов. Он сделал глубокий вдох, набрав полные легкие прохладного ночного воздуха, и задрал голову вверх. Сегодня звезды были особенно большими и яркими.

Новая, вернее, давно забытая мысль пришла ему на ум. Кто-то сказал, что Солнце и звезды — это одно и то же, просто звезды находятся куда дальше. Прежде подобные вещи его нисколько не волновали, но сейчас эта идея буквально ошеломила его. Если

это правда, если звезды действительно такие же большие, как солнце, то сколько же до них километров!

Он остановился как вкопанный, почувствовав, как по спине его пробежал холодок. Бог ты мой! Как далеко находятся все эти звезды!

Земля у него под ногами в тот же миг уменьшилась до размеров жалкого камешка, который неся по бескрайней темени мира. Огромные, пышущие жаром светила окружали его. До них было так далеко, что ему почему-то захотелось плакать.

Арчи Брок бегом понесся домой.

Мальчик проснулся рано, хотя стояло лето и в школе не было занятий, а до завтрака была еще уйма времени. Улочка и город за окнами в лучах утреннего солнца казались чистыми и опрятными. Если бы не грузовик, прогромыхавший по мостовой, и не человек в синей рабочей робе, уверенным шагом направлявшийся к маслобойне, сжимая под мышкой судок с обедом, можно было бы подумать, что мир вымер. Отец уже ушел на работу, мать, приготовив завтрак, должна была вновь прилечь на часок, как это обычно и бывало, сестра еще спала. Мальчик был предоставлен самому себе.

Они с другом собирались отправиться на рыбалку, но прежде он хотел заняться моделью. Быстренько умывшись, он стащил из буфета булку и поспешил вернуться в свою комнату, где его ждал полный всевозможных вещей стол. Самолет должен был выйти красавцем — это была «Падающая Звезда» с углекислотным патроном в качестве двигателя. Но как ни странно, он уже не казался мальчику таким уж замечательным, как это было прошедшим вечером. Теперь он мечтал о настоящем реактивном двигателе.

Он вздохнул, отставил модель в сторону и положил перед собой лист бумаги. Ему было десять лет, но он очень любил играть с числами, особенно после того, как один из учителей рассказал ему об алгебре. Некоторые из его одноклассников стали дразнить его за это любимчиком, но он быстро научил их уму-разуму. Что до алгебры, то она оказалась куда интересней тех таблиц умножения, которые они зубрили в школе, — в ней буквы и числа словно оживали. Помимо прочего, учитель сказал ему и о том, что человек, мечтающий построить ракету, должен прежде всего научиться математике.

Он нарисовал несколько графиков. Различным графикам соответствовали разные типы уравнений. Мальчику это казалось очень забавным. $x=ky+c$ — всегда прямая; $x^2+y^2=c$ — всегда круг. А если сделать один из иксов равным трем, а не двум? Что при этом произойдет с игроком? Об этом он еще никогда не задумывался!

Он сосредоточенно высунул язык и крепко сжал карандаш в руке. За иксом и игреком можно следить — немножко меняешь одну переменную, и тогда...

Он уже был на пороге открытия дифференциального исчисления, когда вдруг мать позвала его завтракать.

Глава 2

Питер Коринф вышел из-под душа, продолжая напевать что-то бравурное. Шейла стояла у плиты и жарила яичницу с беконом. Взьерошив ее мягкие каштановые волосы, он поцеловал ее в шею, и она, повернувшись к нему, улыбнулась.

— Сама как ангел, — улыбнулся Питер, — а готовит как...

— Пит, ты никогда...

— Не умел найти нужных слов, — закончил он за Шейлу. — Эта истина стара как мир, моя дорогая. — Он склонился над сковородкой и, приняв себя, блаженно застонал. — У меня такое чувство, что сегодня один из тех редких дней, когда все идет как надо. Впрочем, за хубрис* боги нашьют на меня Немезиду**. Явится Ата***, и неряха Гerti спалит оборудование.

— *Хубрис, Немезида, Ата*. — Шейла нахмурила свой лобик. — Эти слова я слышала от тебя и раньше. Что они значат, Пит?

Он зажмурился. Они были женаты вот уже два года, но он все еще был влюблен в свою жену — когда Пит видел Шейлу, внутри у него все буквально переворачивалось. Она была доброй, веселой, красивой, она прекрасно готовила, но, при всем при том, она не принадлежала к интеллектуалам. Когда к ним в гости приходили его друзья, она садилась где-нибудь в сторонке и весь вечер молчала.

— Почему ты об этом спрашиваешь? — осведомился он.

— Мне просто интересно, — ответила Шейла.

Он отправился в спальню и, оставив дверь открытой, стал излагать ей основы греческой драмы. Одновременно с этим он одевался. В такое ясное утро говорить на столь мрачную тему было достаточно странно, однако она слушала его очень внимательно и даже время от времени задавала какие-то вопросы. Когда Пит вернулся в кухню, Шейла с улыбкой подошла к нему.

— Физик ты мой несчастный, — сказала она. — И как это ты умудряешься так пачкаться? Костюм только что из чистки, а глядя на тебя, можно подумать, что ты чинил в нем машину.

* Хубрис — в переводе с греческого «гордыня». (Здесь и далее примеч. пер.)

** Немезида — в греческой мифологии богиня, наказывающая преступающих закон, дочь Никты (Ночи).

*** Ата — в греческой мифологии божество, олицетворяющее помрачение ума, дочь Зевса.

Она поправила ему галстук и одернула пиджак. Пит пригладил рукой непокорные темные волосы и сел за стол. Пар, поднимавшийся из кофейника, затуманил стекла его очков. Сняв их, он принялся вытирать стекла галстуком. Его худое лицо со сломанным носом без очков казалось совсем другим — так он выглядел заметно моложе, как раз на свои тридцать три года.

— Едва я проснулся, я тут же все понял, — сказал Пит, намазывая масло на гренки. — Видишь, какое у меня развитое под-
сознание?

— Ты что — решил-таки эту свою проблему? — поинтересовалась Шейла.

Он кивнул, продолжая напряженно думать о чем-то своем. Шейла успела привыкнуть к этому — обычно, о чем бы ни шла речь, он ограничивался краткими «да» и «нет», произносящими всегда кстати, хотя сам Пит при этом был всецело погружен в себя. Его работа представлялась ей чем-то таинственным. Ему же казалось, что Шейла живет в каком-то детском мире — ярком, странном и невразумительном.

— Я хочу создать фазовый анализатор межмолекулярных резонансных связей в кристаллических структурах, — сказал он. — Впрочем, сейчас это не важно. Просто в течение вот уже нескольких недель я ломаю себе голову над одной схемой, но у меня, увы, ничего не выходит. И вот сегодня утром мне в голову пришла одна замечательная идея. Видишь ли...

Взор его затуманился. Он продолжал есть, но делал это скорее по инерции. Шейла добродушно рассмеялась.

— Возможно, я задержусь, — сказал он, стоя уже в дверях. — Если идея подтвердится, я буду работать до тех пор, пока... Впрочем, я тебе в любом случае позвоню.

— Хорошо, милый. Удачи тебе.

Он ушел, но Шейла так и стояла, улыбаясь ему вслед. Пит был... — ей повезло с ним, этим было сказано все. Особенно отчетливо она почувствовала это именно сейчас. Этим утром все казалось ей необычайно ясным и прозрачным, словно она вновь оказалась в Западных горах, столь горячо любимых ее мужем.

Тихонько напевая про себя, она стала мыть посуду и убирать в квартире. Ей вдруг вспомнилось ее детство, маленький городок в Пенсильвании, школа бухгалтеров, офис их нью-йоркских знакомых, куда четыре года тому назад она поступила на работу... Господи — и как так можно было жить! Бесконечная череда вечеринок и поклонников, все без умолку трещат, все всё знают наперед, невозможно ни на минуту расслабиться... Зато потом, после того как она порвала с Биллом, считавшим ее глупышкой, она вышла за Пита. Ее устраивало и его отношение к жизни, и он сам — скромный тихий человечек.

«Я становлюсь жуткой занудой, — подумала Шейла. — И это, наверное, даже хорошо».

Она превратилась в обыкновенную домохозяйку, которая время от времени встречается с друзьями, чтобы немного поболтать и расслабиться, изредка ходит в церковь, пока ее неверующий супруг нежится в постели, проводит отпуска в Новой Англии или в Скалистых горах, собирается в скором времени обзавестись ребенком... что еще нужно человеку? Ее прежние друзья подняли бы на смех такой образ жизни, отмеченный буржуазностью и исполненный скуки, забывая о том, что их собственная жизнь отличается от жизни «буржуа» разве что набором понятий и ритмом, лишь отдаляющими ее от реальности.

Шейла изумленно затрясла головой. Над подобными вещами она никогда не задумывалась. Даже мысли ее странным образом изменились, они казались ей чужими.

Она покончила с домашней работой и осмотрелась по сторонам. Обычно перед ленчем она отдыхала, читая какой-нибудь дешевый детектив, после этого шла в магазины, гуляла по парку или заходила к одной из подруг, затем надо было готовить ужин и встречать Пита. Но сегодня...

Она взяла со стола книжку в мягкой цветастой обложке, но тут же, раздумав, положила ее обратно и направилась к битком набитой книгами полке Пита. Достав с нее потрепанный томик «Лорда Джима»*, она села в кресло. Когда она оторвала глаза от книги, день уже начинал клониться к вечеру.

Коринф встретился с Феликсом Мандельбаумом в лифте. Они были друзьями, что случается с соседями нечасто. Шейла, выросшая в маленьком провинциальном городке, быстро пере-знакомилась едва ли не со всем домом. Мандельбаумы жили на их этаже. Сара являла собой идеальную хаусфрау — полненькую, тихую, скромную, приятную и вместе с тем совершенно бесцветную. Муж был прямой противоположностью ей.

Феликс Мандельбаум родился пятьдесят лет назад в шумном и грязном нижнем Ист-Сайде; жизнь была его все эти годы, но он при случае с удовольствием давал ей ответного пинка. Он успел сменить множество профессий — от странствующего сборщика фруктов до классного механика и станочника. Во время войны он оказался за океаном, что способствовало не только раскрытию его таланта к языкам, но и научило его общению с самыми разными людьми. Тогда же началась и его карьера профсоюзного лидера. Он начинал с рядового члена профсоюза «Индустриальные рабочие мира» и собственным трудом добился своего ны-

* «Лорд Джим» — роман английского писателя Джозефа Конрада (1857—1924), увидевший свет в 1900 году.

нешнего относительно высокого положения. Официально он значился исполнительным секретарем местного профсоюза, на деле же он был известным специалистом в улаживании трудовых споров, с чьим мнением считались и в национальных советах. В молодости он увлекался радикальными идеями, что позволяло ему — как он любил выражаться — видеть радикализм изнутри. Теперь же он стал завзятым консерватором, защищавшим устои общества, — правда, клиентам этот его консерватизм обходился недорого. Он был самоучкой, хотя ему и нельзя было отказать в известной образованности или, скорее, начитанности. Из всех знакомых Коринфа в проворности он уступал разве что Нэту Льюису. Пита это очень забавляло.

— Привет, — сказал он. — Что-то ты сегодня припозднился.

— Я бы этого не сказал. — Мандельбаум говорил так же, как говорят все жители Нью-Йорка, — резко и отрывисто. Это был небольшой жилистый седобородый человечек с крупными грубоватыми чертами лица и живыми темными глазами. — Сегодня утром мне в голову пришла замечательная идея, — в этом-то все и дело. План реорганизации. Поразительно, что до этого еще никто не додумался. Канцелярские работы сократятся вдвое. Я составлял схему.

Коринф недоверчиво покачал головой:

— Феликс, американцы так привыкли к разного рода бумагам, что не отладут ни единого листочка.

— Ты не видел европейцев, — пробурчал в ответ Мандельбаум.

— Удивительно, — усмехнулся Коринф. — Удивительно, что эта идея пришла тебе в голову именно сегодня утром. (В следующий раз расскажи мне об этом поподробнее, — ты меня заинтриговал.) Сегодня я проснулся с готовым решением проблемы, которая мучала меня с месяца.

— Да? — Мандельбаум словно оценивал услышанное, вертел его перед собой, пробовал на ощупь. В конце концов он решил, что факт этот слишком малозначителен, чтобы обращать на него внимание. — Странно.

Лифт остановился, и они направились каждый в свою сторону. Коринф, как обычно, поехал на подземке. Машину он не приобретал, полагая, что она не окупит связанных с ней затрат. Оказавшись в вагоне, он тут же заметил, что там куда тише, чем обычно. Люди, казалось, никуда не спешили и вели себя на удивление учтиво, они были погружены в задумчивость. Он было заволновался и даже стал заглядывать в газеты, пытаясь понять, что же не так, но в них не было ничего сенсационного, разве что материал о собаке, которая неведомо как раскрыла холодильник, вытащила оттуда мясо и тут же была уличена в этом. Кроме этого газеты писали о локальных войнах в разных концах мира, о

забастовке, о демонстрации коммунистов в Риме и об автомобильной аварии, в которой погибло четыре человека.

Он вышел в нижнем Манхэттене и, слегка прихрамывая, направился к Институту Россмана, — идти нужно было всего три квартала. В свое время он попал в аварию, при этом пострадали его нос и правое колено. Последнее обстоятельство позволило ему избежать службы в армии, хотя своеобразным эквивалентом армейской службы можно было считать участие в Манхэттенском проекте, к которому он был привлечен сразу же по окончании колледжа.

При этом воспоминании он поморщился. Хиросима и Нагасаки лежали тяжелым грузом и на его совести. Сразу после войны он ушел оттуда, и не только потому, что хотел продолжить учебу или сменить затхлую атмосферу правительственного учреждения на нищую вольницу академического института, — это было бегство, вызванное нежеланием участвовать в преступлении. Потом последовали союз ученых-атомщиков, движение всемирных федералистов, партия прогресса... Все отличалось крайней несерьезностью, да и не могло быть иным, ибо строилось на клише, подобных тем, которыми было принято говорить о советской угрозе. Позднее он понял это и сам, лишний раз оценив прозорливость ученых, отказывавшихся играть в эти игры.

Впрочем, был ли его нынешний уход в исследовательскую работу, где для политики попросту не находилось места, где все обращались в безвольных потухших демократов, более разумным? Нэйтан Льюис, присвоивший себе титул реакционера, являлся председателем местного отделения республиканской партии, что не мешало ему быть законченным пессимистом, ни при каких обстоятельствах не терявшим бодрости духа, — он постоянно с кем-то или с чем-то боролся; Феликс Мандельбаум был не менее реалистичным, чем постоянный оппонент Питера Льюис, он тоже был полон сил и надежд и даже мечтал о создании подлинной Американской Рабочей партии. Рядом с ними Коринф чувствовал себя едва ли не ничтожеством.

И ведь при этом я куда моложе их!

Он вздохнул. С ним происходило что-то не то. Мысли так и лезли ему в голову, возникая словно ниоткуда. Давно забытые образы и идеи, связываясь в новые цепочки, ни на мгновение не оставляли его в покое. И это именно в тот день, когда он, какется, нашел решение своей проблемы.

Тут же навязчивый поток мыслей прекратился. Это тоже было необычно. Питер воспрянул духом.

Институт Россмана, громада из камня и стекла, занимал добрых полквартала, на фоне своих более старых соседей он казался архитектурным шедевром. Для ученых это был подлинный рай. Сюда стягивались все способные люди, где бы они прежде ни

жили и в каких бы областях ни работали, причем влекла их отнюдь не оплата, но, единственно, возможность беспрепятственно проводить свои исследования, имея в своем распоряжении первоклассное оборудование, чего не было ни в правительственных учреждениях, ни в промышленности, ни во многих университетах. Разумеется, без политики и злословия не обошлось и здесь, хотя роль их и была сведена к минимуму. Институт Перспективных Разработок был куда более открытым, динамичным и демократичным, чем любое другое подобное заведение. Некогда Льюис в разговоре с Мандельбаумом привел его как одно из доказательств того спорного положения, что привилегированный класс нуждается в культуре.

— Неужели вы считаете, что правительство станет выбрасывать деньги на ветер, и при этом предоставит институт самому себе?

— Конечно же нет. Достаточно вспомнить Брукхейвен*.

Обычно Мандельбаум был куда находчивее.

Коринф кивнул девушке, стоявшей у газетного киоска в холле института, поздоровался с парой знакомых и лишний раз посетовал на медлительность лифта.

— Седьмой, — сказал он автоматически, едва перед ним раскрылась кабина.

— Мне бы этого не знать, доктор Коринф, — усмехнулся лифтер. — Вы здесь работаете... минуточку... Да, — вы здесь работаете уже шесть лет. Верно?

Физик прикрыл глаза. Лифтер был неотъемлемой частью института. Они обменялись обычными любезностями, не имевшими ровным счетом никакого смысла. И вдруг Коринф увидел в лифтере человеческое существо, уникальный живой организм, частицу огромной безличной целокупности мира, имеющую собственное сердце... *«Что это со мной?» — изумился он. — Почему я вдруг об этом подумал?»*

— Знаете, сэр, — заговорил лифтер. — Вот что я подумал. Сегодняя утром просыпаюсь и тут же понимаю, что мне чего-то сильно не хватает... Работа, пенсия — все это хорошо, но их одних мало, понимаете? — Он на миг замолчал, выпуская из кабины пассажира, вышедшего на третьем этаже. — Кому я завидую, так это вам. Вы занимаетесь настоящим делом.

Лифт остановился на седьмом этаже.

— Но ведь вы при желании смогли бы посещать вечерние курсы, не так ли? — спросил Коринф.

* Брукхейвен — Брукхейвенская национальная лаборатория, на протонном синхротроне которой (так называемом космотроне) была выполнена значительная часть работ по изучению элементарных частиц.

— Возможно, я так и поступлю, сэр. Если вы будете столь любезны, что порекомендуете... Впрочем, об этом мы поговорим в другой раз. Мне надо спешить.

Двери бесшумно закрылись, и Коринф направился к своей лаборатории.

У него было два сотрудника, Иохансон и Грюневальд, два молодых энергичных человека, мечтавших со временем получить в свое распоряжение такие же лаборатории. И тот и другой уже сидели за своими столами. Коринф повесил пальто на вешалку.

— Доброе утро.

— Привет.

— Утро доброе.

— Ты знаешь, Пит, — начал Грюневальд, стоило шефу занять свое место. — Кажется, я понял, как должна выглядеть эта схема...

— *И ты, Брут...* — пробормотал Коринф, усаживаясь на стул. — Ну что ж, давай поговорим.

Находка Грюневальда и его собственная идея походили друг на друга как две капли воды. Иохансон, который обычно молчал, на сей раз принимал в обсуждении живейшее участие. Не прошло и получаса, как они стали покрывать бумагу таинственными символами электронных устройств и элементов, пытаясь начертать искомую схему.

Вполне возможно, институт вовсе не был пустой прихотью Россмана, хотя, имея такой банковский счет, можно было стать и альтруистом. Чистая наука способствует прогрессу промышленности. Россман нажил свое состояние на производстве легких металлов, его предприятия занимались и обогащением руды, и выработкой готового продукта. Помимо этого он занимался и дюжиной иных проектов. Официально он практически отошел от дел, хотя все нити оставались в его руках. Даже бактериология могла принести существенную прибыль — не так давно в институте была закончена работа по экстракции нефти из сланцев. Перспективной была и тема Коринфа — исследование межмолекулярных связей в кристаллах, она могла существенно повлиять на развитие металлургии. Грюневальд уже довольно потирал руки, предвосхищая ту известность, которую им должна принести эта разработка. К обеду ими была составлена система дифференциальных уравнений в частных производных, которую в их машинное время следовало ввести в компьютер. После этого все занялись разработкой схем устройства.

Зазвонил телефон. Это был Льюис, приглашавший их отобедать вместе.

— У меня такая запарка, ты даже не представляешь... — ответил Коринф. — Наверное, я попрошу, чтобы мне принесли парочку сандвичей...

— Либо я поступлю так же, как и ты, либо мы куда-нибудь зарулим, — перебил Льюис. — Давай — говори, что я должен делать.

— Ладно, ладно... Буфет устроит?

— Если ты хочешь набить себе брюхо, то да. — Льюис предпочитал трехчасовые пиршества с вином и скрипками, к которым он привык в Вене, где он жил до аншлюса*. — В час жду тебя там. Народ к этому времени уже схлынет.

— Договорились.

Коринф повесил трубку и с прежним экстазом взялся за работу. Когда он посмотрел на часы, была уже половина второго. Сыпя проклятиями, он ринулся вниз.

Льюис уже садился за стол, когда перед ним вырос Коринф, державший в руках поднос.

— По твоему тону я сразу понял, что ты опоздаешь, — сказал Льюис. — Что будешь брать? Обычный набор: захлебнувшиеся в снятом молоке мышата, филе морского ежа, печеный повар... Н-да...

Он морщась отхлебнул кофе.

Льюис, невысокий коренастый человек сорока восьми лет от роду, был несколько полноват и лыс. Из-за очков в тонкой оправе на Питера смотрели его умные пронизательные глаза. Он был душой любой компании, правда, восемь лет, проведенных им в Европе, сильно повлияли на его вкусы и пристрастия. Теперь он говорил, что ходить в рестораны его заставляют чисто гастрономические интересы.

— Льюис, — сказал Коринф с заносчивостью новообращенного, — тебе явно нужно жениться.

— Когда-то я считал так же. Ветреная юность миновала, и нужно было как-то устраиваться в этой жизни. Но... Но теперь говорить об этом поздно. — Он набросился на жаркое и, набив полный рот, продолжил: — Теперь меня больше интересуют исторические аспекты биологии.

— Ты говорил, что у тебя возникли какие-то проблемы...

— Главным образом это касается моих ассистентов. Сегодня все какие-то нервные. Юный Робертс носится с дичайшими идеями... Впрочем, такова уж моя работа. Я уже говорил тебе о ее сути? Я занимаюсь изучением нервных клеток — нейронов. Пытаюсь сохранять им жизнь в различных искусственных средах и наблюдаю за тем, как изменяются в зависимости от внешних условий их электрические свойства. Работая с живой тканью, мы в основном используем технику Линдберга—Каррела. Все шло более или менее неплохо, но сегодня при проведении

* Аншлюс — насильственным включением Австрии в состав Германии, произошедшее в 1938 году.

стандартных замеров мы вдруг получили совершенно иные результаты. Я стал проверять все образцы — один за другим. Оказалось, что изменились они все!

Коринф изумленно вскинул брови и какое-то время жевал молча.

— Может быть, что-то не так с аппаратурой?

— Я бы этого не сказал. Все осталось прежним — изменились лишь клетки. Сдвиг не большой, но вполне заметный. — Льюис оживился и заговорил совсем иным тоном. — Ты знаешь, как работают нейроны? Как цифровая вычислительная машина. Она стимулируется... э-э-э... раздражителем, срабатывает и на какое-то время теряет активность. Сигнал при этом передается следующему нейрону нерва, который ведет себя точно так же — срабатывает и на какое-то время отключается. И вот, оказывается, эта картина в одночасье изменилась. Время инактивации стало на сколько-то там микросекунд меньше, понимаешь? Это означает, что система как целое стала реагировать на стимулы куда быстрее. Увеличилась и интенсивность передаваемого сигнала.

Коринф на мгновение задумался и, растягивая слова, ответил:

— Вполне возможно, ты столкнулся с чем-то действительно серьезным...

— В чем причина столь замечательного эффекта? Среда, аппаратура — все такое же, как вчера. Тут одно из двух — либо я кандидат на получение Нобелевской премии, либо — небрежный экспериментатор!

Очень медленно, словно боясь говорить об этом вслух, Коринф произнес:

— Странно, что это случилось именно сегодня...

— Что?

Коринф поведал ему о собственных успехах.

— Более чем странно... — согласился биолог. — И гроз в последнее время не было, — это я к тому, что озон стимулирует умственную деятельность. Впрочем, мои культуры находятся под стеклом...

Глаза Льюиса странно блеснули. Коринф оторвал взгляд от стола.

— Смотри-ка, и Хельга сюда пожаловала! Интересно, отчего она сегодня так поздно? Эй, привет!

Он поднялся на ноги и жестом пригласил Хельгу Арнульфсен сесть за их столик. Взяв свой поднос, она направилась в их сторону.

Это была высокая, стройная, интересная женщина с собранными в тугую узел длинными светлыми волосами. Она была бы еще привлекательнее, если бы не ее необыкновенная энергия и совершенно неженская жесткость. За годы, прошедшие со вре-

мени окончания войны, она сильно изменилась. Когда Коринф проходил в Миннесоте докторантуру, она изучала там же журналистику. Часто они проводили время вместе, хотя уже и тогда Коринф не мог думать ни о чем ином кроме своей работы, что не мешало ему серьезно увлечься совсем иной особой. Потом они переписывались, и он помог ей устроиться секретаршей в Институт. С той поры прошло всего два года, а Хельга уже была старшим референтом, причем справлялась она со своей работой блестяще.

— Ох! Ну и денек! — Быстрым движением руки она пригладила волосы, после чего, посмотрев на Коринфа, устало улыбнулась. — Все, кого ни возьми, вдруг оказались в незавидном положении. При этом крайняя, как всегда, я. Герти стала выкидывать фокус за фокусом...

— Что?! — испуганно спросил Коринф. Он очень рассчитывал на то, что большой компьютер решит систему уравнений в этот же день. — Что произошло?

— Это знают только Бог... и Герти. Но нам они ничего не скажут. Утром Алланби запустил тестовую программу, и она вдруг не прошла. Речь идет о каких-то мелочах, но и их вполне достаточно, чтобы свести все вычисления на нет. Он возится с ней с тех самых пор, пытаясь отыскать неисправность, но пока это ему не удастся... Мне же придется заново составлять все расписания!

— Странное дело, — пробубнил Льюис.

— Что-то непонятное происходит и с другой аппаратурой, — в первую очередь, речь идет об отделах физических и химических исследований. Поляриметр Мюркисона дает ошибку... в целую десятую процента!

— Да ну! — Льюис подался вперед, от изумления у него отвисла челюсть. — Так, может, это не нейроны, а аппаратура? Нет, нет, это невозможно... Слишком уж заметный скачок... Хотя, если все инструменты врут...

Он выругался по-немецки, хотя глаза его сияли по-прежнему.

— И еще. Сегодня всех вдруг будто осенило, — продолжила Хельга. — У всех какие-то там новые идеи, всем нужна центрифуга и все такое прочее. Когда я напомнила им, что существует определенная очередность, они меня чуть не съели!

— Говоришь, все это случилось именно сегодня? — Коринф отодвинул от себя десерт и достал из кармана пачку сигарет. — «Все удивительней и удивительней», — сказала Алиса. — Глаза его вдруг расширились, а рука, чиркнувшая спичкой по коробку, едва заметно дрогнула. — А что, если это...

— Явление глобальное? — продолжил Льюис с едва скрываемым волнением. — Может, так оно и есть... Хорошо бы с этим разобраться.

— О чем это вы? — удивленно спросила Хельга.

— Это мы о своем...

Пока она ела, Коринф успел рассказать ей обо всем. Льюис все это время сидел молча, задумчиво покуривая сигару.

— Гм-м... — Хельга принялась нервно постукивать пальцами по столу. Ногти свои она не красила. — Звучит любопытно. Все нервные клетки, включая и те, из которых состоит наш мозг, стали функционировать... быстрее, так?

— Все еще серьезней, — попробовал усмехнуться Коринф. — Что-то произошло на более глубоком уровне... Электрохимический феномен? Я полагаю, лучше не гадать, а заняться изучением этой проблемы вплотную.

— Да. Я предоставляю это право тебе. — Хельга закурила. — Не мне ломать голову над подобными проблемами — у меня и без того хватает дел. — Она посмотрела на Коринфа с нежной улыбкой, которой устаивались очень немногие. — Да, а как поживает Шейла?

— Все в порядке. Как ты?

— Нормально.

Она сказала это совершенно безразличным тоном.

— Ты обязательно должна побывать у нас в гостях. — Он пытался поддержать вежливый разговор, хотя уже не мог думать ни о чем, кроме новой проблемы. — Давненько тебя не было. Можешь прийти не одна.

— Ты имеешь в виду Джима? На прошлой неделе я дала ему отставку. Сама же я зайду непременно. — Она встала из-за стола. — Ну что — по местам?.. До встречи.

Она направилась к столику кассира. Коринф — неожиданно для себя — пробормотал вслух, проводив ее взглядом:

— Интересно, почему ей не везет с мужчинами? Она ведь и собой хороша, и достаточно умна...

— Она этого не хочет, — хмыкнул в ответ Льюис.

— Да, похоже на то... А ведь в Миннеаполисе она была совсем другой. Что с ней могло стрястись?

Льюис пожал плечами.

— Думаю, тебе это известно, — сказал Коринф. — Ты почему-то всегда понимал женщин лучше. И ты ей нравишься больше всех прочих.

— Нам обоим нравится музыка, — буркнул в ответ Льюис. По его мнению, в ней после 1900 года не было создано ничего сколь-нибудь значимого. — И мы оба умеем держать язык за зубами.

— Ладно, ладно, — засмеялся Коринф, поднимаясь из-за стола. — Пойду-ка я в лабораторию. Конечно, жаль расставаться с фазовым анализатором, но эта новая проблема... — Он сделал небольшую паузу. — Слушай, а почему бы не разделить эту ра-

боту между всеми? Каждый сделает что-то свое, понимаешь? Тогда мы быстро со всем этим разберемся.

Льюис молча кивнул и последовал за Коринфом.

К вечеру результат уже был известен. Едва Коринф взглянул на цифры, он почувствовал, как все у него внутри похолодело. Он вдруг почувствовал себя крошечным и ничтожным.

Изменились все электромагнитные явления.

Речь шла о каких-то долях процента, но это было уже неважно. То обстоятельство, что физические константы изменились, обращало в прах сотни теорий. Проблема в силу своей тонкости была достаточно сложной. Как узнать истинное значение тех или иных величин, если известно, что средства измерения тоже изменились, поскольку их характеристики определяются интересующими нас величинами?

И все же существовали пути решения проблемы. В этом мире нет ничего абсолютного, все существует во взаимосвязи — одни величины определяются другими, другие — третьими, и так далее. Важно именно это.

Коринф занимался определением электрических постоянных. Для металлов они оставались такими же или почти такими же, однако у изоляторов существенно изменились удельное сопротивление и диэлектрическая проницаемость — они стали чуть-чуть ближе к проводникам.

Лишь в сложных прецизионных устройствах, таких, как компьютер «Герти», изменение электромагнитных характеристик могло привести к сколь-нибудь заметным проявлениям. И все же самым сложным и самым сбалансированным устройством, известным человеку, был не компьютер, а живая клетка. Самыми же развитыми клетками были нейроны коры головного мозга. Здесь изменения были просто явными. Незначительные электрические импульсы, представляющие работу нейрона — активность чувств, моторные реакции, мысли, — распространялись быстрее и имели большую величину.

Изменения могли только начинаться.

Хельга поехала.

— Ух как выпить хочется, — пробормотала она.

— Я знаю здесь один бар, — отозвался Льюис. — Я составлю вам компанию, а потом снова вернусь на работу. Ты как, Пит?

— Я иду домой, — ответил физик. — Желаю весело провести время.

Последние слова Коринф произнес еле слышно. Он спустился вниз и вышел из Института, даже не заметив того, что в холле уже не горит свет. Другим происходящее все еще представлялось чем-то замечательным, он же не мог удержаться от мысли о том, что Вселенная одним небрежным движением подвела человека к

последней грани... Интересно, что могло произойти при этом с прочими живыми телами, с жизнью как таковой?

На этот час они сделали все, что было в их силах. Они провели все возможные замеры. Хельга связалась с вашингтонским Бюро стандартов и известила их о полученных результатах. В ответ ей сказали, что подобные же сообщения были получены Бюро и от других институтов, находящихся в разных частях страны. «Завтра, — подумал Коринф. — *По-настоящему они поймут это завтра*».

На улице — а это был все тот же Нью-Йорк — в этот вечерний час все было как и всегда, разве что несколько потише. Он купил на углу газету и тут же кинулся ее просматривать. Может быть, он ошибается? Или же все-таки нечто едва уловимое проникло и на страницы газет, ничуть не смутив бдительных редакторов, изменившихся вместе со всем миром? Ни о чем сколь-нибудь значимом речь в газете не шла — событие было слишком грандиозным для того, чтобы за столь краткое время возможно было оценить его масштаб; не изменился и мир — он рушился, снесаемый войнами, волнениями, подозрениями, страхами, ненавистью и алчностью, — он был смертельно болен.

Коринф поймал себя на том, что он уже минут десять просматривает первую полосу «Таймс». Он сунул газету в карман и поспешил к подземке.

Глава 3

Всюду происходило что-то неладное. Утром исполненный негодования крик заставил Арчи Брока броситься к курятнику. Там он увидел Стэна Уилмера, в одной руке тот держал ведро с кормом, другой — грозил небесам.

— Ты только посмотри! — крикнул Уилмер. — Полюбуйся!

Брок просунул голову за дверцу курятника и присвистнул от изумления. Все было перевернуто вверх дном. Пара окровавленных мертвых птиц неуклюже распласталась на полу, несколько курочек нервно кудахтало на насестах. Куда подевались остальные куры, можно было только гадать.

— Похоже, кто-то забыл закрыть дверцу, а ночью сюда пожаловали лисы, — сказал Брок.

— Да. — Уилмер нервно сглотнул. — Какой-то сукин...

Брок вспомнил о том, что курятником занимался сам Уилмер, но решил не говорить об этом вслух. Тот, видимо, подумав о том же, на мгновение осекся, но тут же, нахмурившись, продолжил:

— Не знаю... Вечером, прежде чем отправиться спать, я как обычно зашел и сюда... Все было нормально — могу в этом поклясться, — и дверца была закрыта, и крючок накинута. Я работаю здесь уже пять лет, но никогда ничего подобного со мной не случилось.

— Может быть, дверцу открыли попозже? Уже после того, как стемнело?

— Да. Похититель кур... Странно, что собаки при этом не залаяли — как только поблизости появляется какой-нибудь человек, они тут же начинают тявкать. — Уилмер нервно пожал плечами. — И все-таки кто-то ведь ее должен был открыть.

— А потом сюда пришли лисы. — Брок носком ноги перевернул одну из мертвых птиц. — Их скорее всего вспугнули собаки.

— После чего курочки разбрелись по лесу... Чтобы их собрать, нужно не меньше недели — если, конечно, они уцелеют. Вот напасть, так напасть!

Уилмер помчался неведомо куда, забыв прикрыть дверцу курятника. Брок сделал это за него, поражаясь собственной осмотрительности и здравомыслию.

Он вздохнул и вернулся к работе. Сегодня все животные вели себя как-то беспокойно. Арчи чувствовал, что и с его головой что-то явно не так. С тех пор как ему в голову стала лезть всякая всячина, прошло уже две ночи. Должно быть, в округе ходила какая-то эпидемия — что-нибудь вроде лихорадки.

Он решил в ближайшие дни поговорить об этом со сведущими людьми. Работы сегодня у него было предостаточно — нужно было распахать только что расчищенную от леса северную делянку. Трактора были заняты на культивации, поэтому пахать он должен был на лошадках.

Ему это нравилось. Брок любил животных и ладил с ними куда лучше, чем с людьми. Конечно, последние годы его никто не обижал, но прежде, когда он был ребенком, его дразнили дети, потом у него возникали неприятности, связанные с машинами, а однажды он испугал двух девочек и его побил брат одной из них... С тех пор прошло уже много лет. Теперь господин Россман говорил ему, что можно делать, а чего нельзя, — он как бы опекал его, — и тут же все неприятности исчезли сами собой. Теперь он мог запросто пойти в таверну и попить там пива вместе со всеми.

С минуту он стоял на месте, поражаясь собственным мыслям и той боли, которую они ему причиняли. *«Со мной все в порядке, — подумал он. — Хотя и не умник, зато не слабак. Господин Россман сказал, что я у него лучший работник».*

Он пожал плечами и направился к конюшне. Арчи был молодым человеком среднего роста, крепким и мускулистым, с крупными чертами лица и круглой головой с рыжими волосами, стриженными под «ежик». Синяя его роба была сильно поношенной, но чистой; госпожа Берген, жена старшего управляющего, в доме которого снимал комнату Арчи, следила за тем, чтобы их постоялец выглядел прилично.

В просторной конюшне царил полумрак, пахло лошадьми и сеном. Стоило Арчи набросить сбрую на коренастых першеронов,

как они тут же начали пофыркивать и бить копытами. Это было странно — прежде лошадок отличало крайнее спокойствие.

— Ну, ну, что ты... Успокойся, Том... Тпру! Джерри, полегче!

Они немного присмирели, и он вывел их наружу. Привязав лошадей к столбу, Арчи отправился в сарай за плугом.

Вокруг него, резвясь, носилась его собака по кличке Джо — высокий ирландский сеттер, шерсть которого на солнце отливала золотом и медью. Конечно, на самом деле Джо принадлежал господину Россману, но сильнее всего он был привязан именно к Броку, в обязанности которого входила и забота об этой собаке.

— Что ты, дружок, что ты... А ну-ка перестань! Слышишь? Что это с тобой сегодня?

Отсюда было видно все поместье: с одной стороны — фермы, с другой — укрывшиеся зеленью деревьев домики для наемных работников, за ними — леса, раскинувшиеся на многие и многие акры. Меж этой частью поместья и огромным белым домом, в котором жил хозяин всех здешних земель, были и луга, и сады, и огороды. Что до самого дома, то он теперь был практически пуст — дочери господина Россмана повыходили замуж, а его жена умерла. Сам господин Россман сейчас был здесь — он приезжал сюда, на север штата Нью-Йорк, в основном для того, чтобы ухаживать за своими цветами. Брок никак не мог взять в толк, для чего могут быть нужны такому миллионеру, как господин Россман, все эти розы. Конечно, со старыми людьми случается и не такое, и все же...

Ворота сарая со скрипом отворились, и Брок выкатил наружу тяжеленный плуг. «Не многим такое под силу», — подумал он с гордостью. Заметив, как застыли лошади при виде плуга, Брок усмехнулся. Эти твари были на удивление ленивы и при малейшей возможности пытались увильнуть от работы.

Он подвел плуг к столбу, повернул дышло и запряг лошадей. После этого одним ловким движением он отвязал поводья от столба, уселся на плуг и, стегнув лошадей по их широким спинам, скомандовал:

— Но-о!

Лошади стояли на месте, лениво перебирая ногами.

— Вы что — оглохли?! Но-о!!!

Том начал пятиться.

— Тпру! Тпру!

Свободным концом вожжей Брок сильно огрел коня по спине. Том захрапел и ударил своим огромным копытом по дышлу. То сломалось, словно спичка.

Долгое время Брок сидел на месте, не в силах вымолвить ни слова. Наконец он затряс своей рыжей головой и пробормотал:

— Это слу-чайность... Случайность. -

Все звуки разом стихли. Брок вспомнил о том, что в сарае лежит еще одно — запасное — дышло. Прихватив новое дышло и парочку инструментов, он вернулся к упряжке и стал снимать разбитую оглоблю.

— Стойте! Стойте! Эй!!!

Брок удивленно поднял глаза, и тут же слуха его достиг безумный визг и рев. Мимо него промчалась огромная черная свинья, за ней — другая, третья... Свиньи сбежали из свинарника!

— Джо! — закричал он, несколько удивившись быстроте своей реакции. — Останови их, Джо! Гони их назад!

Собака поняла все с полуслова и молнией устремилась вслед за свиньями. Обогнав ту, что бежала впереди, она стала кусать ее, отчего свинья с ревом повернула назад и с такой же скоростью устремилась в обратном направлении. Джо побежал за следующей свиньей. Со стороны загона выбежал Стэн Уилмер. Лицо его было белес снега.

Брок перекрыл путь еще одной свинье. С четвертым животным его постигла неудача — свинья, торжествующе хрюкая, скрылась в лесу. Через несколько минут большинство свиней было уже в загоне, улизнуть удалось немногим.

Уилмер никак не мог отдышаться. Голос его от волнения стал хриплым.

— Я все это видел своими собственными глазами, — прохрипел он. — Боже, какой ужас! Это ведь невозможно!

Брок перевел дух и отер пот с лица.

— Ты слышишь?! — Уилмер схватил его за руку. — Я видел все это собственными глазами! Свиньи сами открыли ворота!

— Да ну?!

От изумления у Брока отвисла челюсть.

— Я же говорю — я сам это видел! Одна из них встала на задние ноги и мордой сняла крючок! Это сделала именно свинья! А все остальные стояли рядом с ней и ждали, когда загон откроется! Понял?

Из-за деревьев появился Джо. Он гнал перед собой жалостно повизгивающую свинью. Видно было, что та сдалась, — она покорно бежала напрямик к воротам загона. Уилмер приоткрыл ворота, пропуская ее вовнутрь.

— Хороший мальчик, хороший! — сказал Брок, потрепав сеттера по шелковистой голове. — Умный пес!

— Уж слишком он у тебя умный. — Уилмер прищурился. — Он когда-нибудь этим занимался?

— Наверняка, — ответил Брок без тени сомнения.

Джо тем временем вновь понесся к лесу.

— Опять отправился охотиться за свиньями. — В голосе Уилмера слышались нотки ужаса.

— Конечно. Он ведь у нас умница.

— Надо бы поговорить об этом с Биллом Бергеном...

Уилмер зашагал прочь. Посмотрев ему вслед, Брок пожал своими широкими плечами и вновь занялся делом. К тому времени как он приладил новое дышло, Джо пригнал к загону еще двух свиней и теперь сидел возле ворот.

— Хороший, — похвалил собаку Брок, — я попрошу, чтобы тебе за это косточку дали...

Он переаппряг Тома и Джерри, которые, казалось, были очень довольны происходящим.

— Ладно, бездельники, — отдохнули и хватит... Но-о!

Лошади медленно попятились назад.

— Эй!!! — изумленно воскликнул Брок.

На этот раз дышло осталось цело. Двигаясь очень медленно, кони наступили на плуг, и под их тяжестью резец лопнул. Брок почувствовал, что еще немного, и он сойдет с ума.

— Нет... — еле слышно пробормотал он.

Когда Уилмер узнал о том, как вели себя лошади, у него едва не случился припадок. Берген стоял рядом, фальшиво посвистывая.

— Даже не знаю... — Он почесал свою рыжеватую голову. — Значит, так. Все работы, связанные с животными — разумеется, кроме дойки и кормления, — мы временно прекращаем. Все ворота запираем на замки и нанимаем кого-нибудь для того, чтобы следить за внешней оградой... Старик у доложу обо всем.

— Мне бы ружьишко не помешало, — сказал Уилмер.

— Ну что ж, с этим спорить я не стану, — согласно кивнул Берген.

Арчи Броку было поручено наблюдать за четырехмильной лесной границей владений Россмана. Он с удовольствием отправился туда, прихватив с собой ошалевшего от счастья Джо.

Как тихо было в лесу! Сквозь недвижные зеленые ветви то тут, то там пробивались яркие лучики солнца. Сквозь просветы в кронах деревьев виднелось голубое небо, на котором в этот день не было ни облачка. Ветер совершенно стих. Кроме хруста веточек под его ногами и тихого шелеста раздвигаемых им трав, в лесу не было слышно ни звука. Птицы почему-то смолкли, белки куда-то скрылись, овцы, любившие пастись на здешних полянах, ушли в лесную чащу. Этот зеленый мир, казалось, чего-то ждал, к чему-то готовился.

Может быть, скоро начнется гроза?

Он покачал головой. Легко представить, как испугаются люди, если животные вдруг поумнеют. Люди держат их взаперти, кастрируют, заставляют работать, убивают, снимают с них шкуры, едят их. Если животные станут умными, они этого уже не допус-

тят. Взять Тома и Джерри. Они всегда были на редкость покладистыми, зато теперь...

Стоп! Может быть, умнее стали и люди? Последние два дня они были куда разговорчивее, чем обычно, и говорили они не только о погоде и соседях, но и рассуждали о том, кто победит на предстоящих выборах и в чем состоят преимущества автомобилей с задним расположением двигателя. Конечно, разговоры на подобные темы велись и прежде, но они случались куда реже и не вызывали такого интереса. Госпожа Берген, которая прежде только и знала, что смотреть телевизор, неожиданно стала читать журнал, что тоже было необычно.

«Я тоже становлюсь умнее!»

Эта мысль поразила его как удар грома. Он долго стоял на месте, боясь шелохнуться. Джо подбежал к нему и стал удивленно обнюхивать его руку.

«Я становлюсь умнее!»

В этом можно было не сомневаться. Он вспоминал и говорил странные, чуждые ему прежде вещи. Умнел не только он — умнел весь мир.

«Я умею читать, — сказал Брок самому себе. — Хотя и не очень хорошо. Они научили меня ал-фа-виту — я умею читать комиксы. Может быть, теперь я пойму и настоящую книгу?»

В книгах содержались ответы на вопросы, которые возникли у него так внезапно, речь в них шла о солнце, луне и звездах, о том, почему бывают зима и лето, для чего нужны президенты и отчего случаются войны, о том, кто живет на обратной стороне Земли, и...

Он затряс головой, не в силах совладать с той странной, неведомой ему силой, которая заставляла его удивляться, заставляла спрашивать, искать. Он никогда ничем не интересовался. Нечто происходило и тут же забывалось. Так было всегда. *«Но... — Он изумленно посмотрел на собственные руки. — Кто я? Что я здесь делаю?»*

Внутри у него все словно кипело. Он прислонился лбом к прохладному стволу дерева, слушая, как в ушах стучит кровь.

«Боже, пусть так будет. Пусть я стану таким, как другие...»

Наконец ему удалось справиться с собой и он направился дальше, проверяя, как ему и было сказано, состояние ограды.

Вечером, покончив с делами, он надел чистый костюм и пошел к большому дому. Господин Россман сидел на веранде, покуривая трубку и перелистывая своими тонкими пальцами толстенную книгу. Брок скромно остановился в сторонке и, сняв с головы кепку, стал терпеливо ждать, когда его заметит хозяин.

— О, привет, Арчи, — подняв глаза от книги, удивленно протянул Россман. — Как у тебя дела?

— Все хорошо, спасибо большое. — Брок мямл в руках кепку, переминаясь с ноги на ногу. — Можно с вами поговорить?

— Разумеется. Поднимайся сюда. — Господин Россман отложил в сторону книгу. — Присаживайся.

— Нет, нет, спасибо. Я... — Брок облизнул внезапно пересохшие губы. — Мне у вас надо кое о чем спросить.

— Можешь не стесняться, Арчи, — я слушаю. — Господин Россман, расслабившись, откинулся на спинку кресла. Он был высоким художавым человеком с тонкими чертами лица, принявшего в эту минуту несколько горделивое выражение, и с совершенно седыми волосами. Родители Брока когда-то снимали у него жилье. Когда стало понятно, что их сыну в этой жизни надеяться особенно не на что, он взял мальчика под свою опеку. — У тебя все в порядке?

— М-м-м... Я хотел бы поговорить о том, что недавно произошло... Об этом самом изменении.

— Что? — Россман нахмурился. — Каком таком изменении?

— Вы знаете. Животные стали умными и непослушными.

— Ах это... — Россман выпустил изо рта целое облако дыма. — Скажи мне, Арчи, а ты в себе никаких изменений не ощущаешь?

— Да, то есть... ну да, — наверное, да...

Россман с пониманием закивал:

— Ну конечно же... В противном случае ты не пришел бы сюда...

— Что происходит, господин Россман? Что случилось?

— Я не знаю, Арчи. Этого никто не знает. — Старик вздохнул. Сумерки быстро сгустились. — Почему ты решил, будто что-то не так? Может быть, все как раз так?

— Выходит, вы не знаете...

— Нет. Этого не знает никто. — Бледная, исчерченная синими жилками рука Россмана коснулась газеты, лежавшей на столе. — Они ограничиваются неясными намеками. Но скрыть ничего невозможно. Я уверен, им известно куда больше, но правительство, опасаясь паники, ограничивает свободу информации... — Он зло усмехнулся. — Словно можно скрыть то, что охватило весь мир! Там, в Вашингтоне, они будут упорствовать до последнего!

— Но, господин Россман... — Брок воздел руки к небу, но тут же бессильно опустил их. — Что мы можем сделать?

— Мы должны ждать. Ждать и быть начеку. Скоро я отправлюсь в город. Мне самому хотелось бы понять происходящее... Эти мои умники в Институте должны были...

— Вы уезжаете?!

Россман улыбнулся и утвердительно кивнул:

— Бедный Арчи. Как ужасно быть беспомощным, правда? Иногда мне кажется, что люди боятся смерти именно по этой причине — от нее невозможно уйти, она неизбежна! Впрочем, и фатализм — всего лишь попытка уйти от этих мыслей... Мы несколько отвлеклись от темы, не так ли?

Он долго курил молча. Летний сумрак наполнился стрекотанием насекомых и шорохом трав.

— Да, — сказал он наконец. — Это чувствую даже я. И это не слишком-то приятно... Я говорю не о нервозности и не о ночных кошмарах — их, я полагаю, можно объяснить физиологией, — я имею в виду мысли... Я привык считать себя неплохим мыслителем — и в смысле сообразительности, и в смысле логики. Теперь же во мне появилось нечто такое, чего я совершенно не понимаю. Порой вся моя жизнь начинает казаться мне немощным бессмысленным карабканьем. И все же я считаю, что близким и стране я всегда служил верой и правдой и кое-что для них все-таки сделал. — Он вновь заулыбался. — Надеюсь, мне удастся увидеть конец всего этого... Как это должно быть интересно!

На глаза Брока навернулись слезы.

— Что я должен буду делать?

— Делать? Жить. Проживать день за днем. Разве человек способен на что-то иное? — Россман поднялся из кресла и положил руку Броку на плечо. — И еще — всегда думай. Ты и твои мысли должны оставаться здесь, они должны касаться земного, иначе они обратятся в ничто. Ни в коем случае не уступай права мыслить другим, пусть тебе и предложат совершить за тебя все твои ошибки. Мне пришлось сыграть в твоей жизни роль феодала, Арчи, но похоже, необходимости в этом уже нет.

Брок не понял и половины обращенных к нему слов, однако сделал для себя вывод, что ничего особенно страшного с миром не происходит.

— Я вот что хотел... — смущенным тоном сказал Арчи. — Можно взять у вас какие-нибудь книги? Может быть, я теперь и читать смогу.

— Конечно, Арчи, конечно! Идем в библиотеку. Посмотрим, с чего тебе лучше будет начать...

Глава 4

Подборка отдельных заголовков номера «Нью-Йорк таймс» от двадцать третьего июня:

**ПРЕЗИДЕНТ НЕ ВИДИТ ОПАСНОСТИ
В «МОЗГОВОМ» УСКОРЕНИИ**

**«СПОКОЙНО ОТПРАВЛЯЙТЕСЬ НА РАБОТУ, —
СОВЕТУЮТ В БЕЛОМ ДОМЕ. — НИЧЕГО
СТРАШНОГО С НАМИ НЕ ПРОИСХОДИТ».**

**Американские ученые работают над проблемой — скоро
ответ будет найден**

**ФОНДОВУЮ БИРЖУ ЛИХОРАДИТ — ВЗГЛЯД
С УОЛЛ-СТРИТ**

Спад торговой активности приведет к краху рынка
ценных бумаг

Америке угрожает рецессия — мнение специалиста
ВОЕННЫЙ МЯТЕЖ В КИТАЕ

КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО
ОБЪЯВЛЯЕТ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
В ЛОС-АНДЖЕЛЕСЕ ОСНОВАНА НОВАЯ РЕЛИГИЯ
Сойер объявляет себя «Третьим Ваалом» перед тысячами
собравшихся

ФЕССЕНДЕН ТРЕБУЕТ СОЗДАТЬ МИРОВОЕ
ПРАВИТЕЛЬСТВО

Дебаты в Сенате: изоляционистская позиция Айовы

ПО МНЕНИЮ ДЖОНСОНА, МИРОВОЕ
ПРАВИТЕЛЬСТВО НЕ СПРАВИТСЯ
С СУЩЕСТВУЮЩИМИ ПРОБЛЕМАМИ
СЕНАТОР ОТ ШТАТА ОРЕГОН ТРЕБУЕТ ВОЗВРАТА
К ПРОШЛОМУ

Бунт в приюте для слабоумных
АЛАБАМСКИЙ БЕСПРЕДЕЛ

Конференция.

Все работали допоздна; встреча, которую устраивал у себя Коринф, началась только в десять. Шейла, как и обычно, приготовила сандвичи и кофе и, сев в уголке, стала тихо беседовать с Сарой Мандельбаум. Время от времени они поглядывали на своих супругов, как ни в чем не бывало игравших в шахматы. Чувствовалось, что обе изрядно напуганы.

Так хорошо, как сейчас, Коринф не играл еще никогда. Раньше они с Мандельбаумом играли примерно на равных, при этом если физик играл неспешные хорошо продуманные партии, то профсоюзный деятель больше полагался на неожиданные импровизации. Однако сегодня молодой человек был слишком рассеян. Он вынашивал замыслы, которые поразили бы своей глубиной и самого Капабланку, но Мандельбаум при этом умудрялся прорываться через линии обороны противника, срывая его расчеты самым что ни на есть варварским образом. Наконец Коринф со вздохом отсел от стола.

— Я сдаюсь, — сказал он. — Через семь ходов мне будет мат.

— Не совсем так... — Мандельбаум указал своим кривым пальцем на королевского слона. — Если ты походишь им сюда, а потом...

— Да, да — ты прав... Это уже неважно. У меня, честно говоря, нет настроения играть. Куда Нэт запропастился?

— Придет. Можешь не волноваться.

Мандельбаум пересел в кресло и принялся набивать табаком свою трубку.

— Не понимаю, как ты можешь сидеть, в то время как...

— В то время как рушится мир? Послушай, Пит, сколько себя помню, это происходило всегда. Сказать, что сейчас что-то существенно изменилось, я не могу, — как говорится, пушки еще не заговорили.

— Они могут сделать это в любую минуту. — Коринф, заложив руки за спину, подошел к окну. Город был полон огней. — Феликс, неужели ты не понимаешь, что этот новый фактор в корне изменит всю нашу жизнь, если, конечно, мы выживем... Определенный тип людей строил это общество для себя. Теперь человек стал другим, понимаешь?

— Очень в этом сомневаюсь. — Мандельбаум чиркнул спичкой о подошву своего башмака, и та, громко зашипев, вспыхнула ярким пламенем. — Мы все те же скоты, что и прежде.

— Каким был твой Ай-Кью до сдвига?

— Понятия не имею.

— Неужели тебя никогда не тестировали?

— Ну почему же. Куда бы я ни поступал на работу, наниматели всегда интересовались моим интеллектом. Меня же результат тестирования никогда особенно не волновал. Сам посудди — что в нем особенного?

— Это еще как сказать. Тест выявляет умение оперировать данными, абстрагироваться от избыточной...

— При этом предполагается, что ты белый, принадлежащий к евро-американской культурной традиции. Тест создавался для представителей именно этой культуры. Бушмену из Калахари казалось бы странным то обстоятельство, что здесь не выявляется способность тестируемого отыскивать воду. Для него это куда важнее умения манипулировать числами. Я не хочу преуменьшать роли визуализации и логических способностей в формировании личности как целого, но у меня нет и твоей трогательной веры в то, что все определяется ими, а не чем-то иным. Человек не столь тривиален. Какой-нибудь механик может оказаться куда более жизнеспособным типом, чем, скажем, твой математики.

— Смотри о каких условиях будет идти речь.

— Это положение справедливо для любых условий. Способность к адаптации, выносливость, быстрота реакции — этим определяется все.

— Я думаю, большую роль играет доброта... — робко промолвила Шейла.

— Это уже роскошь, увы... Хотя именно подобная роскошь и делает нас людьми, — сказал Мандельбаум. — Доброта по отношению к кому? Порой человек должен отбрасывать сдержанность

и давать волю инстинктам. Иногда войны становятся необходимостью.

— Будь люди чуточку разумнее, их бы не существовало... — возразил Коринф. — Если бы Гитлера остановили уже на Рейне, разве началась бы вторая мировая война? С ним бы справилась одна дивизия. Политики же были настолько глупы, что...

— Они здесь ни при чем. Существовали причины, по которым посылать туда дивизию было... м-м-м... не слишком-то удобно. Девяносто девять процентов человечества вне зависимости от умственных способностей предпочитает удобное разумному, при этом о последствиях своих поступков люди, как правило, предпочитают не думать. Так уж мы устроены. Если мы вспомним о том, сколько ненависти и предрассудков заключено в этом мире, о том, что люди, как правило, относятся к ним либо с безразличием, либо даже пытаются извлечь из них какую-то выгоду, мы поражимся не существованию войн, но их редкости. — Голос его исполнился горечи. — Может быть, так называемые практичные люди, то есть те, кто способен к адаптации, правы? Может быть, самое моральное для меня — думать прежде всего о себе, о жене и о маленьком кривоногом Хасане? Один из моих сыновей так и поступил. Сейчас он живет в Чикаго. Он изменил фамилию и форму своего носа. И не то чтобы он стеснялся своих родителей, нет... Просто он избавил свою семью от массы оскорблений и неприятностей. И я, право слово, не знаю — восхищаться ли его изворотливостью или же обвинять его в бесхребетности.

— Мы ушли от темы нашего разговора, — несколько растерянно сказал Коринф. — Сегодня мы собираемся для того, чтобы постараться понять, что же происходит с нами и с миром. — Он покачал головой. — Мой Ай-Кью за неделю увеличился со 160 до 200. Мне в голову приходят вещи, которые были немыслимы для меня прежде. Профессиональные проблемы обратились в сущий пустяк. Но при этом в голове царит дикий хаос. Меня стали посещать диковиннейшие мысли, и некоторые из них явно носят нездоровый характер. Я стал нервным, словно котенок, — пугаюсь собственной тени и боюсь неведомо чего! То и дело я вижу какие-то гротескные картины — как в страшном сне.

— Просто ты пока не привык к своему новому мозгу, — сказала Сара.

— Я чувствую примерно то же, что и Пит, — тихо пробормотала Шейла. — Мне все это как-то не нравится.

Сара развела руками и недоуменно покачала головой:

— А мне так даже и забавно.

— Все определяется личностной основой, которая не подвержена изменениям, — хмыкнул Мандельбаум. — Сара всегда была человеком достаточно приземленным. Ты просто не при-

нимаешь свой новый разум всерьез, либхен. Для тебя абстрактное мышление — пустая забава. Действительно, к домашней работе оно не имеет никакого отношения. — Он сделал несколько затяжек и, сощурившись, продолжил: — Со мной, Пит, тоже происходит нечто подобное, но я гоню от себя всю эту чушь. Почти все эти вещи как-то связаны с физиологией, а мне сейчас, сам понимаешь, не до нее. Происходит что-то немислимое. Теперь каждый член профсоюза идет напрямик к нам и начинает объяснять, что же нам следует делать. Приходит, скажем, представитель союза электриков и говорит, что электрики, мол, должны начать забастовку и не прекращать ее до той поры, пока власть в стране не перейдет им в руки! В меня на другой день даже выстрелили из дробовика!

— Что?

Все изумленно уставились на Мандельбаума. Тот фыркнул и пожал плечами:

— К счастью, стрелок был никудышным. Что до темы нашего разговора... Кто-то сбрендил, кто-то растерялся, большинство же просто напугано! Люди, пытающиеся подобно мне как-то удерживать эту ситуацию, как-то совладать с нею, только наживают себе врагов. Они стали задумываться почаще, да вот думают они, к сожалению, не о том.

— Верно, — согласился Коринф. — Средний человек... — Его прервал звонок в дверь. — Должно быть, это они. Входите.

В дверях появилась Хельга Арнульфсен. За ее стройной фигурой угадывалось дородное тело Нэйтана Льюиса. Хельга выглядела такой же спокойной и сдержанной, как и всегда, однако под глазами у нее появились тени.

— Не весело, да? — спросила Шейла с участием.

Хельга изобразила на лице некое подобие улыбки.

— Кошмары мучают.

— Меня тоже.

При этих словах Шейла содрогнулась.

— Нэт, куда это вы своего психолога подевали? — поинтересовался Коринф.

— В последнюю минуту он раздумал идти с нами, — ответил Льюис. — Он изобрел какой-то новый тест и сейчас не желает думать ни о чем другом. Что до его партнера, то тот наблюдает за тем, как крысы выбираются из лабиринта. Только не надо из-за этого расстраиваться — нам и без них найдется о чем поговорить. — Из всех присутствующих вполне владеть собой удавалось только Льюису — он был слишком увлечен внезапно открывшимися перспективами, чтобы думать о собственных проблемах. Он подошел к столу и взял сэндвич. — М-м-м, как вкусно... Шейла, бросала бы ты свою нынешнюю, пресную, как вода, жизнь и шла бы замуж за меня!

— Сменить воду на пиво — так? — робко улыбнулась Шейла.

— Не в бровь, а в глаз! Я смотрю, ты тоже стала другой! Но ты меня явно недооцениваешь — следует говорить не о пиве, а о шотландском виски!

— Перейдем к делу, — произнес мрачным тоном Коринф. — Мы собрались здесь не с какой-то определенной целью. Просто мне представляется, что совместное обсуждение известной всем вам темы позволит нам лучше осознать происходящее и, возможно, приведет нас хоть к каким-то идеям...

Льюис уселся за стол.

— Я смотрю, правительство уже не отрицает того факта, что происходит что-то необычное, — сказал он, кивком головы указав на лежавшую перед ним газету. — Я думаю, иного выхода у них попросту не было... Но от этого паника вряд ли уляжется. Люди напуганы, они не знают, что их может ждать в следующую минуту... Когда я направлялся сюда, я увидел человека, носившегося по улице и кричавшего о том, что наступил конец света. В Центральном парке творилось что-то несусветное. Возле одного из баров скандалили пьяницы, и их уже никто не останавливал. Потом завывли пожарные сирены — где-то за Квинз большой пожар.

Хельга закурила сигарету и, прикрыв глаза, вздохнула.

— Джон Россман уже в Вашингтоне, — сказала она и тут же добавила, обращаясь к Мандельбаумам: — Он появился в Институте пару дней назад, засадил наших умников за исследование этого феномена и, получив некие результаты, которые держатся в секрете, вылетел в столицу. Если кто и сможет разобраться с этой историей, так это он.

— Я не стал бы называть происходящее «историей», — хмыкнул Мандельбаум. — Эти мелочи, которые испытывает каждый из нас, свидетельствуют о каком-то значительном сдвиге. Но составить некую цельную картину происходящего, я думаю, вряд ли возможно.

— Всеу свое время, — едва ли не радостно изрек Льюис, взяв со столика чашечку кофе и еще один сэндвич. — Я несколько не сомневаюсь в том, что в течение ближайшей недели события примут еще более интересный оборот.

— Не подлежит сомнению... — Коринф поднялся из кресла и принялся расхаживать по комнате из стороны в сторону. — Не подлежит сомнению то, что изменения продолжаются. Процесс идет. Насколько можно судить по показаниям наших лучших приборов, которые, как вы знаете, сами подвержены определенным изменениям, он начинает ускоряться.

— Точность измерений достаточно невысока, но мне кажется, следует говорить о гиперболической зависимости... — кивнул Льюис. — Таким образом, друзья, мы находимся в самом начале

пути. Если так будет продолжаться и дальше, на той неделе наш Ай-Кью будет уже где-то в районе четырехсот.

Они долго сидели молча. Коринф непроизвольно сжал руки в кулаки, Шейла, странно всхлипнув, поспешила к нему и повисла у мужа на плече. Мандельбаум, нахмурившись, обдумывал услышанное и пускал кольца дыма, одной рукой он обнимал безутешную Сару, и она была ему за это очень благодарна. Хельга сидела совершенно неподвижно, лицо ее при этом не выражало ровным счетом ничего. Под ними и вокруг них шумел город.

— И что же теперь будет? — спросила с дрожью в голосе Шейла. Она буквально тряслась от страха. — Что будет со всеми нами?

— Это знает только Бог, — мягко ответил Льюис.

— А не можем ли мы меняться до бесконечности? — поинтересовалась Сара.

— Нет, — покачал головой Льюис. — Не можем. Все определяется возможностями нейронных цепочек. Предельные скорость и уровень сигнала заданы самой физической структурой клетки. Если мы превысим их, то нас будут ждать безумие, идиотизм и, наконец, смерть.

— И на сколько же нас еще может хватить? — поинтересовался практичный Мандельбаум.

— Понятия не имею. Сущность наблюдаемого изменения и устройство клетки изучены нами крайне слабо. Что до Ай-Кью, то о нем можно говорить только до определенного момента. Говорить о том, что Ай-Кью равно четыремстам, уже абсурдно — при таких показателях разум уже перестает быть разумом, он обращается во что-то другое.

Коринф был слишком увлечен собственными исследованиями, для того чтобы интересоваться успехами группы Льюиса. О том, что ситуация может оказаться столь ужасной, он даже не подозревал.

— Давайте забудем о конечных результатах, — вмешалась в разговор Хельга. — С этим мы все равно ничего не можем поделать. Сегодня важно другое — как сохранить нашу цивилизацию? Не сегодня-завтра возникнет вопрос — что нам есть?

Коринф, справившись с волнением, утвердительно кивнул:

— Все продолжает идти своим чередом только благодаря социальной инерции. Люди по большей части все еще придерживаются своих старых обычаев и привычек. Однако продолжение...

— Вчера из Института уволились дворник и лифтер, — перебила Коринфа Хельга. — Прежняя работа их больше не устраивает — она слишком монотонна. Что будет с нами, когда все дворники, мусорщики, землекопы и рабочие конвейеров уйдут с работы?

— Вряд ли это сделают все, — не согласился Мандельбаум. Выколотив трубку, он взял в руки чашечку кофе. — Кто-то побойтся, у кого-то хватит здравого смысла не делать этого, и так далее. Все не так просто. Я согласен с тем, что мы вступаем в тяжелый переходный период — люди бросают работу, они на- смерть перепуганы, они сходят с ума... В этих условиях нам не обойтись без организации, которая помогла бы нам пережить ближайшие несколько месяцев. Профсоюзы могли бы стать ее ядром. Именно над этим я сейчас и работаю. Когда все будет проговорено и согласовано, я выйду со своим предложением в муниципалитет.

Какое-то время все молчали. Посмотрев на Льюиса, Хельга спросила:

— Вы представляете себе, что может быть причиной того, что происходит в мире?

— Идей у нас превеликое множество, — ответил биолог. — Одна другой лучше. Думаю, через какое-то время все станет ясно.

— Это физическое явление затронуло, по меньшей мере, всю Солнечную систему, — заявил Коринф. — Этот результат получен астрономами, которые провели ряд спектроскопических исследований. Вполне возможно, что солнце, совершающее движение вокруг центра Галактики, попало в некое силовое поле... Да, от общей теории относительности отказываться пока не стоит! О чем это я? Ах да... Теоретически более вероятной представляется несколько иная ситуация, при которой мы *вышли* из силового поля, замедлявшего скорость света и таким образом воздействовавшего на все электромагнитные и электрохимические процессы.

— Иными словами, — медленно выговорил Мандельбаум, — мы, что называется, вернулись к норме? Вся наша прежняя жизнь проходила в ненормальных условиях, так?

— Вполне возможно. Да вот только для нас прежние условия были единственно нормальными. Мы — их порождение. Знаете, что бывает с глубоководными рыбами, когда их вытаскивают на поверхность? Их разрывает изнутри.

— Н-да! Приятная перспектива — ничего не скажешь!

— Мне кажется, что смерти я особенно не боюсь, — тихо промолвила Шейла. — Но меняться так, как сейчас...

— Держите себя под жестким контролем — только и всего! — сказал Льюис неожиданно резко. — Я нисколько не сомневаюсь в том, что нынешняя неуравновешенность многих сведет с ума. Не окажитесь в их числе.

Он страхнул пепел с сигареты и — теперь уже совершенно бесстрастно — продолжил:

— Нашей лаборатории удалось кое-что выяснить. Как сказал Пит, речь идет о физическом явлении — появлении или исчезновении некоего силового поля, влияющего на электронные взаимо-

действия. В количественном выражении эффект этот достаточно скромнен. Обычные химические реакции идут практически так же, как и прежде — в сфере неорганики ничего необычного не происходит. Но чем сложнее и развитее структура, тем большим должен быть и эффект, верно?

Вы, вероятно, обратили внимание на то, что в последнее время вы стали более энергичными. Занявшись изучением основных метаболических процессов, мы обнаружили, что определенное их ускорение действительно присутствует. Ускорились и ваши моторные реакции, хотя вы сами не замечаете этого, поскольку изменилось и ваше субъективное чувство времени. Иными словами, наблюдается незначительное изменение ряда соматических функций мышечной, железистой и сосудистой систем, заставляющее нас нервничать. Однако, если не произойдет ничего более кардинального, мы быстро привыкнем к этому.

Самые высокоорганизованные клетки — нейроны, и в первую очередь нейроны коры головного мозга, претерпели самые существенные изменения. Ускорила работа всех систем восприятия — это показывают объективные наблюдения. Наверняка вы стали читать быстрее — верно? Время реакции на любой раздражитель стало существенно меньшим.

— Я слышала о том же от Джонса, — холодно подтвердила Хельга. — Это тут же сказалось на статистике дорожных происшествий. На прошлой неделе их число значительно сократилось. Если у людей становится лучше реакция, они лучше управляют машиной, — здесь нет ничего удивительного.

— Как же, как же... — покачал головой Льюис. — Им быстро надоест езда со скоростью шестьдесят миль в час, и они станут гонять куда быстрее. Аварий больше не станет, но зато последствия их будут теперь совсем иными.

— Но если люди поумнели, — вмешалась в разговор Шейла, — они поймут, что...

— К сожалению, на это надеяться не приходится. — Мандельбаум отрицательно покачал головой. — Человек как таковой не изменился, верно? Умные люди делают глупости ничуть не реже, чем прочие. Блистательный ученый может несколько не заботиться о своем здоровье, или покровительствовать спиритуалистам, или...

— Или голосовать за демократов, — усмехнулся Льюис. — Все правильно, Феликс. Со временем возросшие потенции разума не могут не повлиять на всю структуру личности, но пока мы будем иметь дело с прежними слабостью, невежеством, предвзятостью, ограниченностью и непомерными амбициями. У них появилось больше силы, энергии и хитроумия, способного оправдать все что угодно — было бы на то желание. Именно это, а не что-то иное ведет человечество к гибели. — Голос Льюиса исполнился

неожиданной силы. — Однако позвольте мне вернуться к главной теме нашего разговора. Самая высокоорганизованная материя на свете это, конечно же, человеческий мозг — «серое вещество» или, если угодно, «вместилище сознания». Он чувствует наличие или — если теория Пита верна — отсутствие названного поля как ничто иное на Земле. Он стимулирован куда сильнее прочих частей человеческого организма. Возможно, вы не слишком отчетливо представляете себе, насколько сложным образованием является человеческий мозг. Все прочее рядом с ним кажется не сложнее детского конструктора. Потенциальных межнейронных связей здесь во много раз больше, чем атомов во Вселенной — их количество выражается единицей с несколькими миллионами нулей. Соответственно, нет ничего удивительного в том, что незначительное изменение электрохимических законов, которое практически никак не сказывается на соматике, вызывает радикальные изменения в сознании человека. Вспомните о том, как влияют на человека небольшие дозы алкоголя или наркотиков, и сопоставьте это с нынешней ситуацией. По-настоящему любопытный вопрос состоит в том, может ли столь сбалансированная функция, как мышление, пережить подобный скачок.

Он говорил об этом без тени страха, глаза его возбужденно блистали из-за толстых стекол очков. Его интересовал сам феномен и ничего более. Коринф легко мог представить, как тот слабеющей рукой фиксирует основные моменты процесса собственного умирания.

— Ладно, — вздохнул физик, — поживем — увидим.

— Как это у тебя язык поворачивается такое говорить?! — возмутилась Шейла. — Нужно что-то делать, а не сидеть сложа руки!

— Милая моя, — усмехнулась Хельга. — Неужели ты действительно считаешь, что мы способны что-то изменить?

Глава 5

Подборка отдельных заголовков номера «Нью-Йорк таймс» от тридцатого июня:

ПРОЦЕСС ИЗМЕНЕНИЙ ЗАМЕДЛЯЕТСЯ

Упадок налицо — последствия необратимы

ТЕОРИЯ РЭЙДЕРА МОЖЕТ ОКАЗАТЬСЯ ВЕРНОЙ

ЕДИНАЯ ТЕОРИЯ ПОЛЯ СОЗДАНА

РЭЙДЕР И ЭЙНШТЕЙН. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ МЕЖЗВЕЗДНЫХ ПЕРЕЛЕТОВ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ГОТОВО УЙТИ
В ОТСТАВКУ

**ПРЕЗИДЕНТ ПРИЗЫВАЕТ МЕСТНЫЕ ВЛАСТИ
К БЛАГОРАЗУМИЮ**

**НОВЫЙ ЛИДЕР ПРОФСОЮЗОВ НЬЮ-ЙОРКА
МАНДЕЛЬБАУМ ГОТОВ К СОТРУДНИЧЕСТВУ
С ВЛАСТЯМИ**

Революции в странах советского блока

**Запрет на публикацию новостей — организованное
сопротивление растет**

**ВОЗМОЖНО, РЕВОЛЮЦИОНЕРАМИ
ИСПОЛЬЗУЕТСЯ НОВОЕ ОРУЖИЕ И НОВАЯ ТАКТИКА
МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС
УГЛУБЛЯЕТСЯ**

Голодные бунты в Париже, Дублине, Риме, Гонконге

**ФЛОТ НА ГРАНИ ГИБЕЛИ — МАССОВОЕ
УВОЛЬНЕНИЕ ПОРТОВЫХ РАБОЧИХ**

**ЛОС-АНДЖЕЛЕС: КУЛЬТ «ТРЕТЬЕГО ВААЛА»
ШИРИТСЯ**

**Национальная гвардия деморализована — ключевые
позиции в руках фанатиков — уличные бои продолжаются
НЬЮ-ЙОРКСКИЙ МУНИЦИПАЛИТЕТ ПРОТИВ
СЕКТАНТОВ**

Убивший зрителя тигр сбежал из зоопарка Бронкса

ПОЛИЦИЯ НАЧАЛА ОХОТУ НА ХИЩНИКА

**Власти рассматривают вопрос об отстреле всех
потенциально опасных животных**

**ГАРЛЕМ — УГРОЗА НОВЫХ СТОЛКНОВЕНИЙ
НА РАСОВОЙ ПОЧВЕ**

Шеф полиции: «Вчерашние события — только начало».

Панические настроения усиливаются

**ЧЕЛОВЕК ИЗМЕНИЛСЯ «ДО НЕУЗНАВАЕМОСТИ» —
МНЕНИЕ ПСИХИАТРА**

**Кирнс из Беллевью: «Непредсказуемость последствий
нейронного ускорения делает невозможным не только
контроль».**

**На следующий день газета уже не вышла — на складе кон-
чилась бумага.**

То, что Броку доверили присматривать за помещьем, казалось ему довольно-таки странным. Но странных вещей в эти дни и без того было достаточно.

Сначала уехал господин Россман. Затем, буквально на следующий день, на Стэна Уилмера напали свиньи. Едва он вошел в

загон, чтобы покормить их, как они с визгом дружно набросились на него и, сбив с ног, принялись топтать своими могучими ногами. После того как он пристрелил парочку свиней, они оставили его в покое и, сокрушив изгородь, исчезли в лесу. Уилмер был изранен настолько серьезно, что его пришлось отправить в госпиталь, при этом он поклялся, что ни за что на свете не вернется назад. В тот же день уволились и оба работника.

Брок был слишком погружен в себя, слишком увлечен духом перемен, для того чтобы обращать на это внимание. Почти все время он был предоставлен самому себе — все работы, кроме жизненно важных, были приостановлены на неопределенное время. Он присматривал за животными, поил и кормил их, ни на минуту не расставаясь с пистолетом, висевшим у него на поясе. Как и прежде, его неразлучным спутником был Джо. Все остальное время Брок посвящал чтению или же просто сидел, подперев голову руками, и думал.

Билл Берген пригласил его к себе через пару дней после истории со свиньями. Внешне управляющий ничуть не изменился. Тот же высокий, рыжеватый, нескорый на слова человек с неперенной зубочисткой во рту. Казалось, что теперь он стал говорить еще медленнее.

— Знаешь, Арчи, — с трудом выговорил Берген, — Смит тоже уволился.

Брок, опустив глаза, переминался с ноги на ногу.

— Сказал, что хочет поступить в колледж. Как я его ни отговаривал — все впустую. — В голосе Бергена слышалась известная толика презрения. — Вот идиот... Через месяц никаких колледжей не останется. Теперь, стало быть, нас здесь осталось четверо: мы с женой, Фосс и ты.

— Да, негусто... — промямлил Брок, чувствуя, что не сказать ничего нельзя.

— Сейчас со всей работой может справиться и один человек, — сказал Берген. — Хорошо, что сейчас лето... Кони и коровы могут пастись сколько угодно, и хлев чистить не надо.

— А как быть с урожаем?

— Что тут поделаешь? Лучше об этом и не задумываться.

Брок поднял глаза. Берген всегда был лучшим здешним работником, и слышать из его уст такое было по меньшей мере странно.

— Слушай, Арчи, ты, наверное, поумнел, как и все остальные, верно? — спросил Берген. — Я так полагаю, ты теперь пришел к норме, — разумеется, я говорю о прежней норме... И это еще не все — скоро ты станешь еще умнее.

Брок почувствовал, как его лицо запылало жаром.

— Прости, я вовсе не хотел тебя обидеть. Ты хороший человек. — Какое-то время он сидел, бесцельно перебирая бумаги,

лежавшие на столе. Наконец Берген поднял глаза на Брока. — Слушай, Арчи, теперь ты будешь здесь самым главным.

— Что?

— Я тоже уезжаю.

— Но, Билл, как же...

— Все нормально, Арчи. — Берген поднялся на ноги. — Ты ведь знаешь, моей жене всегда хотелось попутешествовать, мне, признаться, тоже было о чем призадуматься. Объяснить тебе все это я вряд ли сумею, но это и неважно... Мы отправляемся на запад на нашей машине.

— Но, но... господин Россман — он ведь рассчитывает...

— Я полагаю, существуют более важные вещи, чем проблемы, связанные с поместьем Россмана, — бесстрастно ответил Берген. — Ты вполне сможешь управиться с ним независимо от того, останется здесь Фосс или уедет.

Изумление и ужас сменились презрением:

— Ты что — боишься животных?

— Да ты что, Арчи... В любом случае ты умнее их, и у тебя помимо прочего есть руки. Револьвер элементарно решает все проблемы. — Берген подошел к окну. Стоял ясный ветреный день, лучи солнца играли в шумевших листвою ветвях деревьев. — На самом деле эта ферма сейчас безопаснее любого другого места. Если система производства и распределения продовольствия рухнет, что в нынешних условиях вполне вероятно, тебя это в любом случае не коснется. Что касается меня и моей жены... Мы уже не малы, понимаешь? Всю свою жизнь я был честным, прямым и совестливым человеком. Но мне ужасно жаль, что все эти годы я прожил зря.

Он отвернулся.

— Прощай, Арчи.

Это была команда.

Брок вышел во двор, покачивая головой и сокрушенно вздыхая. Джо жалобно заскулил и ткнулся носом ему в ладонь. Брок погладил его по золотистой шерстке и сел на скамейку.

«Проблема в том, — подумал он, — что умнее стали не только я, и не только животные, но и все остальные... О том, что сейчас происходит в голове Билла Бергена, знает только Бог».

Эта мысль повергла его в ужас. Новые невысказанные доселе возможности разума казались ему теперь чем-то пугающим. Он боялся даже думать о том, как же сейчас должны чувствовать себя нормальные люди, кем они теперь стали...

Понять это было трудно. Богом Берген, конечно же, не стал. Глаза его не сверкали нечеловеческим блеском, голос не ревел, он не строил двигателей, извергавших пламя, и не возводил башен до небес. Это был все тот же высокий сутулый человек с усталостью во взгляде. Он не изменился, как не изменился и мир.

Деревья были такими же зелеными, за кустами роз щебетала пташка, на спинке скамейки сидела кобальтово-синяя муха.

Брок вдруг смутно вспомнилась церковная служба, пару раз виденная им в детстве. Конец света — небеса разверзнутся, и ангелы изливают на сотрясающуюся землю свой гнев. А потом придет Бог и будет судить сынов человеческих. Ему вдруг показалось, что он слышит стук огромных копыт. Он напряженно замер, но тут же понял, что это шумят на ветру ветви деревьев.

Самым страшным было именно это. Небеса молчали. Земля, как и прежде, носилась по темной безмолвной бездне — происходящее на ее поверхности никак не отразилось на ее судьбах.

Все было лишено смысла.

Брок посмотрел на свои изношенные туфли и на сильные волосатые руки, которые он держал между колен. Они казались ему совершенно чужими, руками какого-то другого человека. «Господи, — подумал он, — что это со мной?»

Он схватил Джо за гривастую шею и прижал его к себе. Ему вдруг захотелось, чтобы рядом с ним была какая-то женщина, которая могла бы поговорить с ним, утешить его, развеять его одиночество в этом огромном мире.

От волнения лицо его покрылось холодным потом. Он поднялся со скамейки и направился к дому Бергенов. Теперь этот дом принадлежал ему.

Фосс был совсем молодым парнишкой, приехавшим сюда из города. Он, что называется, не блистал умом, и поэтому не мог найти для себя никакой другой работы. Услышав, что в его крохотную комнатку кто-то вошел, он оторвал глаза от книги.

— Билл уезжает, — сказал Брок.

— Я знаю. Что будем теперь делать?

Фосс был перепуган не на шутку. Он был готов работать под любым началом, только бы не брать на себя никакой ответственности. Берген, очевидно, предвидел это.

— Ничего дурного в том, что мы остаемся здесь, нет, — сказал Брок. — Просто надо как-то пережить это время, и только.

— Но ведь животные...

— У тебя ведь есть ружье, верно? Они прекрасно все это понимают. Надо быть осторожным, запирать за собой все двери и лишний раз не обижать их...

— Я-к этим проклятым тварям теперь и близко не подойду, — мрачно буркнул в ответ Фосс.

— Это мы еще посмотрим.

Достав из холодильника две банки пива, Брок открыл их.

— Послушай, я понимаю больше твоего, и...

— А я сильнее тебя. Если тебе что-то не нравится, можешь уходить отсюда. Лично я решил остаться.

Брок дал одну из банок Фоссу и, сделав пару глотков, спокойно заметил:

— Послушай, я животных понимаю прекрасно. Главное в них — сила привычки. Они болтаются поблизости, потому что не знают ничего другого, к тому же здесь их кормят... И еще — они привыкли относиться к человеку с уважением. Это не какие-нибудь лесные медведи или волки. Единственно, с кем могут быть проблемы, так это со свиньями. В городе сейчас, по-моему, куда опаснее.

— Это еще почему?

Фосс явно сдался. Он отложил книгу в сторону и взял со стола банку с пивом. Брок взглянул на обложку. Это была «Ночь страсти» в дешевом издании. Судя по всему, Фосс особенно не поумнел или же просто не хотел думать.

— Ты забываешь о людях, — ответил Брок. — Один Бог знает, что теперь может прийти им в голову.

Он включил приемник. Передавали новости, которые, впрочем, особенно не интересовали Брока. В основном речь шла о новых возможностях мозга, однако понять что-либо было решительно невозможно. В голосе диктора слышался потаенный ужас.

После обеда Брок решил сходить на разведку в лес — он надеялся разыскать свиней и понять, в каком те настроении. От них можно было ожидать чего угодно. Свиньи всегда были куда умнее, чем то думали люди. Они могли сообразить, что теперь ферму охраняет всего два человека, и, соблазнившись обилием хранящихся здесь кормов, могли напасть на них с Фоссом.

Фосса он с собой не позвал: с одной стороны, тот бы все равно отказался, с другой — ферму нельзя было оставлять без охраны. Брок и Джо вышли за ограду и направились к лесу, занимавшему площадь в шестьсот акров.

Под зеленым пологом леса царил полумрак. То тут, то там то и дело слышались шорохи. Брок старался идти тихо, держа ружье под мышкой и легко раздвигая молодую поросль. Обычно в лесу было великое множество белок, теперь же он не видел ни единой — и это тоже было странно. Похоже, они решили, что от человека с ружьем лучше держаться подальше, как когда-то это сделали вороны. При мысли о том, сколько глаз может наблюдать за ним, Броку стало немного не по себе. Того, о чем могут думать при этом лесные обитатели, он не знал, да и не хотел знать, ему и так было страшно. Джо не бегал по лесу, как он это делал обычно, но постоянно жался к ногам Брока.

Неведомо откуда взявшаяся ветка больно хлестнула его по лицу. Брок поежился. Может быть, деревья теперь тоже стали разумными? Может быть, теперь против человека поднимется весь мир?

Нет... Уже в следующее мгновение он взял себя в руки и спокойно зашагал дальше. Поумнеть может только то, что вообще может думать. У деревьев нет мозга. У насекомых, кажется, тоже — надо будет проверить, благо библиотека господина Россмана позволяет это сделать.

Хорошо, что он умеет хранить спокойствие — никогда и ни от чего не возбуждается. Даже все эти перемены его не смутили. Главное — все делать постепенно. Проживаешь день за днем и только, наперед ничего не загадываешь.

Внезапно кусты перед ним раздвинулись, и из них выглянула свинья. Это был старый черный хряк — он стоял на тропе, явно не желая пропускать Брока. Ничего холоднее его глаз Брок еще не видел. Джо зарычал и ошетинился. Брок навел ствол на злобного хряка и замер. Так, недвижно, они стояли довольно-таки долго. Наконец хряк презрительно хрюкнул и, сойдя с тропы, исчез в кустах. От волнения Брок даже взмок.

Он ходил по лесу еще пару часов, но не заметил больше ничего особенного. Вернувшись назад, он надолго задумался. Да, всем было понятно, что животные изменились, но насколько — этого не знал уже никто. В любом случае теперь с ними нужно было держать ухо востро.

— Вот что я думаю, — сказал Фосс, стоило Броку войти в дом. — Может быть, нам стоит съехаться с другим фермером? От Ралфа Мартинсона тоже ушел работник — ему люди нужны.

— Я остаюсь.

Фосс холодно посмотрел на него:

— Тебе не хочется вновь играть роль идиота?

Брок вздрогнул, но взяв себя в руки совершенно спокойным тоном ответил:

— Считаю как тебе угодно — меня это не волнует.

— Я не собираюсь торчать здесь вечно.

— Тебя об этом никто и не просит. Идем, пора коров доить.

— Дурень, что мы будем делать с молоком от тридцати коров? Трактора с маслобойни не было уже три дня.

— М-м-м... Н-да, ты, пожалуй, прав... Но я что-нибудь все равно придумаю. Что до коров, то не доить их просто нельзя.

— Больно ты умным стал, — буркнул Фосс, но все же направился вслед за Броком к коровнику.

Выдоить тридцать коров, даже если у тебя есть электрические доилки, не так-то просто. Брок решил постепенно перестать доить их, с каждым разом уменьшая количество надаиваемого молока. На это нужно было немалое время, пока же коровы нервничали и вели себя крайне беспокойно.

Выйдя во двор, он взял в руки вилы и стал бросать сено овцам, стоявшим в загоне. Он уже перебросал половину сена,

когда вдруг услышал безумный лай Джо. Он резко обернулся и увидел приближавшегося к нему огромного голштинского быка.

«Он на свободе!»

Брок схватился было за рукоятку пистолета, но тут же, решив, что эта игрушка ему на сей раз не поможет, вновь взял в руки вилы. Бык фыркнул и закрутил своей безрогой головой.

— Погоди, приятель...

Брок медленно пошел к нему навстречу, облизывая пересохшие губы. Он слышал гулкие удары собственного сердца.

— Ступай на место, дружище... Слышишь?

Джо, ощерившись, встал рядом со своим хозяином. Бык опустил голову и пошел в атаку.

Брок окаменел. Монстр, казалось, занимал уже полнеба.

Брок ударил быка в горло и тут же понял, что нужно было целить в глаза. Вилы выпали из его рук, и он отлетел далеко в сторону от сильного удара в грудь. В следующий миг чудовище уже было над ним, оно пыталось пронзить его рогами, но те, к счастью, были обрезаны.

Внезапно бык взревел от боли — это Джо вцепился в его правую ляжку. Бык тяжело развернулся, задев копытом ребра Брока. Тот, дотянувшись до пистолета, выстрелил. Бык побежал. Брок заставил себя подняться на ноги и, вспрыгнув ему на спину и приставив пистолет быку за ухо, выстрелил еще раз. Тот как подкошенный рухнул на колени и через мгновение испустил дух.

Когда Брок пришел в себя, он увидел над собой Фосса.

— Ты цел, Арчи? Цел?

Фосс помог Броку подняться на ноги и повел его к дому. После глотка спиртного ему стало полегче.

— Все в порядке, — пробормотал он. — Все кости целы, это главное.

— Все. — Похоже, Фосс испугался сильнее, чем сам Брок. — Решено, мы уезжаем.

Тот отрицательно покачал своей рыжей головой:

— Нет.

— Ты что, сошел с ума? Торчать здесь в одиночку, когда все эти твари посходили с ума, когда все пошло прахом... Ты в своем уме, Арчи?

— Я остаюсь.

— А я — нет! И я хочу, чтобы мы ушли отсюда вместе!

Джо тихо зарычал.

— Нет, — повторил Брок, почувствовав вдруг невыносимую усталость. — Хочешь — иди, только меня не трогай. Со мной все в порядке.

— Слушай...

— Часть скота я отгоню завтра Мартинсону — если, конечно, он ему понадобится. С остальными коровами я разберусь сам.

Фосс какое-то время пытался спорить, но вскоре, сдавшись, уселся в «джип» и уехал прочь. Брок заулыбался неведомо чему.

Он подошел к загону, в котором до последнего времени жил бык. Ворота были выломаны мощным расчетливым ударом. Изгороди, созданные для того, чтобы удерживать тупых скотов, явно не были рассчитаны на разумных тварей.

— Чтобы похоронить этого гиганта, понадобится бульдозер, — проворчал Брок. Все последнее время он говорил с Джо так, словно тот был человеком. — Сделаем это завтра. А сейчас поужинаем, прочитаем книги и послушаем музыку. Здесь теперь нас всего двое — ты да я.

Глава 6

Коринф понимал, что город — это организм, но он никак не мог предположить, что равновесие его окажется столь хрупким и ненадежным. Утратив свое прежнее равновесное состояние, Нью-Йорк стремительно несся навстречу гибели.

Работало всего несколько линий подземки, так называемая аварийная сеть, поддерживавшаяся в рабочем состоянии группкой энтузиастов своего дела, ни в какую не хотевших расставаться со своей работой. Пустые темные станции поражали немыслимой прежде грязью, колеса вагонов пронзительно скрипели, поселяя в сердце смертельную тоску. Коринф стал ходить на работу пешком, стараясь не обращать особого внимания на грязь, царящую на улицах.

Воспоминания пятидневной давности:

Дороги запружены, стальная баррикада в десять миль длиной, рев клаксонов и крики, повсюду отворяются окна — нечем дышать, слепая паника, толпа, пытающаяся покинуть умирающий город, средняя скорость — пять миль в час.

Две машины сцепляются бамперами, водители бьют друг друга до тех пор, пока их лица не превращаются в кровавое месиво. Полицейские вертолеты застыли над улицами беспомощными чудовищными мухами. Печально сознавать, что многократно усилившийся разум бессилен изменить природу людей.

Те, кто решил остаться, а таких было, наверное, три четверти городского населения, пытались как-то выжить и в этих условиях. Вступил в действие закон о жесткой экономии газа, воды и электроэнергии. Какое-то снабжение города продуктами питания пока сохранялось, но цены были таковы, что купить что-либо стало практически невозможно. В любую минуту ситуация в городе могла окончательно выйти из-под контроля.

Воспоминания трехдневной давности:

Второй бунт в Гарлеме, страх перед будущим и горькая память о прошлом переполняют сердца, разум уже не в силах совладать сам

с собой. Зарево бушующих повсюду пожаров в ночном небе. Тысячи потных черных лиц, тысячи тел, одетых в лохмотья, — черные толпы, безумствующие на улицах. Блеск ножа, вонзившегося в чье-то горло. Рев пламени и вой толпы. Визг женщины, упавшей под ноги многотысячной процессии. Перегретый колышущийся воздух. Снующие по небу вертолеты. И, наконец, утро — пустынные улицы, горечь белесого дыма, плач...

И все же город пока был жив. Пока...

Оборванный мужчина с всклокоченной бородой обращался с речью к собравшейся на углу толпе. Несколько десятков человек слушали его необычайно внимательно. Коринф прислушался:

— ...Все это происходит с нами только потому, что мы, предав забвению вековые устои, доверились ученым, всем этим высоколобым... Жизнь наша имеет смысл только пред тем Единым, в котором все мы — одно, которое одно — все. Слушайте, я принес вам весть...

Коринф вздрогнул и поспешил свернуть за угол. Уж не посланник ли это Третьего Ваала? Впрочем, вопрос этот его интересовал лишь постольку поскольку. Нигде поблизости не было ни единого полицейского, которому бы он мог сообщить о том, что происходит за углом. Если эта новая религия обретет достаточное количество приверженцев, беды не миновать. Увидев женщину, входившую в католическую церковь, что стояла неподалеку, Коринф несколько успокоился.

Из-за угла на дикой скорости вырулило такси, тут же скрывшееся в клубах пыли. По другой стороне ехала машина, пассажир которой сжимал в руках дробовик. Повсюду царил страх. Практически все магазины были закрыты, работала только бакалейная лавка, владелец которой был вооружен пистолетом. Возле грязного парадного многоквартирного дома сидел старик, читавший кантовскую «Критику чистого разума», для которого, казалось, в мире кроме этой книги ничего не осталось.

— Господин, вот уже два дня как я ничего не ел.

Коринф посмотрел на мужчину, вышедшего из-за дерева.

— Мне очень жаль, — сказал он, — но у меня всего десять долларов. Только-только на обед, сами понимаете.

— Я никак не могу найти работу...

— Отправляйтесь в муниципалитет, дружище. Они вам и работу предложат, и накормят. Им люди очень нужны.

В ответ раздалось презрительное:

— В эту контору? Мести улицы, собирать мусор и развозить продукты? Да я лучше схохну, чем туда пойду!

— Что ж, тогда подышайте, — хмыкнул Коринф, ускорив шаг.

Револьвер приятно оттягивал ему карман. От таких людей, как этот прохожий, можно было ждать чего угодно, Коринф знал это по опыту.

И разве можно было рассчитывать на что-то иное? Типичный американец, работающий на заводе или в офисе, обладает скорее не разумом, но набором вербальных рефлексов, он способен думать только о хлебе насущном, все прочее замещается телевизором. Американский Образ Жизни диктует все его потребности и желания — автомобиль новой марки, модная одежда и прочее. Еще до начала сдвига сознания многими ощущалась бессмысленность и пустота западной цивилизации, люди смутно осознавали то, что помимо эфемерного «я» в жизни должно присутствовать нечто куда большее и куда более реальное, при этом понималось и то, что общество движется совершенно в ином направлении.

И тут, практически в одночасье, человеческое сознание достигло немыслимых высот. Перед человеком раскрылся целый мир поразительных по своей глубине мыслей, образов и идей. Он сполна осознал всю мелочность и бессмысленность своей жизни, тривиальность совершаемых им дел, узость и абсурдность своих верований и убеждений, и — и он отверг их.

Разумеется, так поступили далеко не все и даже не большинство, но этого количества людей тем не менее оказалось достаточно, для того чтобы поставить под сомнение само существование технологической цивилизации. Если шахтеры перестанут добывать уголь, сталелитейщики и механики останутся не у дел, как бы им ни хотелось при этом продолжать свою работу. Добавьте сюда всевозможные проявления разгулявшихся эмоций, и картина станет более или менее полной.

По улице шла голая женщина с корзинкой. Видимо, после долгих раздумий она пришла к выводу, что носить летом одежду нелепо, полиции же сейчас было совсем не до нее. Этот факт сам по себе не был таким уж страшным, но он позволял судить об общем состоянии умов. Коринф пожегся. Любое общество основывается на системе достаточно произвольных законов и ограничений. Названная произвольность была внезапно осознана слишком большим количеством людей, которые, не задумываясь, приступили к ее искоренению.

Возле двери, раскачиваясь из стороны в сторону, сидел юноша. Коринф остановился.

— Что-нибудь случилось? — спросил он.

— Мне страшно. — Глаза его горели. — Я только что все понял... Я — один.

Коринф хотел было что-то сказать, но тут юноша разразился целой речью:

— Все, что я знаю, все, что меня составляет, находится здесь — в моей голове. Для меня существует только то, что мне ведомо. И еще — в один прекрасный день я умру. — Из уголка его рта потекла слюна. — Наступит бесконечная беспросветная ночь,

меня уже не будет, как не будет и всего остального. Возможно, вам будет представляться, что вы все еще существуете, хотя, возможно, вы — не более чем плод моей фантазии... Абсолютная пустота, в которой ничего не будет — и не будет уже никогда!

Из глаз юноши потекли слезы. Коринф вздохнул и зашагал прочь.

Безумие — вот что может привести мир к катастрофе. Для миллионов людей ноша разума может оказаться непосильной. Они не смогут вместить его, не смогут совладать с ним и, как следствие, сойдут с ума.

На улице стояла жара, но Коринф почувствовал, что внутри у него все похолодело.

На общем фоне Институт походил на тихую гавань. Когда Коринф вошел вовнутрь, он увидел сидевшего на вахте человека — рядом с его стулом лежал автомат, на коленях — какой-то химический трактат. Охранник спокойно посмотрел на Коринфа.

— Привет.

— Что-нибудь случилось, Джим?

— Пока что нет. Но от этих бродяг и фанатиков можно ждать чего угодно.

Коринф кивнул, чувствуя, что начинает потихоньку приходить в себя. В мире еще оставались здравомыслящие люди, которые не воспаряли к облакам, едва завидев звезды, но продолжали заниматься своим делом.

Лифтом теперь управлял семилетний мальчик, сын одного из сотрудников Института. Все школы к этому времени уже были закрыты.

— Здрасьте, сэр! — радостно поприветствовал он Коринфа. — Я вас как раз дожидаясь. Откуда Максвелл взял эти самые уравнения?

— Что? — Взгляд Коринфа упал на книгу, лежавшую на сиденье. — О, я вижу, ты решил заняться радио... С Кадогана начинать сложно, ты должен найти...

— Я смотрел принципиальные схемы, господин Коринф, и хотел понять, как все эти устройства работают. А у Кадогана об этом ни слова — одни формулы.

Коринф посоветовал мальчику прочесть учебник по векторному анализу.

— Когда закончишь — поговорим. Понял?

Он улыбнулся и сошел на своем седьмом этаже. Однако стоило ему оказаться одному в пустом коридоре, как улыбка тут же сползла с его лица — радоваться было нечему.

Льюис поджидал его в лаборатории.

— Поздно, — буркнул он.

— Шейла, — ответил Коринф.

Можно было подумать, что они говорят на новом, неведомом прежде людям языке. Когда твой разум становится вчетверо развитее, достаточно одного слова или жеста, для того чтобы тебя могли понять твои знакомые, — они скажут им больше, чем все правила английской грамматики, вместе взятые.

— Что-то ты сегодня припозднился, — хотел сказать Льюис. — У тебя все в порядке?

— Все дело в Шейле, — ответил Коринф. — Знаешь, Нэт, мне не нравится то, что происходит с ней в последнее время. Но что я могу с этим сделать? Психологию людей понять стало невозможно — она слишком быстро меняется. Мы стали чуждыми друг другу, друг другу и самим себе... Это ужасно.

Льюис подошел к двери.

— Идем. Россман здесь. Он хочет посоветоваться с нами.

Они вышли в коридор, оставив Иохансона и Грюневальда в лаборатории — те занимались определением постоянных и перекалибровкой инструментов, пытаясь восстановить то грандиозное по важности основание, без которого наука перестает быть наукой.

Во всем здании занимались примерно тем же — изучали преобразившиеся лики своих дисциплин: химии, кибернетики, биологии и, более всего, психологии. Сделать нужно было так много, что люди буквально забывали обо всем остальном, даже о сне.

Руководители отделов собрались за одним длинным столом в главном конференц-зале Института. Во главе стола восседал сам Россман, высокий, худощавый, седовласый; суровое его лицо казалось застывшей маской. Справа от него сидела Хельга Арнульфсен, слева — Феликс Мандельбаум. Коринф было удивился тому, что на совещании присутствует профсоюзный деятель, но тут же понял, что тот представляет здесь городские власти.

— Добрый день, джентльмены. — Россман старался неукоснительно следовать всем требованиям этикета, и это никому не казалось смешным, все понимали, что это отчаянная попытка опереться на что-то реальное, что-то хорошо известное всем и каждому. — Займите свои места.

Похоже, что собрались все, и Россман тут же перешел к делу:

— Я только что вернулся из Вашингтона. Я собрал вас вместе для того, чтобы мы — вы и я — могли поделиться информацией и идеями. Я в общих чертах попытаюсь представить вам целостную картину происходящего, вы же объясните те или иные феномены с научных позиций. Такое обсуждение даст нам возможность разумной координации наших действий.

— Что касается объяснений, — заметил Льюис, — то нам, сотрудникам Института, представляется достаточно близкой к истине теория доктора Коринфа. В ней постулируется наличие силового поля с заметным электромагнитным потенциалом, гене-

рируемого гиромангнитными явлениями в атомных ядрах, находящихся вблизи центра Галактики. Оно образует некий конус, имеющий в нашей части Галактики сколько-то световых лет в поперечнике. Эффект, производимый этим полем, заключается в том, что оно замедляет некоторые электромагнитные и электрохимические процессы, не последнее место среди которых занимает активность определенных типов нейронов. Мы полагаем, что Солнечная система, вращаясь вокруг галактического центра, много миллионов лет тому назад — примерно в меловой период — вошла в это поле. Вне всяких сомнений, многие виды, жившие в то время, должны были вымереть, однако жизнь как таковая все-таки продолжилась. При этом компенсировать наложенную извне силу могла только нервная система. В каком-то смысле все формы живого на момент, предшествующий сдвигу, уже обладали всей полнотой возможного для них развития.

— Я понял, — кивнул Россман. — Теперь Солнце и планеты вышли из этого поля.

— Да. Оно должно было иметь достаточно четко очерченную границу, ведь сдвиг произошел всего за несколько дней. Ширина края поля — от области с нормальной интенсивностью до области, в которой интенсивность равна нулю, — составляет, судя по всему, не более десяти миллионов миль. Можно считать, что мы из него уже вышли — вот уже несколько дней физические постоянные не изменяются.

— Чего, увы, не скажешь о наших головах, — мрачно буркнул Мандельбаум.

— Я это знаю, — тут же отреагировал Льюис. — Об этом мы поговорим немного попозже. Выход Земли из поля-ингибитора не мог не сопровождаться резкой активизацией работы мозга у всех обладающих им форм живого, ибо демпфирующая его работа сила исчезла.

Естественно, резкое исчезновение этого воздействия вызвало чрезвычайный дисбаланс. Нервная система в настоящее время стремится к обретению нового равновесного состояния, чем и объясняется нынешняя нервозность и неустроенность. Физически мозг приспособлен к одной скорости или набору скоростей нейронных сигналов; теперь, при сохранении прежней физической структуры, эта скорость вдруг возросла. Говоря простым языком, привыкнуть к этому нам будет весьма непросто.

— Почему же мы не умерли до сих пор? — спросил химик Грахович. — Ведь и сердце, и все остальное должны работать теперь куда интенсивнее, верно?

— Вегетативная нервная система не претерпела значительных изменений, — ответил Льюис. — Видимо, все определялось типом клеток. Как вы, наверное, знаете, существует множество видов нервных клеток, но существенно изменились лишь те, что

составляют кору головного мозга. Скорость на деле увеличилась на доли процента, но процессы, связанные с работой сознания, настолько тонки, что это тут же отразилось на наших мыслях.

— Но сможем ли мы выжить?

— Да. Я уверен в том, что большинству людей удастся справиться с подобным воздействием. Конечно, многие сойдут с ума, но причины этого будут уже не гистологическими, а чисто психологическими.

— А если мы вновь окажемся в подобном поле? — поинтересовался Россман.

— Вряд ли, — отозвался Коринф. — Теоретически в Галактике возможно существование только одного такого поля. Солнце совершает свой оборот вокруг галактического центра за двести миллионов лет. Должна пройти как минимум половина этого времени, чтобы у нас могла появиться причина для беспокойства. Так что поглупеем мы еще не скоро.

— Гм... Все понятно, джентльмены... Благодарю вас. — Россман склонился над столом, сцепив свои тонкие пальцы. — Теперь пришла очередь говорить мне, но, увы, порадовать вас я вряд ли смогу. Вашингтон превратился в сумасшедший дом. Многие ключевые фигуры уже оставили свои посты. Они, похоже, решили, что в жизни есть и более важные вещи, чем надзор за соблюдением тех или иных законов...

— Я, пожалуй, готов согласиться с ними, — мрачно усмехнулся Льюис.

— Да, вы правы. Но, джентльмены, давайте посмотрим в лицо фактам. Нынешняя система далека от совершенства, но за одну ночь ее не изменишь!

— А что слышно из-за океана? — поинтересовался математик Веллер. — Как дела у России?

— Напади они на нас, мы не смогли бы оказать им сопротивление, — ответил Россман. — Но по данным разведки, у советского режима хватает своих проблем. — Он вздохнул. — Давайте уж будем последовательными, джентльмены. Вашингтон стремительно теряет свое влияние: указы и воззвания президента никого не трогают, реальной власти у него практически не осталось. Многие регионы формально живут по законам военного времени, ибо находятся на грани гражданской войны. Потребна реорганизация власти, основанная на самоуправлении. Вот, собственно, и все, что я хотел вам сообщить...

— Здесь, в Нью-Йорке, мы уже вплотную занялись решением этой проблемы, — сказал Мандельбаум. Он выглядел крайне усталым, ибо теперь отдавал работе все дни и ночи. — Нам удалось найти общий язык с профсоюзами. Будут приняты все меры для доставки и распределения продовольствия. Возможно, нам удаст-

ся сколотить из добровольцев отряд милиции, который займется поддержанием порядка в городе.

Он повернулся к Россману:

— Вы — умелый организатор. Все, чем вы занимались до последнего времени, пошло прахом — разумеется, не по вашей вине... Нам предстоит решать совершенно иные задачи. Готовы ли вы помочь нам?

— Разумеется, — кивнул старик. — Институт же...

— Он будет работать так же, как и прежде. Если мы не поймем происшедшего, мы не будем знать того, как вести себя в будущем. Дел, я полагаю, хватит на всех.

Они принялись обсуждать организационные детали. Коринф молчал, ибо думал совсем о другом — его тревожило состояние Шейлы. Этой ночью ее опять мучили кошмары.

Глава 7

Колдун Вато, сидевший перед своей хижиной, рисовал на земле непонятные фигуры, что-то бормоча себе под нос. Мванци, попытавшись отвлечься от лязга оружия и грохота боевых барабанов, прислушался:

— ...закон подобия, выраженный в форме «а» и «не-а»... Тем самым эта форма магии подпадает под закон всеобщей каузальности, однако открытым остается вопрос о ее отношении к закону влияний...

Мванци изумленно вытаращил глаза, но решил не трогать старика — пусть себе болтает. У Мванци на плече висело ружье, и поэтому все остальное его мало трогало. Если что-то и поможет им исполнить заветную мечту, это будут ружья, но никак не разговоры.

Черный человек должен быть свободен! Пусть белые угнетатели убираются за море! Он слышал эти слова с детства, они впитались в его плоть и кровь, они стали смыслом его жизни. Но только теперь у них появилась возможность сбросить с себя это ненавистное ярмо...

В отличие от своих братьев, Мванци ничуть не опасался того, что поселилось в его душе. Он моментально обуздал силы сознания, подчинив их своей железной воле так же, как он подчинил себе соплеменников. Весть, посланная им, моментально облетела все окрестные земли — от джунглей Конго до степей юга, — и в сердцах измученных, разуверившихся людей вновь шевельнулась надежда. Настало время действовать. Пока белый человек не пришел в себя, они — сотня некогда конфликтовавших племен, собранных воедино его гением, — могли в два счета справиться с ним и завоевать вожаемую свободу! План действий Слон Мванци держал в тайне от всех.

Под грохот барабанов, продолжавших свой нескончаемый разговор, он двинулся к опушке тропического леса, уверенно раздвигая руками густые заросли тростника. Какая-то тень метнулась вниз и замерла, ожидая его. Умные коричневые глаза смотрели на него с невыразимой тоской.

— Собрал ли ты лесных братьев? — спросил Мванци.

— Они скоро придут, — ответила обезьяна.

Мванци в голову пришла совершенно замечательная идея. Все прочее — организация, план выступления, стратегия — рядом с ней казалось ничем. Она состояла в следующем: если душа человека стала такой большой, значит, большими стали и души животных. Его догадка скоро подтвердилась. Слоны совершили ряд дьявольски хитроумных нападений на соседние фермы. Тогда же Мванци стал работать для создания языка, который был бы понятен животным, поймав для проведения опытов шимпанзе. Мванци всегда считал, что обезьяны мало в чем уступают людям. Сегодня за их содействие он готов был дать им очень и очень многое, памятуя о том, что они тоже были африканцами.

— Лесной брат, скажи своим людям, что они должны быть готовы.

— Не все они хотят этого, о, полевой брат! Сначала их надо немножко побить, а на это понадобится время!

— Времени у нас в обрез. Используйте барабаны, как я учил вас. Пошлите этот приказ — пусть они начинают сбор.

— Все будет так, как вы прикажете! Когда наступит полнолуние, дети леса будут уже здесь. Они будут вооружены ножами, трубками для отравленных стрел и ассегаями*.

— Лесной брат, ты обрадовал меня. Ступай же к своим барабанщикам!

Обезьяна проворно вскарабкалась на дерево и в следующее мгновение исчезла в его густой кроне. На спине у нее висело ружье.

Коринф, зевая, отодвинул бумаги в сторону и встал из-за стола. Он не сказал ни единого слова, но ассистентам его, склонившимся над приборами, все было ясно и так.

(Идет оно все к черту. У меня уже голова раскалывается. Отправляюсь-ка я домой.)

Иохансон еле заметно двинул рукой, подразумевая следующее:

(А я, пожалуй, еще здесь побуду, шеф. С этим устройством пока все идет как надо.)

Грюневальд кивнул в знак согласия.

* Ассегай (ассагай) — у многих африканских народностей длинное метательное копьё с железным наконечником.

Коринф автоматически потянулся за сигаретой, но карман его был пуст. В эти дни табака нельзя было сыскать днем с огнем. Коринф все еще надеялся на то, что мир вновь станет управляемым, но день ото дня его надежда слабела. Что сейчас творилось за пределами города? Несколько радиостанций — профессиональных и любительских — образовывали тоненькую сеть, связывающую воедино Западную Европу, обе Америки и побережье Тихого океана. Прочие земли и страны погрузились в непроницаемую мглу, хотя время от времени оттуда и поступали сообщения о беспорядках, разгуле насилия и прочих подобных вещах.

Вчера Мандельбаум посоветовал ему постоянно быть начеку. Миссионеры Третьего Ваала, несмотря на все предпринятые властями меры предосторожности, сумели проникнуть в город и уже успели обратиться в свою веру массу горожан. Новая религия представляла собой чисто оргиастический культ, основанный на лютой ненависти к логике, науке и вообще к любым проявлениям разумного начала. Ненависть эта распространялась и на их носителей.

Коринф шел по темному коридору. Электричество приходилось экономить — продолжало работать всего несколько электростанций, управлявшихся и охранявшихся добровольцами. Лифт теперь работал только днем — все семь этажей Коринфу пришлось пройти пешком. Его вдруг охватила непонятная тоска, но тут он заметил, что в кабинете Хельги горит свет. Он на миг задумался, но уже в следующее мгновение постучал в дверь.

— Войдите.

Он вошел в ее кабинет. Хельга сидела за заваленным бумагами столом и что-то писала. Использувавшиеся ею для этого значки были совершенно непонятны ему, вероятнее всего, они были ее собственным изобретением. Она выглядела такой же привлекательной, как и всегда, но взгляд ее был необычно усталым.

— Привет, Пит, — сказала она. Улыбка ее, несмотря на усталость, была теплой. — Как ты?

Коринф произнес пару слов, сопроводив их двумя или тремя жестами. Все прочее Хельга, прекрасно знавшая его, воссоздала сама.

(— О, лучше не бывает. Но ты-то что здесь делаешь? Я полагал, что вы с Феликсом решаете проблемы создания новой власти.)

(— Так оно и есть, — подтвердила она. — Но ты знаешь, мне здесь работается лучше, чем дома. Кстати, ты не знаешь, кто занял мое прежнее место?)

(— Билли Сондерс. Ему всего десять лет, но он очень сообщительный. Конечно, лучше было бы прибегнуть к услугам какого-нибудь взрослого слабоумного, на этой работе и физических нагрузок достаточно.)

(— Вряд ли. Работы сейчас немного. В отличие от прочего мира, вам, ребята, удалось найти общий язык!)

— Боюсь, что ходить в такую даль теперь небезопасно. — Коринф смущенно переступил с ноги на ногу. — Давай я провожу тебя домой?

— В этом нет необходимости. — Она сказала это таким тоном, что Коринф вдруг понял — она любит его...

«Обострились все наши чувства. Мне никогда не приходило в голову, что эмоциональная жизнь человека может быть связана с его мозгом. Мы стали куда чувствительнее любого животного».

— Садись, — предложила Хельга, откинувшись на спинку кресла. — Отдохни немного.

Он усмехнулся и опустился в кресло.

— Жаль, пива нет, — сказал Коринф. (Помнишь, как было прежде?)

— Какими мы тогда были наивными... Жаль этого времени — такого уже не будет никогда. Молодому поколению нас не понять, они никак не могут взять в толк, почему мы так любим вспоминать о прошлом.

Волосы Хельги отсвечивали золотом. Установилось молчание.

— Как продвигается твоя работа? — спросила она, чувствуя, что молчание становится невыносимым.

— Достаточно успешно. Я связался по коротковолновой станции с Рэйдером, который, как ты знаешь, живет в Англии. Несмотря на все доставшиеся на их долю испытания, они все же уцелели. Ряд их биохимиков работал с ферментами и получил любопытные результаты. Они надеются, что к концу года они смогут полностью обеспечить себя питанием, — ими возводится завод по производству синтетической пищи. Информация, которую сообщил мне Рэйдера, прекрасно укладывается в концепцию поля-ингибитора. Кстати, я засадил Иохансона и Грюневальда за разработку аппарата, который будет генерировать такое же поле, но, естественно, в куда меньших масштабах. Если нам это удастся, мы тем самым докажем состоятельность нашей теории. Тогда Нэт получит возможность детально изучить влияние поля на биологические структуры. Что касается меня самого, то я собираюсь заняться дальнейшей проработкой квантово-релятивистской общей механики Рэйедера совместно с принципом всеобщей взаимосвязи.

— Что тобой движет? Обычное любопытство?

— Можешь поверить, я руководствуюсь чисто практическими интересами. Мы можем найти способ получения атомной энергии из любого материала путем прямого расщепления ядер, тогда разом разрешатся все энергетические проблемы. Возможно, нам удастся преодолеть и световую скорость, тогда расстояние до звезд...

— Понимаю. Ты говоришь о новых мирах. При желании мы бы могли вернуться и в это твое ингибирующее поле, с тем чтобы опять поглупеть. Наверное, это сделало бы нас счастливее. Нет, нет, конечно же я понимаю, что тебе этого не хочется! — Хельга открыла ящик стола и вынула из него измятую пачку сигарет. — Курить не бросил?

— Господи! Откуда они у тебя?!

— Это тайна. — Она протянула ему зажженную спичку и после этого прикурила от нее сама.

Какое-то время они молча курили. Оба прекрасно понимали, что происходит в душе у другого.

— И все же я бы проводил тебя до дома, — не выдержал Коринф. — Там сейчас небезопасно. Банды пророка...

— Хорошо, — согласилась Хельга. — Хотя у меня есть машина, а у тебя нет.

— От меня до тебя — пара кварталов, да и район наш безопасный.

Патрулировать весь город власти не имели возможности, все силы были сосредоточены на некоторых ключевых трассах и районах.

Коринф снял очки и принялся протирать стекла.

— Я до сих пор этого не понимаю... — сказал он. — Человеческие взаимоотношения были для меня загадкой и прежде, теперь же и вовсе... Чем можно объяснить столь неожиданный возврат к животному состоянию заметной части человечества? Ведь эти люди, кажется, должны были стать разумней? Почему они не понимают того...

— Они этого не хотят. — Хельга сделала глубокую затяжку. — Мы сейчас не станем говорить о сумасшедших, которых тоже немало. Согласись, что ум иметь мало, надо иметь и достойную тему для размышления. Миллионы, вернее, сотни миллионов людей, которым прежде не приходило на ум ничего сколь-нибудь значимого, вдруг получили в свое распоряжение мощнейший мыслительный агрегат — мозг, наделенный новыми свойствами. Они не могут не мыслить, но разве у них есть для этого разумное основание? Они верны прежним предрассудкам и суевериям, они испытывают те же ужас, ненависть и жажду. Пришедшая к ним неведомо откуда ментальная энергия используется ими для достижения прежних низменных целей. Когда Третий Ваал предлагает этим перепуганным, вконец запутавшимся людям некую панацею от всех их бед, он играет наверняка — они верят ему, потому что им этого хочется. Он предлагает им сбросить ненавистное ярмо разума и забыться в эмоциональной оргии. Это неизбежно, Питер, хотя, конечно, долго длиться подобное не может.

— Н-да... Сейчас мой Ай-Кью приближается уже к пятистам, но при этом я отдаю себе отчет в том, что особенно уповать на разум нам теперь не приходится... Увы, это так.

Коринф поморщился и затушил сигарету. Хельга собрала бумаги и, положив их в ящик стола, спросила:

— Ну что — идем?

— Да уж пора... Скоро полночь. Боюсь, Шейла будет волноваться. Пройдя через пустынный холл и попрощавшись с охранниками, они вышли на улицу. На стоянке, освещавшейся одной-единственной лампой, стояла одинокая машина Хельги. Хельга села за руль и осторожно повела автомобиль по совершенно неосвещенным городским улицам.

— Как бы мне хотелось, — еле слышно прошептала она, — оказаться где-нибудь в горах. Далеко-далеко отсюда.

Он кивнул, с тоской вспомнив открытый горизонт и небо, усыпанное звездами...

Банда напала на них так неожиданно, что они даже не пытались бежать от нее. Только что они ехали по совершенно пустым улицам и вдруг перед ними была уже огромная толпа, в первых рядах которой стояли люди с фонариками. Хельга поспешила нажать на тормоз, и тут же машину со всех сторон окружили люди.

— Смерть ученым! — заревела толпа дружно и тут же подхватила песню:

*Если хочешь, чтобы сердце
Пламенем пылало,
Посвяти себя служенью
Третьего Ваала.*

Из-за домов поднялась стена пламени, отсвечивавшая красным...

Коринф мгновенно понял, что беснующейся толпе удалось прорвать линии обороны, выстроенные патрульными вокруг этого охраняемого района, они могли уничтожить его, прежде чем властям удалось бы прислать сюда подкрепление.

В окне водителя появилось бородатое грязное лицо.

— Баба! У него же там баба!

Коринф, не раздумывая, выхватил из кармана пистолет и выстрелил. Бородач завалился на спину, толпа же возбужденно завывала.

Коринф неимоверным усилием сумел открыть дверцу машины со своей стороны и тут же почувствовал, что его хватают за ноги. Он снял очки, решив, что носить их в сложившихся обстоятельствах небезопасно, и, прокашлявшись, обратился к толпе:

— Слушайте меня! Слушайте меня, люди Ваала!

Рядом с его головой просвистела пуля.

— Слушайте, что вам скажет Третий Ваал!

— Пусть скажет! — раздалось из толпы. — Давайте его послушаем!

— Молнии, громы и град бомб! — закричал Коринф. — Пейте, ешьте и услаждайте себя, ибо последний день близок! Разве вы не слышите, как дрожит земля у вас под ногами? Ученые взорвали большую атомную бомбу! Мы должны истребить их, прежде чем наш мир обрушится под тяжестью их открытий! С кем вы — с нами или с ними?

Толпа опешила, чувствуя, что происходит что-то неожиданное и важное. Люди ждали, что он скажет им дальше. Коринф вздохнул и, не думая особенно о смысле сказанного, продолжил:

— Грабьте, рушьте, убивайте! Дашь винные погреба! Пламя, только пламя способно очистить наш мир от всей этой нечисти! За мной, братья! Я знаю, где они прячутся! За мной!

— Смерть ученым! — вновь поползло по толпе, заполнившей собой весь Манхэттен.

— Они там! — истошно завопил Коринф, взобравшись на крышу автомобиля и указывая рукой в направлении Бруклина. — Они нашли прибежище там! Я видел их атомные бомбы собственными глазами, о, люди Ваала! Я говорю вам — конец мира близок! К вам я послан самим Ваалом — я его полномочный представитель! Да поразит меня гром, если это не так!

Хельга нажала на кнопку клаксона. От его звуков толпа пришла в еще большее неистовство и, не разбирая дороги, потекла в указанном посланником Ваала направлении, круша все, что попадалось ей на пути.

Коринф спрыгнул с крыши автомобиля, дрожа от волнения.

— Поезжай за ними, — шепнул он Хельге. — Иначе они заподозрят что-то недоброе.

— Я понимаю, Пит... — Хельга помогла ему сесть в машину и, включив фары, поехала вслед за многотысячной толпой, время от времени подгоняя ее оглушительными сигналами клаксона. Вскоре с неба послышался стрекот десятков вертолетов.

— Теперь — уходим, — прохрипел Коринф.

Хельга кивнула и, развернув машину, нажала на газ. Толпа, которую полицейские вертолеты потчевали слезоточивым газом, тут же осталась далеко позади.

Хельга остановила машину перед домом Коринфа.

— Приехали.

— Я же хотел тебя проводить, — робко пробормотал Коринф.

— Ты это уже сделал. Если бы не ты, они бы от того района камня на камне не оставили. — Слабая улыбка тронула ее губы. — Это было просто замечательно, Пит. Кто бы знал, что ты на такое способен...

— Для меня это было такой же неожиданностью, — усмехнулся Коринф.

— Наверное, ты ошибся со специальностью. Но, как говорится, лучше поздно, чем никогда... — Немного помедлив, Хельга добавила: — Ну да ладно — спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — ответил Коринф.

Она наклонилась вперед и хотела было что-то сказать, подавшись мгновенному порыву чувств, но тут же здравый смысл взял свое, и она только грустно покачала головой. Хлопнула дверца. Хельга вздохнула и поехала домой.

Коринф проводил ее машину взглядом и, постояв еще с минуту, вошел в дом.

Глава 8

Припасов оставалось уже немного — продукты для себя, корма и соль для оставшихся животных. Электричества не было, пользоваться же керосинкой Брок почему-то не хотел. Он решил, что ему нужно съездить в город.

— Джо, оставайся здесь, — сказал он собаке. — Я скоро вернусь.

Собака утвердительно кивнула. Пес освоил английский на удивление быстро; Брок, привыкший разговаривать с ним вслух, решил в ближайшем будущем всерьез заняться собачьим общением.

— Ты уж присматривай за порядком, Джо, — добавил Брок, с опаской посмотрев на лесную опушку.

Подогнав к цистерне с бензином выдавший виды зеленый пикап, Брок заправил его под завязку и после этого выехал на проселок. Утро выдалось прохладным, воздух пах дождем, горизонт был затянут мутной дымкой. Он ехал, не уставая поражаться царившему повсюду запустению. Да, за эти два месяца мир стал совсем иным... Возможно, так же пусто теперь было и в городе.

Он вырулил на мощенное камнем шоссе и прибавил газу. Брок давненько не видел людей, но несколько не страдал от этого. Жаловаться было не на что, хотя, конечно же, работы хватало. Все свободное время он посвящал чтению и раздумьям. По прежним стандартам Брок уже тянул на гения высшей пробы. Он флегматично отдался жизни анахорета, ничуть не тяготясь своим одиночеством.

Пару дней назад он решил заглянуть к Мартинсону, своему ближайшему соседу, но оказалось, что дом последнего пуст, а окна и двери его заколочены. Эта картина вызвала у Брока столь тягостное чувство, что он решил больше не бывать у соседей.

Он переехал через виадук и оказался в городе. На улицах не было видно ни души, но дома казались обитаемыми, хотя магазины по большей части были закрыты. Пустые их витрины выглядели зловеще. Брок поежился.

Он остановился возле супермаркета «А & Р». Как и прежде, товаров в магазине хватало, однако ценников возле них уже не было. Человек, сидевший за стойкой, ничуть не походил на продавца — скорее это был мыслитель.

Брок направился к нему, поражаясь громкости собственных шагов.

— М-м-м... Простите, пожалуйста... — сказал он мягко.

Человек поднял на него глаза и, узнав, заулыбался.

— А, Арчи, привет... — Он говорил, странно растягивая слова. — Как жизнь?

— Все хорошо, спасибо, — боясь поднять глаза, ответил Брок. — Я вот чего... Хочу, значит, что-нибудь купить.

— Да неужели? — В голосе послышался холодок. — Мне очень жаль, но теперь деньги для нас ничего не значат.

— Понятно... — Брок расправил плечи и заставил себя посмотреть в лицо собеседнику. — Пожалуй, я знаю, в чем дело... Правительства как такового больше нет, верно?

— Не совсем. Просто оно потеряло какое-либо значение, — только и всего. — Человек покачал головой. — Вначале мы столкнулись с рядом серьезных проблем, но потом нам удалось справиться с ними. Рациональная организация работы — вот и весь наш секрет. Теперь дела идут лучше некуда. Того, что мы получали извне, у нас, естественно, нет, но при необходимости мы сможем существовать и автономно.

— У вас что — социалистическая экономика?

— Видишь ли, Арчи, — усмехнулся человек, — этот термин не совсем удачен, поскольку социализм тоже основан на идее собственности. Но что может означать понятие собственности? То, что ты волен распоряжаться с принадлежащей тебе вещью по своему усмотрению. Если следовать такому определению, то под понятие собственности подпадают очень и очень немногие вещи. Тем самым оно имеет скорее символическое значение. Человек говорит себе — «мой дом», «моя земля», иначе он не будет чувствовать себя в безопасности. Понятие «мой» является символом определенного состояния сознания, с которым связаны ощущения собственной состоятельности и неуязвимости. Человек реагирует на символ — только и всего. Теперь такого рода самобман стал невозможным, более того, он стал ненужным, хотя прежде он как ничто иное помогал человеку восстанавливать эмоциональное равновесие. Теперь уже нет нужды связывать свою жизнь с каким-то определенным участком земли, ибо это нецелесообразно экономически. Большинство здешних фермеров перебрались сюда, в город, благо свободного жилья здесь теперь предостаточно.

— И теперь вы обрабатываете землю сообща?

— Я бы выразился иначе. Люди, обладающие способностями к механике, сконструировали несколько устройств, выполняющих за нас практически всю работу. Чего только нельзя сделать из ржавой рухляди, если у тебя есть голова!

Мы на сегодняшний день справились со всеми проблемами. Те, кому что-то не понравилось, разъехались, оставшиеся занялись активным переустройством разнообразных аспектов нашей жизни, приводя их в соответствие нашему новому сознанию. Одним словом, в своем будущем мы уверены.

— Но что же вы реально делаете?

— Боюсь, что объяснить это тебе будет очень непросто, — со вздохом ответил человек.

Брок посмотрел в сторону и надолго замолчал.

— Дело вот в чем, — сказал он наконец неожиданно хриплым голосом. — В усадьбе Россмана кроме меня никого не осталось, а припасы уже подходят к концу. Помимо прочего мне нужны помощники для уборки урожая. Может, поможете?

— Если ты пожелаешь вступить в наше сообщество, местечко для тебя, я думаю, найдется.

— Нет, мне нужно только...

— А я бы тебе советовал вступить в союз с нами, Арчи. Без помощи общины ты не обойдешься. Вдобавок ко всему здесь теперь стало небезопасно. Сюда незадолго до того, как все это стало происходить, приехал цирк. Так вот, диким животным удалось бежать из клеток. Многие из них до сих пор остаются на свободе.

Брок опешил от неожиданности.

— Хорошенькое дельце — ничего не скажешь, — с трудом выговорил он.

— Вот именно, — человек изобразил на лице нечто вроде улыбки. — Понимаешь, мы и сами об этом не сразу узнали — у нас и без того забот хватало. А о том, что звери могут поумнеть, тоже никто как-то не подумал. Кому-то из них удалось выбраться из клетки, и он тут же поспешил освободить всех остальных — в этом теперь можно не сомневаться. Одно время по городу бродил тигр, но после того, как он загрыз парочку ребят, его и след простыл. Куда он мог подеваться, никому не ведомо. Там были и слоны, и... Впрочем, и этого достаточно — оставаться одному теперь небезопасно, Арчи. — Он сделал выразительную паузу. — К тому же тамошние угодыя тебе пахать не перепахать. Вступай в нашу общину — не пожалеешь.

— К черту вашу общину! — внезапно не выдержал Брок. — Мне нужна помощь и больше ничего. Если хотите, можете взять в качестве платы часть собранного урожая. Если уж у вас такие замечательные машины, для вас это все равно никакого труда не составит.

— Тебе надо говорить не со мной, — ответил человек. — Я подобными вещами не занимаюсь. Решения принимает Совет и Ассоциация. Но боюсь, в твоём случае, Арчи, ответ будет звучать так: или все, или ничего. Насильно тебя никто в общину загонять не будет, но благотворительностью мы тоже не станем заниматься. Этого символа теперь тоже не существует. Если ты хочешь включиться в тотальную экономическую систему, либеральнее которой свет еще не видел, мы найдем для тебя подходящее место.

— Короче говоря, — прохрипел Брок, — я, подобно домашнему животному, буду выполнять отведенную мне работу. Если же я не соглашусь с этой ролью, вы потеряете ко мне интерес, так? — Он резко развернулся. — Нет уж — увольте.

Он вышел из магазина и быстрым шагом направился к грузовику. Его трясло от негодования. Больше всего он был расстроен тем, что в конечном итоге человек этот был прав. В роли парии рассчитывать ему было действительно не на что. Раньше, когда он был слабоумным, его бы устроила любая роль, но теперь — теперь он хотел быть независимым.

Машина со скрипом завелась. Черт с ними, он как-нибудь обойдется и без посторонней помощи. Уж лучше быть диким зверем, чем послушным чужой воле ослом.

Назад он гнал как безумный. На лугу он увидел странную машину, косившую и тут же скирдовавшую сено, за работой которой, скучая, наблюдал какой-то человек. Когда они обзаведутся достаточным количеством материалов, они поставят на его место робота. Брок хмыкнул и покачал головой. Ну и что из того? У него, в конце концов, тоже есть руки.

Дальше дорога шла через лесок. Броку показалось, что за деревьями промелькнуло что-то огромное, но он не был уверен в этом.

Подъехав к поместью, он несколько подуспокоился и даже стал строить определенные планы на будущее. От коров он будет получать молоко, масло и, возможно, сыр. Куры — если, конечно, ему удастся их вернуть — будут нести ему яйца. Можно будет время от времени охотиться на овечек — вернее, не на овечек, а на этих проклятых свиней. Коптильня в поместье имеется, так что и с мясом особых проблем не предвидится. Он сможет запастись достаточным количеством сена, зерна и кукурузы, чтобы спокойно пережить зиму, при этом Тому и Джерри тоже придется изрядно попотеть. Если же ему удастся смастерить ручную мельницу, то можно будет разжиться и мукой и начать печь хлеб. Одежды, обуви и инструментов было более чем достаточно. Главной проблемой оставалась соль, но, по слухам, милях в ста от поместья можно найти лизунец, так что и эта проблема имела

решение. Еще нужно побеспокоиться о дровах, но это уже совсем просто.

Работы у него будет, что называется, невпроворот, и делать он будет ее в одиночку, полагаясь только на собственные силы. Впрочем, люди всегда так и жили — в любом случае это не смертельно.

Теперь в его распоряжении совершенно новый мозг. Осталось направить его в нужную сторону — пусть он планирует работы и изобретает всякие разные приспособления и устройства, которые смогут облегчить ему жизнь. Бояться совершенно нечего.

Он расправил плечи и прибавил газу, горя желанием приступить к работе, едва вернувшись домой.

Но стоило ему съехать на проселок, как из леса послышались знакомые звуки: треск веток, визг и похрюкивание. «Свиньи! — молнией промелькнуло у него в голове. — Свиньи видели, как я уезжал!»

Он даже не догадался захватить с собою ружье.

Брок ругнулся и поехал напрямик к ферме. Там царил полнейший хаос. Ворота амбара были выломаны, свиньи, к этому времени уже успевшие объесться, валялись в просыпавшихся из мешков кормах, иные из них, однако, спешили оттащить мешки поближе к лесу. Здесь же находился и бык, которого появление Арчи мгновенно привело в неистовство. К восторгу собравшихся коров, он грозно заревел и раздул ноздри. В сторонке лежала парочка раздавленных овец, все прочие, по всей видимости, разбежались. Что касается собаки...

— Джо! — закричал Брок. — Где ты, дружище?

Накрапывал дождик, вся округа была объята туманом. Щетина мокрого старого хряка отливала стальным блеском. Грозно посмотрев на приближающийся грузовик, он поднял голову и призывно завизжал.

Брок ехал прямо на него. Грузовик оставался его единственным оружием. В последний момент хряк отскочил в сторону, дав Броку возможность подъехать к амбару. В тот же миг на грузовик со всех сторон набросились свиньи. Бык опустил голову и грозно заревел.

С крыши инкубатора послышался яростный лай Джо. Пес истекал кровью, но, похоже, раны, полученные им в схватке, не были серьезными. Умудрившись неведомо как забраться на эту крышу, Джо спас себе жизнь.

Брок сдал немного назад, развернулся и направил машину на злобно повизгивающих животных. Он не успел набрать нужной скорости, и атака его по этой причине ни к чему не привела — свиньи успели разбежаться в стороны. В тот же миг в атаку пошел бык.

Брок даже не успел толком испугаться — удар пришелся прямо по кабине. От сильного сотрясения у Брока буквально потемнело в глазах.

Бык покачнулся, но все же устоял на ногах, грузовику же пришел конец. Свиньи моментально поняли это и, возбужденно повизгивая, полезли на подножку...

Брок приподнял сиденье и извлек из-под него тяжелый гаечный ключ с длинной ручкой.

— Ничего, ничего, — пробормотал он. — Попробуйте только сюда сунуться.

Из-за деревьев вышла огромная серая тень высотой до неба. Бык поднял голову и озадаченно фыркнул. Свиньи прекратили атаку, и на миг установилась полная тишина.

И тут, словно гром среди ясного неба, прогремел выстрел. Старый хряк принялся кружить на месте, визжа от боли. Второй выстрел ранил быка. Тот, решив не испытывать судьбу, тут же унесся в лес.

«Слон, — изумленно подумал Брок. — Ко мне на помощь пришел слон...»

Огромная серая тень медленно двинулась по направлению к свиньям. Те стали нехотя отходить, глаза их наполнились злобой и ужасом. Наподдав своей огромной ногой испускавшему дух хряку, слон вдруг перешел на удивительно грациозный бег. Свиньи бросились врассыпную.

Брока била крупная дрожь. Когда наконец он выбрался из кабины, так и не выпуская из рук гаечного ключа, слон стоял уже возле сеновала, меланхолично набивая свою утробу. Перед Бром выросли две лохматых тени.

Джо, тихо тявкнув, захромал навстречу своему хозяину, ошарашенно смотревшему в глаза шимпанзе, который держал в лапах ружье.

— Хорошо, — выдавил из себя Брок, чувствуя, что лоб его покрылся холодными капельками пота. — Хорошо, как ты скажешь, так все и будет. Чего ты хочешь?

Шимпанзе посмотрел на него долгим взглядом. Это был самец, рядом с ним стояла и самка. Брок вспомнил о том, что тропические обезьяны в этой климатической зоне чувствуют себя не очень уверенно, — он прочел об этом в какой-то книге. Скорее всего обезьяны сбежали из цирка, заодно прихватив с собой ружье и слона.

Шимпанзе дрожал. Не сводя взгляда с человека, он медленно опустил ружье на землю, подошел к Броку и дернул его за полу пиджака.

— Ты меня понимаешь? — спросил Брок, который к этому времени чувствовал себя уже слишком усталым, для того чтобы

поражаться фантастичности этой сцены. — Ты понимаешь по-английски?

Ответа не последовало, но обезьяна все так же продолжала тянуть его за пиджак. Наконец она отпустила его и, указав своей длиннопалой рукой на себя и на свою подругу, вновь потянулась к его поле.

— Так. — Брок старался говорить как можно мягче. — Кажется, я тебя понял. Вам страшно, и без человеческой помощи не обойтись, но при этом вам не хотелось бы вновь оказаться в клетке. Верно?

Ни слова в ответ. Но обезьяньи глаза все так же молили его о чем-то.

— Хорошо, — вздохнул Брок. — Вы пришли сюда очень вовремя и выручили меня из беды. Убивать меня вы не стали, хотя сделать это ничего не стоило. Что ж, будем считать, что вы двое и слон станете моими помощниками и... и... впрочем, и так все понятно.

Он снял пиджак и отдал его шимпанзе. Обезьяна довольно забормотала и тут же натянула пиджак на себя. Он сидел на ней не очень ладно, и Брок не удержался от смеха.

— Хорошо. Чему быть, того не миновать. Будем считать, что все мы отныне — дикие звери. Договорились? Идем в дом, что-нибудь перекусим.

Глава 9

Владимир Иванович Панюшкин стоял под деревом, с ветвей которого то и дело срывались тяжелые капли, падавшие ему на шлем и сбегавшие по плащу. Плащ был превосходный — он снял его с полковника, убитого во время последнего сражения, — вода стекала с него как с гуся. То, что его драные башмаки промокли насквозь, не имело особого значения.

С вершины холма хорошо просматривалась долина и опушка леса, все остальное было скрыто пеленой дождя. Нигде не было видно ничего подозрительного, однако инструмент указывал на то, что где-то рядом находятся части Красной Армии.

Он вновь взглянул на шкалу прибора, находившегося в руках у священника. Стекло сильно запотело, однако было видно, что стрелка постоянно подергивается. Панюшкин не понимал принципа работы прибора, собранного священником из трофейного приемника, но уже не раз убеждался в точности его показаний.

— До них отсюда километров десять будет, не меньше. Слышите, Владимир Иванович? — И борода, и грубая ряса священника промокли насквозь. — Они ходят вокруг, оставаясь на прежнем расстоянии от нас. Что и говорить — Бог нас хранит.

Панюшкин, который был материалистом, пожал плечами. Когда речь шла о борьбе с советской властью, о расхождениях в

вере можно было не думать — у священника и у него была одна общая цель.

— Может быть, все обстоит иначе, — ответил он. — Думаю, пришло время посоветоваться с Федором Александровичем.

— Нельзя так часто беспокоить его, сын мой, — возразил священник. — Он и так слишком устал.

— А мы разве не устали? — бесстрастно отметл возражения Панюшкин. — Это очень важная в стратегическом отношении операция. Если нам удастся пробиться к Кировограду, Украина окажется отрезанной от всей страны, и это даст шанс на победу украинским националистам.

Он тихонько насвистел несколько нот. Теперь языком стала и музыка. Успех освободительного движения в советской империи во многом зависел от подобных маленьких секретов.

Из кустов, в которых притаился отряд Панюшкина, вылез экстрасенс. Это был шуплый мальчик лет четырнадцати с отсутствующим взором. Священник обратил внимание на лихорадочный румянец, которым горело его лицо, и, перекрестившись, помолился о мальчике. Тот явно был на пределе сил. Впрочем, коль уж пришел срок пасть режиму безбожников, все подобные жертвы были оправданы. Без таких людей, как этот мальчик, сейчас было не обойтись. Они образовывали надежную незаметную сеть, связывавшую всех борцов воедино, от Риги и до Владивостока. О таких шпионах, как эти, прежде можно было только мечтать. Большинство же людей по-прежнему сохраняло верность режиму, соответственно нужно было искать нетрадиционные способы борьбы с ним.

Люди могут ненавидеть свое правительство и одновременно поддерживать его, понимая, что все недовольные будут рано или поздно уничтожены. Если же разом поднимется весь народ — пусть это даже будет мирная акция гражданского неповиновения, — правительство вынуждено будет отступить. Если же оно окажется оторванным от своих корней — страны и народа, — его сможет свалить и миллион вооруженных людей.

— Там красные, — сказал Панюшкин, махнув рукой по направлению к лесу. — Вы не подскажите нам, Федор Александрович, что они собираются предпринять?

Мальчик присел на корточки и закрыл глаза. Панюшкин не сводил с него глаз. Быть связанным разом с десятью тысячами экстрасенсов, разбросанных по всему континенту, судя по всему, было очень непросто. Заглядывать же в душу людей, тебе незнакомых, куда как сложнее. И все же сейчас без этого было не обойтись.

— Они — они о нас знают. — Казалось, голос мальчика доносился откуда-то издалека. — Они... У них есть приборы. Их металл нас видит! Они... Это — смерть! Они пошлют смерть!

Он резко раскрыл глаза и тут же, совершенно ослабев, лег на траву. Священник присел возле мальчика и, покачив головой, с укоризной посмотрел на Панюшкина.

— Управляемые снаряды! — Командир резко развернулся. — Значит, теперь и у них есть детекторы, подобные нашим. Ну что, батюшка, разве зря мы его позвали? Пора уходить отсюда. Не ровен час, с неба что-нибудь посыплется.

Оставив на прежнем месте массу металлических предметов, по которым на них и наводились вражеские приборы, отряд вышел в поход. Пока враг будет обстреливать ракетами место их прежней дислокации, они постараются напасть на него с тыла.

Командир не знал, помогает им Бог или нет, но в исходе боя практически не сомневался.

Не успел Феликс Мандельбаум занять свое кресло, как из селектора прозвучало: «Гэнтри». Судя по тону секретарши, речь шла о чем-то важном.

Гэнтри... Человека с такой фамилией встречать ему еще не приходилось. Он вздохнул и посмотрел в окно. Прохлада утренней тени все еще заливала собой улицы, однако уже теперь было понятно, что день будет жарким.

Внизу, под окнами офиса, стоял танк, защищавший здание муниципалитета. Волна насилия начинала потихоньку спадать, после бесславного ареста «пророка» культ Третьего Ваала практически за неделю сошел на нет. Численность и опытность милиционеров росли день ото дня, что позволяло властям справляться с орудовавшими в городе бандами. В Нью-Йорке установилось определенное спокойствие. При этом никто не имел ни малейшего представления о том, что творится за его пределами. Впрочем, в том, что горожанам предстоит пережить еще очень и очень многое, можно было не сомневаться.

Мандельбаум откинулся на спинку кресла и заставил себя расслабиться. Ему и поныне удавалось производить впечатление донельзя энергичного человека, хотя на самом деле он не чувствовал ничего кроме усталости. Слишком много дел, слишком краткий сон... Он нажал на кнопку звонка, извещая секретаршу о том, что посетитель может войти.

Гэнтри оказался высоким костлявым человеком. Дорогой добротный костюм сидел на нем мешком. Говор выдавал северянина.

— Говорят, теперь вы стали единовластным правителем этого города.

— Не совсем так, — ответил Мандельбаум, улыбнувшись. — Я — генеральный уполномоченный по улаживанию конфликтов, и только.

— Правильно. Но, поскольку нынешнее время сплошь состоит из конфликтов, вы, по сути, превратились в босса.

В словах посетителя чувствовалось что-то агрессивное, хотя по своему он был действительно прав. Мэр, как и прежде, занимался рутинными организационными вопросами; Мандельбаум же, как человек куда более гибкий, был координатором тысячи различных программ, тем самым определяя всю текущую политику городских властей. Вновь созданный городской совет практически всегда поддерживал принятые им решения, что свидетельствовало о его влиянии.

— Присаживайтесь, — пригласил гостя Мандельбаум. — Что у вас?

Его неутомимый ум уже дал ответ на этот вопрос — сейчас Мандельбаум просто тянул время.

— Я представляю овощеводов восьми округов. Меня послали к вам с одной целью. Мы хотим знать, по какому праву вы нас обираете?

— Обираем? — переспросил Мандельбаум невинным голоском.

— Вы прекрасно все понимаете. Когда мы отказались от оплаты нашей продукции долларами, нам предложили какие-то расписки. Когда мы отказались и от них, они сказали, что заберут наш урожай силой.

— Знаю, знаю, — закивал головой Мандельбаум. — У нас работает масса невоспитанных людей. Мне очень жаль.

Гэнтри прищурился:

— Надеюсь, они на прицел наших не брали? У нас ведь, сами понимаете, тоже пушек хватает.

— Может, у вас есть и танки? Или, скажем, самолеты? — Сделав небольшую паузу, Мандельбаум продолжил: — Послушайте, господин Гэнтри, в городе осталось на сегодняшний день шесть или семь миллионов человек. Если мы не обеспечим их питанием, начнется голод, верно? Вы хотите, чтобы семь миллионов ни в чем не повинных мужчин, женщин и детей погибли голодной смертью, в то время как ваша ассоциация не знает, куда ей девать излишки продукции? Разумеется, нет. Вы ведь такие же люди. Поступить так вам не позволит элементарная человеческая совесть.

— Не знаю, что вам и сказать, — мрачно отозвался Гэнтри. — После того, что сделала эта банда, когда она месяц назад покинула город...

— Поверьте, городские власти делали все, что было в их силах, чтобы остановить этих людей. Разумеется, вышло далеко не все, поскольку подобной паники не было еще никогда, но — в общем и целом — нам удалось удержать горожан на месте. В противном случае они действительно смели бы вас... — Мандельбаум сплел пальцы и бесстрастно продолжил: — Будь вы действительно чудо-

вищами, вы утомили бы нас голодом. Но события в этом случае приняли бы иной оборот. Рано или поздно горожане ринулись бы на ваши земли, и тогда всему пришел бы конец.

— Все верно. — Гэнтри незаметно для себя самого из нападающей стороны превратился в сторону обороняющуюся. — Не подумайте, что мы хотим каких-то там конфликтов или беспорядков... Понимаете, все очень просто... Мы кормим вас, вы же нам за это не платите. Вы берете все даром. Что такое расписка? Что на нее можно купить, скажите?

— Сейчас ничего, — искренне признался Мандельбаум. — Но поверьте мне — это не наша вина. Здешные люди хотят работать. Нужна более четкая организация производства, не более. Когда все встанет на свои места, расписки обратятся в одежду и технику. Если же вы перестанете кормить нас, то о какой плате может идти тогда речь?

— Все это уже говорилось на собрании ассоциации, — ответил Гэнтри. — Но где гарантия того, что вы выполните взятые на себя обязательства?

— Господин Гэнтри, вы же понимаете, что подобное сотрудничество нам выгодно. Ради его сохранения мы даже готовы ввести в городской совет вашего полномочного представителя. Если это произойдет, у вас, по крайней мере, исчезнет превратное впечатление о том, что здесь происходит.

— Гм-м-м... — Гэнтри вновь сощурил глаза, на сей раз задулавшись. — Какое количество наших людей могло бы участвовать в работе совета?

Какое-то время они торговались, в результате чего была достигнута договоренность о предоставлении четырех мест в городском собрании фермерам, которые обладали бы правом вето при решении вопросов, связанных с аграрной политикой. Мандельбаум не сомневался в том, что фермеры примут его предложение, — они должны были воспринять его как свою победу.

Он усмехнулся. В чем же состояла эта победа? Право вето практически ничего не значило, ибо аграрная политика была известна заранее. Город, штат и вся страна были заинтересованы в воссоединении столь обширных территорий. Совокупный долг фермерам мог так и остаться долгом, общество менялось столь стремительно, что в скором времени города как таковые могли совершенно исчезнуть с лица Земли. Но и это в создавшихся условиях ничего не значило. Речь теперь шла о выживании человечества как вида.

— Норт и Морган, — слышалось из селектора.

Мандельбаум вздохнул. С этими сладить было куда сложнее. Портовый босс и безумный политик-теоретик обладали не только изрядными амбициями, но и серьезной поддержкой. В любом

случае разговаривать с ними с позиций силы было неразумно. Он поднялся из-за стола, чтобы засвидетельствовать свое почтение столь высоким посетителям.

Норт был дородным детиной с лицом, заплывшим жиром, Морган был заметно потоньше. В отличие от спутника, он был совершенно лыс. Войдя в кабинет, гости посмотрели сначала друг на друга, затем вопросительно уставились на Мандельбаума. Норт прорычал:

— Это еще что за новости? Я хотел говорить с вами наедине, но вместо этого вы принимаете нас одновременно. Потрудитесь объяснить эту странность.

— Прошу прощения, — пробормотал Мандельбаум. — Произошла какая-то путаница. Может быть, вы оба все-таки присядете? Возможно, нам как-то удастся поговорить и в этом... составе?

— Что значит «как-то»? — взорвался Морган. — Мне и моим последователям невыносимо больно смотреть на то, как нынешними властями попираются и игнорируются основные принципы динапсихизма! Я предупреждаю вас, если в ближайшее время вы не измените своего...

Норт оттер Моргана в сторону.

— Послушайте. В нью-йоркском порту мертвым грузом торчит добрая сотня судов, в то время как восточное побережье и Европа только и мечтают о том, чтобы сбыть произведенные ими товары на сторону. Мои ребята больше не хотят мириться с таким положением.

— О Европе в последнее время мало что слышно, — сказал Мандельбаум извиняющимся тоном. — Что касается возможности торговли с восточным побережьем, то и до этого у нас пока руки не дошли. Во-первых, чем мы будем торговать? Чем мы будем заправлять эти суда? Мне очень жаль, но...

Дальше Мандельбаум продолжил уже про себя: *«Но при ваших аппетитах на это никаких средств не хватит...»*

— Причина всех бед в тупой ограниченности, — заявил Морган. — Как я уже не раз доказывал, социальная интеграция на основе психологических тенденций, открытых мною, устранил...

«А твоя беда в том, что ты жаждешь власти. Слишком многие сейчас ищут панацею от всех этих бед, универсальный ответ на все эти вопросы... Ты говоришь умные слова, и они считают тебя умным человеком. Определенный тип людей, как и прежде, мечтает о человеке на белом коне, но на сей раз — с книгой под мышкой. Ты и Ленин!»

— Простите, — сказал он вслух. — Что вы можете предложить, господин Норт?

— Нью-Йорк строился как порт, и он будет таковым еще не один год. Мы хотим только одного — работники порта должны

иметь свою долю в приносимой им прибыли. Это было бы справедливо.

«Иными словами, ты тоже стремишься к власти...» Вслух, задумчиво:

— В том, что вы оба говорите, есть некая толика истины, я с этим несколько не спорю. Но вы ведь понимаете — мы не можем решить разом все проблемы. Что касается вас, то точек соприкосновения у вас куда больше, чем может показаться на первый взгляд. Почему бы вам не подготовить совместную программу, учитывающую интересы всех сторон? В этом случае мне будет проще выносить ваши предложения на совет, понимаете?

Бледные щеки Моргана внезапно зарумянились.

— Эти потные скоты...

Норт сжал руки в кулаки.

— Но, но, — полегче на поворотах, дружище!

— Вам обоим хочется видеть у власти сильное правительство, верно? — вмешался Мандельбаум. — Мне кажется, что временные союзы...

«Гм-м-м... — Одна и та же мысль зажглась в глазах его собеседников. Вызвать ее к жизни оказалось несложным делом. — Если мы объединимся, мы, пожалуй, сможем... Потом останется только избавиться от этого...»

Обсуждение длилось еще какое-то время, после чего и Норт, и Морган вышли из кабинета. В их глазах Мандельбаум читал едва ли не презрение: и как это он не слышал о таком принципе — «разделяй и властвуй»?

Он вздохнул с огорчением. Люди остались такими же, как и прежде, просто мечтатели стали возводить куда более высокие воздушные замки, а жулики еще тверже усвоили единственный доступный им язык — язык наживы.

Бесконечно продолжаться это не может. Пройдет всего несколько месяцев, и не останется ни Нортов, ни Морганов. Изменения, происходящие в них самих и во всем человечестве, просто уничтожат их, обратив их малость в ничтожность... Пока же они все еще оставались опасными хищниками и с ними нельзя было не считаться.

Он снял трубку и вызвал линию связи, услугами которой здесь мог пользоваться только он.

— Бауэрс? Как идут твои дела? Знаешь, я только что расстался с динапсихистом и этим жуликом, что командует всем портом. Вероятно, они в скором будущем выступят с идеей создания какого-нибудь Народного фронта... Все для того, чтобы получить какое-то количество мест в городском собрании, а потом взять власть силой. Эдакий дворцовый или, если хочешь, государственный переворот... Да, да. Оповестите об этом наших агентов и там, и там. Мне нужны будут развернутые отчеты. С помощью

тех же агентов мы постараемся столкнуть их лбами... Да, альянс такой же непрочный, как и все остальные. Достаточно небольшого усилия, чтобы они развязали друг против друга войну. После того как милиция разберется с теми, кто останется в живых, мы начнем кампанию, призывающую граждан к здравому смыслу... Разумеется, я постараюсь рассчитать все наперед...

Он положил трубку и какое-то время сидел с выражением скорби на лице. Он только что подписал смертный приговор множеству людей, мало чем отличавшихся от всех прочих... Но у него не было иного выхода. Тем самым он спасал жизнь и независимость миллионов своих сограждан.

— Охо-хо... Попробуй усиди на таком месте, — пробормотал Мандельбаум, взглянув на расписание приемов. До прихода представителя Олбани* оставался еще час. С ним разговор тоже обещал быть весьма непростым. Город ежедневно нарушал законы страны и штата — иначе он не смог бы существовать, — и это приводило губернатора в ярость. Он хотел вернуть себе прежние полномочия, что на деле было не так уж и глупо, однако время для этого явно еще не пришло. Впрочем, прежние формы правления теперь имели примерно такое же значение, как и арианские споры. Проблема состояла в ином — как убедить в этом представителя Олбани.

Пока же в его распоряжении был целый час. Долю секунды он выбирал, чем ему следует заняться — новой системой рационализации или изучением возможностей установления порядка в Джерси. В этот момент к нему поступила сводка о снабжении водой Нью-Йорка.

Глава 10

В лаборатории царил полумрак. Призрачный голубоватый свет пульсировал, освещая катушки и бесстрастные шкалы приборов. Лицо Грюневальда, склонившегося над устройством, казалось мертвенно-бледным.

— Да, — пробормотал он, — похоже, мы не ошиблись.

Он щелкнул главным переключателем, после чего свечение прекратилось. Грюневальд не отрывал глаз от крысы, мирно спавшей между катушками. Тончайшие проводки, отходявшие от ее выбритого тела, соединялись с приборами, возле которых стояли Иохансон и Льюис.

Льюис кивнул:

— Реакция нейронов стала другой — Он коснулся регуляторов осциллоскопа. — Причем крутизна кривой именно такая,

* Город Олбани является столицей штата Нью-Йорк.

какую мы ожидали. Все верно. Вы генерировали ингибирующее поле.

Нужно было провести еще целый ряд испытаний и исследовать феномен более детально, но этим уже могли заняться и ассистенты. Основная проблема была решена.

Грюневальд осторожно извлек из устройства крысу и стал вынимать из ее тельца электроды.

— Бедный крысак, — хмыкнул он. — Не знаю, хорошо ли мы поступили по отношению к нему...

Коринф, все это время сидевший на стуле, тут же поднял на него глаза.

— На что ему этот самый интеллект? — не унимался Грюневальд. — Для того, чтобы осознать весь ужас той ситуации, в которой он оказался? А нам он зачем?

— Ты бы хотел вернуться назад? — поинтересовался Коринф.

— Да. — Скуластое белое лицо Грюневальда приняло неожиданно резкое выражение. — Да, хотел бы. Быть слишком умным или слишком проницательным трудно... И вообще — наверное, это плохо.

— А может... — прошептал Коринф, — может, только на этих путях мы и сможем что-то обрести. Новая цивилизация — и не только технология, но и вся ее система ценностей, все ее мечты и надежды — будет строиться не одно поколение. Мы — дикари, мы еще не знаем самих себя, мы не знаем, какой должна быть наша жизнь. Понятно одно — наука это еще не жизнь.

— Нет, — вмешался в разговор Льюис. — Но ученые, как и все творческие люди, смогли сохранить здравость ума, это факт. У них есть цель жизни — нечто внешнее по отношению к ним, чему они готовы отдать самих себя. — Его лицо озарилось улыбкой. — И еще, Пит. Я, как старый сенсуалист, буквально очарован открывшимися возможностями. Конечно же, сейчас я не могу послушать музыку, но, в конце концов, есть и такие вещи как вино и хорошая кухня. Мое восприятие настолько обострилось, что я стал чувствовать невысказанные прежде нюансы.

Разговор был достаточно странным — почти полное отсутствие слов и масса жестов, сопровождающихся различными выражениями лица и глаз.

— Ну что ж, — выдохнул Иохансон. — Поле-ингибитор у нас уже есть. Теперь дело за вами, неврологами. Вы должны изучить проблему влияния его на живые организмы, иначе мы не узнаем, что может ждать нас в будущем.

— Все правильно, — ответил Льюис. — В данный момент я имею косвенное отношение к данной проблеме, выступая исключительно в роли советчика. Этой темой могли бы заниматься Бронзини и Макандрюс. Сейчас я в основном имею дело с отделом психологии. Это и интересней, и насущней. Я зани-

маюсь неврологически-кибернетическим аспектом данной проблемы.

— Наша прежняя психология практически не имеет смысла, — кивнул Коринф. — Мы изменились настолько, что уже не способны понять мотивацию собственных поступков. Почему я почти все время провожу здесь, вместо того чтобы сидеть дома и помогать Шейле, которая никак не может прийти в себя? Я ничего не могу с этим поделать, я должен исследовать это новое поле, но... Для того чтобы начать все сначала, и при этом оставаться в пределах рационального, мы должны понять новую динамику человека... Что касается меня, то теперь, когда нам удалось генерировать это поле, я займусь существенно иной проблемой. Россман хочет, чтобы я принял участие в его космическом проекте.

— Насколько я понимаю, речь идет о сверхсветовых скоростях?

— Все правильно. Этот принцип основан на одном из аспектов волновой механики, о котором до сдвига никто и не подозревал. Мы намерены генерировать пси-волну, которая... Впрочем, для того чтобы говорить на эту тему, вам придется познакомиться с тензорным анализом и матричной алгеброй. Пока все работы в этом направлении сводятся к планированию — мы ждем, когда появятся нужные люди и материалы. Как только мы построим этот корабль, мы сможем легко передвигаться в пределах нашей Галактики.

Линии сошлись.

— Убежать от себя, — сказал Грюневальд. — Для этого бежать в космические дали.

Какое-то время все четверо сидели молча, размышляя над сказанным. Наконец Коринф поднялся со стула.

— Я иду домой, — сказал он хриплым голосом.

Он спускался по лестнице, чувствуя, что в голове его происходит что-то невообразимое — множество мыслей сплелись в один чудовищный узел. Больше всего он думал о Шейле, но в его сознании звучало и имя Хельги, что тут же сменялось потоком диаграмм и уравнений, обрастаемых в ничто ледяными безбрежными пространствами, в которых затерялась крупинка Земли... В то же время какая-то часть его сознания бесстрастно наблюдала за всем этим хаосом, словно участь тому, как следует использовать свои новые потенции.

Язык. Сотрудники Института, хорошо знавшие друг друга, спонтанно выработали новую систему коммуникативных символов, в которой значение имел каждый жест. Это значение автоматически улавливалось слушателем и — так же автоматически — получало в его сознании многоуровневое истолкование. В каком-то смысле язык этот был чрезмерно эффективным, ибо

выявлял то, что не всегда было ведомо самому человеку. Вероятно, люди будущего были бы нагими не только телесно, но и духовно. Подобная перспектива Коринфа нисколько не радовала.

Но ведь были он и Шейла... Для посторонних людей их разговоры казались бы чем-то, по меньшей мере, странным. И таких миниатюрных групп на земле существовало великое множество. Их участники создавали только им одним присущие диалекты, определявшиеся спецификой их личного опыта, который отличал их от всего прочего человечества. Мир как целое требовал какого-то иного языка.

Телепатия? Теперь можно было не сомневаться в том, что она действительно существует, пусть этой способностью обладают и не все. Когда в мире станет поспокойнее, можно будет всерьез заняться проблемами экстрасенсорного восприятия. Сколько нужно будет сделать, и как коротка человеческая жизнь!

Коринф поежился. Боязнь смерти считается характерной особенностью подростков, но, в каком-то смысле, все люди вновь обратились в подростков или даже в детей...

Вне всяких сомнений, в течение нескольких лет биологи должны найти средства, позволяющие увеличить продолжительность человеческой жизни. Может быть, человек сможет жить несколько столетий. Но хорошо ли это?

Он вышел на улицу и направился к автомобилю, переданному в его распоряжение самим Россманом. «Теперь, по крайней мере, не будет проблем с парковкой, — подумал он, усаживаясь за руль. — Такого движения, как раньше, здесь уже не будет».

Нью-Йорк тоже не будет. Большие города были несостоятельны экономически. Сам он приехал сюда из маленького городка. Он любил горы, лес и море. И все же представить будущий мир без перенаселенного, шумного, безумного, жестокого, бесчеловечного, блистательного Нью-Йорка Коринф не мог.

Ночь была жаркой и душной. Впереди, за темными громадами зданий с потухшими паутинками неоновой рекламы, беззвучно сверкали зарницы. Земля жаждала дождя. Фары его машины с трудом раздвигали липкую непроглядную темень.

За прошедшую неделю машин на улицах заметно поприбавилось. Город постепенно начинал приходить в себя. Война двух банд, Портовиков и Динапсихистов, подавленная пару недель назад, была последней крупной вспышкой насилия. Продовольственные пайки все еще оставались скромными, но люди уже начинали выходить на работу, начинали осваивать новую жизнь.

Коринф оставил машину на стоянке за домом и, обогнув угол, подошел к своему парадному. Недавно энергоуправление подключило их лифт к сети, что было большим облегчением для всех

жильцов дома. Подниматься на пятнадцатый этаж было занятием весьма малоприятным.

«Я надеюсь...» Он подумал о Шейле, но оставил эту мысль. Бедняжка дошла до ручки, она плохо спала, ее постоянно мучали кошмары... Он надеялся, что его работа не разлучит их. Шейле нельзя было оставаться одной. Нужно было найти ей хоть какую-то работу, где она смогла бы общаться с людьми.

На их лестничной площадке было темно, но сквозь щель под дверью его квартиры виднелся свет. Час был уже очень поздний. Значит, она не смогла уснуть и сегодня.

Он толкнул дверь. Она была заперта. Он тихонько постучал, но, услышав из-за двери что-то вроде сдавленного крика, постучал уже куда более решительно. Шейла открыла так резко, что он едва устоял на ногах.

— Пит, Пит, Пит!!!

Она прижалась к нему, дрожа от ужаса. Он обнял ее и вновь поразился тому, как она похудела за последние недели. Когда Шейла подняла на него глаза, он увидел, что она плачет.

— Что случилось? — спросил он дрогнувшим голосом.

— Нервы.

Она завела его в квартиру и заперла дверь. В ночной рубашке, на которую был наспех наброшен халат, она выглядела удивительно молодо. Глаза же ее были исполнены усталости и вековой скорби.

— И не жарко тебе в халате? — осторожно спросил он.

— Мне холодно, — ответила Шейла дрожащим голосом.

Коринф вздохнул и, усевшись в мягкое кресло, посадил Шейлу себе на колени. Он почувствовал, что ее трясет.

— Это скверно, — сказал он. — Хуже тебе еще не было, верно?

— Если бы ты сейчас не пришел, я не знаю, что со мною бы стало, — пролепетала Шейла в ответ.

Они стали говорить друг с другом, сплетая слова и жесты, молчание и память, которые могли принадлежать только им и больше никому на свете.

— Я слишком много думаю, — сказала она. — Мы все теперь этим страдаем. (Помоги мне, любимый! Со всех сторон я окружена тьмою, лишь ты сможешь вывести меня отсюда!)

— Тебе нужно к этому как-то привыкнуть, — ответил он мрачно. (Как я могу помочь тебе? Я пытаюсь обнять тебя, но чувствую, что тебя здесь нет...)

— У тебя есть сила, — сказала Шейла, заплакав. — Дай мне хоть частичку ее! (Как только я попытаюсь уснуть, меня начинают мучить кошмары. Когда я не сплю, мир и люди кажутся мне чем-то пустым и холодным. И так будет всегда. Я не в силах вынести этого.)

Усталость, безнадежность...

— Я вовсе не такой уж и сильный. Просто как-то живу и только. Так же следует поступить и тебе.

— Обними меня покрепче, Пит... обними меня покрепче... — Шейла заплакала в голос и прижалась к нему так, словно он был щитом, защищавшим ее от тьмы, вовне и внутри, и от того, что являлось ей оттуда. — Не отпускай меня!

— Шейла, — сказал он. (Любимая: жена, госпожа, друг.) — Шейла, ты должна взять себя в руки. Все дело в том, что твои мысли обрели неизведанную тобой прежде силу. И не только мысли — ты чувствуешь, видишь, гредишь уже иначе, понимаешь? Только и всего.

— Но от этого я становлюсь совсем другой! — В голосе ее явственно зазвучал страх смерти. Она пыталась бороться с ним, но избрала для этого странное оружие — тоску по ушедшему. — Куда исчез наш мир? Где теперь наши надежды, планы, мечты?

— Их, действительно, не вернешь, — сказал он со вздохом. (Пустота, беспросветность.) — Приходится довольствоваться тем, что у нас осталось.

— Я знаю, знаю... Но я так не могу! — По ее щекам побежали слезы. — Пит, я больше расстраиваюсь из-за тебя, понимаешь? (Может быть, я больше никогда не смогу полюбить тебя так, как прежде.)

Он старался держать себя в руках.

— Отказ считать реальность реальностью ведет к безумию. Понимаешь? Если ты сойдешь с ума... — Невообразимо. — Ты все равно останешься.... в ней.

Коринф чувствовал, что еще немного, и он сдастся. Интересно, смогут ли инженеры будущего латать человеческие души?

Глава 11

Лето кончилось, и солнце повернуло на зиму. Теплым сентябрьским вечером Мандельбаум и Россман, сидя возле окна, тихо беседовали. Комната была не освещена, в ней царила ночь. Под ними сверкал огнями Манхэттен. Зрелище было лишено великолепия и шика прежней иллюминации — это светились окна миллионов квартир. Небо над их головами тоже едва заметно светилось, но увидеть это мог далеко не каждый. Вершина Эмпайр-Стейт-Билдинг была увенчана сияющей сферой, озарявшей округу и наполнявшей воздух запахом озона. Мужчины мирно покуривали — с табаком проблем больше не было. В темной комнате были видны только два этих огонька — трубка Мандельбаума и сигарета Россмана. Мужчины готовились к смерти.

— Жена, — сказал Россман с легким упреком. Это означало: (Не понимаю, почему вы не можете сказать об этом своей жене,

почему вы не можете провести с ней эту ночь. Возможно, это последняя ночь в вашей жизни.)

— Работа, город, время. — Древнее как мир пожатие плечами, скорбный тон. — (У каждого из нас есть свое дело — она работает в центре реабилитации, я — здесь, в оборонном ведомстве. Мы не известили об этом и горожан, этого не сделали ни вы, ни я, ни прочие люди из числа тех, кто знает... Так будет лучше — не правда ли?) *«Мы не можем эвакуировать их, их просто некуда отправить. Попробуем мы это сделать, противник тут же запустил бы свои ракеты. Теперь остается только ждать — либо город погибнет, либо защита все-таки сработает...»* (Я не хочу лишней раз нервировать майне либхен. Ей и без того хватает переживаний — и я, и дети, и внуки... Нет, пусть уж все будет так, как будет. Конечно же, мне хотелось бы, чтобы в этот час вся наша семья собралась вместе: Сара, я, все остальные...) — Мандельбаум вновь набил свою трубку табаком.

(Люди из Брукхейвена полагают, что поле способно предотвратить распространение как взрывной волны, так и радиации.) *«Наши люди тайно работали над этим в течение целого месяца. Города, которые могут подвергнуться ударам с воздуха, взяты под охрану. Мы надеемся на то, что она окажется надежной».* (Но это достаточно проблематично. Остается надеяться на то, что защита нам не понадобится.)

— Что тогда? *«Нам известно, что Советы имеют на вооружении межконтинентальные ракеты с атомными боеголовками. Известно и то, что они находятся в отчаянном положении. В стране началась очередная революция, которую всячески поддерживают американские власти. По всей вероятности, русские предпримут отчаянную попытку уничтожить нас, и, скорее всего, атака будет предпринята именно этой ночью. Если атака закончится неудачей, им придет конец — на сей раз они поставили на карту все. Все свои ресурсы они бросили на создание этих ракет».*

— В борьбе с нами они расточат последние свои силы, что позволит мятежникам взять власть в стране в свои руки. Диктатура обречена.

— Но что придет ей на смену?

— Этого я не знаю. Эти ракеты представляются мне последней предсмертной судорогой примитивного хищного человека. Кажется, вы первым назвали двадцатый век «эрой дурных манер»? Прежде мы были глупы — фантастически глупы! Теперь этому, кажется, приходит конец.

— Так же, как и всему остальному. — Россман затушил окуроч и тут же достал из пачки новую сигарету. На мгновение пламя спички осветило его изможденное лицо. — Да, похоже, будущее ничем не будет походить на прошлое. Возможно, общество как таковое сохранится, но оно обретет какой-то иной, неведомый

нам смысл. Скорее всего оно обратится в чисто абстрактное ментальное понятие, выражающее на уровне символов совокупность межличностных связей. И все же обретение новых потенций вовсе не исключает возможности появления сообществ разных типов, в том числе и таких, которые будут основаны на негативистской идеологии.

— Гм. — Мандельбаум продул свою трубку. — Конечно, нам придется начинать с начала буквально все, и при этом мы не можем не совершать ошибок, но вероятность этого достаточно невелика. Вы же, я смотрю, последовательный пессимист.

— Еще бы. Я рожден эпохой, которая у меня на глазах пришла к концу, погрязнув в крови и безумии. Даже до 1914 года было уже очевидно, что мир движется к концу. На моем месте любой бы стал пессимистом. Мне кажется, что я прав. Вследствие того, что произошло с миром, человек вновь оказался отброшенным в состоянии варварства... Или даже не так — у варваров есть хоть какие-то ценности... Человек же обратился в животное.

Мандельбаум кивком головы показал на светящиеся окна домов:

— По-вашему, это животные?

— Муравьи и бобры тоже неплохо соображают в инженерном деле. *«Вернее, соображали. Интересно, что сейчас поделявают бобры?»* Материальные памятники не так уж и значимы. Они создаются только благодаря социальной первооснове — знаниям, традициям, поиску. Это следствия, но никак не причины... Мы же совершенно лишились этой основы. И не то чтобы мы вдруг стали забывчивыми, нет. Просто старое основание уже не устраивает нас. Выживание и комфорт — ни о чем ином мы прежде не задумывались. Возьмем, к примеру, вашу жизнь. Как вы ее оцениваете теперь? Гордитесь ли вы и поныне своими былыми достижениями и успехами? Это же просто сплошная нелепица! Вы испытываете удовольствие, читая классические романы? Вас интересует искусство? Цивилизация прошлого, с ее наукой, искусством, верованиями и взглядами, стала столь неорганичной нам, что мы отказались от принадлежности к ней. Мы более не цивилизованы. У нас нет ни целей, ни стремлений, ни потребности в творческом самовыражении — у нас нет ничего!

— Я бы этого не сказал, — хмыкнул Мандельбаум. — У меня дел столько, что на много лет вперед хватит. Сейчас мы должны решить ряд глобальных проблем: экономика, политика, медицина, контроль за приростом народонаселения, охрана среды... Решить все это крайне непросто — с этим, я думаю, вы спорить не станете.

— И что же потом? — стоял на своем Россман. — Что мы будем делать, когда все названные проблемы будут решены? Что будут делать наши потомки? Чем они будут жить?

— Найдут чем.

— Не знаю... Создание нового миропорядка — задача грандиозная, но вполне выполнимая. Это вопрос времени. Но что последует за этим? Человек вступит в застойную эпоху, которая продлится вечность? Разве это жизнь?

— Наука...

— Да. Кому-кому, а ученым будет чем занять себя. Но большая часть физиков, из числа тех, с которыми мне доводилось общаться, уверена в том, что сфера науки достаточно ограничена. Они исходят из того, что множество поддающихся расшифровке естественных законов и феноменов должно быть конечным; их совокупность составляет некую единую теорию, к обретению которой мы уже близки. Это положение, конечно же, спорно, но считать его лишенным смысла нельзя. Помимо прочего, я очень сомневаюсь в том, что в скором будущем все люди займутся наукой.

Мандельбаум смотрел на темное небо. *«Какая тихая сегодня ночь...»* Ему вдруг живо представились Сара и их дети.

— Хорошо. Тогда что вы скажете об искусстве? Нам предстоит создать новую живопись, скульптуру, музыку, литературу, архитектуру, какие-то новые, неведомые нам прежде формы искусства.

— Все это при условии построения нами здорового общества. (Искусство, как показывает история, всегда имело тенденцию к вырождению или же к имитации прошлого. Его должно что-то питать — само по себе оно существовать не может. И, опять-таки, мой друг, вряд ли все люди станут художниками...)

— Нет? (А если каждый человек будет разом и художником, и ученым, и философом, и...)

— Как и прежде, нужны будут лидеры, стимулы и символы. (Если меня спросят, чего нам больше всего сейчас не хватает, я уверенно отвечу: символа. У нас нет мифа, нет мечты... «Человек — мера всех вещей». С этим спорить невозможно. Но если эта мера становится несоизмеримой ни с чем, что тогда?)

— Мы мало чем отличаемся от тех людей, которыми были еще вчера. — Мандельбаум неопределенным жестом указал на темнеющий вверх небесный свод. (Нас ждет целый мир, вся Вселенная.)

— Думаю, вы нашли начало ответа, — согласился Россман. (Земля теперь слишком мала для нас. Вселенная же дает нам потребный для развития стимул, о котором я только что вел речь. Впрочем, не знаю, будет ли этого достаточно...)

Раздался тихий звонок — это ожил аппарат дальней связи, стоявший возле Мандельбаума. Тот щелкнул переключателем, почувствовав вдруг смертельную усталость.

Аппарат выдал сообщение: «по сведениям космической разведки, на Урале произведен боевой пуск ракет. Четыре ракеты, нацеленные на Нью-Йорк, должны поразить цель через десять минут».

— Десять минут! — присвистнул от изумления Россман. — Должно быть, они создали для этой цели атомные двигатели!

— Несомненно. — Мандельбаум набрал номер Центра Защиты, находившегося в Эмпайр-Стейт-Билдинг. — За дело, мальчишки. У нас осталось десять минут.

— Сколько их?

— Четыре. Полагаю, все они оснащены водородно-литиевыми боеголовками.

— Говорите, четыре? Принято, босс. Пожелайте нам удачи.

— Удачи? — криво усмехнулся Мандельбаум, вешая трубку.

Горожане считали, что шар, установленный на небоскребе, призван служить украшением их города. Когда же шар запылал ослепительным голубоватым пламенем, озарив своим сиянием все небо, и на крышах окрестных зданий завывли сирены, люди начали понимать, что причины его появления куда как серьезней. Мандельбаум представил себе отцов семейств, прижимающих к себе насмерть перепуганных жен и детей. *«Они станут молиться? Вряд ли... если в будущем и останется религия, она будет свободна от анимизма... Может быть, они исполнятся боевого духа? Нет. С этим мифом тоже покончено. Впадут в панику? Без этого, видно, не обойдется... Россман во многом прав. Человеку в его Судный День не остается ничего иного, как только кричать от страха или пытаться прикрыть собою своих ближних. И все они умирают зазря — так же, как они и жили... Если человек грозит кулаком небесам, это всего лишь рефлекс, но никак не протест против зла, царящего в мире... Пустота... Полнейшая пустота... Нам действительно нужны новые символы».*

Поднявшись из кресла, Россман подошел к шкафчику и достал из него бутылку.

— Бургундское урожая сорок второго года, — сказал он. (Может, выпьем?)

— Конечно. Кто был бы против? — ответил Мандельбаум.

К вину он относился с прохладцей, но сейчас не мог не выручить друга. Россман был совершенно спокоен, но чувствовалось, что ему чего-то не хватает. Вероятно, ему хотелось уйти из жизни, как подобает настоящему джентльмену. Он продолжал хранить верность старым символам.

Россман разлил вино в хрустальные бокалы и не без изящества передал один из них Мандельбауму. Чокнувшись, они выпили. Россман вновь сел в кресло. Он пил вино маленькими глотками.

— На свадьбе мы тоже пили бургундское, — сказал он.

— Ладно, не будем плакать, — отозвался Мандельбаум. — Экран нас спасет. Такая же сила удерживает ядра атомов, не давая им распадаться на части. В мире нет ничего сильнее ее.

— Я хочу выпить за здоровье примитивного человека, — сказал Россман. (Вы правы. Это его последняя судорога. И все-таки ему нельзя было отказать и в известном благородстве.)

— Да, — кивнул Мандельбаум. (Помимо прочего, он был очень изобретателен в военном деле.)

— Эти ракеты... (Они не столь просты, как это кажется. Прекрасные сверкающие ракеты, созданные руками человека... Сколько столетий должно было пройти, чтобы возможным стало их появление... То, что сейчас они несут с собой смерть, — простая случайность.)

(Позвольте с вами не согласиться.) Мандельбаум тихонько кашлянул.

На стене висели часы со светящимся циферблатом. Секундная стрелка, которая, казалось, еле ползла, сделала один оборот, другой, третий... Мандельбаум и Россман молча попивали бургундское. Каждый думал о своем.

И тут все небо внезапно вспыхнуло огнем, сияние которого было нестерпимым. Мандельбаум выронил бокал из рук и, прикрыв глаза, стал считать вспышки. Одна, две, три, четыре... Грохот отразился глухим эхом от городских стен, и тут же вновь стало тихо. По пустынным улицам загулял было ветерок, но и он вскоре затих.

— Порядок, — пробормотал Мандельбаум. Экран сработал, город остался цел, жизнь продолжалась. Он набрал номер муниципалитета. — Алло? У вас все в порядке? Смотрите, чтобы в городе после этого не началась паника. Слышите?

Россман сидел в своем кресле совершенно недвижно. Бокал с недопитым бургундским так и стоял на подлокотнике.

Глава 12

Коринф вздохнул и отложил лист с вычислениями в сторону. Через приоткрытое окно до него долетал городской шум. Стоял октябрь, и на улице было уже зябко. Он поежился, выудил из кармана сигарету и закурил.

«Звездолеты... В Брукхейвене построен первый космический корабль».

Его участие в проекте ограничивалось расчетом внутриядерных напряжений в силовом поле, генерируемом приводом корабля. Задача эта была достаточно сложной, но не настолько важной, чтобы без ее решения не могли обойтись создатели звездолета. Только сегодня ему удалось побывать в космическом центре — он наблюдал за тем, как собирается корпус корабля,

поражающего воображение изяществом своих форм. Все его части — двигатель, обшивка, люки, иллюминаторы, приборные доски — были настоящими произведениями инженерного искусства, каких еще никогда не видел мир. Сознать, что ты тоже принимаешь участие в этом проекте, было очень приятно.

Только...

Он негромко ругнулся, затушил сигарету о край переполненной пепельницы и поднялся на ноги. Вечер не сулил ничего хорошего — ему обязательно нужно было увидеться с Хельгой.

Он шел знакомыми коридорами по привычно оживленному Институту. Теперь они работали круглые сутки. Тысячи пробужденных разумов стремились расширить горизонты познания, не зная ни усталости, ни покоя. Он завидовал юным техникам. Они были сильными, цельными, целеустремленными натурами, будущее могло принадлежать им и только им, и они это прекрасно понимали. В свои тридцать три года Коринф чувствовал себя едва ли не стариком.

Хельга вновь вернулась на свое прежнее место. Теперь, когда все нормализовалось, с ее работой мог справиться далеко не каждый, у нее же был опыт и желание работать. Коринф считал, что она слишком уж ревностно относится к исполнению своих обязанностей, что немало смущало его, ибо он понимал, что эта ее ретивость во многом связана с ним. Она никогда не уходила с работы раньше его, понимая, что он может зайти к ней, пусть случалось подобное и не слишком часто.

Он постучал. Из динамика, висевшего над дверью, прозвучало решительное:

— Войдите!

Он вошел в кабинет и вновь — уже в который раз — поразился живости глаз Хельги.

— Может, сходим куда-нибудь поужинать?

Она вопросительно подняла брови, и он поспешил объясниться:

— Сегодняшний вечер Шейла проводит с госпожой Мандельбаум. У нее — я имею в виду Сару — есть какое-то чутье, присущее иным простым женщинам и совершенно недоступное мужчинам. Она умеет успокаивать Шейлу как никто другой. Я же сегодня совершенно свободен.

— Все понятно. — Хельга стала собирать бумаги, лежавшие на столе. Ее офис всегда отличался безупречным порядком, можно было подумать, что здесь работает машина. — И куда же мы отправимся?

— Ты же знаешь, я последнее время нигде не бываю.

— Ну что ж. Тогда я предлагаю отправиться к Роджерсу. Новый ночной клуб для нового человека. — Улыбка ее была

достаточно невеселой. — По крайней мере, еда там вполне личная.

Он вошел в маленькую ванную, примыкавшую к кабинету Хельги, и, встав перед зеркалом, стал приводить в порядок одежду и волосы. Когда он вернулся в кабинет, Хельга уже успела собраться. Ему было достаточно одного взгляда, чтобы запечатлеть в сознании ее цельный образ, что прежде было совершенно немыслимо. Они больше не могли скрывать друг от друга своих чувств, да и не пытались делать этого. Он внимал своим чувствам смиренно и робко, она относилась к ним как к данности. Он нуждался в человеке, который понимал бы его и при этом был бы сильнее, чтобы он мог с ним поговорить, мог признаться у него сил... Ему казалось, что она только отдает, а он только берет, но, несмотря на это, он не мог прервать этих отношений.

Она взяла его под руку, и они вышли на улицу. Свежий студёный воздух пах осенью и морем. Ветер нес по тротуару увядшие листья. Лужицы подернулись ледком.

— Пойдем пешком, — сказала Хельга, зная о его любви к прогулкам. — Здесь недалеко.

Он кивнул, и она повела его по пустынным улицам. Ночь нависала над каменными громадами Манхэттена огромной черной тучей. Город был пуст, редкие пешеходы и машины, встреченные ими на пути, только усиливали это ощущение. Таким теперь был не только Нью-Йорк...

— Как у Шейлы с работой? — спросила вдруг Хельга. Коринф подыскал для Шейлы работу в реабилитационном центре, надеясь, что так ей будет легче жить. В ответ Коринф только пожал плечами. Он подставил лицо ветру, гулявшему между домами. Хельга поняла, что пока ей лучше помолчать.

Над кафе Роджерса висела скромная неоновая вывеска. Едва они вошли вовнутрь, как их залило голубоватое сияние, источник которого оставался невидимым. Создавалось ощущение, что светится сам воздух. *«Здорово, — подумал Коринф. — Как это они умудрились такое сделать?»* Он на мгновение задумался и тут же понял, на каком принципе может быть основан этот эффект. Вероятно, какому-то инженеру внезапно пришла в голову идея стать ресторатором.

Столики здесь были расставлены куда реже, чем это было принято в прошлом. Коринф обратил внимание и на то, что они образуют спираль, которая в среднем минимизирует расстояния, проходимые официантом в его движении меж столиками и кухней. Официант, однако, так и не появился, вместо него к столику на мягких резиновых колесах подъехал робот, предложивший им грифельную доску и перо, для того чтобы они могли сделать заказ.

Мясных блюд в меню практически не было — снабжение города продуктами все еще оставляло желать лучшего, — они заказали сою под белым соусом и аперитив.

Они подняли бокалы. Хельга смотрела на Коринфа испытующе.

— Будем.

— Будем, — ответила она. И тут же задумчиво продолжила: — Боюсь, наши потомки не поймут наших предков. Блистательное наследие варваров покажется им чем-то скотским... Когда я начинаю думать о будущем, мне становится как-то не по себе.

— Значит, и тебе тоже... — пробормотал Коринф. Он понимал, что она говорит все это, только чтобы помочь ему...

В зале появился небольшой оркестр. Лица исполнителей были знакомы Коринфу — прежде все трое были знаменитыми на весь мир музыкантами. Они вынесли несколько старых инструментов — струнные, деревянные духовые, трубу — и парочку инструментов, изобретенных совсем недавно. Филармоний пока не существовало, и музыканты были рады уже и тому, что у них вообще есть возможность играть, пусть даже и в ресторане.

Коринф взглянул на посетителей, сидевших за соседними столиками. Это были самые обычные люди: рабочие с мозолистыми руками, узкоплечие клерки, лысеющие профессора. Старые разграничения остались в прошлом — всем этим людям приходилось начинать свою жизнь сызнова. Исчезла и строгость в одежде, внешняя сторона с каждым днем значила все меньше и меньше.

Дирижера у оркестра не было. Музыканты импровизировали, умудряясь при этом сохранять слаженность исполнения. Музыка была достаточно холодной, от нее веяло льдом и темными водами северных морей, вздохам струнных сопутствовал сложный изощренный ритм. Коринф, забыв обо всем на свете, попробовал собраться с мыслями. Время от времени отдельные аккорды трогали потаенные струны его души, извлекая из них то одни, то другие чувства. Его пальцы сильнее сжали бокал. В пространстве между столиками появились танцующие фигуры — каждый двигался по-своему, не обращая на соседей ни малейшего внимания. Прежде подобные вечеринки назывались «джер-сейшн», впрочем, об этом наверняка уже никто не помнил. Очередной эксперимент, подумалось Коринфу. Все человечество теперь только тем и занимается, что экспериментирует, — линия горизонта исчезла, и каждый волен делать то, что ему угодно.

Повернувшись к Хельге, он поразился взгляду ее синих глаз. Она смотрела на него неотрывно. Он решил заговорить на какую-нибудь нейтральную тему, надеясь скрыть свои истинные чув-

ства, хотя и отдавал себе отчет в том, что для этого они слишком хорошо знают друг друга. Достаточно было жеста или неприметного движения глаз или губ, и все, что было у тебя на душе, тут же становилось известным собеседнику.

— Работа? — спросил Коринф вслух. (Как тебе работается последние дни?)

— Нормально, — ответила она бесстрастным тоном. (У нас теперь не работа, а сплошной подвиг. Трудно придумать что-нибудь интереснее, но мне, признаться, сейчас немного не до того...)

— Хорошо, что мы сейчас вместе. (Ты мне нужна. Когда мне плохо, мне необходимо, чтобы кто-то был рядом.)

(Я всегда буду где-то неподалеку), — ответили ему ее глаза.

«Опасная тема. Нужно перевести разговор на что-то другое».

Он поспешил обратиться к Хельге с вопросом:

— Как тебе нравится здешняя музыка? Кажется, они близки к обретению музыкальной формы, приемлемой для нового слушателя... Ты не находишь?

— Не знаю. — Хельга пожала плечами. — Признаться, мне больше нравятся старые мастера. Они человечнее.

— Ты полагаешь, что мы остались людьми?

— Да. Мы всегда будем оставаться собой. Любовь и ненависть, страх и отвага, смех и слезы — они будут с нами всегда.

— Но разве не могут стать иными и они? — спросил Коринф не без любопытства.

— Возможно, в этом ты прав... Верить в то, во что мне хочется верить, стало почти невозможно.

Он кивнул, она же едва заметно улыбнулась.

(Мы с тобой знаем об этом, правда? Все всё знают...)

Он вздохнул и сжал руки в кулаки.

— Порой мне хочется... Впрочем, не будем...

«На самом деле я люблю Шейлу».

(Слишком поздно, да, Пит? — спросили глаза. — Мы с тобой опоздали...)

— Потанцуем? (Лучше забыть...)

— Конечно. (С радостью, с радостью!)

Они покинули свой столик и направились к танцующим. Стоило Коринфу взять Хельгу за талию, как им овладело странное чувство. *«Может быть, я вижу в ней собственную мать?»* Впрочем, сейчас это не имело никакого значения. Музыка подхватила его с новой силой, он чувствовал ее пульсацию всем телом. Он был весьма посредственным танцором и поэтому позволил Хельге вести танец, поражаясь тому, какую радость могут доставлять обычные ритмические движения. На миг ему даже захотелось стать варваром, танцующим перед своими идолами и изъясняющим им скорбь, переполняющую его сердце...

Нет, об этом можно было думать раньше. Он был порождением цивилизации и оставался таковым до сих пор — уж слишком давно он родился... И вообще, как может чувствовать себя человек, на глазах у которого сходит с ума его жена?

«Любовь, когда б с судьбою ты была в ладах...» Какое детство! Ужас!

Музыка замолкла, и они вновь вернулись за свой столик. Робот подал закуску. Коринф помог сесте Хельге, сел сам и с тоской посмотрел на стоявшее перед ним блюдо. Хельга, как и прежде, не сводила с него глаз.

— Шейла? — спросила она. (Ей что — опять стало хуже?)

— Нет. (Спасибо за участие.) — Коринф нахмурился. — (Работа помогает ей коротать время, и не более. Она постоянно о чем-то думает, у нее начались какие-то видения по ночам...)

«Моя ж ты боль!»

— Но почему? (Ты, я и большая часть человечества — все мы смогли приспособиться. Мы уже успокоились, нам кажется, что так, как сейчас, было всегда. Она казалась мне куда уравнивоженнее большинства людей, и тут — такое...)

— Ее подсознание... (Оно вышло из-под контроля сознания. Она понимает это и сама, но от этого ее состояние только становится хуже...)

— Она просто не способна совладать с силами собственного разума.

Их глаза встретились.

«Мы лишены прежней невинности. Мы лишились всего того, чем обладали прежде... нагие и одинокие...»

Хельга подняла голову. (И все-таки нужно смотреть правде в глаза и при этом как-то жить.) *«Но как быть с этим страшным одиночеством?»*

(Я стал слишком зависимым от тебя. Нэт и Феликс с головой ушли в свою работу. Шейла лишилась сил — слишком долго она сражалась сама с собой. Осталась только ты, но мне жаль тебя...)

(Я не возражаю против этой роли.) *«Теперь я ясно вижу — ничего другого у меня нет. Только ты».*

Их руки потянулись через стол друг к другу... Хельга покачала головой и убрала руку со стола.

— Господи... (Когда бы мы знали самих себя! Если бы у нас была реальная действенная психиатрия!)

(Когда-нибудь мы узнаем все.) Пытаясь успокоить:

— А как твоя работа?

— По-моему, неплохо. (Мы сможем достать до звезд еще до прихода весны. Но что нам звезды? Зачем они нам?) — Коринф устался на свой бокал с вином. — Я немного опьянел. Слишком много говорю.

— Что ты, милый.

Он взглянул на нее:

— Хельга, почему бы тебе не выйти замуж? Найди себе кого-нибудь. Не можешь же ты вечно вытягивать меня из этого ада...

Она отрицательно покачала головой.

— Забудь обо мне, Хельга, — прошептал Коринф.

— Скажи, а ты мог бы забыть о Шейле? — ответила она вопросом на вопрос.

Робот, подъехав к их столику, убрал тарелки с закусками и поставил на стол главное блюдо. Коринф полагал, что аппетит после таких разговоров у него обязательно пропадет, однако еда оказалась куда вкуснее, чем он ожидал. Процесс принятия пищи может быть такой же компенсацией, как фантазии, пьянство, работа и тому подобное.

(Ты должен выдержать все, — сказали ему глаза Хельги. — Что бы ни встретилось на твоём пути... При этом ты должен сохранять здравость ума, иначе ты перестанешь быть человеком.)

Через полминуты она произнесла вслух:

— Пит, хочешь полететь? (На звездолете.)

— Что?

Он посмотрел на нее с таким странным выражением на лице, что Хельга не смогла удержаться от смеха. Взяв себя в руки она тут же продолжила с прежней серьезностью:

— Он рассчитан на двух членов экипажа. (В основном им будут управлять роботы. Нэт Льюис хочет оставить за собой одно из мест. Он биолог и, по его мнению, проблемы биологии...)

Его голос дрогнул от волнения:

— Я и не знал, что ты имеешь к этому отношение...

— Официально я здесь ни при чем. (Но, коль скоро это чисто институтский проект, я могу выбрать на эту роль любого квалифицированного человека. Нэт понял это моментально.) — Они обменялись улыбками. — Но без физика там, разумеется, не обойтись. (Ты прекрасно знаком с проектом и, помимо прочего, принимал в нем самое деятельное участие.)

— Но... — Он покачал головой. — Конечно, мне бы этого хотелось... («Хотелось» — даже не то слово. За право стать членом экипажа звездолета я бы поступился чем угодно... даже возможностью стать бессмертным. Когда я был совсем еще ребенком, по ночам я любил смотреть на звезды, на восход Луны, на Марс, который казался мне похожим на красный глаз...) Но ведь я не один. Со мною живет Шейла. Так что, Хельга, я подожду до следующего раза.

— Путешествие будет недолгим, — возразила Хельга. (Я думаю, на то, чтобы облететь ближайшие к нам звезды, достаточно будет пары недель. За это время можно будет решить все

астрономические вопросы, планируемые на этот полет, и испытать двигатель во всех возможных режимах. Полагаю, полет не будет слишком опасным, — в противном случае я бы ни за что не допустила твоего участия в нем.) *«Когда я смотрю на небо, мне становится холодно».* (Мне кажется, что ты просто обязан воспользоваться этим шансом, если только хочешь сохранить разум. Ты в плохом состоянии, Пит. Тебе нужно найти что-то такое, что превышает уровень твоих сегодняшних проблем, что выходит за рамки нашего жалкого мира.) — Она заулыбалась. — Может быть, так ты сможешь прийти к Богу.

— Но я ведь уже сказал... Шейла...

— Полет состоится только через несколько месяцев. (За это время может произойти многое. Я знаю, что происходит сейчас в психиатрии. Появилось сразу несколько перспективных направлений.) — Она легко коснулась его руки.

— Подумай над моим предложением, Пит.

— Обязательно, — сказал он хрипло.

Он понимал, что во многом это ее предложение объясняется искренним желанием Хельги помочь ему выбраться из морока и ужаса его нынешней жизни. Но это уже было неважно. Слова ее возымели свое действие моментально. Стоило им выйти на улицу, как он поднял глаза к небу.

«Звезды! Бог ты мой, — звезды!!!»

Глава 13

В этом году снег выпал очень рано. Однажды утром Брок вышел из дома и увидел, что весь мир стал белым.

Какое-то время он стоял, глядя на занесенные снегом поля, холмы и дороги, на отливавшие голубизной дали. Он словно впервые видел зиму — недвижные черные ветви деревьев, засыпанные снегом крыши, разукрашенные морозом окна, ворону, сидевшую, печально нахолившись, на телеграфном столбе. *«А ведь и действительно — по-настоящему я ее вижу впервые...»*

После того как выпал снег, воздух заметно потеплел, хотя мороз все еще пощипывал лицо. Брок ударил в ладоши, шумно вздохнул и сказал вслух:

— Ну что, Джо. Пожалуй, ближайшие полгода нам придется сидеть здесь. Это же надо — снег на Благодарение! Я не удивлюсь, если такое же случится и на Пасху.

Собака посмотрела на него умными глазами. Она поняла почти все, но ответить Арчи все равно не могла. Наконец инстинкт взял свое, и она принялась носиться по ферме, своим лаем пробуждая от сна ее обитателей.

Маленькая фигурка, одетая, наверное, в дюжину одежек, выйдя из дома, тут же съежилась и поспешила к Броку.

— Холодно, — прошамкала она. — Холодно, холодно, холодно!

— Боюсь, Мехитабель, что скоро станет еще холоднее, — ответил Брок, погладив шимпанзе по голове. Он все еще опасался, что обезьяны не смогут пережить зиму. Все, зависящее от него, он уже сделал — на улице обезьяны больше не работали, он же нашёл им массу всевозможной одежды. И все же легкие обезьяны явно не были приспособлены к такому климату.

Он очень надеялся на то, что они смогут выжить. Несмотря на всю присущую им лень и непостоянство, обезьяны трудились буквально героически — если бы не они, Брок вряд ли успел бы подготовиться к зиме. Более того — животные успели стать его друзьями. Совместными усилиями они выработали особый диалект, на котором мог говорить не только он, но и обезьяны, и это позволяло им полноценно общаться друг с другом. Конечно, обезьяны были существами бесхитростными и ограничивались простейшими фразами, однако и этого было достаточно, чтобы Брок не чувствовал себя одиноким. Когда обезьяны оказывались в гимнастическом зале, устроенном Броком специально для них, он не мог наблюдать без смеха за их проказами. А смеяться теперь приходилось редко.

Как ни странно, Мехитабель лучше справлялась с работой на ферме, супругу же ее, Джимми, больше удавались готовка и уборка дома. Впрочем, особого значения это не имело — в любом случае оба шимпанзе были на редкость сообразительными и умелыми помощниками.

Брок пересек двор, оставляя за собой глубокие следы, и открыл дверь хлева. Стоило ему войти внутрь, как он ощутил тепло и специфический резкий запах коровника. Мехитабель, не мешкая, приступила к работе — ей предстояло разнести сено и фураж по загонам, в которых ее ожидали четырнадцать коров, две лошади и огромная слониха Джамбо. Брок же занялся дойкой.

Оставшийся на ферме скот совершенно смирился со своим положением. Брок вздохнул. Животные абсолютно доверяли ему, считая его чем-то вроде бога, он же должен был нарушить этот мир, воспользовавшись их доверием. Откладывать задуманное на потом было бессмысленно, от этого исполнение его стало бы еще более сложным делом.

Дверь хлева вновь скрипнула. Ву-Ву взял стульчик для дойки и присоединился к Броку. Он, не сказав ни слова, продолжил работу, ничего необычного в этом не было. Брок полагал, что Ву-Ву не способен произносить членораздельные звуки, что и позволило ему назвать пришельца столь странным именем.

Этот слабоумный припелся сюда за несколько недель до этого, — он был оборван, грязен и голоден. Скорее всего он сбежал из какого-то сумасшедшего дома — маленький коренастый

горбун неопределенного возраста, со страшным лицом и пустыми глазами. Интеллект Ву-Ву, вне всяких сомнений, тоже претерпел существенные изменения, но это не помогло ему стать — ни физически, ни умственно — нормальным человеком.

Его приходу никто особенно не обрадовался. Основные работы, связанные с уборкой урожая, к тому времени были уже закончены, появление же еще одного едока означало, что он, в известном смысле, будет обедать других. Завидев его, Джимми схватился за нож и прорычал:

— Я убью его, босс.

— Нет, — остановил его Брок. — Нельзя быть таким жестоким.

— Мне это ровным счетом ничего не стоит, — ухмыльнулся Джимми, пробуя лезвие ножа подушечкой большого пальца. Он был на удивление прост.

— Нет. Спешить с этим мы в любом случае не станем, — устало улыбнулся Брок. Он постоянно чувствовал себя усталым, не имея ни минуты свободного времени на то, чтобы хоть как-то передохнуть. *«Все мы — заблудшие овцы, которым приходится жить в этом недобром мире...»* Через какое-то время он добавил:

— Дрова-то у нас некому рубить, верно?

Ву-Ву быстро прихилился в доме, правда, для этого Джимми пришлось пару раз отлупить его палкой, дабы раз и навсегда отучить его от дурных привычек. Глядя на Ву-Ву, Брок понимал, что таких идиотов, до которых теперь никому нет и дела, не один и не два. Когда-нибудь они могли бы собраться вместе и устроить что-то вроде коммуны, и...

Собственно, почему бы и нет? Он был один как перст, отчего ему порой даже не хотелось жить. Таких, как он, не было во всем этом холодном, занесенном снегом мире, все его нынешние труды имели только одну не стоящую того цель — продлить его жалкую, никому не нужную жизнь. Он уже изнемог от одиночества.

Покончив с дойкой, он выгнал животных во двор, чтобы те могли хоть немного размяться. Вода в баке покрылась корочкой льда, но Джамбо разбила ее своим хоботом, после чего к баку потянулись и остальные животные. Днем ему нужно было сходиться со слонихой к пожарному водоему, чтобы та принесла сюда пару канистр с водой. Толстая кожа Джамбо местами поросла длинным волосом, что было для Брока, ничего не знавшего о слонах, полной неожиданностью.

Он направился к стогу, стоявшему за изгородью, предназначавшейся специально для овец. Он боялся, что овцы в один прекрасный день порвут проволочную изгородь, и поэтому выстроил здесь настоящий дощатый забор. Однако овцы к этому времени уже и не думали бежать от него. Строительство забора

было воспринято ими как очередной каприз их бога... Брок покачал головой, подумав о том, что сейчас может твориться в узких головах овечек.

Даже до сдвига каждая овца обладала своим характером. Всего их было сорок, и Брок прекрасно знал повадки каждой. Резкая, сообразительная Джорджина, как всегда, гоняла робкую Психею, толстая старая Мария-Антуанетта меланхолично жевала, стоя на месте, Джозефина носилась крутами по снегу, старый круторогий баран Наполеон являл собой воплощенное высокомерие... Как он мог поднять на них руку?

И все-таки иного выхода не было. Он, Джо и Ву-Ву, к сожалению, не могли питаться сеном; грубо смолотой муки, яблок и овощей им тоже было мало. Джимми и Мехитабель тоже не отказались бы от мясного бульона. У них разом появились бы и мясо, и жир, и шкура. Оставалось понять, кто же должен стать его жертвой.

Ему не очень-то нравилась Джорджина, но убить ее он не мог, — она была породистой овцой, без которой он не представлял будущего стада. Резвушка Джозефина, ласковая Мария, кокетка Марджи, скромница Джерри и отважная Элинор — кого из своих друзей он должен был съесть первым?

«Лучше бы ты заткнулся, — сказал он самому себе. — Ты ведь все обдумал заранее».

Он позвал к себе Джо и открыл ворота загона. Овцы, закончив трапезу, направились к сараю, в котором они проводили зиму, то и дело с любопытством поглядывая на Брока.

— Джо, пригони сюда Психею, — сказал он.

Собака молнией понеслась исполнять приказание. Из курятника вышла Мехитабель. В руке она сжимала нож.

Джо подтолкнул Психею в направлении ворот, и она удивленно уставилась на него, совершенно не понимая, чего от нее хотят. Пес залаял и несильно куснул ее за ляжку. Психея изумилась еще больше и покорно направилась к выходу из загона. Подойдя к стоявшему возле ворот Броку, она остановилась.

— Идем, моя хорошая, — сказал он. — Сюда.

Он закрыл ворота и запер их на замок. Джо тем временем погнал Психею за курятник, где ее не смогли бы увидеть другие овцы.

Свиньи всегда понимали, к чему их готовят хозяева, и поэтому те даже и не пытались скрывать этого, закалывая свиней на глазах у их братьев и сестер. Овцы же ни о чем не подозревали. Исчезновение из стада нескольких овечек не вызвало бы у них ни малейшего беспокойства. Если человек и дальше хотел питаться мясом животных, ему следовало бы создать в их среде некий культ, в котором главную роль играли бы жертвоприношения...

От этой мысли Брока передернуло. Роль Молоха ему в любом случае не нравилась. Человек и без того создание насквозь греховное.

— Иди сюда, Психея, — сказал он.

Она остановилась, молча глядя на него. Брок снял перчатки, и она стала лизать ему руки своим теплым мягким язычком. Брок почесал у нее за ушами, и она тихонько заблела.

Внезапно он понял всю трагичность участи животных. Интеллект был чужд им так же, как и прежде. Человек обладает такими орудиями, как руки и речь, которые были неразрывно связаны с деятельностью его разума, — он сам, в известном смысле, был его порождением. Внезапно обрушившееся на него знание не смогло раздавить его, ибо интеллект по самой своей природе свободен от ограниченности.

Все прочие твари постоянно находились в состоянии гармонии, ведомые по жизни инстинктами, в ритме того большого мира, в котором они жили; они были разумны ровно настолько, насколько это требовалось им для выживания. Они были немые, но не ведали этого, они не терзались одиночеством, ничего не ждали, ни к чему не стремились. И вот теперь они внезапно оказались ввергнутыми в эту неведомую им прежде стихию, для жизни в которой они просто не были предназначены. Они понимали, что с ними что-то не так, но, как и прежде, не имели в своем распоряжении ничего, кроме инстинктов.

От этих мыслей Броку стало не по себе. Он тяжело вздохнул и, бросившись на ничего не подозревавшую овечку, сбил ее с ног, перевернул на спину и прижал ее голову к земле, подставив нежную шейку под удар обезьяны. За миг до того, как ее глаза померкли, она посмотрела на него взглядом, исполненным немой мольбы и ужаса.

— Разберитесь... — Брок с трудом поднялся с колен. — Разберитесь с ней сами, Мехитабель. Пусть Ву-Ву тебе поможет. У меня есть другая работа.

Он медленно побрел прочь, несказанно удивив своим поведением Джо и Мехитабель. Они никак не могли взять в толк, и чего это их хозяин плачет?

Глава 14

Когда пророк появился в деревне, Юань Као был занят работой. Стояла зима, повсюду, насколько хватал глаз, земля была покрыта снегом, однако весна была уже не за горами, а это означало, что скоро нужно было приступить к распашке земли. К этому времени быки все как один разбежались, таскать плуги теперь могли разве что женщины и дети. Юань Као думал над тем, как облегчить их труд. Он был занят разборкой трактора,

оставшегося им в наследство от коммунистов, когда над деревней разнеслась весть о том, что со стороны поля к ним приближается незнакомец.

Юань Као вздохнул и решил оставить работу на потом. Спотыкаясь, он направился в угол темной кузницы, накинуд на плечи синий ватник и взял ружье с несколькими оставшимися патронами. Ружье это уже давно служило ему верой и правдой, он прихватил его с собой, когда в армии случился мятеж и все солдаты поспешили разойтись по домам. Одно время от бандитов и коммунистов буквально проходу не было. Привычка относиться к незнакомым людям с недоверием была сильна и по сей день. Людей со стороны они видели редко, в последний раз это был человек, прилетевший к ним на сверкающем аэроплане только для того, чтобы сказать, что к власти в стране пришло новое правительство, которое сделает всех людей свободными. После этого человек улетел туда, где заседало это самое правительство, а они так и остались в своей деревне, продолжая жить так же, как и прежде.

Соседи, дрожа от холода, стояли на улице. Одни были вооружены ружьями, другие — ножами и вилами, третьи — дубьем. Над ними клубилось облачко белесого пара. Еще дальше, возле своих домов, стояли женщины, дети и старики, готовые в любую минуту скрыться за дверью.

Юань Као бросил взгляд на приближающегося незнакомца.

— Он один, — хмыкнул он, — и оружия при себе у него нет.

— Он едет верхом на осле и ведет за собой другого осла, видишь? — сказал один из соседей.

Это было действительно странно. Кто мог управиться с животными после великого скачка? Юань Као стало не по себе.

Незнакомец, подъехавший уже совсем близко, оказался стариком. Он заулыбался, и крестьяне один за другим стали опускать свои ружья. Еще более странным обстоятельством было то, что он был одет по-летнему легко. Подъехав поближе, старик поздоровался. Толпа молчала, но глаза ее говорили красноречивее всяких слов.

— Меня зовут Ю Ши, — сказал старик. — Я принес вам весть, дарующую надежду.

— Добро пожаловать, уважаемый, — учтиво поклонившись гостю, сказал Юань Као. — Можете чувствовать себя здесь как дома. Пойдемте побыстрее в тепло — я представляю, как вы измерзли.

— Ничего подобного, — ответил старик, улыбнувшись. — Это тоже связано с моей вестью. Человеку не нужна теплая одежда — он не боится холода. Человек, облаченный в знание, не мерзнет.

Он слез с осла и продолжил:

— Таких, как я, много. Наш учитель послал нас в мир, чтобы мы смогли одарить этим знанием и вас. Мы очень надеемся на то, что кто-то из вас тоже станет пророком.

— И чему же вы учите? — спросил Юань Као.

— Правильному использованию сил разума, — ответил Ю Ши. — Мой наставник был ученым в Фуаньчжоу. Когда произошел великий скачок, он понял, что все это связано с внутренним человеком, и стал искать средства, позволяющие наилучшим образом использовать эти силы... Мы находимся в самом начале пути, но нам уже есть что сказать всему человечеству.

— Да, уважаемый, нам теперь думается лучше, чем прежде, это любой может подтвердить, — закивал головой Юань Као.

— И все-таки, я надеюсь, мои слова не покажутся вам совсем уж пустыми. Подумайте о том, как часто телесные скорби побеждаются разумом и волей. Человек может выжить даже там, где сломнут самые сильные и выносливые звери. Так было раньше. Подумайте же, на что мы можем быть способны теперь!

— Да, — сказал Юань Као с поклоном, — мы видим, что ты уже властвуешь над холодом.

— Такие морозы, как сегодняшний, не страшны человеку, который знает, как должна двигаться его кровь. Это пустяк. — Ю Ши пожал плечами. — Возвысившийся разум способен творить с телом многое. Я могу показать вам, как останавливать кровотечение и снимать боль. Но есть множество вещей, которые заинтересуют вас не меньше: знание языка животных и способ установить с ними дружеские отношения; умение вспоминать все, когда-либо слышанное и виденное; искоренение всех чувств и желаний, признанных разумом негодными; умение говорить с другими, не прибегая к помощи слов; постоянное видение реальности такой, какая она есть, без ухода в бесплодные фантазии...

— Уважаемый, но стоим ли мы того, чтобы возобладать всеми этими сокровищами, о которых ты нам поведал? — пробормотал Юань Као. — Низайше просим тебя отобедать с нами и оставаться здесь столько, сколько будет угодно твоей душе.

Это был великий день в истории деревни. Юань Као не сомневался, что скоро новое учение преобразит весь мир. Как ему хотелось увидеть, каким он, мир, станет лет через десять!

За иллюминаторами во мраке первозданной ночи сверкали миллионы холодных звезд. Огромный Орион, Млечный Путь, заставший светлой рекой, — все ледяное и безмолвное.

Космос походил на бескрайний океан, по которому плыл их крошечный корабль. Земное солнце давно скрылось в безбрежности небес, остались только ночь, безмолвие и невыразимая

краса звезд. Глядя на них, Питер Коринф чувствовал всю разобщенность звездных миров, отделенных друг от друга чудовищными расстояниями. Это заставляло замирать его сердце. Миры, один другого великолепнее, следовали за мирами, но каждый из них был ничтожен по сравнению с тем, что его окружало...

«Может быть, так ты сможешь прийти к Богу...»

Да, наверное, так оно и есть... По крайней мере, за собственные пределы он уже вышел.

Коринф отошел от иллюминатора, с радостью вернувшись в замкнутую ограниченность кабины звездолета. Льюис следил за показаниями приборов, сжимая в зубах потухшую сигару. Глядя на его лицо, можно было подумать, что ничего особенного с ними не происходит, но Коринф точно знал, что холодное дыхание космоса коснулось и его сердца.

Биолог время от времени едва заметно кивал головой. (Работает, как часы. Пси-генератор, иллюминаторы, искусственная система гравитации, вентиляция, сервомеханизмы — кораблик, что надо, — ничего не скажешь.)

Коринф сел в кресло, откинувшись на его спинку и обхватив руками колено. Бросок к звездам был настоящим триумфом человечества и, возможно, величайшим событием в его истории. Человек теперь имел куда больше шансов выжить, он уже не был столь зависим от своей маленькой планеты. Впрочем, сказать, что Коринф торжествовал, было бы преувеличением — событие было слишком масштабным, для того чтобы сейчас его возможно было как-то оценивать.

Конечно же, Коринф всегда понимал, что пространство бесконечно, но это знание было в нем мертвым, бесцветным, условным — десять в такой-то степени и только... Теперь это знание обратилось в часть его самого. Он стал жить в нем и уже никогда не мог обратиться в того человека, которым был прежде.

Движимый силами, недоступными обычным ракетам, корабль преодолевал все эйнштейновские пределы скорости. Впрочем, понятие «скорость» в его случае теряло всяческий смысл, скорее здесь нужно было говорить о некоем взаимодействии корабля и массы всей Вселенной. Изменение его положения в пространстве описывалось формулами совершенно нового раздела математики, специально разработанного применительно к этому случаю. Корабль генерировал собственное псевдогравитационное поле, «горючим» ему служила масса — любая масса, расщеплявшаяся в энергию, что давало выход что-то около девяти, умноженного на десять в двадцатой эрг на грамм. Иллюминаторы на деле были экранами, автоматически компенсировавшими как эффект Доплера, так и aberrации, что позволяло пилотам видеть то, что в

любом ином случае оставалось бы невидимым. Половина оборудования корабля была создана специально для того, чтобы кормить, поить и защищать самый драгоценный из его грузов — людей.

Несмотря на то что создатели звездолета прорабатывали его конструкцию в деталях, он не производил впечатления чего-то законченного. Спеша за несколько месяцев завершить то, к чему человечество шло тысячелетия, создатели корабля решили не обременять себя установкой дополнительных компьютеров и роботов, которые могли бы обеспечить автоматическое управление полетом. Пилоты, с их новым мощным интеллектом, вполне справлялись с возникавшими в ходе полета задачами; так, им ничего не стоило решить уравнение в частных производных — и притом высокого порядка — с той же скоростью, с какой его решали компьютеры последних моделей. Новому человечеству нужен был свой фронтир, потому-то земные инженеры так спешили с завершением строительства звездолета. Следующий корабль должен был стать уже совсем другим, при этом решающую роль в его разработке должен был сыграть опыт, полученный во время первого полета.

— Космическое излучение существенно не меняется, — сказал Льюис. Ряд инструментов корабля был установлен над его обшивкой, за пределами защитного силового поля. (Стало быть, теория звездообразования может оказаться несостоятельной.)

Коринф кивнул. Пространство на протяжении всего времени полета было буквально пронизано потоками заряженных частиц, летевших неведомо откуда и неведомо куда. Существовали ли у этих потоков определенные источники, или же они были одной из составных частей космоса, наподобие звезд и туманностей? Как профессионал, Коринф не мог не интересоваться этой проблемой.

— На мой взгляд, — отозвался он, — даже непродолжительные полеты, за время которых мы способны исследовать крайне незначительную область пространства, покажут полную несостоятельность нынешних астрофизических теорий. (Нам придется приступить к созданию совершенно новой космологии.)

— Точно так же, как и биологии, — перебил его Льюис.

(После того, что произошло со всеми нами, я неоднократно задумывался о природе жизни, и сейчас я близок к признанию возможности существования ее форм, основанных не на угле-роде, но на чем-то ином.) — Впрочем, поживем — увидим.

Какие замечательные слова: «поживем — увидим»!

Даже на освоение Солнечной системы должны были уйти десятилетия. «Шейла» — сентиментальный Коринф назвал корабль именем своей жены — во время пробного полета успела побывать

на Луне. Настоящее же ее путешествие началось с полета к Венере, во время которого они спустились в ее атмосферу и сделали облет планеты, после чего курс был взят на Марс, где была совершена краткая остановка; там Льюис, к собственному восторгу, обнаружил своеобразную флору, чудом приспособившуюся к суровым местным условиям. После этого корабль покинул пределы Солнечной системы, и на все это у них ушла всего неделя! Затем они должны были оставить позади созвездие Геркулеса, с тем чтобы достигнуть края ингибирующего поля и собрать о нем новые данные; потом следовал перелет к альфе Центавра с целью проверки, имеется ли у ближайшей соседки Солнца планетная система. Домой они должны были вернуться уже через месяц!

«Когда мы вернемся, зима уже будет на исходе...»

Когда они улетали, в Северном полушарии Земли все еще стояла зима. То памятное утро было холодным и темным. Низкие облака, проплывавшие по небу цвета стали, походили на рваные дымы. Громада Брукхейвена, занесенная снегом, еле виднелась в утренней мгле, город и вовсе скрылся из виду.

Провожавших было немного. Чета Мандельбаумов в старой поношенной одежде, худощавый, прямой, как палка, Россман, ближайшие друзья, коллеги из лабораторий и мастерских.

Хельга была одета в роскошную шубу. Ее светлые волосы были собраны в тугой узел, на котором крошечными бриллиантами поблескивали снежинки. Та холодность, с которой она прощалась с Коринфом, говорила о том, что Хельга с трудом владеет собой и может разрыдаться в любую минуту. Коринф молча пожал ей руку и, оставив ее с Льюисом, направился вместе с Шейлой на другую сторону корабля.

В своем скромном зимнем пальтишке Шейла казалась крошечной и хрупкой. С худенького личика на него смотрели огромные глаза. В последнее время она была на удивление тихой и задумчивой, хотя прежние страхи все еще не оставляли ее. Он держал ее за руки, поражаясь тонкости ее запястий.

— Не следовало бы мне бросать тебя, милая... — сказал Коринф с напускной небрежностью.

— Ничего. Ты скоро вернешься, — ответила голосом, напрочь лишенным эмоций, Шейла. Она перестала пользоваться косметикой, и Коринф не мог не заметить того, какими бледными стали ее губы. — Надеюсь, за это время мне станет лучше.

Он кивнул. Психиатр Кирнс был прекрасным человеком, с умом, острым, словно бритва. Он не спорил с тем, что его терапия носила чисто экспериментальный характер, ибо она была основана на погружении пациентов в неведомые глубины их Нового сознания, однако тут же напоминал, что в ряде случаев

подобная практика позволяла ему получать потрясающие результаты. Он был резким противником таких варварских методов воздействия на психику, как оперативное вмешательство и электрошок. Его метод был основан на допущении, что временное лишение человека привычных для него связей делает возможным его «перепрограммирование», имеющее целью дальнейшую его реабилитацию.

(— Сдвиг вызвал беспрецедентный психический шок во всех организациях, имеющих нервную систему, — говорил доктор Кирнс. — Счастливики — волевые, решительные, побуждаемые к действию внешними причинами, но не интроспекцией, имеющие привычку к напряженным раздумьям — перешли в новое качество сравнительно безболезненно, хотя, я нисколько не сомневаюсь в этом, психические шрамы, вызванные этой катастрофой, будут сопровождать нас до могильной доски. Те же, кому повезло меньше, заработали на этом деле приличный невроз, который в ряде случаев тут же перерос в психоз. Ваша супруга, доктор Коринф, — позвольте уж быть с вами откровенным до конца — находится на грани сумасшествия. Ее прежняя жизнь, устроенная и не требующая сколь-нибудь напряженной интеллектуальной деятельности, не смогла подготовить ее к столь радикальным переменам в ней самой. То, что у нее не было детей, о которых она могла бы заботиться, вкупе с тепличными условиями жизни, не предполагавшими борьбы за существование, усугубило и без того тяжелую ситуацию. Прежние установки, компенсаторные реакции, забывчивость, помогавшая нам выходить из сложных ситуаций, и самообман, которыми грешили мы все, мгновенно потеряли всяческий смысл и значение. Ничего другого Шейла не нашла. Тревога, вызванная болезненной симптоматикой, только усиливает эту симптоматику — здесь мы опять-таки имеем дело с неким порочным кругом... и все же, пожалуй, я смогу помочь ей. Со временем же можно будет говорить и о полном излечении... Вы спросите — когда именно? На это я ничего не смогу вам ответить. Скорее всего это произойдет в ближайшие год, два. Вы видите сами, какими шагами сегодня движется наука. Так что, я думаю, рано или поздно ваша жена вновь станет уравновешенным и счастливым человеком.)

— Ладно...

Внезапный ужас в ее глазах.

— Пит, милый, ты береги себя, слышишь? Ты непременно должен ко мне вернуться!

— Как же иначе, — ответил он, попробовав улыбнуться.

(— Я думаю, лучшего нельзя было и желать, доктор Коринф. То, что вы отправитесь в экспедицию, прекрасно. Пусть уж лучше

она переживает из-за вас. В противном случае она общалась бы с фантомами, порождаемыми ее собственным сознанием. Это событие может переориентировать ее внимание с внутреннего мира на мир внешний, в котором она и должна жить. Кстати говоря, к интравертам я бы ее не отнес...)

Снежный вихрь на миг скрыл их от посторонних глаз. Он поцеловал Шейлу в холодные дрожащие губы.

Земля под ногами звенела, казалось, вся планета была скована холодом. Над их головами с шумом пролетела трансатлантическая ракета, направлявшаяся в Европу с некоей миссией, вызванной к жизни новым мировым порядком. Коринф смахнул с волос Шейлы снежинки и невесело усмехнулся.

Глаза, губы, руки его говорили ей:

— Когда я вернусь домой — как славно, когда тебе есть куда вернуться, — я надеюсь найти тебя здоровой и счастливой. Мы заведем робота, который станет делать за тебя всю домашнюю работу, чтобы она не мешала нам — тебе и мне.

Думал же он при этом об ином: *«Любимая! Жди меня, как ты ждала меня всегда. Ты — весь мой мир. Пусть же между нами никогда не будет тьмы, о, дитя света. Мы либо вместе, либо нас нет...»*

— Я постараюсь, Пит, — прошептала она. Он коснулся рукой ее лица. — Пит, мой хороший...

Из-за корабля раздался голос Льюиса:

— Посадка заканчивается!

Все понимали, что прощаться Коринфу и Шейле непросто. Добравшись до люка шлюзной камеры, физик еще раз обернулся и помахал рукой Шейле. Она осталась далеко внизу — маленькая фигурка посреди бескрайней снежной пустыни.

Солнце превратилось в одну из множества звезд, пусть пока и самую яркую. Они находились в районе орбиты Сатурна. Созвездия при этом нисколько не изменились — расстояние, которое преодолел корабль, было ничтожным по сравнению с расстоянием до них. Огромное кольцо Млечного Пути и спирали других галактик были для них такими же далекими, как и для пещерного человека, впервые поднявшего глаза к небу. Не было ни времени, ни расстояния — лишь беспредельность, лишь безбрежность.

«Шейла» осторожно продвигалась вперед, сейчас скорость ее была существенно меньше световой. Они должны были достичь границы ингибирующего поля и запустить в область его повышенной напряженности телеметрические ракеты.

Льюис, шутливо поругиваясь, стоял возле клетки с крысами, которых в скором будущем ожидало еще одно, на сей раз

последнее, космическое путешествие. Своими глазами-бусинками они смотрели на него так, что впору было разрыдаться.

— Вот бедолаги, — хмыкнул Льюис. — Когда на них смотрю, чувствую себя последней сволочью. — Он довольно хохотнул. — Впрочем, я чувствую это постоянно.

Коринф промолчал. Он смотрел на звезды.

— Главная твоя проблема, — сказал Льюис, плюхнувшись в соседнее кресло, — состоит в том, что ты слишком серьезно относишься к жизни. В этом смысле тебя не смог исправить даже этот самый сдвиг. Что до меня — естественно, по определению, я совершенен! — то я плакал и страдал не меньше твоего, но при этом всегда находились и такие вещи, которые дико меня смешили, понимаешь? Если Бог действительно существует, а в последнее время я все больше склоняюсь к этой мысли, то Честертон, скорее всего, прав, когда он включает чувство юмора в число Его атрибутов. — Льюис прищелкнул языком. — Бедный старый Честертон! Жаль, что он не дожил до эпохи перемен. Чего бы только он тогда не понаписал!

Его монолог прервал вой сигнальной сирены. Они замерли и тут же заметили, что красная сигнальная лампа начала часто мигать. Ими внезапно овладела странная сонливость. Коринф схватился за подлокотники своего кресла и затряс головой.

— Поле... Мы вошли в зону... — Льюис щелкнул каким-то тумблером панели управления. Голос его стал звучать неожиданно глухо. — Уноси нас отсюда, да поживее...

«Обратный ход!»

Увы, все было не так просто. Поле, в котором они вновь оказались, было реальным. Коринф вновь затряс головой, пытаясь справиться с приступом тошноты.

«Нужно включить это... Или то...»

Он беспомощно смотрел на приборную доску. Стрелка перешла через красную отметку, означавшую скорость света, и поползла дальше. Корабль ускорялся, хотя в намерения Коринфа это явно не входило.

«Что теперь делать?»

Льюис покачал головой. На его широком лице появились капельки пота.

— Хорошо бы срулить куда в сторону, — прохрипел он. — По касательной...

При работе с пси-энергией не существует ничего постоянного. Все изменчиво, все является функцией множества компонентов, зависящих как от градиентов ее потенциала, так и друг от друга. «Вперед» и «назад» являются здесь понятиями весьма и весьма условными. Помимо принципа неопределенности существуют такие вещи, как хаотическое движение электронов и многое

подобное, степень сложности чего настолько высока, что благодаря ей стало возможным появление звезд, планет и людей, наделенных способностью мыслить. В мозгу Коринфа разом возникла целая цепочка уравнений.

Головокружение прекратилось. Коринф с ужасом посмотрел на Льюиса.

— Мы ошиблись, — пробормотал он. — Границы поля не настолько размыты, как нам это казалось.

— Но ведь Земля выходила из него несколько дней, при этом относительная скорость...

— Значит, мы оказались в другой части конуса... Возможно также, что интенсивность этого поля меняется со временем. При этом...

Коринф вдруг заметил, что Льюис смотрит на него, разинув рот.

— Что? — спросил он, еле ворочая языком.

— Я говорю... Минуточку...

Коринфу вдруг стало страшно. Он произнес всего несколько слов, дополнив их набором жестов, однако Льюис уже не смог понять их значения.

«Он и не мог этого сделать!» Оба они успели заметно поглотить.

Коринф облизнул пересохшие губы и внятно, на обычном английском, повторил сказанное.

— Да, да, конечно, — только и смог выдавить из себя Льюис.

Коринф почувствовал, что с его головой творится что-то неладное, у него возникло такое ощущение, будто мысли слиплись в один жуткий ком. Он стремительно падал в бездну, из которой совсем недавно с таким трудом выбирался, он вновь превращался в получеловека-полуживотное.

Он был ошеломлен этим открытием. Они неожиданно для себя вернулись в поле, совсем недавно оставленное Землей, они становились такими же, какими были прежде. Корабль же погружался в него все глубже и глубже, напряженность поля с каждой минутой росла. Теперь они были лишены интеллекта, без помощи которого управлять их кораблем было попросту невозможно.

«При постройке следующего корабля нужно будет учесть и такую возможность, — подумал Коринф. — Иначе что прикажешь делать в ситуациях, подобных этой?»

Он посмотрел в иллюминатор.

«Мы не знаем ни конфигурации, ни протяженности этого поля. Если мы действительно движемся по касательной к полю, в скором времени мы покинем его. В противном случае мы можем провести здесь и сотню лет...»

Он уронил голову на грудь и вдруг заплакал, словно ребенок.

Тьма становилась все гуще.

Глава 15

Дом этот находился на Лонг-Айленде, он стоял на самом берегу. Некогда он был частью большой усадьбы и поэтому был окружен высокой стеной, за которой росли деревья.

Роджер Кирнс остановил машину под аркой. Стоило ему выйти из нее, как он мгновенно озяб. Не было ни ветерка. С серых низких небес крупными хлопьями шел мокрый снег, таявший на асфальте. Кирнс уже начинал терять надежду на то, что когда-нибудь в этом Богом забытом мире наступит весна.

Он тяжело вздохнул и позвонил в дверь. Его ждала неотложная работа — нужно было переговорить с пациенткой.

Ему открыла Шейла Коринф. Она была все такой же худенькой, с детского личика на него смотрели большие темные глаза. В последнее время она уже не только не дрожала, но даже следила за своими одеждой и прической.

— Привет, — сказал улыбаясь Кирнс. — Как сегодня вы себя чувствуете?

— Все хорошо... — Она старалась не смотреть ему в глаза. — Может быть, войдете?

Она повела его по коридору, который по указанию Кирнса был подреставрирован и перекрашен так, чтобы у его пациентки не было лишних поводов к печали. Шейла жила в этом доме совсем одна, при этом она в любую минуту могла воспользоваться услугами служанки — приятной пожилой женщины, которая в прошлом была идиоткой. Имея такого мужа, как Коринф, Шейла была вправе рассчитывать на подобное обхождение.

Они вошли в гостиную. В камине мирно потрескивали дрова, за окном шумело вечно беспокойное море.

— Присаживайтесь, — сказала Шейла тихо.

Она опустила в глубокое кресло и застыла, глядя в окно.

Кирнс взглянул туда же. Каким грозным сегодня было море! Оно грозно ревели, сокрушая все, что попадалось ему на пути, подгачивая твердь мира хищными зубами времени. Серые могучие валы с белыми барашками пены неслись к берегу неистовыми обезумевшими скакунами.

Кирнс вздохнул и открыл свой портфель.

— Я принес для вас кое-какие книги, — сказал он. — Это работы по психологии. Вы, помнится, говорили, что вам это интересно.

— Верно. Спасибо вам большое.

Голос ее оставался таким же бесцветным.

— Разумеется, к настоящему времени они безнадежно устарели, — продолжал Кирнс. — И все-таки они помогут вам уяснить для себя основные принципы психологии. Вы можете попробовать приложить их к себе — в любом случае это будет инте-

ресно... Возможно, вы даже поймете, в чем состоит ваше заболевание.

— Возможно, — согласилась Шейла. — Мне теперь думается куда как лучше. Я стала понимать, как холоден мир и как жалки мы, люди... — Она испуганно застыла. — Уж лучше бы я ничего не понимала!

— Когда вы сможете управлять своими мыслями, вы будете рады тому, что к вам пришла эта сила, — сказал Кирнс вкрадчиво.

— Как бы я хотела вновь оказаться в прежнем мире!

— Он был жестоким. Уж лучше не вспоминать о нем.

Она кивнула и еле слышно прошептала:

— Солдатик, в твоих глазах тьма, волосы смерзлись, тело застыло... Пусть будет темно — к чему теперь свет? — Не успел Кирнс обеспокоенно нахмуриться, как она уже совсем другим тоном громко продолжила:

— Это было время наших надежд и нашей любви. Тогда были такие маленькие-маленькие кафе, помните? Кафе... Люди смеются, музыка и танцы, пиво, сэндвичи с сыром, парусные лодки, остатки пирога, разговоры о налогах, шутки... Тогда мы были вдвоем. Где Пит теперь?

— Он скоро вернется, — поспешил ответить Кирнс, памятуя о том, что звездолет задерживается уже на две недели, но не желая лишний раз дергать Шейлу. — С ним все в полном порядке. Мы должны думать о вас, а не о нем.

— Да. — Она нахмурила брови. — Они приходят ко мне до сих пор. Я об этих призраках... Слова, звучащие ниоткуда... Порой они почти осмысленны.

— Вы могли бы произнести их вслух?

— Я не знаю. Этот дом находится на Лонг-Айленде, длинном-предлинном, долгом-предолгом... Где же ты, Пит?

Кирнс вздохнул с облегчением. Эта ассоциация его не тревожила. А что она сказала в прошлый раз?.. *«Черное время нависло глыбой мертвого света, под ней же...»* Может быть, ей действительно лучше быть одной?

В этом он уверен не был. Мир за последнее время слишком изменился. Разум шизофреников проник в такие дали, какие психиатрам еще и не снились. И все же ему казалось, что Шейле стало лучше.

— Я знаю, с ними лучше не играть, — сказала она вдруг. — Это опасно. Если вести их за собой, они слушаются, но им это не нравится.

— Я рад, что вы это понимаете, — сказал он. — Что вам следует делать, так это упражнять свой мозг. Считайте его таким же орудием, как мускулы, — послушное вашей воле, необходимое для жизни орудие, понимаете? Помимо прочего, вам придется

выполнить все заданные мной упражнения — как логические, так и семантические.

— Я их уже выполнила, — усмехнулась Шейла. — Триумфальное открытие очевидного.

— Ну и ну, — рассмеялся Кирнс, — я смотрю, мы уже и шутить стали!

— Почему бы и нет... И все же — где Пит?

Он ушел от вопроса и стал проверять ее ассоциативные способности. Диагностическая ценность этого теста практически равнялась нулю — каждый раз слова получали различные коннотации. И все же через какое-то время он надеялся выявить подлежащий этим внешним проявлениям поведенческий тип. Новая *n*-мерная конформная техника выглядела многообещающе.

— Ну что ж, мне пора идти, — сказал он наконец и, погладив Шейлу по руке, поднялся из кресла. — Все будет хорошо. Не забывайте об одной важной вещи. Если вы почувствуете, что вам нужна помощь или... скажем, вы вдруг заскучаете, без всякого стеснения звоните мне...

Шейла так и продолжала сидеть в своем кресле. Проводив Кирнса взглядом, она облегченно вздохнула.

«Доктор Фелл, вы мне не нравитесь. Вы похожи на бульдога, который искушал меня несколько столетий назад. Но вас так легко обмануть!»

У нее в голове зазвучала старинная песня:

*Ах, он умер, госпожа,
Он — холодный прах;
В головах зеленый дерн,
Камешек в ногах.**

«Нет», — сказала она бесплотному голосу. — Уходи».

Море шумело и ярилось, снег становился все гуще и гуще. Ей казалось, что мир сошелся над ней холодным свинцовым сводом.

— Пит, — прошептала она. — Пит, родной, я без тебя больше не могу! Пожалуйста, вернись, Пит! Вернись!

Глава 16

Корабль резко вышел из поля. Следующие несколько минут для них были ужасными.

— Где мы?

Из иллюминаторов на них смотрели незнакомые созвездия. Тишина была такой, что они слышали звук собственного дыхания.

* Песенка Офелии из IV акта «Гамлета» В. Шекспира (в переводе М. Лозинского).

— Не знаю, — простонал Льюис. — Мне это неинтересно. Я спать хочу.

Он пошатываясь пересек узкую кабину и плюхнулся на койку. Коринф проводил его взглядом и вновь устался на звезды.

«Как это замечательно, — подумал он. — Мы снова свободны. Наш разум обрел прежнюю силу...»

Его тело содрогнулось от внезапно пронзившей его боли. Жизнь не приспособлена к подобным изменениям: внезапный возврат к прежнему полусознательному существованию и через несколько недель столь же неожиданное обретение сознательности, когда нервная система работает в совершенно ином режиме... Так можно и умереть.

«Все уже позади, но корабль наш продолжает лететь вперед. С каждым мгновением мы удаляемся все дальше и дальше от Земли. Нужно срочно менять курс!»

Он сидел, вцепившись в подлокотники кресла, пытаясь справиться с подступившей внезапно тошнотой.

«Покойно и неспешно, — приказал он себе. — Сердце бьется спокойно и ровно, мышцы расслаблены. Пусть жизнь обретет свой прежний мерный ход. Спокойно. Покойно и неспешно...»

Он вспомнил о Шейле и тут же обрел внутреннюю опору, позволившую ему противостоять хаосу мыслей и чувств. Он попытался выправить ритм дыхания, и через какое-то время это ему удалось. Сердце стало биться реже, тошнота прекратилась, дрожь исчезла, видение прояснилось. Питер Коринф вновь чувствовал себя самым собой.

Он поднялся из кресла и, почувствовав запах рвоты, включил устройство, очищающее кабину от грязи любого рода. Он подошел поближе к иллюминатору и стал изучать картину звездного неба. Пока они оставались в пределах поля, корабль мог не единожды изменить и скорость, и направление движения; они могли находиться в любой части рукава Галактики, но...

Да, он вдруг ясно различил призрачное свечение Магеллановых облаков; темная область, судя по всему, была Угольным Мешком, за нею он увидел огромную туманность Андромеды... Солнце находилось где-то там. Для того чтобы добраться до его окрестностей, им нужно никак не меньше трех недель, при этом корабль должен двигаться с максимальной скоростью. На поиски этого ничем не примечательного желтого карлика у них могла уйти не одна неделя. Таким образом, домой они могли вернуться не раньше чем через месяц!

Как бы ему ни хотелось оказаться там пораньше, сделать с этим что-либо было просто невозможно. Эмоции, как психофизиологические состояния, следовало взять под контроль

разума. Коринф мысленно изгнал из себя нетерпение и печаль, всячески желая исполниться покоя и твердости... Настроив себя должным образом, он направился к приборной доске и с ходу решил сложную навигационную задачу — разумеется, в пределах имеющихся данных. Несколькими уверенными движениями руки он остановил корабль, заставил его развернуться и, направив его в нужном направлении, включил маршевую скорость.

Льюис все еще был в бессознательном состоянии. Коринф решил его не трогать. Пусть проспится — потом легче будет. К тому же физику хотелось хоть какое-то время побыть одному.

Ему вспомнились ужасные бесконечные недели, проведенные ими в поле. Там время, прожитое вне его, казалось сном и ему, и Льюису. Они уже не могли вспомнить ни того, о чем они думали, ни того, что они чувствовали, ибо, в известном смысле, они утратили подлинную свою самость. Мысленные построения, благодаря которым стало возможным преобразование мира и строительство звездолета, были уже недоступны их интеллекту. Прошло совсем немного времени, и они погрузились в полнейшую апатию, вызванную, прежде всего, отчаянием. Им оставалось уповать только на случай.

«Да, — подумал Коринф, мозг которого при этом продолжал решать массу различных задач, — нам посчастливилось выбраться из этой дыры».

Он сидел, поражаясь величию окружающего его мира. Мысль о том, что он летит домой, что он находится в здоровом уме и добром здравии, вызвала у него чувство довольства. Покой, пришедший по его велению, защищал его лучше любой брони. Он мог при желании выйти из этого состояния, и это было еще более замечательно.

Подобный феномен можно было предвидеть. Вне всяких сомнений, многие земляне уже успели сделать для себя то же самое открытие, но при существующей системе обмена информацией открытие это еще не стало предметом всеобщего достояния. Вся история человека, в некотором смысле, была нескончаемой борьбой инстинктов и интеллекта, физиологических ритмов организма и сознательно выработанных моделей поведения. Разум наконец-то восторжествовал.

Для него все произошло в мгновение ока — шок, вызванный возвратом к полноценной активности нервной системы, привел и к этому изменению. Оно ожидало и других, но там все должно происходить иначе — плавнее, постепеннее. Впрочем, это было уже не принципиально.

Человеческая природа и общество теперь должны измениться до неузнаваемости. У человека должны сохраниться какие-то мотивации своих действий, он должен сберечь какие-то стремления и желания, но теперь сможет выбирать их сознательно. Его личность — в определенных ее аспектах — должна автоматически реагировать на ту или иную ситуацию, подвергая ее интеллектуальному осмыслению. Нет, конечно же, он не станет роботом, но это будет уже совершенно другой человек. С развитием новых техник психосоматические заболевания должны исчезнуть, органические поражения станут чем-то куда менее значимым, исчезнет понятие боли как таковое, отпадет потребность в докторах и так далее.

Может быть, человеку могла покориться и смерть?

Нет, до этого было далеко. Он, как и прежде, был существом ограниченным и во времени, и в пространстве. В противном случае он не выдержал бы тяжести собственного опыта... И все же теперь человек мог рассчитывать на многовековую жизнь, в которой не будет места старости и дряхлости.

Человек изменчивый — человек многоликий — человек интеллектуальный!

Звезда эта походила на Солнце — чуть побольше, чуть краснее, но, в общем и целом, — все очень похоже. У нее была и своя система планет, одна из которых была похожа на Землю. Коринф вывел корабль на ее орбиту и вылетел на ночную сторону.

Детекторы стали изучать поверхность планеты. Радиация не превышала естественного уровня, что говорило о неумении жителей производить атомную энергию. Города были расцвечены огнями, по дорогам сплошным потоком двигались машины, работали радиостанции, вся планета была связана единой коммуникационной сетью. Магнитофоны записывали голоса дикторов, с тем чтобы специалисты впоследствии смогли заняться анализом местного языка.

Обитатели планеты оказались гуманоидами, двуногими млекопитающими, отличавшимися от человека тем, что они были шестипалы, покрыты зеленоватой шерстью и имели иное строение черепа. Толпы, гулявшие по улицам, почему-то заставляли вспомнить о старом Нью-Йорке. Форма жизни несколько отличалась от земной, но проявления ее были поразительно знакомыми.

Интеллект, новый тип разума, человек не одинок в просторах пространства—времени... Когда-нибудь все это станет приметой новой эпохи. Пока же они лишь подтверждали ряд ранее высказывавшихся гипотез. Коринфу понравились обитатели этой планеты,

он искренне желал им добра, пусть для него они были лишь одним из местных видов фауны, или, говоря проще, животными.

— Они, пожалуй, поразумнее, чем мы. Я говорю о нашем прошлом, — сказал Льюис. — Нигде не видно ни войн, ни оружия. Возможно, они переросли этот недуг прежде, чем вступили в машинную стадию развития.

— Возможно, дело в ином. На этой планете осталось всего одно государство, — хмыкнул Коринф. — Один из населявших планету народов, разбив всех своих недругов, стал владыкой этого мира. Для того чтобы решить эту проблему, нам пришлось бы немного задержаться, чего лично я делать не хочу...

Льюис пожал плечами:

— Я тебя понимаю. Давай разок облетим дневную сторону и будем двигать дальше.

Несмотря на растущее с каждым часом самообладание, Коринфу не терпелось поскорее вернуться домой. Льюис же отстаивал идею, согласно которой на пути домой они должны были продолжать исследования. Задержка на две-три недели ничего не значила, полученная же в ходе исследований информация могла оказаться очень ценной.

Через несколько часов после спуска корабля в верхние слои атмосферы они вновь взяли курс к звездам. Планета стала стремительно уменьшаться, столь же быстро исчезло и ее солнце. Где-то далеко позади остался целый мир — жизнь, эволюция, века истории, борение, слава, рок, грезы и страхи, ненависть и любовь, надежда и страсть — мир, населенный миллиардами разумных существ. Все ухнуло в чудовищную бездну, все исчезло в непроглядном мраке.

Коринф почувствовал, как по спине его побежали мурашки. Космос был слишком огромным. Сколь бы быстро ни передвигались звездные корабли людей, сколь бы далеко они ни устремлялись, за сотни и тысячи веков они — в масштабах космоса — практически не смогли бы сдвинуться с места, застыв на веки вечные в великом безмолвии. Даже то, что для Галактики было бы крошечной пылинкой, уже не поддавалось осознанию, — о чем-то большем говорить было тем более бессмысленно. Пройди хоть миллион лет, знание об этой галактической крохе все равно не будет сколь-нибудь полным; тем же островам звезд, которые лежали за ее пределами, так и суждено было остаться чем-то неведомым людям, стремись те к ним хоть до самого скончания мира.

Это знание подействовало на него благотворно, надев узду здорового смирения на его ставший не в меру ретивым разум. Важно знать, что тебя всегда будет ожидать нечто новое, нечто

неизведанное, огромностью своей превосходящее все и вся. Осознание этой убийственной беспредельности сплотит людей и, возможно, сделает их добрее...

Льюис негромко пробурчал:

— Стало быть, из девятнадцати исследованных нами планет четырнадцать оказались не только обитаемыми, но еще и населенными разумными существами...

Коринф разом вспомнил все увиденное им за эти дни: горы, моря и леса разных планет, жизнь в пору ее блистательного расцвета и унылое выживание. Перед ним прошел фантастический хоровод существ и цивилизаций. Прыгающие хвостатые варвары, завывавшие среди болотных кочек; изящные серебристые создания, выращивавшие для непонятных целей гигантские цветы; мир, слепивший вспышками ядерных разрывов, сметающих народ за народом; цивилизация кентавров, научившихся делать ракеты и мечтавших о межзвездных путешествиях; чудовищные твари, дышавшие водородом, что жили на огромной отравленной планете, размеры которой определили появление трех различных видов разумной жизни; цивилизация двуногих существ, чрезвычайно похожих на людей, со столь жесткой организацией и специализацией, что место мысли в ней занял навык, вследствие чего это сообщество превратилось в некое подобие муравейника; носатые твари, жившие среди странных растений, обеспечивавших их всем необходимым; цивилизация существ, презревших богатство и власть и отдавших занятия искусством. Их было много, и все они были невообразимо странными, но Коринфу казалось, что у них есть что-то общее, хотя он и не мог ясно понять, что же именно.

Ему помог Льюис:

— Я уверен, иные из этих рас куда старше нашей. Но при этом, Пит, ни у одной из них интеллектуальный уровень не превосходит уровня землян до сдвига. Ты понимаешь, что это значит?

— Так... Девятнадцать планет... Звезд в Галактике несколько сот миллиардов, теоретически у большей их части должны иметься планетные системы... И что же дальше?

— Подумай хорошенько! Мы вправе предположить, что при обычных условиях эволюции интеллект, достигнув определенного уровня, прекращает свое развитие. Как ты знаешь, ни одна из этих звезд не находилась в ингибирующем поле... Здесь все сходится. Современный человек по сути мало чем отличается от давних своих предков. Это универсальное свойство разумных существ — не приспособливаться к условиям среды обитания, но приспособлять их к себе. Конечным результатом подобной модели поведения должно быть создание достаточно устойчивой

среды, отвечающей поставленным требованиям. Примером этого могут быть и иглу эскимоса, и квартира обитателя Нью-Йорка, оснащенная кондиционерами. Машинная технология, к которой рано или поздно приходит практически любая цивилизация, позволяет обеспечить еще большую стабильность внешних условий. Медицина и сельское хозяйство обеспечивают при этом биологическую стабильность. Короче говоря, после того как нация достигает Ай-Кью порядка ста или ста пятидесяти, стимул к ее дальнейшему развитию исчезает.

Коринф, соглашаясь, кивнул:

— Со временем возникает и искусственный мозг, ему передают решение всех задач, с которыми не в состоянии справиться сами его создатели, — это компьютеры, вычислительные устройства и так далее... Кажется, я понимаю, куда ты клонишь.

— Этим все не исчерпывается, — покачал головой Льюис. — Как ты, наверное, знаешь, структура нервной системы имеет собственные ограничения. Мозг не может быть больше определенных размеров, ибо, в противном случае, нейронные связи стали бы слишком длинными и, следовательно, неэффективными. Как только мы вернемся домой, я займусь этой темой, если, конечно, за время моего отсутствия ею не занялся кто-то другой. Земля — это совершенно особый случай. Появление ингибирующего поля привело к существенным биохимическим изменениям всех форм земной жизни. Несомненно, нам тоже поставлены определенные пределы, но они куда шире обычных, ибо мы, в каком-то смысле, отличаемся от всех прочих разумных существ. Вполне вероятно, мы — самая разумная раса в Галактике.

— М-м-м... Может, и так... Но ты не должен забывать о том, что в этом поле успели побывать не только мы.

— Разумеется. Многие и поныне находятся в нем. Одни входят, другие выходят... Господи, как мне жаль обитателей этих планет! Они оказываются отброшенными на уровень неразумных скотов, что в ряде случаев не может не привести к их вымиранию. Земле в этом смысле повезло — она вошла в поле прежде, чем на ней появилась разумная жизнь.

— Но таких планет должно быть немало.

— Возможно, — согласился Льюис. — Мы можем предположить, что существуют расы, достигшие нашего уровня тысячи лет назад. Если это так, то мы рано или поздно встретимся с ними, хотя в силу гигантской протяженности Галактики это может произойти и очень нескоро. Мы должны прекрасно ужиться с ними. — Льюис усмехнулся. — Интеллект и логическое мышление, заняв ведущие позиции, делают физический аспект чем-то второстепенным, подчиненным. Встретясь мы с представителями другой цивилизации, мы нашли бы их чрезвычайно похожими на нас

самых, какими бы ни были при этом наши физические отличия. Ты вполне мог бы сработаться с каким-нибудь... гигантским пауком.

Коринф пожал плечами:

— У меня нет против этого особых возражений.

— Еще бы они у тебя были! Это ведь так здорово! Мы уже начинаем тяготиться своим одиночеством во Вселенной. — Льюис вздохнул. — И все же, Пит, давай будем смотреть на вещи реалистически. Количество разумных видов, которым могло повезти так же, как и нам, крайне невелико. Это десятки или, в лучшем случае, сотни, понимаешь? Разум, подобный нашему, — вещь чрезвычайно редкая.

Он перевел взгляд на звезды.

— И все же, возможно, это одиночество чем-то компенсируется. Мне кажется, я начинаю понимать, куда должен направить свои силы сверхразумный человек... Вряд ли происшедшее с нами было простой случайностью... Я бы предпочел говорить скорее об определенной причине или, если угодно, о Боге...

Коринф рассеянно кивнул. Он напряженно всматривался в носовой иллюминатор, надеясь найти на нем планету по имени Земля.

Глава 17

Весна в этом году была поздней. И все же воздух в конце концов прогрелся, а деревья робко выпустили первые листочки. Усидеть в такой день в кабинете было невозможно, но положение обязывало Мандельбаума оставаться на рабочем месте, пусть он и мечтал оказаться на какой-нибудь площадке для гольфа. Мандельбаум был главным администратором большого региона, в который входили территории бывших штатов Нью-Йорк, Нью-Джерси и Новой Англии. Дел у него было по горло.

Он мечтал о том времени, когда они смогут наладить производство силовых экранов, управляющих погодой. После этого он мог бы со спокойной совестью отбыть куда-нибудь за город... Пока же он нужен был здесь. Нью-Йорк умирал, он потерял и экономическое, и социальное значение, каждый день его покидали сотни людей. Умирал, но не умер — жителей в нем было еще предостаточно.

Он вошел в офис, кивнул персоналу и направился напрямик в свой кабинет. На столе, как и обычно, лежала кипа всевозможных сообщений и извещений. Не успел он присесть, как зазвонил телефон. Видимо, речь шла о чем-то серьезном — раз секретарша решила не предварять разговор сообщением о личности звонившего.

— Алло?

— Уильям Джером. — Это говорил управляющий строительством возводившейся на Лонг-Айленде пищевой фабрики. Прежде он был обычным инженером-строителем, теперь же стремительно пошел вверх. — Мне нужен дельный совет. Проблема межличностных отношений. Вы — идеальный советчик.

Слова его звучали как-то нескладно, но с новым всемирным языком проблем хватало у всех, в том числе и у Мандельбаума.

Структура нового языка была чрезвычайно логичной и свободной от всякого рода излишеств. В скором времени он мог стать универсальным международным языком деловых людей и ученых. Поэты пока продолжали говорить каждый по-своему — им унификация не грозила.

Мандельбаум нахмурился. Джером решал крайне важную задачу. Нужно было как-то прокормить два миллиарда людей, строительство же пищевых фабрик позволило бы дать им всем синтетическую пищу, вполне отвечающую физиологическим потребностям человека, пусть гурманы и стали бы воротить от не носы.

— Что там у вас? — спросил Мандельбаум. — Опять проблемы с Форт-Ноксом?

Золото использовалось теперь только в промышленных целях благодаря своей инертности и высокой проводимости. Джерому оно требовалось для прокладки общих шин и покрытия внутренних поверхностей камер реактора.

— Нет, они наконец-то возобновили поставки. Проблема в рабочих. Они уже вручили мне петицию, неровен час начнется забастовка.

— Что им нужно? Увеличение зарплаты?

В голосе Мандельбаума чувствовалась ирония. Проблема денег так и не была решена до конца, хотя в мире все большее распространение начинала получать система условных «человеко-часов». Мандельбаум пока пользовался собственной системой расписок, обменивавшихся на товары и услуги. Размер зарплаты, вернее, ее денежное выражение не значили ровным счетом ничего.

— Нет. Этим они уже переболели. Теперь их не устраивает то, что их рабочий день длится шесть часов. Конечно, месить бетон и заколачивать гвозди — работа не самая интересная. Я им объяснил, что в скором времени ею будут заниматься роботы, но рабочие хотят, чтобы это произошло уже сейчас. Они согласны пойти даже на снижение жизненного уровня, а все это пустое философствование! Им, мол, досуд нужен!

Мандельбаум ухмыльнулся:

— Как же без этого? Главное для вас, Билл, как-то удержать людей на работе.

— Но как?

— А что, если вы оснастите строительную площадку громкоговорителями, по которым будут транслироваться лекции? Нет, лучше не так. Дайте каждому работнику по карманному приемнику, чтобы у них оставалась возможность выбора — либо лекции, либо музыка, либо что-то еще. Я позвоню на радио, попрошу организовать серию лучевых трансляций.

— Радиотрансляций?

— Да, но не совсем обычных, иначе они могли бы слушать их и дома. Эти программы будут идти в рабочее время и транслироваться только на строительную площадку.

— Здорово! — рассмеялся Джером. — Это должно сработать! — Они попрощались. Мандельбаум достал из кармана трубку и принялся набивать ее табаком, одновременно просматривая лежащие на столе бумаги. Если бы все решалось так просто... Тут еще и эта проблема переселения... Все, включая его собаку, хотели жить на природе. Особых трудностей с транспортом и связью теперь не было. Конечно, возникнет масса хлопот, связанных с переездом, обустройством и выправлением бумаг на владение землей. Решить все эти проблемы разом...

— О'Баньон, — раздалось из селектора.

— Да? Впрочем, все правильно. Я ему, кажется, сам назначил это время. Пусть войдет.

До сдвига Брайан О'Баньон был обычным полицейским, в переходный период служил в милиции, теперь же стал руководителем местного отделения службы Наблюдателей. Это был рослый рыжеволосый ирландец, в устах которого новый язык звучал особенно странно.

— Мне не хватает людей, — сказал он. — Работы снова прибавилось.

Мандельбаум принялся задумчиво раскуривать трубку. Служба Наблюдателей была его детищем, хотя подобные же службы сейчас создавались в разных концах мира, чему способствовала поддержка этой идеи мировым правительством. Для того чтобы общество могло нормально функционировать, необходимо постоянно отслеживать его состояние, располагать достоверной информацией, иначе оно перестанет существовать как единое целое, что приведет к нежелательным последствиям. Наблюдатели собирали информацию разными способами, самым простым и эффективным из которых являлся обычный разговор с прохожими, который завязывался как бы невзначай. Для того чтобы прийти впоследствии к определенным выводам, достаточно было элементарной логики и умения сопоставлять информацию.

— Для того чтобы набрать и обучить людей, потребуется какое-то время, Брайан, — сказал Мандельбаум. — Где ты предполагаешь их использовать?

— Во-первых, нужно продолжать надзор за слабоумными. Я бы туда приставил еще парочку ребят. Работа эта не из легких. Выявить, направить куда следует — это, я вам скажу, совсем не просто! Сейчас слабоумными образован ряд маленьких колоний. За ними тоже нужно надзирать, а вдобавок — еще и охранять от посторонних. Рано или поздно нужно будет решить эту проблему кардинально, а это уже связано с тем, что собираемся делать в будущем мы сами. Правильно я говорю? Понимаешь, у меня такое ощущение, что мы на что-то такое напали. Это неким образом касается и Нью-Йорка.

Мандельбаум кашлянул.

— И что же это такое, Брайан?

— Не знаю. Возможно, тут нет ничего криминального. Но это что-то очень серьезное. Я получал подобную информацию и из других стран. Научное оборудование и материалы уходят окольными путями неведомо куда...

— Да? Нужно потребовать от ученых, чтобы они представили отчеты о своей деятельности в последние месяцы.

— В этом нет смысла... Кстати, шведским Наблюдателям удалось кое-что выяснить. В Стокгольме некий человек стал интересоваться электронными лампами специфического назначения. Производитель объяснил ему, что вся партия ушла в одни руки. Этот человек стал искать покупателя и выяснил, что это был агент, работавший на каких-то третьих лиц. Наблюдатели заинтересовались этим вопросом и провели проверку всех лабораторий страны. Ни одна из них таких ламп не получала, из чего можно было сделать вывод, что они ушли куда-то за границу. Они обратились к своим коллегам в других странах и вскоре выяснили, что они попали в Айдлвайд*. От этого мне тут же поплохело, и я попытался выяснить дальнейшую судьбу ламп, но, увы, здесь след обрывался... Я начал интересоваться подобными случаями и выяснил, что теперь такое не редкость. В Австралии бесследно пропали некоторые части звездолета, в Бельгийском Конго — груз урана. Возможно, ничего серьезного за этим не стоит, но если речь идет о каком-то рядовом научном проекте, то к чему вся эта секретность? Чтобы разобраться с этим досконально, мне потребуются помощники. Если честно, то мне эта история очень даже не нравится.

Мандельбаум кивнул. Если кто-то вздумал поупражняться в нуклеонике, кончиться это может плохо для всех. Возможно, речь действительно идет о чем-то крайне серьезном.

— Надеюсь, вы с этой проблемой разберетесь... Удачи вам.

* Айдлвайд — аэропорт имени Дж. Кеннеди в Нью-Йорке.

Глава 18

Раннее лето — робкая нежная зелень обратилась пышной листвою, расцвеченной лучами солнца, шумящей на ветру. С час назад прошел дождь; свежий ветерок до сих пор срывал с крон деревьев холодные капли. Над пустынными улицами сновали воробьиные стайки. Омытые дождем мирные здания четко вырисовывались на фоне ослепительно голубого неба, свет утреннего солнца отражался тысячами окон.

Город казался сонным. Время от времени по улицам проходили люди — мужчины и женщины, — одетые кто во что горазд. Никто никуда не спешил — суета и суетолака остались где-то в прошлом. Изредка мимо молчаливых небоскребов проезжали машины. От двигателей внутреннего сгорания люди уже отказались — в воздухе не было ни дыма, ни гари. Как ни странно, это был обычный будний день. Будни теперь ничем не отличались от выходных.

Каблучки Шейлы громко стучали. Их стаккато действовало ей на нервы, однако она не замедляла шага — ей нужно было спешить.

Группа мальчишек, которым было лет по десять, выбежала из пустого магазина и понеслась вдоль по улице. Они бежали молча, и это было страшно. Дети перестали быть детьми.

От станции до Института путь был неблизким, она могла бы сэкономить силы, воспользовавшись услугами подземки. Но от одной мысли о том, что придется заходить в железную клеть, где кроме нее будут находиться какие-то другие *преобразившиеся* люди, ее бросало в дрожь. На улицах она чувствовала себя куда как увереннее. Город уже отслужил свое, теперь он умирал; дома, окружавшие ее со всех сторон, мало чем отличались от диких скал. Она была одна — одна-одинешенька.

По улице пронеслась огромная тень. Она подняла глаза и увидела огромную металлическую сигару, бесшумно исчезающую за небоскребами. Наверное, они научились управлять силами гравитации. Ну и что из того?

Она прошла мимо двух мужчин, сидевших у порога дома. До нее долетели обрывки их разговора:

— ...эстетику морской звезды, — все изменилось.

Всплеск рук.

— Видерзеен!*

Вздых.

— Отвергнуть: макрокосм, нон-эго, энтропию. Все чрез человека — антропоморфно.

Шейла ускорила шаг.

* Auf Widerschen — до свидания (нем.).

Здание Института было обшарпаннее гигантов Пятой авеню, хотя, в отличие от этих небоскребов, оно все еще служило прежней цели — от них же веяло склепом. Шейла вошла в холл. Там не было ни души, лишь в углу пофыркивало и подмигивало странное устройство, собранное из светящихся трубок. Шейла было направилась к лифту, но, мгновенно раздумав, поспешила к лестнице. Кто его знает, во что они могли превратить за это время лифт — может быть, он стал автоматическим или управляемым силой мысли, или еще что похуже.

Она добралась до седьмого этажа почти не запыхавшись. Коридор был таким же, как и прежде, — людям, работавшим здесь, хватало других, более важных, проблем. Что исчезло, так это старые люминесцентные лампы, висевшие прежде на стенах. Теперь коридор освещался как-то иначе — то ли светился воздух, то ли стены — понять было невозможно.

Она остановилась перед дверью старой лаборатории Пита и испуганно поежилась. *«Глупая, — сказала она самой себе, — ведь не съедят же они тебя, в самом деле. Интересно, чем они теперь занимаются?»*

Она вздохнула, расправила плечи и робко постучала в дверь.

— Войдите, — услышала она через какое-то время. Шейла повернула дверную ручку и вошла в лабораторию.

Здесь почти ничего не изменилось. Понять это было невозможно. Часть аппаратуры пылилась в углу, на трех подвижных друг к другу столах было собрано какое-то устройство. Сказать, было оно здесь прежде или нет, Шейла не могла — на подобные вещи она не обращала внимания. Комната же была такой же, как всегда. Распахнутые окна, а за ними — голубое небо, доки, склады... На стене висел выдавший виды пиджак, в воздухе пахло резиной и озоном. На столе Пита лежала стопка потрепанных справочников, возле которой стояла настольная зажигалка, подаренная ему Шейлой на Рождество давным-давно. Здесь же стояла пустая пепельница. Кресло было слегка отодвинуто от стола — можно было подумать, что его владелец на минуту куда-то отлучился.

Грюневальд поднял глаза и близоруко прищурился. Он выглядел очень усталым и сутулился сильнее, чем прежде. Возле него сидел неизвестный Шейле молодой темноволосый человек.

Грюневальд неуклюже всплеснул руками. (Да это же госпожа Коринф! Вот так сюрприз. Заходите, заходите.)

Молодой человек негромко кашлянул.

— (Это) — Джим Манзелли, — сказал Грюневальд, кивнув в его сторону. (Он мне помогает. Джим, это) — госпожа Коринф, (супруга моего бывшего босса.)

Манзелли кивнул. Краткое (Рад с вами познакомиться.) Глаза фанатика.

Грюневальд поднялся со своего места и направился к ней, вытирая платком грязные руки.

— Что (вас сюда привело?)

Она отвечала боязливо и негромко:

— (Хотела) посмотреть (как тут у вас дела.) Долго (я вам мешать) не буду.

Глаза, нервный перебор пальцами — мольба о пощаде.

Грюневальд посмотрел ей в лицо, и Шейла тут же поняла, что он почувствовал. Испуг. *«Как ты похудела! И с нервами у тебя явно что-то не то — посмотри на свои руки. — Сострадание. — Бедная ты бедная, и как же ты все это пережила!»* Тут же вежливое:

— (Надеюсь,) болезнь (уже в прошлом?)

Шейла кивнула.

— (А куда подевался) Иохансон? — спросила она. — (Без него — впрочем, так же, как и без Пита, — лаборатория не лаборатория.)

— (Он сейчас работает где-то) в Африке. (Работы у нас теперь столько, что особенно не расслабишься. Все это так внезапно.)

— (И так жестоко!)

Утвердительно кивает:

— (Да.)

Глаза на Манзелли — вопросительно.

Манзелли испытующе посмотрел на Шейлу. Она смущенно потупилась, Грюневальд же смерил своего коллегу укоризненным взглядом.

— Лонг-Айленд я покинула (только) сегодня. — Улыбка, полная горести, и столь же горестный вздох. — (Они считают, что мне там делать уже нечего, что все нормально... Во всяком случае, им теперь уже не до меня.)

По лицу Грюневальда пробежала тень.

— (Вы что — зашли к нам попрощаться?)

— (И сама не знаю. Вдруг) потянуло сюда... (Он ведь здесь провел столько времени...)

И тут же, но уже с мольбой в голосе:

— Он ведь погиб, правда?

Пожатие плечами, сожаления.

— (Трудно сказать. Корабль должен был вернуться несколько месяцев тому назад. Ясно одно — случилось что-то серьезное. Возможно, корабль попал в) ингибирующее поле. (Вероятность этого весьма велика.)

Шейла подошла к рабочему столу Пита и погладила спинку его кресла.

Грюневальд кашлянул.

— Решили оставить цивилизованный мир?

Она молча кивнула в ответ. *«Он для меня слишком велик и холоден, и чужд».*

— (А как вы насчет того, чтобы) заняться работой?

Шейла покачала головой. (Для таких, как я, работы нет. Я в этих ваших делах ничего не понимаю, да и не хочу понимать.) Она еле заметно улыбнулась и спрятала зажигалку в свою сумочку.

Грюневальд и Манзелли вновь переглянулись. Манзелли утвердительно кивнул головой.

— (Мы здесь) занимаемся работой, (которая, возможно, вас заинтересует), — сказал Грюневальд. *«Вернет вам надежду... вернет ваше вчера...»*

Обращенные к нему карие глаза смотрели в никуда. Лицо ее казалось натянутой на костяк белой бумагой, раскрашенной каким-нибудь китайским художником, не забывшим прорисовать голубоватые жилки на висках и на тонких нежных запястьях.

Он пустился в объяснения. Со времени запуска корабля о поле-ингибиторе удалось узнать много нового. Генерировать его искусственно и изучать его влияние на различные объекты возможно было уже и тогда, теперь же Грюневальд и Манзелли готовились повторить этот же эксперимент, но в куда больших масштабах. Аппарат будет достаточно компактным — не больше нескольких тонн весом. В первый момент для создания поля потребуется энергия ядерного дезинтегратора, затем же для его поддержания достаточно будет солнечной энергии, питающей приемные батареи.

Проект этот никем не курировался и нигде не был заявлен. Каждый ученый теперь был волен заниматься чем угодно, тем более что с материалами и оборудованием проблем больше не существовало — их поисками и доставкой занималась теперь специально созданная для этого небольшая организация. То, чем Грюневальд и Манзелли занимались в Институте, строго контролировалось властями, устройство же свое они собирали где-то совсем в другом месте. Ученые целыми днями торчали на работе, и поэтому заподозрить их в чем-то подобном было невозможно. По крайней мере, именно так считал сам Грюневальд.

Шейла слушала его достаточно невнимательно, продолжая думать о чем-то своем.

— Но зачем это все? — поразила ее. — Что вы хотите сделать?

Манзелли зловеще усмехнулся:

— (Неужели не понятно? Мы хотим) создать орбитальную космическую станцию (на высоте в несколько тысяч миль над поверхностью Земли.) В ней будет находиться несколько мощ-

ных генераторов поля. (Мы вернем человечество в его) вчерашний день.

Шейла не отреагировала на это никак — ни криком, ни смехом, ни вздохом. Она спокойно кивнула, словно речь шла о чем-то совсем уж тривиальном.

(Разве можно оставаться здоровым, отказавшись от реальности?) — спросили глаза Грюневальда.

— (Какой реальности?) — ответил ему ее взгляд.

Манзелли пожал плечами. Он видел по ней, что об услышанном Шейла никому не скажет, все остальное было неважно. Грюневальд, вероятно, надеялся, что от радости она подскочит до потолка, но он просчитался.

Шейла подошла к странному устройству, место которому было явно не здесь, а где-нибудь в клинике. Операционный стол с широкими ремнями, коробка со шприцами и ампулами, непонятная штукавина, установленная в изголовье.

— Что это? — спросила она.

По ее тону можно было понять, что она уже разгадала истинное назначение устройства, но физики были слишком увлечены собственными мыслями, для того чтобы обратить на это внимание.

— Модифицированный аппарат для проведения электрошоковой терапии, — ответил Грюневальд. Он объяснил, что в первые недели после сдвига делались попытки изучения функциональных аспектов мышления, для чего у животных последовательно выжигались различные участки коры головного мозга, после чего следовали комплексные исследования и замеры. Подобная практика быстро изжила себя как негуманная и малоэффективная. — (Я полагал, что вы были в курсе.) Эти исследования начались еще при Пите. (Видели бы вы, как он против них) протестовал! (Неужели он с вами об этом не говорил?)

Шейла рассеянно кивнула.

— Сдвиг (сделал) людей жестокими, — сказал Манзелли. — (Теперь о них и этого) уже не скажешь. (Они просто перестали быть людьми. Интеллект стоил людям любви. Любви и надежды. Мы хотим, чтобы люди вновь стали самими собой.)

Шейла отвернулась от страшного черного аппарата.

— До свидания, — сказала она.

— Я... Послушайте... — Грюневальд старался не смотреть ей в глаза. — Вы только не пропадите, хорошо? (Время от времени напоминайте о себе — вдруг Пит вернется.)

Она холодно улыбнулась.

— (Он уже никогда не вернется. Прощайте.)

Она вышла из лаборатории и направилась вдоль по коридору. Рядом с лестницей она обнаружила туалет, на котором уже не

было привычных «М» или «Ж», — Запад давно отказался от этой смехотворной щепетильности. Шейла вошла внутрь и подошла к зеркалу. Оттуда на нее смотрело худое заострившееся лицо в обрамлении длинных нечесанных волос. Она достала из сумочки расческу и — несказанно удивляясь самой себе — стала расчесывать непокорные пряди. После этого она спустилась на первый этаж здания.

Дверь в директорский офис была приоткрыта — по коридору гулял ветерок. Из приемной слышался негромкий стрекот каких-то машин, выполнявших, по всей видимости, рутинную канцелярскую работу. Шейла прошла через просторную комнату и постучала в распахнутую дверь самого директорского кабинета.

Хельга Арнульфсен подняла глаза от стола. Шейла заметила, что она тоже сильно похудела, глаза, некогда искривившиеся зазором и энергией, стали тусклыми и бесцветными. Теперь она одевалась куда свободнее, чем прежде, — от бывшей чопорности не осталось и следа. И все же это была прежняя сильная и уверенная в себе Хельга.

— Кого я вижу! Шейла!!!

— Привет.

— Заходи. (Давай-давай — присаживайся. Я тебя целую вечность не видела.)

Хельга вышла из-за стола и, улыбнувшись, пожала Шейле руку. Пальцы ее при этом были холодными как лед.

Она нажала кнопку, и дверь бесшумно закрылась.

— (Теперь нам никто не помешает. Если дверь моего кабинета закрыта, значит, я чем-то занята — все это прекрасно знают.)

Она села в кресло, стоявшее напротив Шейлы, положив ногу на ногу, на мужской манер.

— Я так рада (тебя видеть, ты даже себе этого не представляешь! Надеюсь, со здоровьем у тебя теперь все в порядке?) «Бедняжка, как ты плохо выглядишь...»

— Я... — Шейла нервно задвигала руками и уже в следующий миг сделала вид, что ищет что-то в сумочке. — Я... (И зачем только я сюда пришла?)

Глаза: (Тому причиной Пит.)

Кивок: (Да. Да, должно быть, так оно и есть. Порой я думала... Ведь мы обе любили его — правда?)

— А он думал только о тебе... — сказала Хельга бесцветным голосом. «Как ты его измучила... Ты бы знала, как он из-за тебя страдал...» «Я знаю. Как все это больно...»

— (И все же уже тогда) он стал другим, — ответила Шейла. — (Он слишком изменился, как и весь наш мир... Я пыталась удержать его, а он ускользал из рук, словно его уносило само время...) Я потеряла его прежде, чем он умер.

— Нет. Он был с тобой — он всегда был только с тобой, — сказала, передернув плечами, Хельга. — Что касается этой истории, могу сказать одно: жизнь тем не менее продолжает идти своим чередом (пусть она и кажется нам теперь такой ущербной. Мы, как и прежде, дышим, едим, пьем, ходим на работу — иного выхода у нас попросту нет.)

— Ты — сильный человек, — сказала Шейла. — (Я на такое не способна.)

— Я стараюсь держаться, — кивнула Хельга.

— Ты можешь жить надеждой.

— Наверное, ты права.

Шейла улыбнулась, но не сказала вслух ни слова. — (И все же я счастливее тебя. Со мной всегда мое вчера — ты понимаешь?)

— Они могут вернуться в любой момент, — вздохнула Хельга. — (Никто не знает, что с ними произошло на самом деле. У тебя есть силы ждать?)

— Нет, — уверенно ответила Шейла. — Вернуться могут только их тела, но не они сами. (Не Пит. Он стал совсем другим, какою мне не стать. Я не хочу быть ему в тягость.)

Хельга положила руку на плечо Шейле. Каким оно было худым! Она чувствовала все его косточки.

— Постой, — сказала она. — Терапия (рано или поздно сможет поставить все на свое место. Пройдет всего несколько лет, и ты вновь) станешь нормальной.

— Я так не считаю.

Холодные голубые глаза исполнились едва уловимого презрения. *«Как же ты думаешь жить в будущем? Неужели ты считаешь, что можно оставаться такой же, живя в новом мире?»*

— Тебе остается одно — ждать. Не станешь же ты кончать с собой...

— Я об этом и не говорю. (Остаются горы, ущелья, реки, луна и солнце, и высокие зимние звезды...) Я найду чем жить.

— (Я связывалась с Кирнсом.) Кирнс считает, что дело идет на поправку.

— Разумеется. — *«Я научилась скрывать свои истинные чувства. Уж слишком много соглядатаев в этом новом мире».* — Оставим эти разговоры, Хельга. Я пришла сюда только для того, чтобы попрощаться. До свидания.

— Куда (ты собираешься отправиться? Мне нужно знать это — вдруг он вернется.)

— Я напишу (в случае чего.)

— Можешь передать информацию через экстрасенсов. (Почты как таковой больше не существует.)

«Как — и почты уже нет? Когда я была совсем маленькой девочкой, к нам приходил старенький такой почтальон — господин

Барнвельдт. Он еще смешно шаркал... И всегда у него в кармане находилась для меня конфетка...»

— Слушай, что-то я проголодалась, — сказала вдруг Хельга. — (Почему бы нам не пообедать где-нибудь) вместе?

— (Нет, спасибо. Что-то не хочется.) — Шейла поднялась из кресла. — Прощай, Хельга.

— Что значит «прощай», Шейла? Мы еще не раз увидимся, только ты уже будешь здорова. С тобой все будет в порядке, можешь не сомневаться.

— Да, — кивнула Шейла. — Со мной все будет в порядке. И все-таки прощай.

Она вышла из кабинета и поспешила покинуть здание Института. Людей к этому времени на улицах стало заметно побольше. Шейла пересекла улицу и скрылась за неприметной дверью.

Ей совсем не было грустно. Она не чувствовала ничего — ни печали, ни тоски, ни смущения — все они в один миг куда-то запропали. Время от времени в ее сознании возникали неясные зыбкие тени, но она уже нисколько их не боялась, более того, ей было их жалко. Бедные призраки! Жить им осталось совсем недолго...

Она увидела на другой стороне улицы Хельгу — та спешила к кафе. Сейчас она пообедает и вновь понесется на свою работу, чтобы заниматься там неведомо чем. Шейла улыбнулась и покачала головой. *«Ох, Хельга, несчастная ж ты труженица...»*

Через минуту из дверей Института вышли Грюневальд и Манзелли, ни на минуту не прерывавшие своей беседы. Шейла почувствовала, что сердце ее забилось чаще. Ладони ее от волнения вспотели. Подождав, пока мужчины скроются из виду, она перебежала через улицу и вновь вошла в институтские двери.

Ее каблучки громко стучали по каменным ступеням. Пока она добралась до седьмого этажа, с нее сошло семь потов, но вызвано это было не столько усталостью, сколько волнением. Ей понадобилась примерно минута, для того чтобы полностью прийти в себя. После этого она побежала к дверям физической лаборатории.

Дверь была приоткрыта. Она на миг застыла, глядя на монтируемую ими установку. Грюневальд говорил ей о каких-то безумных планах... Что он тогда сказал?.. Впрочем, неважно. Всему этому не суждено свершиться. Он, Манзелли и вся эта банда рецидивистов посходили с ума.

«А я?» Сил, по крайней мере, у нее сейчас было хоть отбавляй, хотя выполнить задуманное в каком-то смысле было труднее, чем выстрелить самому себе в висок.

Аппарат для шокотерапии, стоявший возле операционного стола, походил на экзотическое животное, покрытое броней. Нет,

не зря она просила Кирнса приносить ей книги по психологии и психиатрии... Бедный Кирнс! Как он расстроится, когда узнает, что она все это время обманывала его!

Машина загудела, начав медленно прогреваться. Шейла достала из сумочки небольшой пакет. Шприц, игла, обезболивающее, электродная паста, шнур, один конец которого она должна привязать к выключателю, а другой — взять в зубы, чтобы подключить питание, таймер... Если все пройдет нормально, она в конце процедуры будет уже без сознания, питание должно будет отключиться автоматически.

А если что-нибудь будет не так? Тогда ее мозг изжарится прямо в черепашке. Ну и что из этого?

Улыбнувшись, она выглянула в окно и тут же сделала себе укол. Прощайте солнце, синее небо, тучки, дождь, крик перелетных птиц... Спасибо вам за все.

Сорвав с себя одежду, она легла на операционный стол и стала закреплять холодные, как лед, электроды. Она продумала все до малейших деталей — когда все электроды были прикреплены, а ремни затянуты, она подсунула свободную правую руку под ремень, шедший поперек стола. Теперь она не могла и пошевелиться.

Наркотик уже начал действовать. Ей смертельно хотелось спать...

Она вздохнула и потянула зубами шнур. И —

ГРОХОТ И ПЛАМЯ — КЛОЧЬЯ РАЗЛЕТАЮЩЕЙСЯ ТЬМЫ...

ВДРЕБЕЗГИ — НЕСТЕРПИМЫЙ СВЕТ ОТОВСЮДУ БОЛЬНО МНЕ БОЛЬНО МНЕ БОЛЬНО

Глава 19

— Алло, Земля! Питер Коринф запрашивает Землю с борта звездолета номер один! Мы летим домой!

Жужжание и треск космических помех, голоса звезд. Земля сверкает в ночи голубым бриллиантом, крохотная жемчужина Луны, Солнце, обаятое неугасимым пламенем...

— Алло, Земля! Выходите на связь. Вы слышите меня, Земля?

Клик-клик, — космические голоса.

«Здравствуй, Шейла!»

Планета росла на глазах. Корабль слегка потряхивало. Коринф почувствовал, что его тоже бьет крупная дрожь, но решил, что на сей раз самовнушение было бы излишним — пусть все будет так, как есть.

— Алло, Земля, — вновь сказал он в микрофон. Корабль двигался непривычно медленно. — Алло, Земля, вы меня слышите? Говорит звездолет номер один. Мы возвращаемся домой.

Льюис пробурчал что-то невразумительное. Смысл сказанного сводился примерно к следующему:

— Может, они уже и забыли о таких вещах, как радио... За эти месяцы могло...

Коринф покачал головой:

— Я уверен в том, что какие-то мониторы продолжают свою работу... — Он вновь повернулся к микрофону. — Земля, Земля, почему не выходите на связь? Земля, вы меня слышите?

— Если нас и поймает какой-нибудь пятилетний радиолюбитель из России, Индии или Африки, на то, чтобы ответить, ему понадобится какое-то время. Так что не спешите. Расслабьтесь.

— Ох уж это время! — Коринф поднялся со своего кресла. — Вероятно, ты прав... До спуска остается всего несколько часов. Мне хотелось, чтобы нам устроили настоящий прием.

— Дюжина лимфьордских устриц, залитых лимонным соком, — мечтательно произнес Льюис. — Рейнское вино урожая тридцать седьмого года... Молодые креветки под майонезом, копченый угорь с омлетом и ломтиком ржаного хлеба, лучок...

Коринф заулыбался, хотя думал сейчас только о Шейле. Как приятно было сидеть, говоря ни о чем, ожидая той минуты, когда вновь можно будет ступить на землю... Всю дорогу домой они о чем-то беспрестанно спорили, боясь замолчать даже на минуту, боясь вспомнить о холодном темном безмолвии, окружавшем их со всех сторон. Теперь же они стремительно возвращались к жизни, словно почувствовав тепло родного дома.

— Алло, звездолет номер один!

От неожиданности они вздрогнули. Голос, слышавшийся из динамика, смешивался с треском и шумом Солнца и звезд, но это был настоящий человеческий голос. Они были дома.

— Слушай! — потрясенно пробормотал Льюис. — Да он же говорит с бруклинским акцентом!

— Алло, звездолет номер один. Вас вызывает Нью-Йорк. Вы меня слышите?

— Да, — прохрипел Коринф, почувствовав, что у него пересохло в горле.

— Еле с вами связался, — послышалось через какое-то время. — Нужно было учесть эффект Доплера — вы несетесь прямо как угорелые! Впрочем, все это неважно... Примите мои поздравления! С вами все в порядке?

— Все нормально, — ответил Льюис. — Были кой-какие проблемы, но теперь все это уже в прошлом. Мы целы и невредимы и надеемся, что нам организуют достойную встречу. — Он на миг замолк. — Кстати, а как там у вас, на Земле?

— Более или менее. Думаю, вы нашу планету теперь не узнаете. Все меняется так стремительно, что даже дурно от этого становится. Мы уже и говорим не по-английски — вы можете себе это представить? Что с вами стряслось?

— Об этом попозже, — отрезал Коринф. — А как дела... у наших коллег?

— Думаю, неплохо. Это не мой уровень. Я работаю техником в Брукхейвене. Вы, я так полагаю, совершите посадку где-то здесь?

— Да. — Коринф мгновенно решил сложную систему дифференциальных уравнений. — Это произойдет через шесть часов.

— Хорошо. Я думаю, мы... — Сигнал внезапно пропал, из динамиков вновь раздавался только треск.

— Алло, Нью-Йорк, вас не слышно, — сказал Коринф.

— Брось ты это дело, — фыркнул Льюис. — Выключай рацию.

— Но...

— Мы уже столько ждали, что и эти шесть часов как-нибудь перетерпим. Нечего ерундой заниматься.

— М-да, пожалуй, ты прав... — Коринф вновь взял микрофон в руку. — Алло, Нью-Йорк. Алло, Земля. Говорит звездолет номер один. Сеанс связи окончен. Прием и конец связи.

Какое-то время Коринф сидел молча.

— С кем бы я сейчас действительно хотел поговорить, так это с Шейлой, — наконец сказал он.

— Скоро наговорюсь вдоволь, — отозвался Льюис. — Мне кажется, сейчас надо думать о другом. Что-то мне эта тряска не нравится — раньше с кораблем такого не было. Мало ли что с ним может случиться...

— Я думаю, это связано с усталостными эффектами на кристаллическом уровне, — буркнул Коринф в ответ. — Ладно, будем считать, твоя взяла.

Он вновь занял место за приборной доской.

Земля росла с каждой минутой. Им, привыкшим преодолевать за час световые годы, теперешняя скорость казалась черепашной — она не превышала нескольких сот миль в секунду. Однако совершать точные маневры на больших скоростях они пока не умели, подобные задачи были бы по плечу только новому кораблю. При невиданных темпах технического прогресса, ставших возможными в последнее время, следующий корабль мог стать подлинным чудом, воплощенным совершенством. Инженерное дело вот-вот должно было достигнуть пределов, поставленных самой природой. После этого человеческий разум мог устремиться на освоение каких-то иных сфер. Коринф едва ли не с нежностью посмотрел на растущую голубую планету. Ave atque vale!*

Серп Земли превратился в затянутый облаками светлый диск. Они вылетали на дневную сторону. Вскоре стал слышен свист

* Здравствуй и прощай! (лат.)

рассекаемого воздуха. Они пролетели над залитым лунным светом Тихим океаном и оказались над Сьерра-Невадой. Под ними лежала Америка — зеленая, огромная и прекрасная. Только что под ними промелькнула серебристая нить Миссисипи, и вот уже над морем показались небоскребы Манхэттена.

Сердце Коринфа было готово выскочить из груди. «Успокойся, — сказал он самому себе. — Успокойся и жди... Теперь спешить некуда...» Он повел корабль к взлетной площадке, находившейся в Брукхейвене, и увидел внизу сверкающий шпиль. Значит, они уже приступили к постройке нового звездолета.

Корабль дернулся. Они были уже на Земле. Льюис щелкнул тумблером, отключив двигатели звездолета. Через мгновение они замолкли, и от этого у Коринфа зазвенело в ушах — он так привык к постоянному гулу работающих двигателей, что для него они стали неотъемлемой частью реальности.

— Идем!

Льюис не успел подняться на ноги, как Коринф уже начал возиться с хитроумным запором шлюзовой камеры. Сначала в сторону отошла внутренняя дверь, затем — внешняя. Воздух запахом морем.

«Шейла! Где Шейла?» Он стремительно съехал на люльке вниз, сошел на землю, оступился и упал, но тут же снова был на ногах. Корпус стоявшей за ним ракеты был покрыт трещинами, раковинами и странными кристаллическими наростами.

К нему подошел Феликс Мандельбаум. Он выглядел постаревшим и очень усталым. Мандельбаум молча взял Коринфа за руки.

— Где Шейла? — прошептал Коринф. — Где она?

Мандельбаум покачал головой. Теперь вниз стал спускаться и Льюис, он делал это куда осторожнее. Россман направился к нему, стараясь при этом не смотреть на Коринфа. За ним шли другие встречающие — все это были сотрудники Брукхейвенской лаборатории.

Коринф почувствовал, как к его горлу подкатил ком.

— Она что — умерла? — спросил он тихо.

Ветерок что-то нашептывал ему на ухо, играя с прядями его волос.

— Нет, — ответил Мандельбаум. — Сумасшедшей ее тоже не назовешь. Но... — Он тяжело вздохнул и покачал головой. — Нет, не могу...

Коринф замер.

— Ну! Ну говори же!!!

— Это случилось шесть недель тому назад, — продолжил Мандельбаум. — Я думаю, справиться с собой она уже была не в

силах. Она смогла пробраться к установке для электрошоковой терапии.

Коринф кивнул.

— Она уничтожила собственный мозг, — закончил он за Мандельбаума.

— Нет. Не совсем так, хотя все могло кончиться и этим. — Мандельбаум взял физика под руку. — Можно сказать так: это та Шейла, которую ты знал прежде, еще до того, как Земля вышла из этого поля.

Свежий морской ветерок как ни в чем не бывало продолжал играть с Коринфом. Он был ни жив ни мертв.

— Идем, Пит, — сказал Мандельбаум. — Я тебя к ней отведу.

Коринф покорно последовал за ним.

Психиатр Кирнс встретил их в Бельвю. Лицо его ничего не выражало, но было видно, что он ничего не стыдится и ни о чем не жалеет, впрочем, Коринф и не винил его. Человек, не располагавший сколь-нибудь достоверным знанием, поставил не на ту карту и ошибся — только и всего. Так уж устроен мир — с этим ничего не поделаешь.

— Она обманула меня, — сказал Кирнс. — Мне все время казалось, что ей становится лучше. Я и предположить не мог, что больной человек до такой степени может контролировать себя. И второе, — я недооценил степени ее страданий. Мы как-то приспособились к жизни с новым сознанием; что могут чувствовать при этом те, кому это не удалось, остается для нас тайной.

«Темные бьют крыла, а она совсем одна. Сгущается мгла, а она — она совсем одна...»

— Она сделала это в ненормальном состоянии? — спросил Коринф еле слышно.

— А что такое «нормальное состояние»? Возможно, она сделала именно то, что ей и следовало сделать. Стоило ли излечиваться, для того чтобы владеть подобное существование?

— И к чему же все это привело?

— Дров она наломала преизрядно... Помимо прочего, она с началом конвульсий сломала себе несколько костей. Если бы люди вернулись туда немного попозже, могло бы быть всякое. — Кирнс положил руку на плечо Коринфу. — Объем уничтоженной ткани ничтожен, но, должен признать, речь идет о самом чувствительном отделе мозга.

— Феликс говорил, что... ей стало лучше. Это правда?

— Да, конечно... — Кирнс смущенно улыбнулся. — Мы теперь достаточно хорошо представляем, как устроена психика прежнего человека. Я пользуюсь троичным методом, разработанным уже после сдвига Гравенштейном и Делгардом. Символическая

переоценка, кибернетическая нейрология и соматические координирующие упражнения. Здоровой ткани было достаточно, для того чтобы мы могли передать ей функции поврежденного участка. Как только мы совладаем с психозом, она будет практически здоровой. У нас она пробудет месяца три — не больше. — Он шумно вздохнул. — В результате она станет нормальным здоровым человеком, разумеется, по прежним меркам... Ее Ай-Кью будет на уровне ста пятидесяти.

— Я понимаю, — кивнул Коринф. — А возможно ли будет... совершенно реабилитировать ее?

— Прежде чем мы научимся восстанавливать нервную ткань, пройдут, по меньшей мере, годы... Вы, наверное, знаете, — она не регенерирует даже при искусственной стимуляции. Для того чтобы обычная клетка превратилась в клетку мозга, потребовались миллионы лет эволюции. Не забывайте и о том, что прежде всего нам придется реконструировать генетический набор пациентки... Но и в этом случае... особых надежд на успех нет.

— Я понимаю.

— Вы могли бы с ней повидаться. Ей уже сообщили о том, что вы живы.

— И как же она на это отреагировала?

— Разумеется, она расплакалась. Это хороший признак. Вы можете провести у нее с полчаса. Разумеется, если она не перебудитесь...

Кирнс назвал Коринфу номер палаты и удалился в свой кабинет. Коринф поднялся на лифте на нужный этаж и пошел вдоль по коридору, в котором стоял запах умытых дождем роз. Дверь в палату Шейлы была приоткрыта. Немного помедлив, он заглянул вовнутрь. Взору его предстала лесная беседка, окруженная папоротниками и деревьями, откуда-то издали слышалось щебетание птиц и шум водопада. В воздухе пахло землей и свежей зеленью. Мир насквозь иллюзорный и исполненный покоя...

Он вошел в палату и направился к кровати, стоявшей под расцвеченной лучами солнца ивой.

— Здравствуй, родная.

Самым поразительным было то, что она нисколько не изменилась. Точно так же она выглядела и в год их женитьбы — молодая, красивая, с мягкими вьющимися волосами, оттеняющими несколько бледноватое лицо, и блестящими живыми глазами. В своей белой ночной рубашке она походила на подростка.

— Пит, — прошептала Шейла.

Склонившись над ней, он поцеловал ее в губы. Она ответила ему слабым вялым поцелуем. Коринф заметил, что у нее на руке нет обручального кольца.

— Ты живой... — Она сказала это с оттенком изумления в голосе. — Ты все-таки вернулся.

— Я вернулся к тебе, Шейла, — сказал Коринф, усаживаясь рядом с нею.

Она отрицательно покачала головой:

— Нет.

— Я люблю тебя, — пробормотал Коринф.

— Я тоже... — Ее голос звучал очень тихо, словно издали, взгляд же был усталым и сонным. — Поэтому я так и поступила.

У Коринфа бешено заколотилось сердце и тут же заломило в висках.

— Ты знаешь, я тебя не очень хорошо... помню, — пробормотала Шейла. — Похоже, что-то случилось с памятью. — Она вдруг улыбнулась. — Какой ты стал худой, Пит! И какой черствый... Теперь все черствые.

— Нет, — ответил он. — Все только и делают, что заботятся о тебе.

— Все теперь выглядит иначе, чем прежде. Все такое незнакомое... И ты уже не тот Пит, которым был прежде. — Она села и заговорила погромче. — Пит умер во время сдвига. Я видела, как он умирал. Ты хороший человек, и мне грустно видеть тебя, но — но ты не Пит.

— Успокойся, любимая.

— Я не смогу жить вместе с тобой, — продолжила она. — И я не хочу, чтобы мы были в тягость друг другу... Поэтому я туда и вернулась. Ты даже и представить себе не можешь, как там хорошо! Одиноко, но хорошо. Здесь царит мир, ты понимаешь?

— Ты мне нужна, — сказал он.

— Нет. Не надо мне лгать. Разве ты не понимаешь, что в этом уже нет необходимости? — Шейла улыбнулась из своего дальнего далека. — Ты сидишь передо мной, и лицо у тебя такое же, как у Пита, но ты не Пит, слышишь? И все же я желаю тебе всего самого хорошего...

Только тогда он понял, чего она от него хочет. Ему стало так горько, как никогда в жизни. Он опустился на колени возле ее ложа и горько заплакал. Шейла же пыталась утешить его как могла, но у нее ничего не выходило.

Глава 20

Где-то посреди Тихого океана, недалеко от экватора, есть островок, совершенно забытый людьми. Ни старые морские пути, ни новейшие трансатлантические авиалинии здесь не проходят. Единственное, что есть на этом атолле, это — солнце, ветер и крик чаек.

В своей истории островок знал и людей, но это продолжалось недолго. Медленно возводили его в своем слепом упорстве коралловые полипы; сменявшие друг друга день и ночь обратили его жесткую поверхность в некое подобие почвы, со временем волны принесли сюда и семена растений, в том числе и кокосовые орехи. Пальмам, росшим здесь, была уже не одна сотня лет. И вот однажды на горизонте замаячило каноэ.

Это были полинезийцы, высокие смуглые люди, странствовавшие по миру в поисках прекрасной Гавайки. Солнце и морская соль оставили на них свой неизгладимый след; без тени страха люди эти пускались в далекие плавания, преодолевая тысячи миль безвестных океанских просторов с несказанной легкостью, вели же их звезды и великие морские течения. Все дальше и дальше направляли гребцы свои лодки — *тохиха, хиоха, итоки, итоки!*

Когда они вытащили свое каноэ на берег, они принесли жертву Нану, у которого были акульи зубы, вплели в свои длинные волосы цветы гибискуса и стали танцевать на берегу. Они нашли новый остров, который оказался таким хорошим.

Они уплыли, но на следующий год или через год-другой — ибо у океана нет берегов, а у времени пределов — вернулись сюда вместе с другими, прихватив с собой свиней и женщин. В эту ночь на берегу запылали высокие костры. Через какое-то время на острове появилась деревушка. В волнах прибоя с визгом играли смуглые нагие дети, рыболовы бродили с острогами по лагуне. Все были довольны и счастливы. Продолжалось это недолго — лет сто или, может быть, двести. После этого на острове появились первые бледнолицые.

Их большие каноэ с белыми парусами подплывали к острову всего несколько раз, но и этого оказалось достаточно, для того чтобы наградить местных жителей оспой, туберкулезом и корью. Скоро аборигенов осталось совсем немного. У них появился стойкий иммунитет к болезням, которыми болели белые, чему немало способствовало то обстоятельство, что в жилах большинства из них теперь текла и кровь бледнолицых. На смену болезням пришли плантаторы, занимавшиеся заготовкой копры, религия, свободные длинные платья и международные конференции, на которых решался вопрос, кому именно принадлежит этот атолл — Лондону, Берлину или Вашингтону — большим деревьям на другом краю Земли.

В конце концов *modus vivendi** был все же выработан — это относилось и к копке, и к христианству, и к табаку, и к торговым

* Здесь «способ существования» (лат.).

судам. К этому времени подуспокоились и островитяне, в жилах которых текла кровь разных рас. Когда один из туземцев, которому в силу странного стечения обстоятельств удалось получить образование в Америке, стал с тоской вспоминать о прошлом своего народа, его тут же подняли на смех. О том, что происходило на острове, прежде чем туда пришли белые люди, туземцам рассказывали миссионеры, которых трудно было считать людьми незаинтересованными.

Затем в одном из офисов, находившихся на другом конце света, снова вспомнили об этом острове. Из него решено было сделать то ли военно-морскую базу, то ли полигон для испытаний новых видов оружия. Белые люди почти все время воевали, если у них и случались перерывы, они использовали их для подготовки к новым войнам. Как бы то ни было, но всех людей тут же вывезли кого куда, так что остаток своих дней они должны были провести в тоскливом ожидании возвращения домой. Никто не обращал на них ни малейшего внимания, ибо остров должен был служить делу защиты свободы всего человечества. В таких случаях, что называется, не до лирики. Белые люди понастроили новых домов и распугали своими кораблями чаек.

И тут, по какой-то неведомой причине, люди вновь ушли с острова. Скорее всего это было как-то связано с поражением одной из сторон в войне или с экономическими неурядицами. Ветер, дождь и лианы стали полноправными хозяевами атолла и тут же приступили к разрушению того, что оставили после себя люди.

В течение нескольких столетий люди всячески противостояли дождю, солнцу, ветру и даже звездам, самым своим наличием нарушая стройную гармонию мироздания. Теперь они ушли. Прибой яростно бросался на атолл, невидимые глазу холодные океанические течения подтачивали его снизу, но упрямые полипы продолжали свой труд. Остров мог простоять еще не один миллион лет. Днем в водах лагуны играла рыба, в небе над атоллом кружили крикливые чайки, разрастались деревья и бамбуковые заросли. Ночью в свете луны все стихало, лишь бежали на берег неутомимые волны, да бороздила прибрежные воды огромная акула, оставлявшая за собой длинный светящийся след.

Самолет стал медленно снижаться. Невидимые пальцы радара ощупывали землю, пока наконец не обнаружили то, что искали.

— Сюда... Все в порядке. Площадка хорошая.

Самолет остановился на краю прогалины. Из него вышли два человека.

Их встречали. В ночной темноте лица были не видны. Человек, говоривший с явным австралийским акцентом, стал представлять гостей:

— Доктор Грюневальд, доктор Манзелли. Позвольте представить вам майора Росовского... Это Шри Рамавастар, а это наш уважаемый Хуанг Пу-И...

Процедура знакомства затянулась — возле взлетной полосы стояло десятка два людей. Среди них были и два американца.

Совсем недавно подобное было бы вряд ли возможно — здесь собрались вместе: русский офицер, индийский мистик, французский философ и богослов, ирландский политик, китайский коммунист, австралийский инженер, шведский бизнесмен и так далее. В этом заговоре, казалось, участвовали люди со всех концов земли. Они давно перестали быть сами собой, и общим знаменателем для всех них была тоска по утраченному.

— Я привез контрольную аппаратуру, — сказал Грюневальд. — Как с грузом?

— Все здесь. Мы можем начать хоть сейчас, — ответил ему ирландец.

Грюневальд взглянул на часы:

— До полуночи осталась пара часов. Мы сумеем подготовиться за это время?

— Пожалуй, да, — сказал в ответ русский. — Практически все уже в сборе.

По пути к берегу он указал на что-то гигантское и черное, лежавшее на поверхности залитой лунным светом лагуны. Он и его товарищ разжились пароходом несколько месяцев назад, однако уже успели оснастить его такими машинами, которые позволяли им управляться с этой машиной вдвоем, без посторонней помощи. Это входило в их задачи, ибо им приходилось много плавать по миру. Они прошли Балтику, чтобы взять груз в Швеции, посетили Францию, Италию, Египет и Индию и только после этого прибыли на атолл. Последние дни работы по сборке корабля и его груза пошли быстрым ходом.

Волны шумели и неистовствовали, взметая белую пену к звездам. Песок и мертвые кораллы скрипели под ногами, пальмы и заросли бамбука тихо шелестели, где-то высоко в кронах деревьев то и дело орал попугай. Иных звуков здесь не было — мир, обнятый сном, безмолвствовал.

Недалеко от кромки воды виднелись развалины бараков, среди которых буйно разрослись лианы. Грюневальд чувствовал пьянящий аромат цветов и запах гниющей древесины, от которых у него кружилась голова. За бараками стояли несколько палаток, появившихся совсем недавно, за ними же высилась машина космического корабля.

Он был красив и изящен — блистающая в лунном свете колонна серого льда, устремленная ввысь. Грюневальд, глядя на него, испытывал смешанные чувства: неистовую радость завоевателя, восторг влюбленного, увидевшего вдруг предмет своего обожания, тихую скорбь умудренного жизнью человека, столкнувшегося в очередной раз с чем-то неизмеримо большим его самого.

Он взглянул на Манзелли.

— Я завидую тебе, дружище, — сказал он просто.

В космос должны были отправиться несколько человек, которым предстояло вывести корабль на околоземную орбиту и запустить генератор ингибирующего поля, который был установлен на его борту. Все эти люди были смертниками — у заговорщиков не было ни времени, ни возможности, для того чтобы оснастить корабль спускаемым аппаратом.

Грюневальд чувствовал, что времени осталось в обрез. Скоро другие люди должны были завершить монтаж нового звездолета, — постройка космических кораблей началась уже во всем мире. Если не остановить их сейчас, потом они окажутся бессильными что-то изменить — человечество уже никогда не сможет стать самим собой, обрести свой прежний лик. Провал этой попытки означал бы провал всего дела.

— Надеюсь, еще до восхода солнца весь мир вздохнет с облегчением, — сказал он.

— Увы, это не так, — возразил трезво мыслящий австралиец. — Толпа впала в полное безумие. Пока они поймут, что мы спасли их, пройдет немало времени.

Ничего, времени у них будет предостаточно. Космический корабль был оснащен средствами защиты, которые позволяли ему оставаться целым и невредимым, по крайней мере, столетие, что бы при этом ни пытались предпринимать люди, чей интеллект был бы уже куда менее развитым. Роботы смогли бы отразить любую атаку с Земли. Человеку как виду давалась еще одна возможность оценить свое прошлое и определить свое отношение к будущему.

Другие участники проекта занимались драгоценным грузом, прибывшим из Америки. После того как все ящики оказались выгруженными на землю, Грюневальд и Манзелли приступили к их распаковке. Кто-то включил прожектор, и вскоре они увлеклись своим занятием настолько, что совершенно забыли и о луне, и о море, окружавшем их со всех сторон.

Не заметили они и огромной серебристой сигары, бесшумно повисшей у них над головами. Они обратили на нее внимание только после того, как оттуда раздался усиленный динамиками голос, исполненный крайнего сожаления и печали:

— Мне жаль расстраивать вас, но вам придется отказаться от своей затеи.

Грюневальд испуганно вскинул голову и тут же застыл, потрясенный видом стальной сигары. Русский моментально выхватил пистолет и выпустил в небо всю обойму. Птицы, до этого мирно спавшие на пальмах, подняли невообразимый шум.

Манзелли выругался и, резко развернувшись, ринулся в космический корабль, который имел на вооружении такие орудия, против которых не устояла бы никакая броня. Заметив, что орудийная башня задвигалась, направляя ствол в небо, Грюневальд, не раздумывая, бросился на землю. Это орудие стреляло ядерными снарядами!

Из парившего над ними корабля неожиданно вырвался тонкий ослепительно белый луч, направленный точно на башню. Металл мгновенно раскалился добела и, расплавившись, стал проваливаться вовнутрь. Острые луча тем временем пришлось по всему звездолету заговорщиков, на миг задержавшись там, где находились его маршевые двигатели. Сталь плавилась, обдавая стоявших на земле людей жаром.

«Гигантская атомно-водородная горелка, — промелькнуло в сознании Грюневальда. — Теперь мы не сможем взлететь...»

Обшивка изуродованного космического корабля стала светиться красным. Швед завопил и, сорвав с пальца кольцо, отбросил его в сторону. Из корабля с дикими криками выскочил Манзелли. Луч уже погас, красное свечение стало бледнеть. Люди ошарашенно смотрели на свое детище, не в силах вымолвить ни слова, лишь изредка тишину нарушали всхлипывания Манзелли.

Вражеский корабль — теперь они видели, что это настоящий звездолет, — как и прежде, неподвижно висел у них над головами. От него отделился небольшой антигравитационный плотик, который стал медленно спускаться на землю.

Грюневальд сделал шаг вперед и вновь замер.

— Феликс, — пробормотал он упавшим голосом. — Пит, Хельга...

Мандельбаум кивнул. В лучах прожектора лицо его казалось немного зловещим. Он оставался на плотике, пока три молчаливых рослых человека, которые в прежнем мире работали детективами, собирали оружие, лежавшее у ног заговорщиков — еще минуту назад оно было настолько горячим, что его невозможно было удержать в руках. Заметив, что полиция справилась со своей работой, он сошел с плотика на землю, за ним последовали Коринф и Хельга.

— В любом случае мы не позволили бы вам полететь туда с этим... — В голосе Мандельбаума слышалась крайняя усталость. Он покачал головой. — Наблюдатели вели вас едва ли не с самого начала. Вас выдала ваша собственная секретность.

— Тогда почему вы позволили делу зайти так далеко? — спросил австралиец с усмешкой.

— Отчасти, чтобы предотвратить какие-то иные, более страшные злодеяния, отчасти для того, чтобы собрать всех единомышленников в одном месте, — спокойно ответил Мандельбаум. — Мы появились как раз вовремя.

— Как это подло, — воскликнул француз. — Подобное хладнокровие прежде было просто немыслимо! Вам осталось сделать то, что велит вам ваш новый интеллект — расстрелять нас на месте, и дело с концом!

— Ну зачем же, — пожал плечами Мандельбаум. — Если уж говорить начистоту, то мы воздействовали на вас не только полем, вызывающим разогрев металла, но и полем, замедляющим химические реакции, иначе ваши патроны наделали бы немало бед. Как вы, очевидно, понимаете, нам нужно прежде всего выяснить, кто стоит за вами. И еще — вы умны, энергичны и мужественны. Это стоит многого. Не ваша вина, что вследствие перехода вы сошли с ума.

— Сошли с ума?! — Русский сплюнул и покачал головой. — Это вы нас-то считаете сумасшедшими?

— Видите ли, — сказал Мандельбаум, — чем, как не мегаломанией, можно объяснить вашу уверенность в том, что вы вправе решать судьбу всего человечества? Если вами двигали по-настоящему серьезные причины, нужно было обнародовать свои соображения, не так ли?

— Мир ослеп! — с достоинством отвечал индус. — Он уже не может воспринять истину. Некогда я сподобился видения Всевышнего, но теперь оно невозможно. Я, в отличие от вас, это понимаю...

— Это явление вполне объяснимо, — спокойно ответил Мандельбаум. — Ваш разум стал развитым настолько, что вы уже не можете впадать в транс, который был характерен для вас прежде. Вы же с этим никак не можете примириться.

Индус презрительно фыркнул.

Грюневальд посмотрел на Коринфа.

— Пит, а я ведь считал тебя своим другом, — пробормотал он. — Я полагал, после того, что случилось с Шейлой, ты поймешь...

— К тому, что здесь происходит, он имеет косвенное отношение, — перебила Грюневальда Хельга. Она сделала шаг вперед и взяла Коринфа за руку. — Тобой занималась я. Пит присут-

ствуется здесь только как физик. Он изучит ваш аппарат и попробует понять — возможно ли его использование в каких-то иных, отличных от ваших, целях.

«Трудотерапия — ох, Пит, Пит, как же тебе трудно...»

Коринф покачал головой и заговорил с необычной для него горячностью:

— Я не нуждаюсь в оправданиях. Знай я, что вы готовите миру, я поступил бы так же, как Хельга. Только подумай, во что превратилась бы Шейла, вернись все на круги своя.

— Вас подлечат, — улыбнулся Мандельбаум. — Ваш случай вряд ли можно отнести к категории тяжелых, так что, думаю, лечение будет непродолжительным.

— Уж лучше убейте меня сразу! — воскликнул австралиец.

Мандельбаум все еще плакал, вернее, рыдал, словно ребенок.

— Как вы не понимаете? — спросил француз. — Неужели то, к чему пришел человек в прошлой своей жизни, ничего не стоит? Ведь он, помимо прочего, пришел и к Богу! Неужели вы хотите обратить Бога в персонаж бабушкиных сказок? Что вы дадите людям взамен? Человек привык работать, обеспечивая тем свое существование, отдыхать, отдаваясь каким-то простым радостям, и так далее. Вы же хотите обратить его в счетную машину с уравниваниями вместо души!

Мандельбаум пожал плечами.

— Сдвиг придумал не я, — сказал он. — Если вы действительно верите в Бога, вам надо принять происшедшее как осуществление Его воли. Он заставил людей сделать шаг вперед.

— Это движение представляется шагом вперед только интеллекту, — заметил француз. — Для близорукого напыщенного профессора прогресс сводится именно к этому, и ни к чему более.

— Неужели я похож на профессора? — буркнул Мандельбаум. — Когда вы стали читать свои первые книжки о красотах природы, я уже клепал железо. Вы писали работы о грехе, гордыне и о борьбе с ними, мне же тем временем разбивали в кровь лицо громамы, нанятые компанией. Вы очень любили простого рабочего человека, но вы ни за что на свете не пригласили бы его к себе на обед, или я ошибаюсь? Когда они взяли малютку Жан-Пьера, который до войны учился на богословском факультете, они не услышали от него ни слова, что позволило уйти от преследования всем остальным. Вы же так и сидели в Штатах, протирая штаны и занимаясь написанием своих трактатов. Скажите, милейший, почему вы никогда не делали того, о чем писали?

Былая усталость моментально оставила Мандельбаума, стоило ему оказаться в родной стихии. Голос его, внезапно испол-

нившийся силы, гремел так, словно он вновь выступал перед рабочими на митинге. -

— Главная проблема каждого из вас состоит в том, что вы боитесь смотреть в лицо реальности. Вместо того чтобы попытаться повлиять определенным образом на будущее, вы пытаетесь спрятаться в прошлом, которого, заметьте, на деле никогда не было. Прежние иллюзии уходят, новые создаются, вернее, создавались.

— Вы включаете в это число американскую идею «прогресса»? — усмехнулся китаец.

— Почему бы и нет? Она уже в прошлом, среди прочей древней рухляди, вместе с глупостью, алчностью и самодовольством. Несомненно, все наше прошлое осталось там, позади. Я не оспариваю и того, что это страшно и несправедливо. Но скажите мне, — почему вы считаете, что человек не сможет прийти к новому равновесному состоянию? Вы полагаете, что мы не сможем создать новой культуры с характерными только для нее красотой, радостью и богатством? Что мы, едва вылупившись из нашего кокона, должны вернуться обратно? Вы считаете, что люди, исполненные сил и надежд на будущее, люди, живущие в сегодняшнем мире, захотят вернуться назад? Я заявляю вам — вы ошибаетесь — кроме вас этого не хочет никто! То, что вы держали все в глубочайшей тайне, может означать лишь одно — вы понимали это, как никто другой! Что мог предложить прежний мир девяноста процентам его населения? Тяжкий труд, невежество, болезни, войну, гнет, нужду, страх — и так от рождения до смерти! Если вам посчастливилось родиться в богатой стране, вы будете сравнительно сыты и, возможно, получите в свое распоряжение несколько ярких игрушек, но при этом вы будете лишены и надежды, и видения, и цели. Тот факт, что одна цивилизация за другой бесследно исчезали в бездне времен, говорит о том, что мы по самой своей природе всегда были варварами. Теперь у нас появилась возможность повернуть колесо истории и оказаться в совершенно ином месте — где именно — никто сейчас не знает, да и не может знать! Важно одно — мы должны держать глаза открытыми, а не закрывать их, как это предлагаете сделать вы! — Мандельбаум перевел дух и, повернувшись к детективам, буркнул:

— Заберите их, ребята.

Заговорщики завели на плот, причем сделано это было достаточно тактично. Плот стал медленно подниматься вверх, к приемному шлюзу звездолета.

Мандельбаум проводил его взглядом и вновь устался на диковинное устройство, лежавшее на земле.

— Какой, однако, героизм, — сказал он, качая головой. — Глупо, но мужественно. Хорошие ребята, — ничего не скажешь. Надеюсь, их быстро приведут к норме.

Коринф криво усмехнулся:

— Да. Ведь *мы* же абсолютно правы...

Мандельбаум захихикал:

— Прошу прощения за свое импровизированное выступление. Старая привычка — ничего не смог с этим поделать. Хотя, полагаю, человеческая раса избавится от подобных вещей уже в ближайшее время. Привычки, условности, мораль и все прочее.

Физик посерьезнел.

— Какого-то рода мораль должна существовать, иначе человек перестанет быть человеком.

— Разумеется! Куда мы без нее? Я имею в виду крестовые походы, объявление иноверцев еретиками, помещение недовольных в концлагеря и тому подобное. Больше личного и меньше социального — вот о чем я говорю! — Мандельбаум зевнул и потянулся так, что захрустели все его кости. Плотик вновь опускался вниз. — Столько лететь и так скучно закончить — даже пострелять не дали. Я за то, чтобы немного поспать. С этой железкой мы сможем разобраться и утром. Согласен?

— Не знаю... — ответил Коринф. — Я слишком устал. (Мне нужно подумать.) Пойду прогуляюсь по берегу.

— Хорошо, — улыбнувшись ответил Мандельбаум. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Коринф повернулся и пошел к морю, Хельга молча последовала за ним.

Они оставили джунгли позади и вышли на песок, который в свете луны казался покрытым инеем. За рифом ревели волны, то тут, то там вода время от времени начинала фосфоресцировать. Высоко вверху мерцали огромные звезды. Коринф почувствовал свежее, пахнущее солью дыхание моря. За его спиной тихо шелестели кронами деревья, под ногами еле слышно поскрипывал песок. Он чувствовал все это с поразительной ясностью, все, что составляло его самого, вдруг исчезло — остались лишь образы окружающего мира.

Он посмотрел на Хельгу, которая так и держала его за руку. Распущенные светлые ее волосы развевались на ветру, и от этого она казалась еще более прекрасной. Тени их сливались. Она стояла так близко к нему, что он слышал звук ее дыхания.

Им не нужно было говорить. Они прекрасно понимали друг друга и без слов, столь многое было пережито и прожито ими вместе. С ними говорило море, взметавшее огромные валы, что

ударяли в коралловый риф раз за разом и раз за разом отступали назад. Ветерок пошумливал и посвистывал в высоком небе.

Гравитация

(солнце, луна, звезды, поразительное единство, именуемое пространством—временем)

+ Кориолисовы силы

(а планета все кружится, все кружится, нанизывая мили и годы)

+ Жидкостное трение

(океаны, вздыбившиеся волнами, полные течений и водоворотов, ярящиеся в узких проливах, бросающиеся на скалы)

+ Разность температур

(свет солнца, теплый дождь, мороз и тьма, тучи, туманы, ветер, буря...)

+ Вулканизм

(жар в планетных недрах, подвижка гигантских каменных масс, дым и лава, образование новых гор с шапками снега на склонах)

+ Химические реакции

(темную набухшую почву животворит отработанный воздух, пестрота пород — красное, синее, охристое, жизнь, грезы, смерть, новое рождение — надежды новые...)

РАВНЯЕТСЯ

Нашему миру, замечу, — прекрасному.

И все же он чувствовал себя усталым и одиноким, и тогда он повернулся к стоявшей возле него женщине.

— Легко, — сказал он вслух. (Все было так легко для нас и для них. Те люди были ведомы святым духом. Все должно было закончиться иначе. Огонь и ярость, ярь, уничтожение всего и вся и непомерная гордыня человека.)

— Нет, — ответила она. — Так было лучше. — Спокойно, тихо. (Сострадание и помощь. Теперь мы перестали быть зверьми, нам скалить зубы не пристало.)

«Да. Это — будущее. Забудь о том, что волновало твою кровь прежде».

— Но что ждет нас завтра? — спросил он. (У наших ног обломки старого мира. Мы стоим пред пустотою, которую предстоит наполнить нам самим. И здесь нам никто уже не поможет.)

— А как же судьба? (Бог, рок, дерзание?)

— Возможно, и они всему причиной, — кивнул Коринф. — Но как бы то ни было, в итоге мы получили в свое распоряжение весь этот мир.

Она не стала задавать ему главного вопроса, понимая, что для ответа на него нужна немалая смелость. Имеем ли мы право воспользоваться этим или же нужно согласиться с Грюневальдом

и предпочесть всему бессмысленную жестокость случая, холодную однозначность причинных связей, воду жиденьких мыслей в ступе разума?

— Не надо думать, что будет какой-то определенный момент торжественного принятия нами своей судьбы, — сказал он ей. — Мы никому не будем навязывать своей воли — нет! Мы будем незримыми проводниками и охранителями свободы. Построение новой цивилизации — вот к чему мы должны стремиться!

«О великая судьба! О славный удел! Разве можно печалиться в такую ночь? Но почему-то у меня в глазах стоят слезы...»

Она заставила себя сказать то, о чем просто не имела права молчать:

— Несколько дней назад Шейлу выписали из больницы.

«Мой милый, я скорблю вместе с тобой...»

— Да, — кивнул он. — Это произошло у меня на глазах. (Она вела себя, словно малое дитя. Протянула руки к солнцу и засмеялась.)

— Она нашла ответ на свой вопрос, теперь очередь за тобой.

Его разум играл с прошлым так, как играет с костью собака.

— Она и не подозревала, что я за ней наблюдаю...

«Это было утром — ясным холодным утром. Красный лист клена слетел ей на голову и застрял в ее косах. Когда-то она любила украшать себя цветами — я это помню.»

— Она уже стала забывать меня...

— Ты просил Кирнса помочь ей забыть о тебе, — сказала она. — Это самый смелый поступок, на который ты только мог решиться. Для того чтобы быть действительно добрым, потребно мужество. Но скажи, хватит ли у тебя сил на то, чтобы быть добрым к самому себе?

— Нет, — тут же ответил он. — Я по-прежнему люблю ее и не хочу ничего иного. Прости меня, Хельга, но это так.

— За Шейлой будет вестись наблюдение, — сказала она. — Она, разумеется, об этом и не подозревает. Наблюдатели будут следить за каждым ее шагом и направят ее в нужную сторону. К северу от города есть одна многообещающая колония... слабоумных. Недавно мы смогли помочь им, причем они этого даже не заметили. Колонией руководит один хороший человек — сильный, но спокойный. На роль основательницы рода Шейла подходит прекрасно, думаю, ты с этим не станешь спорить...

Он промолчал.

— Пит, — прошептала она, — что же ты медлишь? Я — твоя...

— Понимаешь, Хельга. Все может измениться... Вдруг ты захочешь меня оставить? Понимаешь...

— Ты ведь знаешь, пока я тебе нужна, я тебя не оставлю! Пит, поверь, ты тоже стал бояться жизни как огня!

На сей раз тишина установилась надолго, лишь море и ветер сохраняли дар речи. Луна была уже возле самого горизонта, свет ее теперь казался им нестерпимо ярким. Коринф отвернулся в сторону и расправил плечи.

— Помоги мне! — пробормотал он, взяв Хельгу за руки. — Я не могу быть один, понимаешь? Помоги мне, Хельга!

«Слова утратили всякий смысл. Есть вещи, о которых не расскажешь».

Их разумы встретились и, слившись воедино, устремились ввысь.

«К любви, нежности и славе, пока смерть не разлучит нас».

Древняя, старая как мир история, лучше которой в мире не было и не будет. Все как надо — море, звезды и полный диск луны в придачу.

Глава 21

Вновь пришла осень, в воздухе запахло зимой. Опавшие листья лежали грудami под голыми черными деревьями, ветер то и дело начинал играть с ними, переноса с места на место. Все стало серым, лишь кое-где все еще виднелись желтые, бронзовые и алые пятна чудом сохранившейся листвы.

По небу в южном направлении потянулись огромные стаи диких гусей. На сей раз птиц было куда больше, чем обычно. Брок решил, что это связано с тем, что охотников теперь стало поменьше. Гусиный крик был исполнен надсады и скорби, — птицы дружно горевали о чем-то таком, чего не дано знать людям. Небо стало белесым, солнце — по-прежнему яркое — уже не грело, но лишь освещало пустынные земные просторы. Ветер раскачивал верхушки деревьев и ворошил шумливую листву. Он пах снегом.

Брок вышел из главного здания усадьбы, шурша жухлой травой. По пятам за ним следовал Джо. Из сарая слышались удары молота по наковальне — Мехитабель и Мэк трудились не покладая рук над созданием газификатора для древесного угля. Запасы бензина подходили к концу, поэтому их энтузиазм можно было только приветствовать. Часть народа ушла в город, другие отсыпались после сытного воскресного обеда. Нигде не было ни души.

Брок хотел было войти в сарай и немного поболтать с Мехитабель, но, вспомнив, что она была за собеседник, передумал. Помимо прочего, он не хотел мешать и работе. Он решил немного прогуляться по лесу. День уже клонился к вечеру, сидеть же в такую погоду дома ему как-то не хотелось.

Рядом с одним из коттеджей он заметил Эллу Мэй. Она смотрела куда-то в сторону и тихо хихикала.

— Приветик, — пролепетала Элла.

— Здравствуй, здравствуй... — ответил он на ее приветствие. — Как у тебя дела?

— О, все прямо прекрасно! Может, войдешь? У меня сейчас никого.

— Нет, нет, спасибо, — замотал он головой. — Мне изгородь надо чинить.

— А можно я пойду с тобой? — покраснев, спросила Элла.

— Лучше не надо. Ты же знаешь, там водятся свиньи. Лучше с ними не встречаться, ты же понимаешь.

Глаза Эллы Мэй наполнились слезами, и она печально склонила свою безобразную голову.

— Ты со мной никогда и минутки побыть не хочешь! — сказала она с упреком.

— Понимаешь, все как-то не до того, — поспешил ответить ей Брок. — Я постоянно чем-то занят и конца-края этому не предвидится.

Брок поспешил ретироваться.

«Надо бы ей мужа подыскать, — подумал Брок. — Таких, как она, сегодня хоть пруд пруди. Иначе она так и будет за мной ходить».

Он криво улыбнулся. Быть главным — работа тяжелая и неблагодарная. Кем только он не был — командиром, судьей, учителем, врачом, исповедником — теперь, похоже, настало время быть и сватом.

Он наклонился и потрепал голову Джо своей большой заскорузлой рукой. Собака лизнула его ладонь и радостно завиляла хвостом. Порой человеку становится так одиноко, что ему не могут помочь и такие верные друзья, как Джо. В этот день, наполненный ветром, ярким светом и шелестом летящих листьев, когда земля прощалась со своим летним домом, чтобы вступить на неведомую дорожку, ему было тяжело, как никогда — одиночество перестало быть чувством и стало острой мучительной болью.

«Нет, так нельзя» — мысленно одернул себя Брок.

— Джо, дружище, — пойдем пройдемся.

Собака неожиданно приняла стойку, уставившись куда-то в небо. Брок поднял глаза — зависший над ними металлический предмет сверкал так, что на него было больно смотреть.

«Воздушный корабль! Он приземляется!»

В лицо ему дохнуло холодным ветром, и в тот же миг он услышал рев двигателей диковинного летательного аппарата. Сердце его готово было выскочить из груди. Брок поежился.

«Главное — спокойствие. Ничего страшного не происходит. Это просто один из Них. Он кусаться не станет. Если нас до сих пор не трогали, то теперь-то и подавно не тронут...»

Медленно, словно упавший с дерева лист, корабль опустился на землю. Формой он походил на яйцо, при этом у него не было видно ни крыльев, ни какого-либо подобия двигателя. Брок направился к месту посадки, чувствуя, что ноги отказываются служить ему. На поясе у него висела кобура с пистолетом, но от этого он должен был выглядеть еще смешнее — малое, неразумное дитя, да и только...

В душе его вдруг шевельнулось что-то странное. *«Уж пусть они принимают нас такими, какие мы есть на самом деле. Я не стану лезть из кожи вон, чтобы ублажить какого-то там туриста».*

Боковая поверхность корабля засветилась, и из него вышел человек. Он прошел сквозь стену! Брок, однако, тут же почувствовал что-то вроде разочарования — в незнакомце не было ничего необычного. Склонный к полноте человек среднего роста с маловыразительным лицом, одетый в твидовый спортивный костюм. Стоило Броку подойти поближе, как он заулыбался.

— Здравствуйте!

— Здравсте...

Брок смущенно потупился. Джо, тут же почувствовав, что с его хозяином что-то не так, тихонько зарычал.

Незнакомец протянул Броку руку.

— Меня зовут Льюис. Нэт Льюис из Нью-Йорка. Вы уж извините меня за это вторжение — меня прислал сюда господин Россман. Он чувствует себя не лучшим образом, иначе он прилетел бы сюда сам.

Услышав имя Россмана, Брок подал незнакомцу руку. Если тот знаком с его бывшим хозяином, значит, все не так уж плохо. Господин Россман всегда был в высшей степени порядочным и приличным человеком. Брок заставил себя посмотреть в глаза собеседнику и назвал собственное имя.

— Я уже и так узнал вас, — ответил Льюис. — Россман мне вас описывал. Он хотел узнать, как у вас идут дела. Только не подумайте, что он вновь хочет завладеть этой собственностью, нет. Им движет обычное любопытство или, точнее, дружеская заинтересованность. Я работаю в его Институте и, честно говоря, немало заинтересован происходящим здесь и сам.

Брок пришел к заключению, что Льюис человек неплохой. Достаточно было того, что он говорил с ним, как с равным.

— Насколько я знаю, вы проделали титаническую работу, — сказал Льюис.

— Не знаю, что вы имеете в виду... Я... Мы... — Брок смущенно замолчал.

— Понимаете, за вами, начиная с какого-то времени, велось едва ли не постоянное наблюдение. Конечно, у нас хватало и собственных проблем, но вы тем не менее всегда были нам небезынтересны. Позвольте предложить вам сигару?

— М-м-м... Спасибо.

Брок с благодарностью принял сигару, но раскуривать ее наотрез отказался. Сам он не курил, но мог подарить ее кому-то из знакомых. Он с удивлением отметил, что зажигалка Льюиса не тухнет на ветру.

— Вы наверняка заметили, что все окрестные города опустели, — сказал Льюис, сделав глубокую затяжку.

— Да, — кивнул Брок. — С той поры прошло уже несколько месяцев. Мы там порой бываем — берем кому что надо.

— Все правильно. На самом деле при желании вы могли бы поселиться в любом из них. Комитет по делам колонии принял решение отселить от вас всех соседей, с тем чтобы они не могли помешать вам. Люди против этого не возражали — на нынешней стадии развития им совершенно безразлично, где жить — здесь или в каком-то другом месте. — Льюис вздохнул. — Это одна из наших потерь — для нас совершенно исчезло понятие родины. Мы больше не привязаны к земле...

Это признание действовало на Брока успокаивающе. Конечно, Льюис мог просто подыграть ему, но даже и в этом случае Брок был благодарен ему...

— Те же, кто решил остаться здесь, получали поддержку. Мы помогали им выйти на вас, причем делали все так, что они и не догадывались об этом. Мы действовали, что называется, ненавязчиво. Если вы не станете возражать, мы будем продолжать эту практику и в будущем. У вас появятся новые рабочие руки, у них — дом и чувство безопасности.

— Очень мило с вашей стороны, — пробормотал Брок.

— Что вы... Сказанное мною не означает, что мы делаем за вас вашу работу и охраняем вас от всех бед. Нет, главное происходит, конечно же, у вас. Мы — как бы это сказать попонятней — время от времени предоставляем вам некие возможности, которые могут использоваться вами. Только и всего. Ни о каком грубом вмешательстве не может быть и речи.

— Я понимаю.

— На большее мы и не способны. Дел у нас слишком много, а нас, увы, слишком мало. И еще. В каком-то смысле наши и ваши пути здесь расходятся: дальше вы пойдете своей, а мы своей дорогой. Но, прощаясь, мы должны пожелать друг другу счастливого пути, верно?

Брок улыбнулся. Конечно же, он не хотел оказаться под пятой у всемогущих богов, так же как он не хотел оказаться и под их опекой. Льюис не стал распространяться на тему, в чем именно состояло различие меж ними, но в нем не чувствовалось ни малейшего превосходства. Льюис держался с ним на равных.

Гость внезапно услышал удары молота, доносившиеся из сарая, и вопросительно посмотрел на Брока.

— Там работают шимпанзе и один идиот. Они пытаются сделать агрегат, который позволил бы нам раз и навсегда разрешить все проблемы с топливом, — пояснил Брок. Слово «идиот» к этому времени совершенно утратило негативный оттенок. — Вообще-то, сегодня у нас выходной, но они, как видите, решили потрудиться.

— Сколько вас здесь всего?

— Десять мужчин и шесть женщин в возрасте от пятнадцати до... примерно шестидесяти. Ментальное развитие — начиная имбецилами и кончая идиотами. У нас уже родилась и пара детишек. Конечно, трудно сказать, где кончается человек и начинается животное. Обезьяны или, скажем, Джо куда сообразительнее и полезнее имбецилов. — Джо, явно польщенный этой похвалой, изящно завилял хвостом. — Я решил не делать различия меж теми и другими — каждый делает то, на что он способен, в остальном же все примерно равны.

— Вы, однако, играете здесь роль руководителя, так?

— Пожалуй, что так. Они сами поручили мне эту роль. Я здесь далеко не самый умный, но наши, так сказать, интеллектуалы оказались людьми совершенно бесхарактерными.

Льюис кивнул:

— Такое случается частенько. Одного интеллекта маловато — необходимы собранность, воля и элементарное умение принимать решения и, что не менее важно, доводить их до конца. — Он взглянул на своего рослого собеседника. — Вы — прирожденный лидер. Вам это известно?

— Да ну что вы! Я делаю то, что в моих силах, и только...

— Именно это и делает вас лидером, — усмехнулся Льюис, окидывая взглядом округу. — Вы построили что-то сказочное, иначе и не скажешь.

— Нет, — признался Брок. — Все обстоит совсем иначе.

Льюис посмотрел на него, удивленно подняв брови, однако не проронил ни слова.

— Давайте будем смотреть правде в глаза, — сказал Брок. — Когда-нибудь эти люди, возможно, и будут счастливы, пока же мы озабочены проблемами выживания — что называется, не до жиру. Среди нас немало уродов, остается нерешенной и проблема убийства животных... Всего сразу и не скажешь.

— Скажите, вы женаты? — поинтересовался Льюис. — Вы уж меня простите, все дело в том, что мой вопрос вызван отнюдь не праздным любопытством.

— Нет. Я так и не нашел для себя пары. Помимо прочего, у меня столько дел, что о таких вещах я даже не думаю.

— Все понятно...

Льюис надолго замолчал. Тем временем они подошли к амбару и, не договариваясь, уселись на скамеечку, стоявшую возле него. Джо плюхнулся у их ног, ни на миг не спуская с них своих живых коричневых глаз.

Льюис затушил сигару и вновь заговорил. Он смотрел прямо перед собой.

— Вы и ваши животные нашли оптимальный выход из создавшейся ситуации, — сказал он задумчиво. — Пока, надо признать, дела в мире идут не очень-то гладко. Скажите мне, вы хотели бы вернуться в прошлое?

— Нет. Мне бы этого не хотелось, — покачал головой Брок.

— Я так и думал. Вы приняли эту новую реальность со всеми ее безграничными возможностями и стали, что называется, подгонять ее под себя. Тем же самым занята сейчас и та часть человечества, которую я здесь представляю. Вполне возможно, вы сумели достигнуть большего, чем мы. Я этого не знаю и, видимо, так никогда и не узнаю — человеческий век для этого слишком короток... Мне хочется сказать вам одну важную вещь. Я побывал в космосе, я летал к далеким звездам, то же самое уже успели проделать и другие. Мы нашли, что Галактика полна жизни, и при этом жизни, похожей на ту, что мы видели прежде здесь, на Земле: множество форм, множество цивилизаций, но ничего сколь-нибудь близкого к человеку. Средний Ай-Кью космоса равен примерно ста. Конечно, я могу ошибаться, но, скорее всего, дело обстоит именно так. Возникает вопрос, для чего нужны так называемому нормальному человечеству все эти силы разума? Где новый окрыленный разум сможет найти соперника себе под стать? Я думаю, единственный ответ на этот вопрос звучит так: в мире звезд. Только не подумайте, что я говорю о создании какой-то галактической империи. Жажда завоеваний — пустое ребячество, уже и теперь оставленное нами. Мы не будем брать на себя и роль «ангелов», пестующих незрелые цивилизации, возвращающих их до «взрослого» состояния, нет. Всего этого не будет. Мы будем заняты сами собой, собственной цивилизацией, которая распространится по всей Галактике и будет иметь какие-то собственные именно ей цели, надежды и задачи. Люди при этом будут оставаться людьми. Я думаю, у этой цивилизации будет своя величественная задача, которая будет состоять в объединении жизни, рассеянной по

всему миру, результатом чего станет немыслимая прежде гармония мироздания. Мы не будем ни богами, ни даже наставниками. Мы будем дарить возможность, свершаться же все будет уже не нами, но самими обитателями планет, миллионами сознательных существ, способных подобно нам любить и бороться, смеяться и скорбеть. Нет, мы не станем олицетворением Судьбы, скорее мы будем персонификацией Удачи или даже самой Любви...

Льюис довольно улыбнулся и покачал головой:

— Не обращайтесь на меня внимания, — что-то я не в меру разболтался. Как говорится, осенний воздух пьянит, подобно вину... — Он повернулся к Брок. — Мы, наш подвид, скорее всего не останемся здесь, на Земле.

Брок молча кивнул. Картина, открытая ему, была слишком грандиозной, для того чтобы он мог так сразу осознать ее.

— Вы ничуть не пострадаете, — сказал Льюис. — Через несколько лет, когда все будет готово, мы просто исчезнем в небесах. Земля останется вам — вам и животным. Вы будете вольны делать с ней все что угодно — ваша судьба будет в ваших руках. Порой вас будет выручать элементарное везение, но это будет нечасто.

— Спасибо, — еле слышно пробормотал Брок.

— Не надо благодарить ни меня, ни кого-то еще. Такова логика событий — только и всего. Что до меня, то я искренне желаю вам всего самого лучшего. — Льюис поднялся со скамейки и направился к своему кораблю. — Мне пора. В начале нашего разговора я был не совсем честен. Россман не посылал меня к вам, меня привело сюда отнюдь не его любопытство. Я хотел полететь сюда сам по вполне определенной причине... Видите ли, я хочу, чтобы вы приняли в свою колонию еще одного члена. — Брок изумленно уставился на Льюиса. Тот, остановившись возле своего корабля, продолжил:

— Это одна моя хорошая знакомая. История ее достаточно трагична, рано или поздно она расскажет вам ее сама. От себя же замечу: она — замечательный человек, мы — те, кто так или иначе был знаком с ней, — хотим, чтобы она была счастлива.

Металл обшивки корабля вновь засветился. Льюис пожал Брок.руку.

— Всего хорошего, — сказал он за миг до того, как исчезнуть внутри. Прошло еще одно мгновение, и корабль исчез за горизонтом.

Брок вздохнул и посмотрел на здание усадьбы. Солнце уже заходило, чувствовалось, что ночь будет холодной. Сегодня им придется развести огонь в камине. Если действительно появится новенькая, они достанут из погреба остатки эля и попросят

Джимми немного побренчать на гитаре. Песни, которые они пели, были грубоватыми и безыскусными, но им нельзя было отказать в искренности и своеобразной красоте.

Он посмотрел на дорогу, и сердце его замерло. Она была невысокой и стройной, красивое юное лицо окаймляли бронзовые пряди длинных волос. Чувствовалось, что на дорогах она провела уже не один день — об этом говорил и загар на ее лице, и обтрепанная одежда. Она стояла совершенно неподвижно. Брок сломая голову бросился навстречу ей, однако, подбежав поближе, напрочь забыл то, о чем хотел ей сказать.

— Здравствуйте, — сказала она робко.

Он неловко кивнул в ответ. Ему и в голову не приходило, что к нему вот так, запросто, можно обратиться.

— Я слышала, что здесь можно найти прибежище.

— Все правильно. Вы издалека пришли?

— Из Нью-Йорка. — Она поежилась то ли от холода, то ли от того, что ей вспомнилось что-то страшное. — Меня зовут Шейла.

— А я — Арчи. Арчи Брок.

Он пожал предложенную ему крепкую руку. Она явно доверяла ему. Чувствовалось, что она обладает недюжинным умом и сильной волей.

— Можете чувствовать себя здесь как дома, — сказал Брок. — Появление новых колонистов для нас всегда событие. Но предупреждаю — многое покажется вам странным, и еще — здесь каждый обязан работать, это закон.

— Я таких вещей не боюсь, — ответила она. — Не боялась и не боюсь.

Он взял у нее тяжелый рюкзак и направился к дому. Запад окрасился алым и золотым.

— Я очень рад знакомству с вами, мисс... Как, говорите, вас зовут?

— Шейла, — ответила она. — Просто Шейла.

Они шли по дороге бок о бок, по пятам за ними следовали собака и ветер. Они шли к дому.

СУМЕРЕЧНЫЙ МИР

ПРОЛОГ

*На ткацком станке мировых перемен
Богини сплетают судьбы гобелен.
Отныне узор не стереть, не подправить.*

Вагнер. Зигфрид

Глава 1

С высоты в десяток миль земля едва проглядывала сквозь облака. Она мелькала мутными зеленовато-коричневыми пятнами, склеп стратосферы вытягивался до бесконечности, и, не смотря на вой пульсировавшего двигателя, вокруг простиралась безмятежная тишина, которую не мог потревожить ни один человек. Взглянув вниз, Хью Драммонд увидел Миссисипи, мерцавшую, как сказочный меч, и ее плавный изгиб вписался в контуры реки, отмеченные на его карте. Холмы и море, солнце, ветер и дождь — они не изменились. Тысячелетиям медленных лет не удалось оставить на них свой след, как и яркой, но краткой вспышке человечества.

Хотя там, далеко внизу, особенно в тех местах, где когда-то находились города...

Человек в стратолете тихо выругался; суставы пальцев на клавиатуре управления побелели от напряжения. Его крупная мускулистая фигура с трудом помещалась в тесной загроможденной кабине. И хотя ему не исполнилось сорока, нити седины уже посеребрили темные волосы, плечи сгорбились от горя, задирая вверх поношенную летную куртку, а усталость покрыла невзрачное лицо сетью глубоких морщин. Бессонные ночи превратили глазные впадины в черный омут. Но взгляд пылал огнем, и было что-то ужасное в этом отблеске отчаяния. Слишком многое ему пришлось повиждать, и после долгих битв за жизнь в его облике появилась обреченность, ставшая ныне обычной для всех людей погибающего мира.

Наследник веков, уныло подумал он.

Драммонд механически выполнил вираж, корректируя курс по естественным ориентирам. Он почти не пользовался видеокамерами и мощным биноклем. Его раздражала безжалостная четкость изображений — все эти широкие мелкие кратеры и стекловидные уступы, которые отражали солнечный свет с настойчивым и пустым блеском змеиного глаза... все эти взбитые в пену, взорванные и разоренные земли вокруг. Но районы смерти выглядели гораздо хуже: скрученные стволы голых деревьев, вихри песка и разбросанные скелеты, над которыми по ночам сияло

гибельное голубое зарево. Бомбы стали кошмаром, примчавшимся на крыльях огня и страха; они сотрясли планету, разрушив ее города. Но их зло не шло ни в какое сравнение с радиоактивной пылью.

Он пролетал над поселками и небольшими городами. Большинство из них опустело — пыль, чума и экономический крах сделали их непригодными для жизни. В других местах еще теплилась жизнь, особенно на Среднем Западе, где люди вели отчаянную борьбу за возврат к агрокультуре, но насекомые и болезни растений сводили ее почти на нет...

Драммонд пожал плечами. За два года полетов над язвами искалеченной планеты он мог бы привыкнуть к таким картинам. Хотя Соединенным Штатам, можно сказать, повезло — не то что Европе...

Der Untergang des Abendlandes*, мрачно подумал он. Шпенглер и лучшие умы человечества предвидели крах цивилизации, подточенной червем противоречий. Но они не могли представить себе ада атомных бомб, бомб с радиоактивной пылью, бомб с бактериями, бомб с зараженной плесенью — бомб, которые подобно саранче пожирали живое, проносясь над трепещущим миром. Все эти пророки прежних времен даже не догадывались о том, что на самом деле означает гибель разума на Земле.

Драммонд встряхнул головой, отгоняя навязчивые мысли. Он устал от них. Он жил с ними два последних года, которые казались длиннее двух вечностей. К тому же стратолет достиг желанной цели.

Заметив под собой столицу Соединенных Штатов, Драммонд перевел машину в пике, и ревущий мотор понес крылатую каплю по долгой дуге к заостренному кряжу. После того как братскую могилу Вашингтона навеки затопили воды Потомака, этот небольшой поселок на склоне Каскадных гор стал считаться главным городом страны. По правде говоря, новая столица переживала период эмбрионального развития, и разбежавшиеся по всей стране чиновники лишь иногда напоминали о себе по радио или через авиапочту. Как бы там ни было, крохотный Тейлор в штате Орегон ничем не отличался от других уцелевших городов, но именно здесь по воле случая размещался нервный центр искалеченной, но все еще живой страны.

Драммонд подумал о сотне ракет, нацеленных в него из зеленых проплешин склона и горных расщелин. По его спине пробежал холодок, и он торопливо передал свои позывные. Когда небольшой самолет мог нести с собой смерть всему городу, под

* «Закат Запада» — двухтомный научный труд философа Освальда Шпенглера (1880—1936 гг.). Считается очень серьезным вкладом в теорию развития общества. (Здесь и далее примеч. пер.)

подозрение попадали даже птицы. И хотя отныне не существовало внешней угрозы и каждый понимал, что безвредный маленький городок, в общем-то, никому не нужен, напуганные люди больше не хотели рисковать, да и войну никто не объявлял официально законченной. Впрочем, такая неопределенность могла затянуться надолго. На повестке дня стоял вопрос личного выживания. А о переговорах просто забыли.

Узкополосный передатчик принес осторожный ответ:

— Эй, на борту. Вам придется садиться на улицу. Вы справитесь?

Между рядами деревянных домов тянулась узкая пыльная дорожка, но хороший пилот на отличной машине мог творить настоящие чудеса.

— Да, — ответил он четким и громким голосом, от которого уже успел немного отвыкнуть.

Сбросив скорость на спиральном спуске, стратолет плавно заскользил мимо крыш. Рев мотора сменился тихим свистом рассекаемого воздуха. Колеса коснулись грунта. Драммонд нажал на тормоза, и машина, подпрыгнув пару раз на ухабах, резко остановилась.

Тишина оглушила его, как крепкий боковой удар. Беспощадное солнце, раскалив докрасна медь небес, обливало светом невозмутимые горы и одинаково убогие ряды «временных» жилищ, которые казались в этот час абсолютно необитаемыми.

Вот и мой дом! Хью Драммонд откинул купол кабины и засмеялся резким лающим смехом, в котором не чувствовалось ни радости, ни юмора.

Он заметил нескольких зевак, которые выглядывали из дверных проемов и жались к стенам домов. Они выглядели сытыми и хорошо одетыми. Многие носили форму, и на первый взгляд казалось, что у них есть какие-то цели и надежды. Да, это была столица США — столица страны, которой повезло больше остальных.

— Эй, ты! Вылезай!

Властный голос вывел пилота из задумчивого состояния, к которому тот привык за долгие месяцы одиночества. Драммонд взглянул вниз на бригаду механиков, которыми руководил мрачный мужчина в форме капитана ВВС.

— Ах да... конечно, — кивнув, согласился пилот. — Вы хотите укрыть машину. Вам надо освободить посадочную полосу.

— Хватит болтать, идиот! Вылезай из кабины! В любую минуту над нами может пролететь самолет, и тебя заметят.

— Но у вас имеется отличная система обнаружения, — возразил Драммонд, перекидывая ноги через край кабины. — Разве

может кто-то остаться незамеченным? Да и налетов, насколько я знаю, больше не было. Война закончилась.

— Хотелось бы верить в это, только кто ты такой, чтобы трепать здесь языком? Давай проваливай отсюда!

Механики подцепили стратолет к электрокару и потащили машину по улице. Драммонд с тоской посмотрел им вслед. Еще бы! Он считал эту кабину своим домом. Сколько дней и ночей... Даже представить трудно.

Железная птица замерла перед зданием, которое укрыли камуфляжной сетью. Передняя панель с окнами и дверьми откатилась в сторону. Драммонд заметил бетонный скат, ведущий вниз, и огромное, похожее на пещеру пространство. Свет изнутри отражался от ровных серебристых рядов боевых самолетов.

— Да я смотрю, у вас тут полный порядок, — сказал он капитану. — Но эта техника вам долго еще не понадобится. И, возможно, ее время уже прошло. К тому же большая часть бомб переносится ракетносителями. Впрочем, ладно.

Он расстегнул молнию куртки и достал из кармана трубку. Ворот распахнулся, и стали видны знаки различия на его плечах.

— О-о! Прошу прощения, полковник! — воскликнул капитан. — Я не знал...

— Все нормально. Мне пришлось отказаться от формы. В тех местах, откуда я прилетел, американцы не очень популярны.

Драммонд нахмурился и начал набивать трубку. Спасая жизнь, он не раз пользовался кольтем, а то и пулеметами стратолета, и теперь об этом не хотел даже вспоминать. Он с наслаждением вдохнул густой табачный дым, и тот немного заглушил горький привкус разочарования.

— В случае вашего прибытия, сэр, генерал Робинсон просил, чтобы вас немедленно привели к нему, — доложил капитан. — Нам вот сюда... Прошу следовать за мной.

Они шли по улице, взбивая сапогами фонтанчики едкой пыли. Драммонд вертел головой и не переставал удивляться. Он улетел почти сразу после войны — тех двух месяцев Рагнарока*, которые закончились сами собой, когда обе враждующие стороны распались на мелкие формирования и уже не могли обеспечить доставку бомб. Остатки сил ушли на сохранение порядка, на борьбу с голодом и чумой, которые пустились в галоп по их отечеству. В то тяжелое время Соединенные Штаты, потеряв города, задыхались в мятежной анархии, и с тех пор его объединяло с родиной лишь несколько кратких выходов на связь, пока станция космической связи находилась еще в рабочем состоянии. За этот срок

* Рагнарок — норвежский Армагеддон, гибель всех миров, людей и богов, конец великого цикла, после которого пара выживших смертных должна положить начало новым эрс, расам, богам и истории.

они добились потрясающих результатов. Он не знал размеров прогресса, но само существование какого-то подобия столицы было вполне достаточным доказательством.

Генерал Робинсон... Драммонд нахмурил брови, и на его усталом лице проявились глубокие морщины. Он ничего не слышал об этом человеке. Ему казалось, что его должен принять президент, пославший самых отважных и надежных людей в полет над разрушенным миром. Хотя, возможно, остальные пилоты представили необходимые сведения... Нет, только он один побывал в Восточной Европе и Западной Азии. В этом нет никаких сомнений.

Двое солдат охраняли вход в барак, который выглядел обычным складом. Вот только к чему теперь склады, если в них нечего хранить? Драммонд вошел в прохладный полусумрак вестибюля. Заглянув в одну из открытых дверей, он увидел капрала, который печатал на пишущей машинке. Драммонд заморгал. Это казалось почти невероятным. Архивы, пухлые папки, секретари... Неужели они не исчезли вместе со всем миром два года назад? Земля катилась в темную пропасть средневековья, и в спокойном стуке пишущей машинки чувствовалось что-то неправильное... неверное. Это не соответствовало духу времени.

Капитан предупредительно открыл перед ним дверь, и, шагнув в комнату, Драммонд внезапно ощутил огромную усталость. Он отсалютовал человеку, сидевшему за столом, хотя рука казалась просто неподъемной.

— Вольно, полковник, вольно, — добродушно ответил Робинсон, и на его округлом лице засияла улыбка.

Несмотря на погоны с пятью большими звездами, он не носил ни галстука, ни мундира; его крепкая фигура излучала удивительную уверенность и спокойствие. А судя по положению дел на сегодняшний день, он действительно знал, что делать.

— Садитесь, Драммонд.

Генерал указал на кресло, и пилот буквально рухнул на мягкое сиденье. Его изумленный взгляд блуждал по комнате. Роскошная обстановка кабинета выглядела почти довоенной.

Довоенной... Слово, как меч, разрубило историю пополам и затуманило прошлое, превратив его в смутное золотое зарево за пеленою гари и черного, с красным отливом дыма. Прошло лишь два года. Только два года! Но здравый ум терял свой смысл в огне кошмарных изменений, и, может быть, поэтому Драммонд почти не помнил Барбару и детей. Их облик тонул в потоке лиц — истощенных, безумных или мертвых. Боль, нужда и скребущая душу ненависть превратили их в звериные маски, и его горе давно растворилось в печали мира, оставив вместо чувств холодную логику машины.

— Вы выглядите очень усталым, — сказал Робинсон.

— Да... Да, сэр.

— Давайте отбросим формальности. Я ими не увлекаюсь. Нам предстоит большая работа, а в эти дни для дипломатии может просто не оказаться времени.

— Да, прошу прощения. Я пролетел Северный полюс, повернул на запад и с тех пор ни на миг не сомкнул глаз... Тяжелое время. Но мне бы хотелось задать вам вопрос, если вы, конечно, позволите.

Уловив в голосе Драммонда нотки нерешительности, генерал улыбнулся и решил помочь ему.

— Вы хотите спросить, кто я такой? Отвечаю: я — президент, по должности, по званию, со всеми вытекающими обстоятельствами. Кстати, не хотите ли немного выпить?

Робинсон достал из ящика стола пузатую бутылку. Спиртное с приятным бульканьем полилось в стаканы.

— Виски десятилетней выдержки. Когда мы разберемся с бутылкой, мой адъютант приготовит вам настоящую горячую ванну. Гамбай!*

Драммонд решил, что генерал выучил этот тост во время второй мировой войны, сражаясь на той половине мира. Это было очень давно, в дни его молодости, когда войны еще приносили победы.

Огненная жидкость встряхнула пилота, сон отступил, и в пустом желудке разлилось приятное тепло. Голос Робинсона вдруг зазвучал неестественно четко:

— Да, теперь во главе государства стою я. Мои предшественники сделали ошибку, пытаясь склеить разбитые куски и придать державе ее прежний порядочный вид. Их бесконечные скитания ни к чему не привели, а подхваченная где-то болезнь унесла не только президента, но и весь кабинет, став причиной гибели многих других людей. О всенародных выборах можно было только мечтать. Мы положились на естественный ход событий и отдали власть в руки военных, потому что других организованных сил в стране больше нет. Сначала за старшего остался Бергер, но он надышался радиоактивной пылью и, узнав об этом, застрелился. Командование принял я. И могу сказать, что пока мне везет.

— Понимаю.

— Впрочем, какая разница? Несколько дюжин новых смертей — не так и много на фоне гибели безымянных миллионов.

— И вы, конечно, надеетесь на дальнейшее везение?

Вопрос грубоватый и прямой, но слова — не бомбы.

* Будьте здоровы! (яп.)

— Да, надеюсь, — решительно ответил Робинсон. — Мы научены опытом и многое поняли за последнее время. Первым делом нам пришлось рассредоточить армию, расквартировав ее в небольших населенных пунктах на ключевых позициях по всей стране. Чтобы остановить волну эпидемий, мы наложили временный запрет на передвижения между городами, выделив лишь абсолютно критические ситуации, при которых следует соблюдать тщательно продуманные меры предосторожности. Вы и сами понимаете, что густонаселенные районы становились бы раем для болезнетворных бактерий. Лекарства не помогали, но при отсутствии новых жертв и переносчиков микробы, пожирая своих хозяев, погибали естественной смертью. Мы по-прежнему осторожны в вопросах миграции, но можно сказать, что разгул чумы остался позади.

— А кто-нибудь из других пилотов вернулся? В нашу группу входило несколько человек, и каждого из нас отправили посмотреть, что случилось с миром.

— Один прилетел из Южной Америки. Их ситуация похожа на нашу, но им не хватает крепкой организации, и они все больше увязают в анархии. До сих пор вернулись только вы двое, и думаю, ждать больше некого.

Генерал был прав. Оставалось лишь удивляться тому, что кто-то еще довел эту миссию до конца. Узнав, что бомба, сброшенная на Сент-Луис, погребла в атомном котле всю его семью, Драммонд вызвался добровольцем. Его сердце сгорело от тоски, и он без раздумий отправился на поиски смерти. Он искал ее долго, без страха и гнева и, возможно, поэтому выжил.

— Вам потребуется время, чтобы написать подробный отчет, — сказал Робинсон. — Не могли бы вы в двух словах рассказать о том, что увидели?

Драммонд пожал плечами:

— Войне конец. Все взорвано. Европа захлебнулась в пучине дикости. Она попала в тиски между Америкой и Азией. Бомбы сыпались с обеих сторон. И когда система распределения рухнула, а урожай уничтожили насекомые-паразиты, перенаселенность европейских городов довершила все остальное. Выжили немногие, но они превратились в голодных свирепых животных. Судя по тому, что я видел в России, русским удалось взять ситуацию под жесткий контроль. В их стране образовалось четыре независимых региона, и, хотя им досталось гораздо больше нашего, реорганизация экономики идет полным ходом. Во многих местах меня встречали враждебно. Я не долетел до Индии и Китая, но в России мне довелось услышать немало слухов. И теперь я знаю наверняка — мир разбит на такие мелкие куски, что война уже невозможна.

— Значит, настало время выходить из укрытий? И мы действительно можем начинать свое возрождение? — тихо спросил Робинсон. — А знаете, Драммонд, я верю, что это последняя война. Ужас гибели нашего мира оставит в памяти людей такой глубокий шрам, что отныне человечество никогда о нем не забудет.

— Неужели вы думаете, что люди прозреют и станут друг другу братьями?

— О нет! Конечно, я не так наивен. Пусть наша страна и сохранила общность нации, но война привела к ужасной задержке в развитии культуры. Нам никогда не оправиться от ее последствий. И все же мы снова стоим на ногах! — Генерал встал и взглянул на часы. — Юбилей. Тысяча восемьсот часов моего правления. Полковник, нам пора отправляться домой.

— Домой?

— Конечно. Я беру вас с собой. Сказать по правде, вы выглядите как настоящий зомби. Вам нужен месяц полноценного отдыха с хорошим уходом, чистыми простынями и домашней стряпней. Моя жена будет рада такому гостю. К тому же мы почти не видим новых лиц. И раз нам придется работать вместе, я рад, что вы будете у меня под рукой. У нас страшная нехватка специалистов.

Они вышли на улицу в сопровождении адъютанта. Драммонд чувствовал, что тело готово развалиться на части от усталости. Подумать только — они шли домой... После двух лет полета над разрушенными городами, над рваными кратерами и испятнаным кровью снегом, после холодных ночей под хрупкими навесами, после голода и смерти.

— Ваш стратолет — бесценное приобретение для столицы, — признался генерал. — В наши дни самолет с атомным двигателем встречается реже, чем зубы у курицы.

Он мрачно хохотнул, и в его смехе зазвенели холодные нотки.

— Мне даже трудно представить — два года полета без дозаправки! Кстати, у вас были какие-то аварии, неисправности?

— Случалось и такое, но мне хватало запасных частей.

Да и стоило ли рассказывать о безумных днях и ночах, когда каторжный труд сливался с отчаянием и импровизацией, пока голод, жажда и чума выслеживали каждого, кто смел оставаться в тех гибельных местах. А когда подошли к концу съестные припасы, добыча еды превратилась в главную проблему и опасность. Он вспомнил, как дрался зимой за объедки, как вырывал из зубов маньяка костлявую птицу, которую ему удалось подстрелить. В памяти всплыла перестрелка из-за дохлой лошади, которую он нашел на свалке. А сколько раз ему приходилось сражаться за мясо с его собственных костей. Как он ненавидел себя тогда. Он

ненавидел эту пададь, из-за которой гибли люди, и, если бы бродягам тогда повезло, Драммонд без сожаления и печали отдал бы им свою жизнь. Он просто выполнял задание, и это задание вбирало в себя все, что у него оставалось. Именно поэтому он старался выполнить его любой ценой.

И вот теперь работа завершена. Он может отдохнуть. Драммонд с ужасом отмахнулся от этой мысли. Отдых даст время на воспоминания, а там лишь руины и безликие трупы. Но, возможно, и ему найдется дело в гигантской программе восстановления разрушенной страны. Все может быть.

— Нам сюда, — сказал Робинсон.

Драммонд даже заморгал от удивления. Перед ним стояла машина, раскрашенная в камуфляжные пятна. За рулем сидел солдат... Ну надо же! Машина! И в довольно приличном виде.

— Мы запустили несколько нефтяных скважин и открыли небольшой заводик по очистке нефтепродуктов, — объяснил генерал. — Парк общественного транспорта сравнительно невелик, поэтому газа и горячего нам пока хватает.

Они сели на заднее сиденье. Адъютант устроился рядом с водителем и положил на колени автомат. Машина помчалась по горной дороге.

— Куда мы едем? — спросил Драммонд с легким недоумением.

Робинсон улыбнулся.

— Между нами говоря, я, наверное, самый счастливый человек на Земле, — ответил он. — Мне принадлежит небольшой коттедж на берегу озера в нескольких милях отсюда. Моя жена отправилась туда перед самой войной и оказалась на полгода отрезанной от всего мира, пока я не перенес в Тейлор свою канцелярию. Так что у меня теперь есть собственный дом.

— О-о! Тогда вам действительно повезло, — сказал Драммонд.

Он смотрел в окно, но почти не замечал веселой зелени деревьев, в которой скакали солнечные зайчики. Пилот вдруг поднял голову и хрипло спросил:

— А что стало со страной? Только честно, если можно.

— Какое-то время дела шли очень тяжело. Чертовски тяжело, — ответил генерал. — Когда города превратились в пылающие руины, наш транспорт, связь и системы распределения перестали существовать. Экономика развалилась на части за два-три месяца. А потом начались пыльные бури и чума. Люди уходили в сельскую глубинку, но фермеры и жители поселков отказывались принимать все новые и новые потоки голодных беженцев. Страну захлестнуло насилие. Полиция исчезла вместе с городами, осталась только армия, но она не могла навести порядок на таком огромном пространстве. Мы едва сдерживали натиск врага, чья

войска, переброшенные через полюс, вели захват северных территорий. И мы не можем разделиться с ними до сих пор. По всей стране скитаются банды, голодные и отчаявшиеся изгнанники, поставившие себя вне закона. Тысячи американцев вынуждены заниматься разбоем, потому что ничего другого им просто не остается. И именно поэтому мы сейчас едем с охраной, хотя ни одна из банд сюда пока не забрела.

Насекомые и ядовитая плесень почти уничтожили наши зерновые, и в первую зиму люди пережили жестокий голод. Мы перепробовали на паразитах все современные методы, дело повисло на волоске, но на следующий год нам удалось создать небольшой запас продуктов. Конечно, без отлаженной системы перевозок мы спасли лишь некоторых. У фермерских хозяйств по-прежнему огромные проблемы, и, честно говоря, эти жуки еще долго будут для нас серьезной угрозой. Как мне хотелось бы иметь исследовательский центр, оборудованный не хуже тех лабораторий, в которых этих тварей создавали. Но мы выкрутимся, полковник. Мы победим.

— Вы говорили о перевозках... — Драммонд почесал подбородок. — А как насчет железных дорог? Или фургонов, запряженных лошадьми?

— После войны в стране осталось несколько действующих железных дорог, но в отместку за действия наших диверсионных групп вражеские подразделения подорвали туннели и мосты. Что касается лошадей, их не так и много. Большую часть животных и скота забили на мясо в ту первую зиму. Мне удалось выкупить у окрестных фермеров около дюжины уцелевших коней. Теперь они находятся на моем участке, и я надеюсь увеличить их поголовье, чтобы как-то сохранить породу. — Робинсон печально усмехнулся. — Пока мы не разведем их в достаточном количестве, фермерам придется работать вместо лошадей.

— А дальше?

— Мы пережили худшее. Несмотря на деятельность бандитских формирований, войска контролируют ситуацию в стране. Горожане более или менее накормлены и размещены во временных жилищах. У нас есть мастерские по ремонту машин, мы открыли в поселках небольшие заводы, и они уже сейчас могут удержать экономику от дальнейшего спада. Следующим шагом будет развитие промышленности и укрепление достигнутых рубежей. Я думаю, лет через пять или шесть мы снова сплотим людей, а это позволит провести всеобщие выборы и отказаться от военного положения. Нас ждет большая работа — работа на благо людей и отечества.

Машина остановилась. Водитель посигналил, отгоняя корову, которая преградила дорогу. Худое неухоженное животное испуганно скрылось в кустах. Сзади неуклюже семенил теленок.

— Дикая, — объяснил Робинсон. — За два последних года большую часть зверья перебили на пищу. Но многие животные бежали с разоренных ферм, когда их хозяева погибли от рук мародеров или от чумы.

Он заметил напряженный взгляд Драммонда. Пилот смотрел на ноги теленка, которые были вполтину меньше нормальной длины.

— Мутант, — сказал генерал. — Теперь таких животных много — последствия облучения. Да что там животные... Если бы вы только знали, сколько детей сейчас рождается с отклонениями. — Он нахмурился, и печаль затуманила его глаза. — Откровенно говоря, это самая худшая из наших проблем.

Машина проехала рошу и остановилась на берегу озера. Здесь царил мир и покой. Вечернее солнце превращало тихие воды в расплавленное золото, шелестели листвою деревья, а дальше отвесной стеной вздымались величественные горы. В тени огромных сосен стоял небольшой дом, и женщина на крыльце уже поджидала гостей.

Как в то лето с Барбарой, подумал Драммонд и, прошептав проклятие, вышел из машины. То лето осталось в прошлом. Оно лишь в памяти и никогда не повторится! Забудь о нем, забудь!

Он заметил нескольких солдат, которые охраняли территорию от случайных мародеров. Под ногами росли странные, похожие на маргаритки цветы, с огромными красными бутонами. В ветвях дерева мелькнула белка. Драммонд увидел маленькую плоскую мордочку, которая выглядела как лицо человека.

Он взошел на крыльцо, и Робинсон представил его «прекрасной женошке Элейн». Молодая симпатичная женщина с сочувствием взглянула на измученное лицо Драммонда. Он заметил, что она беременна, и в нем шевельнулось смутное восхищение ее верой в жизнь, верой в счастливое будущее.

Его провели внутрь, и впервые за два года он принял горячую ванну. А потом в честь героя устроили ужин, но пилота так разморило, что он заснул за столом, и генералу пришлось укладывать его в постель.

Глава 2

Наступила реакция, и Драммонд около недели провел в бреду, почти не осознавая ни себя, ни других. И все же удивительно, на что способны хорошая еда и сон. Однажды вечером, вернувшись домой, Робинсон застал Драммонда за работой. Склонившись над столом, тот что-то писал неразборчивым почерком.

— Разбираю записи и данные аэросъемки, — объяснил он. — Думаю, я смогу представить отчет в течение месяца.

— Вот и хорошо. Не торопитесь.

Робинсон устало опустил в кресло:

— Остальной мир подождет. Этим вы можете заниматься от случая к случаю. Я же хочу попросить вас присоединиться к моему штату служащих для выполнения очень важного задания.

— Хорошо. А в чем оно будет заключаться?

— Мне трудно сказать вам что-то определенное. Да и о какой определенности можно говорить, когда мы имеем лишь несколько специалистов и жалкие крохи необходимого оборудования. Давайте остановимся на том, что вашей основной задачей будет организация переписи населения страны.

— Что?

Робинсон криво усмехнулся:

— Я постараюсь выделить вам несколько помощников, но в основном руководство ляжет на вас. — Он склонился вперед и доверительно сказал: — Сейчас это один из насущных вопросов. В принципе работа мало чем отличается от вашего предыдущего задания — тот же облет, как в Центральной Евразии, но с более полным сбором данных. Драммонд, мы должны знать все!

Он вытащил карту из ящика стола и развернул ее перед полковником.

— Взгляните, это Соединенные Штаты. Все известные нам необитаемые районы я отметил красным цветом.

Его пальцы очертили безобразные рваные пятна.

— Таких мест очень много, и, конечно же, кое-где мы их еще не нашли. Армейские посты я обозначил синими иксами. Как видите, их мало, и они разбросаны по всей стране вблизи густонаселенных территорий. Наших сил катастрофически не хватает. Пока нам удастся обеспечить защиту только тех регионов, где проживают зажиточные законопослушные граждане. Бандиты, диверсионные группы и бездомные беженцы по-прежнему совершают налеты, грабят поселки и фермы, скрываясь от правительственных войск в лесной глуши или в зонах интенсивного излучения. И что хуже всего — они разносят чуму. Нам не одолеть их, пока мы не восстановим порядок в стране, а этого так просто не сделаешь. Смешно сказать, но сил армии не хватит даже для того, чтобы запустить в ход феодальную систему. Чума распространяется в войсках, как степной огонь.

Мы должны знать точные цифры. Сколько людей осталось в живых? Половина, треть, четверть или жалкие проценты? Мы должны знать, куда они разбрелись, где осели и каковы их средства пропитания. Только в этом случае наша система товарообмена окажется дееспособной. Мы должны взять на учет все

мастерские и лаборатории малых городов, выявить сохранившиеся библиотеки, чтобы спасти бесценные творения культуры, прежде чем грабители, огонь и погода превратят их в пепел и гниль. А как важно знать местонахождение людей, которые могли бы помочь восстановлению страны. Где сейчас доктора, инженеры и ученые, бежавшие из городов? К тому же нам надо определить базы бандформирований, чтобы позже провести облавы. Мы... Черт возьми, я могу продолжать этот перечень дел бесконечно.

Получив информацию по каждой позиции, мы составим генеральный план перераспределения людских ресурсов, который даст нам перспективы развития сельского хозяйства, промышленности и остальных отраслей экономики. Мы вернем власть гражданского самоуправления, возобновим связь между городами и откроем регулярные транспортные линии. И тогда, полковник, наша нация снова станет на ноги!

— Понимаю, — кивнул Драммонд. — До сих пор основная задача заключалась в выживании и сохранении того, что осталось. Теперь у вас появилась возможность дальнейшего развития. Осталось узнать, куда и как направить силы.

— Совершенно верно.

Робинсон скрутил сигарету и мрачно покачал головой:

— Табак теперь дороже золота. Мне досталось немного, но о качестве говорить не приходится — мерзкий, как и вся наша жизнь. Господи, эта война была сплошным безумием!

— Все войны одинаковы, — бесстрастно ответил Драммонд. — Но технология убийств вышла за разумные пределы, и мы просто перерезали друг другу глотки. Пройдет время, и люди снова начнут колотиться лбами о стену. Робинсон, нам нельзя возвращаться к старым порядкам. Мы должны начать новый путь развития — путь здравого ума.

— Да. И это потребует...

Дверь на кухню открылась, и в комнату заглянул адъютант. Они услышали веселый грохот тарелок, в ноздри ударил запах вкусной еды. Робинсон придвинулся ближе и понизил голос:

— Я хочу сказать вам нечто такое, чего не должна знать Элейн. Она... Ее не надо волновать. Драммонд, вы видели наших лошадей?

— Да, однажды видел. Вы имеете в виду жеребят?

— Вот именно. За последний год у одиннадцати кобыл появилось пять жеребят. Двое из них оказались настолько уродливыми, что умерли на первой неделе. Третий протянул лишь месяц. У одного из оставшихся раздвоенные копыта и почти нет зубов. Пятый выглядит нормально... пока. Один из одиннадцати, Драммонд!

— Возможно, эти лошади находились какое-то время в зоне радиоактивного заражения?

— В общем-то радиация сейчас везде «повышенная», — сказал Робинсон. — Если вы подразумеваете районы интенсивного излучения, то я думаю, они могли находиться там. Некоторых из них пригнали сюда издалека. Мне говорили, что одного жеребца поймали у самых окраин Портленда. — Генерал нахмурился и тихо произнес: — Будь он единственным с измененными генами, это почти не проявилось бы в первом потомстве, понимаете? Но в случае наших жеребят все мутации шли по убывающей Менделя*. Любая преобладающая черта должна была стать общей для всех жеребят... хотя бы у трех животных из пяти. Однако факты ставят в тупик — ни один из них не похож на других.

— Гм-м... Я почти не смыслю в генетике, — ответил Драммонд, — но ученые утверждают, что жесткое излучение — а вернее, производимые им вторичные частицы — может вызвать мутации. Я знаю, что такие случаи редки и обычно составляют несколько определенных категорий. Согласно экспериментам довоенных лет, радиоактивность почти не влияет на скорость мутационных изменений, особенно среди млекопитающих.

— Это они тогда так думали! — Робинсон тяжело вздохнул, и в его глазах промелькнул испуг. — Неужели вы не видели животных и растений? Их стало меньше обычного... Впрочем, я не берусь это утверждать. По нашим отчетам, почти половина убитых или замеченных животных имела какие-то несоответствия — либо снаружи, либо внутри.

Драммонд набил трубку и сделал пару глубоких затяжек, надеясь вернуть потерянное спокойствие.

— Если я правильно понял университетский курс биологии, — тихо сказал он, — большинство мутантов нежизнеспособны. Иначе говоря, путей в стороны много, но дорога к цели одна. Радиация обычно стерилизует животных, но в некоторых случаях она может способствовать генетическим изменениям. Основная масса мутаций вызывает такие несоответствия, что любая особь, наделенная ими, погибает в эмбриональном периоде или сразу же после рождения. Остальная часть мутантов проявляет незначительные, сходные от случая к случаю изменения или различные уродства, замедляющие развитие организма. В некоторых редких эпизодах может получиться нечто действительно достойное, но и тогда мутант не сможет считаться полноправным членом своего

* Мендель (1822—1884) — австрийский монах, проводивший опыты по скрещиванию различных форм растений. Его теория о «наследственных факторах» организма и формировании свойств на основе механической комбинаторики послужила основой вейсманистской генетики.

вида. Любая благоприятная мутация влечет частичную или полную потерю других основных функций жизнедеятельности.

— Ваших знаний вполне достаточно, — произнес генерал. — Во время переписи населения вам необходимо отыскать как можно больше генетиков и ученых, имевших какое-то отношение к проблемам мутаций. Мы пригласим их в наш центр, в столицу. Но вашей главной задачей, о которой помимо вас и меня будут осведомлены лишь два моих помощника, вашей основной и совершенно секретной работой станет выявление человеческих мутантов.

У Драммонда пересохло в горле, и он с трудом прошептал:

— Вы считаете, таких будет много?

— Да. Но мы не знаем их точного числа и мест обитания. К нам поступают сведения о семьях, которые живут недалеко от армейских постов и довольно часто бывают в гарнизонах — а это только несколько тысяч человек. Статистика отчетов говорит о том, что рождаемость снизилась наполовину по отношению к довоенной. И большая часть рожденных детей имеет явную патологию.

— Большая часть...

— Да. Конечно, при сильных отклонениях дети погибают, или их отправляют в институт, организованный нами в Аллеганских горах. Но что делать с остальными, если их родители занимаются укрывательством? Дети с деформированными, недоразвитыми или отсутствующими органами, дети с перекрученным кишечником, хвостами или чем-то еще более гадким... Все верно, нам досталась тяжелая доля, но они же могут выжить! И они будут потом размножаться!

— А любой нормальный на вид ребенок может иметь какой-то незаметный выверт или черту, которая не будет проявляться годами, — добавил Драммонд. — И даже самые нормальные дети могут нести в себе черты дегенерации, которые перейдут к их потомкам... О Боже! — Его восклицание больше походило на проклятие. — Но в чем причина? Многие люди находились вдали от взрывов атомных бомб и никогда не приближались к зонам интенсивного излучения.

— Да, наверное, есть и такие, — согласился Робинсон, — хотя основная доля беженцев приходится на горожан. Не забывайте, в тот первый год вся страна находилась в движении. Люди проходили по самым опасным местам и не знали этого. А ветер развеял радиоактивную пыль по всему свету. И каждому из нас придется глотать ее еще четверть века. Она будет активной несколько десятилетий. Теперь приплюсуем сюда повальную неразборчивость в связях, которая при полном отсутствии предохранительных

средств бытует с тех пор и поныне. В таких условиях мутации будут распространяться сами по себе.

— Но я не понимаю, почему они так многочисленны, — воскликнул Драммонд. — Даже здесь, в горах...

— В общем-то я и сам не знаю, откуда они тут берутся. Возможно, птицы и животные перебрались сюда из других мест. Наш район абсолютно безвредный. Ближайшая зона заражения находится в трехстах милях отсюда, и нас разделяют горы. Конечно, уровень радиации немного повышен, но мой штатный биолог говорит, что его недостаточно для преобразования генов и возникновения мутаций. Он показывал мне результаты довоенных экспериментов. Я думаю, таких островков с нормальными условиями окажется довольно много. Мы должны их отыскать. Но где-то...

— Суп готов! — прокричала Элейн.

Она вышла из кухни, втолкнув в столовую тележку с тарелками и кастрюлями. Мужчины встали. Драммонд взглянул на Робинсона и быстро прошептал:

— Я достану вам эту информацию. Мы составим карту безопасных мест и зон мутаций. Мы устроим перепись населения и ресурсов. Вы получите все необходимые данные. Но что будет дальше, генерал?

— Пока я хочу знать правду, — ответил Робинсон. — Я хочу знать всю правду.

Глава 3

На севере лютовала зима. Огромное серое небо казалось замерзшей твердью, которая нависла над простершимися внизу белыми равнинами. Последние три года морозы наступали рано и длились до самого лета. Коллоидная пыль, поднятая в атмосферу взрывами бомб, ослабила прохождение солнечных лучей всего лишь на два-три процента, но эти проценты привели к ужасным последствиям. Сейсмические бомбы, вызвав серию мощных землетрясений, нарушили геологическую стабильность континентов. В результате сдвига пластов в разломе Сан-Андреас половина Калифорнии ушла под воду, и этот страшный катаклизм только добавил пыли в атмосферу.

В памяти Драммонда всплыл полузабытый миф. Fimbulwinter. Предзнаменование богов. Но нет, мы выжили. Хотя наши потомки, возможно, уже никогда не будут людьми...

Большая часть населения ушла на юг. Волны миграции вызвали голод и болезни. Грабежи, убийства и вооруженные столкновения превратились в нормальные явления жизни. Поэтому в выигрыше остались те, кто не поддавался панике, а вцепился в свой кусок земли и уберег урожай от паразитов.

Самолет Драммонда скользил над огромными воронками с каймой почерневших руин. Когда-то здесь шумели города Сент-Пол и Миннеаполис — два близнеца, два потерянных мира. Уровень радиоактивности был по-прежнему высок, снег таял, и впадины кратеров казались пустыми глазницами черепа. Драммонд вздохнул и отвернулся. Он становился бесчувственным к смерти, которая витала теперь везде и всюду.

Стальная птица мчалась навстречу зловещим сумеркам, проносясь над бесконечными белыми полями. Выгоревшие остовы ферм, развалины разграбленных поселков и мертвая зараженная земля... Но он слышал рассказы странников о большом поселении у канадской границы и уже несколько дней пытался его найти.

Драммонду многое удалось за последние шесть месяцев. Он сплотил приданных ему людей в команду, обеспечил пилотов прекрасными машинами и, загрузив помощников работой, отправился в дальний поиск.

Конечно, они не могли охватить всю страну. С такими силами это было невозможно. Они выбирали районы почти наугад, их несколько самолетов не знали покоя, хотя в задачу группы входило лишь воссоздание общей картины условий, своего рода поперечный разрез современной жизни. Его пилоты проникали в самую удаленную глушь — на холмы, в прерии и леса. Они налаживали контакты с разбросанными поселениями или встречались с шайками изгоев. Такие встречи проходили по-разному, но всегда оставляли в душе тяжелый осадок. Многие радовались и плакали при виде самолета, воспринимая его как символ закона и порядка, как символ того, что они уже называли старыми временами. Но иногда возникали проблемы, и пилотов встречали с подозрением, настороженно или с открытой враждебностью. Во многих замкнутых колониях люди считали, что во всех их бедах виновато только правительство. А как-то раз эскадрилья удалось спланировать и провести блистательное сражение с кочевой бандой, которая наводила ужас на всю округу. Но именно теперь, после предварительных мер, им предстояло сделать главное — восстановить свое государство.

Предварительные меры... Звучит банально, но сколько сил ушло на эту огромную работу. Какой ценой дался им этот перечень реальных и насущных дел, которые могла взять на себя страна. Драммонд собрал все необходимые данные. Его люди составили из отдельных фактов целостную картину: несмотря на дефицит пленки они провели аэрофотосъемку; с помощью опроса, наблюдений и поиска нашли многих специалистов. В их блокнотах, на графиках и в стенографической вязи таилась истина,

которую оставалось теперь выявить и использовать на благо людей.

«Слетаю еще в одно место и отправлюсь домой», — подумал Драммонд. Он говорил себе это, возможно, в тысячный раз. Его сознание, соскальзывая в привычную борозду, описывало все тот же круг и не находило пути из тупика. «Да, Робинсону не понравятся мои слова. Может быть, и неплохо, что тебя уже нет на белом свете. Ты ушла с детьми так быстро, прилично и безболезненно, что даже не заметила своей смерти. А вот другим не повезло. И этот мир больше никогда не будет нашим».

Он увидел наконец то место, которое искал — скопление домов у замерзших берегов Лесного озера. Его самолет приземлился на белый снег. Истории об этом поселении имели много темных мест и не слишком радовали, но Драммонд полагался на свой опыт. Кроме того, он уже передал в центр полученную информацию. А остальное его мало волновало.

К тому времени когда самолет, скользя на лыжах по поляне, остановился у окраины поселка, вокруг него собралась шумная толпа местных жителей. В стужающихся сумерках люди выглядели заросшими дикарями, одетыми в лохмотья из обрывков тряпок и шкур, которые им удалось раздобыть. Бородатые угрюмые мужчины сжимали в руках дубины, ножи и винтовки. Спрыгнув на снег, Драммонд демонстративно протянул к ним пустые ладони.

— Привет, — сказал он. — Я к вам как друг.

— А вам лучше им и оказаться, — прорычал большой человек, который, очевидно, был их вожаком. — Кто вы, откуда и зачем?

— Во-первых, я хочу вас сразу предупредить, что мой напарник на другом самолете знает ваши координаты, — спокойно солгал Драммонд. — Если я не вернусь в установленное время, он прилетит сюда с бомбами. Но мы не намерены причинять вам какой-то вред или вмешиваться в ваши дела. Я, Хью Драммонд из армии Соединенных Штатов, прилетел к вам только для того, чтобы рассказать о нашей стране, которая по-прежнему существует.

Люди медленно осмысливали сказанное. Судя по оружию в руках, к правительству они относились враждебно, но его самолет вызывал у них почти благоговение.

— А вы надолго к нам? — осторожно спросил вожак.

— На ночь, если вы дадите мне приют. Я готов заплатить за ночлег. — Он вытащил из кармана небольшой мешочек. — Табак.

Их глаза заблестели, и вожак торопливо сказал:

— Вы остановитесь у меня. Идемте в дом.

Драммонд отдал ему кисет и пошел по тропе в окружении возбужденных людей. Конечно, ему не хотелось расставаться с

таким бесценным богатством, но этого требовала работа, а ради нее он мог бы отдать и жизнь. Получив табак, вожак смягчился. Поднеся к носу мешочек с коричневыми комочками, он жадно вдохнул аромат и доверительно сказал:

— Дымить корой или травой — это просто ужасно.

— Нет ничего хуже, — согласился Драммонд.

Он поднял воротник куртки и, вздрогнув, пригнулся под напором холодного колючего ветра, который принесли с собою сумерки.

— А все-таки зачем вы сюда прилетели? — спросил кто-то из толпы.

— Да так, посмотреть, как идут дела. Мы снова создаем правительство и хотим наладить нормальную жизнь. Поэтому нам надо знать, где теперь живут люди, что им нужно и тому подобное.

— Плевать мы хотели на твое правительство, — проворчала одна из женщин. — Это оно втравило нас в такое дерьмо.

— Война есть война. Мы никого не просили на нас нападать.

Драммонд мысленно перекрестился. По правде говоря, он и сам не знал, кто нес ответственность за гибель мира. Обе стороны, одержимые взаимным страхом, увязли в разногласиях и довели друг друга до истерии. Вспоминая ту панику и слепую агрессию в верхах, он все больше склонялся к мысли, что первые ракеты были выпущены с территории Соединенных Штатов. Но тех, кто знал истину, уже не было в живых.

— Это кара Божья за наши грехи, — послышался из темноты старческий голос.

Люди притихли. Хруст снега под каблуками казался скрипучим смехом, словно сама земля хохотала над этими словами.

— И разве не предсказаны Библией чума и огни смерти, ракеты и людская боль? Разве не живем мы в последние дни перед концом света?

— Все может быть.

Драммонд даже обрадовался, когда они остановились перед длинным низким домом. Он и раньше причислял доводы религии к категории легковоспламеняющихся веществ, но в эти времена и при таких условиях они мгновенно превращались в динамит.

Его ввели в уютный дом с незатейливой обстановкой и просторными комнатами. Следом входили люди. Они жались к стенам, рассаживаясь на полу, теснились возле гостя. Их подозрительность отступила под натиском любопытства: человек, прилетевший на самолете, казался им сказочным чудом.

Драммонд чинно осмотрелся, отмечая про себя каждую интересную деталь. Три женщины у очага — это означало возврат к внебрачному сожительству. Вполне закономерное явление при

послевоенной нехватке мужчин и власти сильной руки. Украшения и утварь, добротные инструменты и прекрасное оружие — все это подтверждало услышанные им истории. Он не мог бы назвать поселок бандитским лагерем, но, когда наступали тяжелые времена, местные жители устраивали засады на бродячих торговцев и совершали набеги на ближайшие города. Их боялись и уважали по всей округе; к ним обращались за помощью и защитой. Впрочем, ничего странного — по таким правилам жила почти вся страна.

На полу, вылизывая щенят, лежала собака. Три маленьких веселых комочка — один без малейших признаков шерсти, другой без ушей, а третий имел на лапках по восемь коготков. Среди набежавшей детворы Драммонд заметил и тех, кто родился во время войны. Добрую четверть из них представляли уроды.

Он вздохнул и сел на предложенный стул. С природой не поспоришь. Драммонд встречал мутантов везде, но то, что он нашел их здесь, в самом удаленном от ядерных воронок и радиоактивной пыли месте, стало последним звеном, последним доказательством, в котором он нуждался.

Теперь требовалось наладить дружеские отношения и незаметно перевести разговор на численность населения, на условия жизни и прошлый урожай — на те вопросы, которые интересовали его больше всего. Сложив непослушные губы в печальную улыбку, он вытащил из кармана флягу.

— Настоящая хлебная водка, джентльмены. Кто хочет глоток?

— Мы... Мы! — на разные лады затянуло около дюжины голосов.

Фляга пошла по кругу. Мужчины тянули руки, ругались и с жадностью хватали ее круглые бока.

Какой же противной тогда должна быть их брага, с тоской подумал Драммонд.

Вожак окриком восстановил порядок, и одна из женщин, сняв с глинобитной печи котелок с едой, поставила его перед гостем.

— А теперь похлебайте нашей болтушки, — с долей радушия сказал хозяин. — Меня зовут Сэм Бакмен.

— Рад познакомиться, Сэм.

Драммонд крепко сжал волосатую руку, стараясь показать жожаку, что он не какой-нибудь там дохляк и хитроумный пройдоха из столицы.

— Ну а какая теперь жизнь в других местах? — спросил кто-то из задних рядов. — Давненько мы ничего не слышали.

— Откровенно говоря, вы не пропустили ничего особенного, — ответил Драммонд, набрасываясь на еду.

Суп действительно оказался вкусным... сравнительно вкусным. Утерев ладонью рот, Драммонд вкратце обрисовал ситуацию.

— Так что вы устроились лучше многих, — закончил он свой рассказ.

— Да. Наверное, вы правы. — Сэм Бакмен задумчиво почесал спутанную бороду.

— Ах, черт, что бы я только не дал за бритву! Вот вы нас хвалите, а ведь мы начинали с нуля. В то время каждому хватало горя и бед. Я тогда вел хозяйство на своем участке. Мне удалось сберечь несколько початков кукурузы, немного пшеницы и ячменя, хотя всю зиму я буквально загибался от голода. А весной мою ферму разграбила шайка голодных беженцев, и я ушел сюда. Можно сказать, что мне повезло — я набрел на пустую ферму, обжился здесь и начал вести хозяйство заново.

Драммонд сомневался, что ферма была пустой, но он знал, что не имеет права судить этих людей. Жажда жизни сильнее любого закона.

— Потом сюда пришли другие, — вспоминая, рассказывал вожак. — Мы объединились, отстроили поселок, распахали поля. А что делать? Человек не может жить только для самого себя... Разве справишься в одиночку с жуками и прочей нечистью, когда зерно вырастает в невесть что и кругом вас жмут бандиты и воры? Пусть их здесь не много, но прошлой зимой мы положили на снег пару вражеских отрядов.

Он даже покраснел от гордости, но на Драммонда его слова не произвели большого впечатления. Горстка голодных и замерзших новобранцев вряд ли представляла собой серьезную опасность — безусые мальчишки, потерянные или брошенные в чужой враждебной стране, без веры в себя, без надежды на возвращение домой.

— Со временем ситуация начала улучшаться, — продолжал Бакмен. — В принципе, можно сказать, что мы выкрутились из этой переделки. — Он замолчал, нахмурился и мрачно осмотрел своих людей. — Эх, если бы только не эти уроды...

— Каждому да воздастся по заслугам его! — запричитал вдруг старик, в глазах которого светилось безумие. — И каждое дитя да будет уродом, как любое растение, животное и мелкая тварь. Ибо пришел в наш мир Сатана, и на всех ныне печать его.

— Заткнись!

Огромный Бакмен вскочил со стула и схватил старика за тощую шею.

— Заткнись, или я размозжу твою лживую голову. Пусть мой сын слеп, но он чист перед Богом!

— И мой... И мой тоже...

По комнате пронесся шквал сердитых и испуганных голосов.

— А я вам говорю, это Божья кара! — пронзительно закричала молодая женщина. — Не сегодня-завтра разверзнется земля и станет конец света. Готовьтесь ко второму пришествию!

— И ты тоже заткнись, Мэг Шмидт! — зарычал Бакмен.

В его глазах появился дикий блеск, огромные руки угрожающе качнулись, массивная фигура нависла над тшедушной женщиной.

— Закрой свою лоханку, Мэг, и держи ее на замке. Я здесь хозяин, и, если тебе что-то не нравится, можешь проваливать отсюда. Но знай, я до сих пор не верю, что твой странный ребенок утонул в озере случайно.

Отступив на шаг, женщина поджала губы и потупила взгляд. Комнату наполнила хрупкая тишина, сквозь которую прорвался насмешливый вой ветра. Один из малышей заплакал. У него были две головы.

Бакмен медленно повернулся к Драммонду, который тихо сидел у стены.

— Теперь вы поняли? — мрачно сказал он. — Вот так мы и живем. Не знаю, может, это и есть проклятие Бога. Может быть, миру действительно конец? Иначе отчего детей рождается все меньше и меньше и почти каждый из них урод? Сколько это будет продолжаться? Неужели всегда? Может быть, нам лучше убивать их в надежде на то, что когда-нибудь родятся нормальные дети? О Господи! Что происходит с этим миром? Что делать? Подскажи!

Драммонд встал. Его душа стонала от пустоты и усталости, и казалось, что на плечи давит тяжесть нескольких веков. О, как часто он видел эту панику в глазах людей, как часто слышал этот вопль отчаяния.

— Только не убивайте их! — воскликнул он. — Это будет худшее из убийств, которое не принесет вам добра. Дети рождаются такими из-за бомб, и вам не остановить колеса судьбы. Каждый ребенок — это Божий дар, и будет лучше, если вы примете уготованное вам со смирением и достоинством.

Глава 4

Для стратолета с атомным двигателем путь от Миннесоты до Орегона — не очень большое расстояние. Драммонд приземлился в Тейлоре около полудня. На этот раз его никто не торопил, а машина так и осталась стоять на открытой площадке. Чуть выше на склоне горы виднелись следы земляных работ, где город намеревался разместить новое летное поле. Люди преодолевали ужас перед небом. Но у них появился новый страх, от которого не спрятаться, не скрыться — страх, с которым им придется жить.

Драммонд свернул на главную улицу и по обледеневшему тротуару направился к главному управлению. На холодном ветру

руки и ноги казались деревянными, а лютый мороз, продираясь сквозь куртку и брюки, вгрызался в тело до костей. Но внутри помещений было не лучше. Запасы горючего подходили к концу, и отопительные системы превращались в легенду.

Робинсон ждал полковника в вестибюле и, увидев его, торопливо бросился навстречу:

— Вы вернулись!

Он еще больше похудел и выглядел лет на десять старше. В каждом его движении чувствовалась какая-то нервозность. Генерал сгорал от нетерпения и не мог удержаться от вопросов:

— Ну как там? Что скажете, полковник?

Драммонд вытащил пухлую записную книжку.

— Все необходимые данные находятся здесь, — ответил он бесстрастно. — Они еще не сведены в таблицы, но вы получите полное представление о демографической ситуации.

Робинсон схватил его под локоть и повел в кабинет. Полковник чувствовал, как дрожала рука генерала. Он с благодарностью принял стакан виски, и после пары формальных фраз они приступили к делу.

— Это огромная и важная работа, Драммонд, — произнес Робинсон. — Когда мы закончим воссоединение страны, я представлю вас к награде. Остальные поисковые группы тоже были?

— Нет. Им предстоит продолжить съемку местности. Работы хватит на несколько лет. В настоящее время я могу представить вам лишь общий обзор ситуации. Но, честно говоря, и его вполне достаточно.

Драммонд отвел глаза, и Робинсон тут же заметил это. Его насторожили двусмысленные фразы и напряженный взгляд полковника.

— Неужели все так... плохо? — с дрожью прошептал он.

— Очень плохо. Судя по делам, страна восстанавливает порядок и начинает новую жизнь. Но в биологическом аспекте мы прошли перекресток эволюции и свернули не на ту дорогу.

— Что вы этим хотите сказать? Я не понимаю, о чем вы говорите!

И тогда Драммонд выложил все, жестко и без прикрас. Каждая фраза — как удар штыка.

— В сравнении с данными довоенных лет уровень рождаемости снизился почти наполовину. Семьдесят пять процентов новорожденных являются мутантами, причем две трети из них жизнеспособны и, по всей вероятности, не будут иметь проблем с размножением. В число здоровых детей пока входят и те мутанты, чьи отклонения проявятся в более зрелом возрасте. Как вы сами понимаете, поверхностный осмотр не позволяет определить

внутреннюю патологию и видоизменения генов. Но хуже всего то, что мы не нашли ни одной безопасной зоны. Вот такие дела, командир.

— Я это подозревал, — сказал Робинсон после долгого молчания и кивнул. Вид у генерала был такой, будто его оглушили мощным ударом. Робинсон тяжело вздохнул и попытался успокоиться.

— А причины...

— Они очевидны.

— Да, вы говорили. Люди прошли через зараженные зоны.

— Нет, не совсем так. Это объясняет лишь некоторые случаи — если вообще что-нибудь объясняет. Судя по результатам довоенных экспериментов, краткое облучение не может стать причиной мутации, особенно при таком низком уровне радиации.

— Какая разница? Факт есть факт, и этого достаточно. Мы должны решить, что нам теперь делать.

— И как можно быстрее, — согласился Драммонд. — Цивилизация гибнет. Пока мы еще сохраняем наше культурное единство, но этому скоро придет конец. Если каждое рождение будет приносить уродов, люди начнут сходиться с ума. Их разум и без того подточен болью войны и страхом перед будущим. Но разочарование в детях и крушение семьи затронут глубинные инстинкты. Это приведет к убийствам младенцев. Многие уже сейчас впадают в отчаяние. Корни общества заражены раковой опухолью. Поэтому мы должны действовать незамедлительно.

— Но как? Как?! — вскричал Робинсон и смущенно перевел взгляд на дрожащие руки.

— Не знаю. Это решать вам. В прежние времена я бы предложил общеобразовательную кампанию, но при отсутствии средств связи и телевидения она невозможна. Вы можете ускорить программу по объединению страны. Может быть, попытаться... Нет, не знаю.

Драммонд пожал плечами и начал набивать трубку. Запасы табака подошли к концу, но, вместо того чтобы растянуть их на пару-тройку дней, он решил отдать предпочтение обычной порции.

— А ведь это еще не все, — задумчиво произнес полковник. — Мы не знаем, что будет через поколение или два. Возможно, мутанты создадут свое собственное общество. И когда их количество превысит численность людей, они начнут прибирать к рукам льготы и преимущества. Если мы пустим ситуацию на самотек, то одному лишь Богу известно, куда она нас заведет. Такого еще на белом свете не было. Не вписавшись в стандарты эволюции, наша раса погибнет как вид. Мы выйдем как динозавры и мамонты. А представьте, что мутанты начнут междо-

уюсную войну или набросятся на людей. Скрещивание различных пород может породить еще худших уродцев, особенно в период усиления негативных видоизменений. И если мы хотим хоть как-то повлиять на дальнейшее развитие истории, нам надо действовать, генерал, и действовать быстро. Иначе снежный ком превратится в неуправляемую лавину.

— Да, вы правы. Мы должны действовать быстро. И жестко!

Робинсон откинулся на спинку кресла. К нему вновь возвращалось былое самообладание, но в глазах по-прежнему стоял испуг.

— Мы проведем мобилизацию! — воскликнул он. — У нас есть люди, оружие и дисциплина. Они не в силах нам сопротивляться.

Драммонд почувствовал, как его горло сжалось во внезапном спазме страха.

— Что вы задумали? — хрипло спросил он.

— Расовую войну. Все мутанты и их родители будут стерилизованы. Прямо там, где их найдут! Без всяких разговоров!

— Вы сошли с ума! — Вскочив на ноги, Драммонд схватил генерала за плечи и как следует встряхнул его. — Неужели вы... Нет, это невозможно! Вы хотите поднять мятеж, начать гражданскую войну и привести мир к окончательной катастрофе?

— Если мы будем действовать осторожно, ситуация останется под контролем. — На лбу генерала выступили капли пота. — Мне это нравится еще меньше, чем вам, полковник. Но у нас нет выбора. Либо смертельный бой, либо гибель человеческой расы. Нормальные дети стали слишком редким явлением.

Он, задыхаясь, поднялся.

— Нет и дня, чтобы я не думал о мутантах. Все аспекты вопроса ясны, и ваши данные лишь подтверждают мои подозрения. Зло необходимо вырвать с корнем. Поймите, Драммонд, эволюция действует очень медленно. Жизнь не предназначена для таких встрясок и перемен. Если мы не спасем породу настоящих людей, ее уничтожат мутанты. Изменения будут продолжаться, и они будут продолжаться бесконечно, пока не наступит окончательное вырождение.

Страна огромна, и при таком количестве людей регрессивные отклонения поначалу останутся незаметными, но потом мутации начнут проявляться, и ими будет отмечен каждый. В результате люди просто перестанут существовать. Подтверждением этому могут служить циклы увеличения числа крыс и леммингов. Истребив мутантов, мы спасем нашу расу. А это можно сделать без лишней грубости — небольшой укол, несколько таблеток, и они уже никогда не будут иметь детей. Стерилизация необходима. —

Его голос сорвался на крик: — И мы начнем проводить ее неза-медлительно!

Драммонд наотмашь ударил его по щеке. Робинсон судорожно вздохнул, упал в кресло и заплакал. Это было ужаснее всего.

— У вас нервный срыв, генерал, — сказал Драммонд. — Последние шесть месяцев вы только и думали над этим. Ночи без сна, вопросы, на которые нет ответа, сложная ситуация в стране — все это лишило вас сил. Вы потеряли перспективу. — Немного помолчав, он добавил: — Нам нельзя становиться на путь насилия. Жесткие меры только ускорят гибель цивилизации, которая и без того трещит по швам и вот-вот готова рухнуть. Ввергнув страну в безумную бойню мутантов, мы никогда не добьемся победы. Да, пока нас больше. Но нашему поколению не удержать всего континента, не говоря уже о планете. Однажды мы уже говорили на эту тему. Отныне нам предстоит забыть о силовых методах контроля. Тем более что они не несут с собой никакого решения. Неужели мы отбросим урок трехлетней давности, который показал нам истинное лицо войны? Я понимаю ваш страх перед будущим страны, но это не повод для расового самоубийства.

Робинсон молчал.

— В любом случае борьба с мутантами к добру не приведет, — сказал полковник. — Их будет рождаться все больше и больше. Яд разлит повсюду, и в любой нормальной семье может появиться ребенок с отклонениями. Мы должны смириться с этим. Мы должны привыкнуть к мутантам и принять их в общество. Только тогда новая раса проявит к нам такую же терпимость в будущем.

— Прошу прощения.

Робинсон вытер слезы, и на его мертвенно-бледном лице застыла маска хладнокровного спокойствия.

— Прошу прощения. Я впал в истерику. Вы правы. Просто какое-то помрачение. Последние ночи меня мучает бессонница, но стоит заснуть, как тут же приходят кошмары, и снова волнения, нервы, тревога... Да, полковник, мне понятна ваша точка зрения. И я с ней согласен.

— Вот и хорошо. Откровенно говоря, меня беспокоит состояние вашего здоровья — три года без отдыха, груз ответственности за всю страну, а тут еще и это. Но давайте забудем об инциденте. Тем более что небольшая разрядка нужна иногда каждому из нас. Если вы не против, мы могли бы заняться поиском решения.

— Да, конечно.

Робинсон плеснул виски в два стакана и сделал несколько судорожных глотков. Потом беспокойно зашагал по комнате, все больше ускоряя шаг.

— Дайте подумать... Значит, остается только евгеника*. Вложив все силы и средства, мы могли бы сплотить нацию за какие-нибудь десять лет. А потом... Конечно, я понимаю, что нам не удержать мутантов от размножения, но мы можем создать законы о льготах для людей и максимально поощрять рождение здоровых детей. Ученые утверждают, что радикальные патологии вызовут межвидовую стерильность, а значит, большая часть мутантов так или иначе будет поставлена на грань вымирания. При верной законодательной системе люди вернут свое превосходство за какие-то три-четыре поколения.

Драммонд нахмурился. Его встревожила необоснованная агрессивность генерала. Это совершенно не походило на умного и уравновешенного Робинсона. Психологи говорят, что человек не замечает только того, чего подсознательно боится. Но в данном случае дело касалось самых насущных проблем страны.

— Ваш план обречен на провал, — жестко сказал полковник. — Во-первых, вам не удастся навязать народу принуждение. Во-вторых, вы начинаете повторять заблуждения фашизма и идеи Неггенвольк** — мутанты хуже нас, мутанты должны занять свое место... Для внедрения таких идей в народные массы вам потребуется развитое тоталитарное государство. В-третьих, это все равно ни к чему не приведет, поскольку остальная часть мира, возможно, за редкими исключениями, отвергнет ваш призыв к контролю за рождаемостью. А мы сейчас не в том положении, чтобы влиять на внутреннюю политику других стран. И такая ситуация может длиться еще несколько поколений. Если мы начнем дискриминацию мутантов, их собратья на других континентах могут затаить на нас обиду и, когда их силы и сплоченность достаточно окрепнут, на нас набросится весь мир.

— Слишком много допущений, полковник. Откуда вам знать, что эти сотни или тысячи различных видов начнут объединяться? Они похожи друг на друга еще меньше, чем на нас. Возможно, нам даже удастся сравить их в смертельной войне.

— Может быть, и удастся. Но это вернет нас на старый путь предательства и насилия, на дорогу в ад. Если мы будем называть мутантами всех, кто чем-то отличается от обычных людей, если мы будем выделять их в отдельный класс, они вскоре начнут воспринимать свою обособленность, а это обернется ненавистью и бунтом против «истинной расы». Поэтому — нет и еще раз нет! Единственной разумной мерой, или способом выживания, является

* Наука об «улучшении человеческой породы». В основе евгеники лежат теории Вейсмана, Менделя и Моргана в их приложении к человеку.

** Раса господ (нем.).

полный отказ от классовых предрассудков и расовой ненависти. Каждый человек должен чувствовать себя индивидуальностью, частью своей страны и всей планеты. К тому же в нашем положении любые классификации просто смертельны. Люди должны научиться жить вместе, и мы с вами можем помочь им в этом. — Драммонд улыбнулся: — Надеюсь, моя проповедь вас не очень обидела?

— Да бросьте, полковник. Теперь не до обид.

— Тогда мне остается еще раз напомнить, что дискриминация мутантов бесполезна и принесет нам только вред. Стабильность генофонда нарушена — на Земле больше нет здоровых людей. А значит, число детей, рожденных с патологией, будет увеличиваться с каждым годом. Через пять-шесть поколений чистая человеческая раса перестанет существовать.

— Да, вы правы. Нашей первоочередной задачей станет выживание людей, способных давать здоровое потомство. Мы переправим их в безопасные места, где нет радиации и пыли. Пусть эта популяция будет очень малочисленной, но она станет популяцией нормальных людей!

— А я вам говорю, что это невозможно! — рявкнул Драммонд. — Нет больше безопасных мест. Ни одного во всем мире!

Робинсон перестал шагать и, повернувшись к Драммонду, взглянул на него как на врага.

— Что вы тут несете? — внезапно закричал он. — Откуда вы можете это знать?

Драммонд рассказал ему о поселении у канадской границы.

— Как будто вы этого и сами не знали, — скептически добавил он. — Неужели ваши физики не докладывают вам об уровне радиации? Неужели об этом молчат ваши доктора, инженеры и тот генетик, которого я отыскал? Судя по вашим познаниям в биологии, они провели с вами немало времени. И я уверен, что каждый из них убеждал вас в одном и том же!

Робинсон упрямо покачал головой:

— Все это чушь! Вы просто не понимаете. Число мутаций не может быть таким большим.

— Хорошо, допустим, я ничего не понимаю. Но почему бы вам, несчастному глупцу, не осмотреться вокруг? Вы только взгляните на растения и животных! Неужели здесь ни у кого не рождались дети?

— В том-то и дело, что нет. Роды стали редким явлением, и в медицинском центре города на учете лишь несколько беременных женщин. — Лицо Робинсона дрогнуло и сморщилось. — Не сегодня-завтра Элейн должна родить. Она уже в госпитале. Вы, наверное, не знаете, но все наши дети умерли от чумы два года назад. Этот ребенок — моя единственная надежда. И я хочу,

чтобы он вырос в правильном мире — без мутантов и бомб. Вы и я... наша дорога закончена. Мы старое поколение — поколение тех, кто разрушил мир. Но мы должны отстроить его заново, а затем уйти и оставить все нашим детям. Я хочу сделать планету пригодной для жизни, потому что здесь останется мой ребенок, понимаете? Вы понимаете меня?

И Драммонд действительно понял. Какое-то время он молча смотрел на генерала. В его груди вскипали нежная жалость и доброта. Скуластое лицо смягчилось, глубокие морщины разгладились, и он тихо прошептал:

— Да, теперь я понимаю. Так вот откуда эта фантастическая выносливость и желание построить здоровый мир. Вот почему вы чуть не сошли с ума, когда возникла проблема с мутантами. Вот почему вы не можете смириться. — Он обнял друга, а затем слегка подтолкнул его к двери. — Пойдемте навестим Элейн. Узнаем, как ее дела. И не забудьте — по пути нам надо где-то достать цветов.

Глава 5

Едва они вышли на улицу, мороз вцепился в их лица колючими пальцами. Под ногами сухо похрустывал снег. Он почернел от сажи и пыли, но небо над головой было удивительно чистым и голубым. Из рта и ноздрей дымком вырывалось дыхание. Со строительной площадки доносились голоса людей, и нависавшие скалы вторили им слабым эхом.

— А может быть, нам улететь на другую планету? — внезапно спросил Робинсон и тут же сам ответил на свой вопрос: — Но у нас для этого нет сил и средств. К тому же все остальные планеты не пригодны для жилья. Остается одно — отстроить нашу Землю. Отыскав несколько безопасных мест — а я верю, что их достаточно много, — мы переселим туда здоровых людей и будем ждать, пока период мутаций не закончится. Главное, выжить, а отстроиться всегда успеем.

— Но безопасных мест больше нет, — напомнил Драммонд. — Ему не хотелось спорить, и он сменил тему разговора: — А что предлагает ваш генетик? Какой выход из ситуации видит биологическая наука?

— По правде говоря, он ничего не знает. Его область науки, видите ли, до сих пор не изучена. Поэтому он может только делать научные предположения.

— И все равно я считаю, что единственным решением проблемы будет принятие мутантов в наше общество на равных правах. Мы должны забыть о насилии. Каждый из нас землянин независимо от того, как он выглядит. — Немного помолчав, Драммонд добавил: — Забавно... Мы считали доброту и смирение

довольно непрактичными в общении, но теперь они становятся основными требованиями для сохранения жизни. Как жаль, что мы не поняли этого раньше и нам потребовались миллионы жертв, чтобы признать такую простую истину. Вот только удастся ли нам убедить в своей правоте остальную часть мира?

В окне одного из домов они увидели цветы в горшочках. Робинсон купил их за последние крохи табака. По дороге в госпиталь он часто останавливался и переводил дух. Его лицо покраснелось. На висках блестели замерзшие капельки пота.

Медицинский центр располагался в самом большом здании города, и его оборудование славилось по всей стране. Когда они вошли в просторный холл, к ним навстречу поспешила медицинская сестра.

— А я только что хотела отправить за вами, генерал, — сказала она. — Роды уже начались.

— Элейн... Как ее самочувствие?

— Пока все идет хорошо. Прошу вас, подождите здесь.

Драммонд опустился в кресло и молча взглянул на Робинсона. Тот нервно прохаживался вдоль стены.

«Бедный малый, — подумал он. — Почему мужчины так забавны в своем ожидании? Только не стоит смеяться над этим. Вспомни себя, когда ты ждал вестей о Барбаре...»

— Вы знаете, я так рад, что мы достали им обезболивающие средства, — зашептал генерал. — Они здорово помогают... А Элейн такая слабая...

— С ней все будет в порядке.

«Эх, приятель, — подумал Драммонд, — тебе бы сейчас не об этом волноваться...»

— А вы не в курсе... Как долго это длится? Сколько надо ждать?

— Трудно сказать наверняка. В каждом случае по-разному. Вам надо немного расслабиться.

Драммонд расстегнул куртку и достал кисет. Он наполнил свою трубку табаком и со вздохом передал ее генералу. Это был последний табак, но для друга ничего не жалко.

— Покурите. Обычно помогает.

— Спасибо, — ответил Робинсон и шумно запыхтел.

Время медленно уползало в прошлое, минуты казались часами, и Драммонд с тревогой думал о том, как ему вести себя, если *это* случится. Конечно, он тоже надеялся на лучшее, но данные статистики не предполагали легкого исхода. И все же он не психиатр. Пусть все идет своим чередом.

А потом их ожидание закончилось. К ним вышел доктор. Марлевая повязка и халат придавали его фигуре загадочный и непроницаемый вид. Робинсон застыл перед ним как статуя.

— Я знаю, вы храбрый мужчина, — сказал доктор мрачно, снимая повязку с лица. — Вам потребуется все ваше мужество.

— Она... — Его голос почти не походил на человеческий.

— С вашей женой все в порядке. Но вот ребенок...

Сестра принесла небольшой комочек, завернутый в пеленки. Это был мальчик. Но вместо рук от плеча тянулись мягкие и гибкие шупальца.

Робинсон взглянул на ребенка, и что-то в нем сломалось. Его лицо побелело. В поисках поддержки он повернулся к полковнику. Драммонд видел многих мутантов и знал, что это не самый худший случай. Ему даже удалось немного успокоить убитого горем отца.

— Он подрастет и научится пользоваться этими... руками. Возможно, в чем-то поможет хирургия. Но самое главное — ваш мальчик будет жить. На самом деле это не уродство. А при определенном типе работ он даже будет иметь некоторые преимущества. Если у него нет других отклонений, можете считать, что у вас родился здоровый парень.

— Других отклонений, — прошептал Робинсон. — Как вы можете такое говорить?

— Это вы еще не можете. Но у вас хватит мужества, генерал... у вас и Элейн. Вдвоем вы с этим справитесь.

Да, вдвоем всегда легче, подумал Драммонд и быстро добавил:

— Я знаю, почему вы не понимали этой проблемы. Вы не хотели ее понимать. Внутри вас находился психологический блок, подавлявший любые факты, с которыми вы не смели соприкасаться. Ребенок стал для вас символом последней надежды. Вы не могли допустить, что он окажется мутантом, поэтому ваше подсознание отметало любые разумные рассуждения на тему мутаций.

Но истина всплыла на поверхность, и вы поняли, что в этом мире больше нет безопасных мест. Их нет нигде. Это может подтвердить огромное число мутантов, рожденных в первом поколении. Большинство из них проявляет регрессивные отклонения, а это значит, что оба родителя имели предрасположенность к таким изменениям еще до зачатия ребенка. Но генетические изменения возникают чрезвычайно редко, если только мы не будем причислять к ним тупиковые линии эволюции — например четырехлепестковый клевер или альбиносов.

Вы только подумайте, сколько же таких изменений должно произойти, чтобы всего за четыре года у значительной части всех мужчин и женщин Земли возникли согласованные пары одинаковых отклонений. А сколько их вообще в генах каждого из родителей? Люди просто отдают то, что собрали после войны.

И нам остается лишь сожалеть о том, что мы не знали этого раньше. А теперь... Теперь слишком поздно.

— Пыль... — прошептал генерал.

— Да, радиоактивная пыль — коллоиды, появившиеся во время атомных бомбардировок; обычная пыль и обычный воздух, перешедшие в нестабильные изотопные формы. Три года ветер разносит этот яд над миром. Его концентрация не слишком высока, хотя и относительно близка к порогу безопасности. Именно поэтому мы наблюдаем небывалую вспышку раковых заболеваний. Этот яд везде. Каждый вдох, каждая крошка хлеба и глоток воды, каждый ком глины, по которому мы прошли, буквально пронизаны радиацией. Она в стратосфере и под землей. От нее не убежать даже на звезды, поскольку она уже внутри нас.

До ядерной войны мутации встречались редко. Заряженные частицы, проносясь сквозь тело с неимоверной быстротой, почти не затрагивали структуру генов, поэтому их электромагнитное воздействие не вызывало химических изменений. К тому же облученные хромосомы заменялись при воспроизведении новыми и здоровыми. В наше время любой предмет является источником заряженных частиц и гамма-лучей. Причем многие гены уже сами по себе содержат радиоактивные атомы.

Даже в условиях сравнительно низкой радиации почти все половые клетки организма видоизменяются, и при воспроизводстве одна из них дает толчок рождению мутанта. Вот почему мы наблюдаем регрессивные черты уже в первом поколении людей постъядерной эры. Теперь от этого никто не застрахован и опасных мест больше нет.

— Генетики утверждают, что мы могли бы сохранить какое-то число настоящих людей, — вяло откликнулся генерал.

— Честно говоря, я им не очень верю. Конечно, радиоактивность невелика и будет уменьшаться сама по себе. Но прежде чем она превратится в маловажный фактор, пройдет от пятидесяти до ста лет, а к тому времени «чистая раса» окажется незначительным меньшинством. И у ее представителей по-прежнему будут видоизмененные гены, не нашедшие пока сходной пары и ожидающие возможности проявления.

— Вы правы. Наука нам уже не поможет. Ей удалось лишь довести нашу расу до вымирания.

— Я этого не говорил. Раса сама довела себя до гибели, и наука здесь ни при чем. Ею просто злоупотребили. Если не считать психологических основ, наша культура во всем опирается на науку. Используя ее, мы можем сделать последний и решительный шаг. И только в этом случае люди или их потомки продолжают свое существование.

Драммонд проводил Робинсона до палаты и мягко подтолкнул его к двери.

— Вы устали, измучены переживаниями и готовы сдаться, — сказал он. — Завтра все будет выглядеть по-другому. Идите взгляните на Элейн и передайте ей от меня привет. Вам надо как следует отдохнуть. Впереди нас ждет огромная работа. И знаете, генерал, я по-прежнему считаю, что у вас отличный малыш.

А потом пожилой мужчина, временно исполнявший обязанности президента Соединенных Штатов, тихо постучал в дверь и шагнул в комнату. Хью Драммонд проводил его взглядом, торопливо вышел на улицу и, на ходу застегивая молнию куртки, растворился в холодных сумерках.

ЦЕПЬ ЛОГИКИ

*Брат принесет брату яд и проклятие,
И сыновья сестер расторгнут узы родства,
И более не станет человек щадить другого человека,
Тягость накроет мир, прибудет блуд и распутство,
Век топора и меча расколется щиты,
Век бурь и волков закончится гибелью мира.*

Старшая Эдда

Глава 1

Мальчика почти всегда окружало одиночество, и даже среди детей или во время разговоров с ними ему казалось, что он стоит на дальнем краю пропасти, к которому еще не подвели мостов. Его единственным другом был тощий серый пес со странной шишковатой головой и свирепым нравом. Их часто видели на безлюдных окраинах, где они бесцельно бродили по равнинам, заросшим густым лесом, или по высоким обрывистым холмам, которые на многие мили тянулись вдоль реки. И теперь, когда они шли по гребню скалы на фоне кровавых бликов пламеневшего заката, их облик пробуждал в душе какое-то смутное чувство — худенький, оборванный большеголовый мальчишка казался гномом из страшной легенды, а лохматое неуклюжее животное, семенившее за ним по пятам, походило на существо из ада.

Родерик Вэйн увидел их именно так. Возвращаясь домой, он заметил сына на другой стороне реки и громко позвал мальчишку. Тот остановился, медленно повернулся к отцу, и в его глазах застыло изумленное любопытство. Вэйн с болью узнал этот взгляд, хотя на фоне багрового неба Аларик выглядел лишь темным уродливым пятном. И он знал, что сын будет смотреть на него долго-долго, словно не узнавая, словно стараясь присмотреться и вспомнить лицо... чужака. Старая печаль захлестнула сердце, но Вэйн позвал его еще раз:

— Эй, малыш, иди сюда!

День в мастерской выдался трудный, и Родерик устал. Починка машин — это, конечно, не уроки математики в саутвэлском колледже, но на развалинах мира выбирать не приходилось, и, чтобы выжить, люди соглашались на все. По сравнению с другими ему еще повезло — так что грех жаловаться.

В давние времена река пересекала территорию колледжа, и каждый вечер после классной работы он прогуливался вдоль берега, попыхивая трубкой, помахивая тростью и размышляя о

чем-нибудь хорошим, например о застывших вершинах красоты современной квантовой механики или о том, что Карен приготовит на ужин — да, именно об этих двух вещах, которые только на первый взгляд казались несоотносимыми. В такие тихие летние сумерки он забывал о тревогах и планах на завтра — для них и так хватало времени. Он неторопливо шел по извилистым аллеям, вдыхая табачный дым и прохладный вечерний воздух. В воде отражались кроны старых высоких деревьев, а закат разливал по небу медь и расплавленное золото. Иногда ему удавалось остаться наедине с рекой и далекими звездами. Но чаще с широкими и ровными лужайками доносились голоса студентов, которые радостно приветствовали всеми любимого и уважаемого профессора Вэйна.

С тех пор прошло шестнадцать лет, и эти чудные воспоминания уже покрылись пеленой забвения. В памяти остался лишь злой, непередаваемо ужасный кошмар войны, который за пару месяцев стер с лица Земли каждый мало-мальски важный город. А потом потянулась череда страданий и бед — болезни, голод, грабежи, невыносимый труд и горе, искорежившее человеческие судьбы. Все это скрыло за собой счастливые прежние дни, будто смыв их потоком стремительных событий. И отныне территория колледжа превратилась в пустошь с почерневшими развалинами, где в высокой траве темнеют туши коров и пустые строения, проливая кирпичные слезы, таращат слепые окна на могилы людей.

Города исчезли, мировая культура сгорела в огне братоубийственных сражений, и больше не было нужды в профессорах. Тихий студенческий городок в сельской глубинке Среднего Запада захлестнула волна удушливой коммунистической диктатуры, которая жесткой рукой защищала все, что осталось в этих местах. И наступили страшные времена, когда каждого приходило встречать пулей, а со всех сторон подступали кочевые банды и озверевшие от голода мародеры.

Но чума прошла стороной, и даже в ту первую зиму большая часть населения выжила благодаря собранным заранее запасам еды. Трактора и комбайны ценились на вес золота. Когда горючее кончилось, их начали переделывать в машины, приводимые в движение лошадьми, быками и людьми. Техников и механиков отчаянно не хватало. Вэйна определили в мастерскую по ремонту машин, и он, к общему удивлению, стал настоящим знатоком своего дела. Никто не мог так ловко распотрошить бесполезный автомобиль и добыть из него запасные части для бесценных комбайнов. За этот талант его прозвали Каннибалом и повысили до управляющего мастерской.

Но годы шли, и ситуация все больше менялась к лучшему. Диктатуру отменили. Саутвэл снова стал частью страны. Но здесь по-прежнему не нуждались в профессорах, а для идущего на убыль числа подростков вполне хватало обычных учителей. Вэйн остался начальником ремонтной мастерской. И вот теперь, устав до дрожи в руках, он брел домой в залатанном засаленном халате. И который раз вид сына, его странный долгий взгляд пробуждали старую печаль и мрачные мысли.

Аларик Вэйн перебежал мост и присоединился к отцу. Они создавали странный контраст — высокий сутулый мужчина с седыми волосами и удлинённым морщинистым лицом, а рядом тощий оборванный мальчишка, слишком маленький для своих четырнадцати лет, с большой головой, насаженной на нелепое короткое тельце, которое казалось несоразмерным с длинными и тонкими ногами. В путанице взъерошенных каштановых волос его лицо выглядело тонким вытянутым овалом; в огромных светло-голубых глазах застыла безмятежная пустота.

— Где ты бегал, сынок? — печально спросил Вэйн.

На самом деле он не ожидал ответа, и его действительно не последовало. Аларик редко разговаривал, и иногда казалось, что он просто не слышит большей части вопросов. Сын смотрел вперед, словно ослепшее создание, но даже при всем его неуклюжем виде в мальчике чувствовалась какая-то необыкновенная привлекательность.

Губы Вэйна скривились в жалкой улыбке, разум заполнила бесконечная усталость. Вот оно — наше будущее. Люди решили оставить мутантам право на жизнь, они смирились с их расовым существованием, признав дом и семью наивысшей привилегией каждого гражданина. Никто не знал, к чему это приведет, и люди боялись задумываться о будущем.

Они поднялись на холм и пошли по улице. Между плитками мостовой росла трава, в зарослях сорняков стояли полуразрушенные дома. Чуть дальше начинался необитаемый район. В сравнении с довоенным временем население сократилось наполовину. Стерильность, болезни и стычки с бандитами нанесли городу непоправимый ущерб, несмотря на новую волну переселенцев, после того как власти сняли ограничения на въезд.

Саутвэл вновь приобрел ухоженный вид, в нём появились черты средневековья. По улицам со скрипом катили фургоны, запряженные лошадьми. Женщины в грубых домотканых платьях спешили на рынок. Вечернюю мглу рассеивали факелы и самодельные фонари. В окнах домов сияли теплые отблески свечей.

На мостовой среди собак, лошадей и крупного скота играли дети. Мимо Вэйнов пробежала стайка чумазных мальчишек —

вполне нормальных по старым стандартам и слишком нормальных в своей крикливой злобе:

— Мути! Мути! Мутант, а-ха-ха-ха-ха!

Скорее всего Аларик их просто не заметил, но свирепый пес ошетинился и зарычал на ребят. В сумерках его огромная бугристая голова лишь издали напоминала собачью и выглядела чертовски жутко. Маленькие пуговицы глаз пылали красным огнем.

Потом им встретилась еще одна группа детей — таких же грязных и оборванных, как первые. Мутанты. Ни одной одинаковой пары. Звериные лица, похожие на страшные маски. Пальцем меньше, пальцем больше. Беспалые ступни и копыта, покрытые ороговевшей кожей; изогнутые спины и нелепая раскоряченная хромота. Визгливая скороговорка карликов. Толстопузые гиганты по семь футов в высоту при своих шести годочках. Бородатые семилетки. А многие и похуже того.

Однако некоторые из них вообще не имели явных отклонений. И хотя большая часть мутантов выглядела довольно неприятно, их патология не влияла на деспособность и выживание — во всяком случае не в этой группе. Двое или трое казались вполне нормальными. Их внутренние отличия обнаружили по чистой случайности. Вэйн полагал, что большинство так называемых чистых детей тоже имели мутационные, до сих пор не вскрытые различия, которым предстояло проявиться позже. Впрочем, не каждое отклонение являлось уродством. Например, чрезмерно длинные ноги или ускоренный метаболизм помимо неудобств давали массу преимуществ.

Дети Саутвэла — да и всего мира, если верить слухам, — делились на две категории. Существовала и третья группа, но ее почти никогда не принимали в расчет. В нее входили безнадежно искалеченные мутанты, рожденные с такими умственными и телесными отклонениями, что их жизнь длилась не более десятка лет.

Вэйн помнил ужас и отчаяние, когда после войны почти каждый рожденный ребенок нес отпечаток явной патологии. Люди шли на аборт, убивали детей и устраивали погромы. Потом все понемногу улеглось. Родители смирились с тем, что в трех случаях из четырех их дитя окажется мутантом. Но в глубине души они верили, что ребенок будет настоящим, «чистым», и если не в этот раз, то в следующий. Многие отказывались от «неудачных» детей и отдавали их в приюты. Хотя иногда — правда, очень редко — мутации вызывали благоприятные изменения.

Вэйн таких ребят не видел. В народе ходило немало слухов о мутантах-суперменах, но он сомневался, что в этих удивительных историях есть хоть доля истины. У хаоса тысячи путей, но только некоторые из них вели к созданию жизни. Тем не менее он знал многих детей, у которых бесспорно хорошие приобретения

сопровождались потерей чего-то другого — например глухого Мартина с его бесподобным орлиным зрением.

Увидев этого мальчишку в компании других мут, Вэйн кивнул ему, и тот помахал в ответ. Остальные намеренно его не замечали. Мутанты избегали взрослых людей, а порою ненавидели их или питали к ним подозрение. И у них были на то основания. Это первое поколение зарождавшейся расы подвергалось безжалостной травле. Их оскорбляли и избивали — причем не только «нормальные» дети, но и «нормальные» взрослые. Теперь же, когда основная часть их гонителей повзрослела и муты стали большинством среди детей, обоюдная неприязнь и разногласия свелись к угрозам, дворовым дракам и разбитым окнам. Мутанты вдруг поняли, что Земля в конце концов достанется им, и, затаив обиду, решили немного подождать. Смерть и старость людей превратились в их союзников.

Но Аларик... Старая боль уколола сердце. Конечно, мальчик — мутант. Когда они отстроили госпиталь и запустили рентгеновскую установку, снимки показали, что внутренние органы мальчика находятся в перевернутом зеркальном положении. В общем-то ничего особенного — такое случалось и до войны. Но потом у него появились черты слабоумия. Он почти не говорил, а если и говорил, то очень плохо. Аларика исключили из начальной школы за неуспеваемость, и это окончательно отдалило его от окружающего мира. Все-таки странно... Сын много читал, причем с потрясающей скоростью, и Вэйну часто казалось, что мальчик переворачивает страницы просто от безделья. Малыш без устали возился с приборами, которые Родерик перетащил домой из брошенных лабораторий колледжа. Он собирал из проводов и деталей замысловатые конструкции, но им недоставало смысла и цели. А еще, время от времени, Аларик произносил до странности умные и многозначительные замечания, хотя скорее всего они лишь казались такими, и несчастные родители выдавали желаемое за действительное.

Аларик был всем, что у них осталось. Маленький Айк, рожденный перед самой войной, умер от голода в первую зиму. А после Ала Карен никак не могла забеременеть — радиоактивность оказывала на многих людей медленное стерилизующее воздействие. И все же грех жаловаться... Ал хороший мальчик — воспитанный, послушный, очень застенчивый и душевный. У него нет восприимчивости к цветам, но не всем же рождаться художниками.

Карен встретила их у порога. Взглянув на ее оживленное радостное лицо, Вэйн почувствовал прилив сил и отголосок забытого счастья.

— Приветствую вас, джентльмены! — закричала она. — Вы еще не слышали новость?

— Нет. А какую? — спросил Вэйн.

— Сегодня к нам прилетел правительственный самолет. И скоро наш город войдет в систему регулярных воздушных перевозок!

— Ты шутишь!

— Честное слово! Я слышала это от пилота, а он не меньше чем полковник. После обеда мне понадобилось сходить на рынок, и, когда он приземлился, я как раз проходила мимо поля. Ну как тут удержаться и не поговорить?

— Действительно, как тут удержаться? — повторил Вэйн, любясь женой.

— Ах ты, дразнилка! Но слушай дальше. После того как набежала толпа зевак вроде меня и появился мэр, пилот объявил об открытии авиалинии. Я сама два месяца работала на расчистке посадочной полосы, но, честно говоря, мне не очень верилось, что мы когда-нибудь будем называть ее аэропортом. И все же наша мечта сбылась. Мы верили, работали не покладая рук, и она исполнилась. Отныне город будет получать одежду, горячее, машины, продукты... Хотя вряд ли — продукты, я думаю, нам придется отправлять самим. Кстати, о еде — суп там не выкипит?

Ужин получился на славу — все было просто, но со вкусом. Вэйн яростно набросился на еду. Его челюсти перемалывали пищу, а ум — беспокойные мысли.

— Меня не перестают удивлять нелепые повороты нашей цивилизации, — проворчал он, отодвигая пустую тарелку. — Сначала она вознеслась, как глиняный колосс, затем рухнула в отвратительной войне, и нам пришлось начинать почти с самого начала. Но люди сохранили накопленные знания. У нас остались машины и необходимое оборудование, а значит, мы можем отстроить страну, минуя тупики и промежуточные этапы. Пусть исчезли железные дороги и скоростные магистрали — их заменит национальная сеть воздушных линий. Пройдет десяток лет, и мы пересядем с лошадей и велосипедов в кабины личных самолетов.

— А главное — мы больше не будем в изоляции, — с энтузиазмом отозвалась Карен. — В нынешнем году это уже четвертый контакт с внешним миром. Даже не верится, что мы снова станем частью мира.

— М-м-м, вернее, частью его остатков, а это не так и много. Мне говорили, что от Европы и большей части Азии почти ничего не осталось, а Африка и Индокитай скатились на грань дикости.

— Ты только представь себе, какой любопытной будет новая культура, — мечтательно сказала Карен. — Маленькие города и поселки, связанные воздушными линиями. Я думаю, люди

откажутся от гигантских индустриальных центров. Как странно... Маленькие города, а между ними огромное пространство дикой природы.

— Да, — согласился Вэйн. — Но я не стал бы строить сейчас какие-то предположения. Конечно, мы можем констатировать небольшое улучшение: во многих поселениях люди восстановили быт и хозяйство; чума, жуки и болезни растений почти побеждены; армия отогнала бандитов на далекий юг. Девять лет назад правительство отменило военное положение. Соединенные Штаты и Канада подписали пакт об объединении, а всенародным голосованием на пост президента избрали Хью Драммонда.

— О мой всеведущий! Я это тоже знаю. К чему ты ведешь?

— Несмотря на все эти достижения, у нас впереди еще долгий путь. Юг страны затопила варварская анархия. Изредка властям удается выходить на связь с городами Латинской Америки, России и Китая, Австралии, Южной Африки и другими регионами мира. Данные этих контактов подтверждают, что Северная Америка превратилась в маленький остров цивилизации, который со всех сторон окружен океаном дикости. К чему приведет такая ситуация? И что принесет Земле ее молодое племя? Сие тайна, покрытая мраком. Вот поэтому я против воздушных замков и предположений.

Карен натолкнулась на пустую синеву отстраненного взгляда Аларика, и ее губы задрожали.

— А вдруг они действительно создадут свою расу... суперменов, — прошептала она.

— Это невероятно, милая, хотя я согласен, что мечты и слухи о них могут создать величайшую легенду послевоенного времени. Ты же знаешь, сколько теперь рецессивных генов в каждом человеке, и отныне их проявления непредсказуемы. Пройдет несколько поколений, и на Земле не останется семьи без мутантов. Некоторые изменения могут оказаться благоприятными, но их доля так мала, что ею можно пренебречь. Только Богу известно, каким будет конечный результат. Несомненно одно — люди исчезнут с лица планеты.

— А если мутанты оставят за собой это слово и назовутся людьми?

— Вполне возможно. Но оно потеряет тот смысл, который мы вкладываем в него сейчас.

— И все же по теории вероятности в одном человеке могут проявиться несколько благоприятных изменений, — настаивала Карен. — Скажи, разве он не будет тогда суперменом?

— А почему ты не учитываешь объединения неблагоприятных черт? Нет, дорогая, твой супермен в природе невозможен. Да и что такое супермен? Пуленепробиваемый организм с моторчиком

в тысячу лошадиных сил? Или макроцефал, который изъясняется на языке символической логики? Конечно, я понимаю, что ты имеешь в виду какое-то богоподобное существо, более прекрасное и возвышенное, чем остальные люди. И я согласен с тобой, что некоторые изменения в человеческой природе могли бы оказаться желанными, хотя и не всегда необходимыми. Но любой психолог скажет тебе, что ни один гомо сапиенс так и не достиг пределов своего потенциала, не говоря уже о понимании резервов человеческого организма. Людям необходимо воспитание, а не эволюция. Как бы там ни было, мы выбрали для спора плохую тему, — грустно заключил Вэйн. — Раса гомо сапиенс уничтожила себя. И теперь людьми будут мутанты.

— Да... наверное, так. Положить тебе еще кусочек мяса?

После ужина Вэйн устроился в своем кресле. О табаке и газетах оставалось только мечтать, а правительство не торопилось выполнять обещание относительно новых радиостанций и телестудий. Тем не менее у него имелась огромная библиотека из собственных книг и тех, которые он спас, унеся из колледжа. Кое-что, конечно, уже потеряло свою актуальность, но большинство из них не принадлежало времени. Он открыл потрепанный том и взглянул на строки, знакомые с детства:

*При всем при том, при всем при том,
Могу вам предсказать я:
Настанет день, когда кругом
Все люди станут братья.**

«О, как бы мне этого хотелось. Как часто я мечтал об этом дне! И даже если Бернс прав, подойдут ли к мутантам слова простого пахаря? Лучше посмотрим, что скажет другой старый пьяница...»

*Пируем в доме канувших во тьму,
И лето вновь к зениту своему
Бежит, но ведь и мы с земного ложа
Уйдем и станем новым ложем — но кому?***

Он перевел взгляд на Аларика. Мальчик растянулся на полу рядом с полукругом из раскрытых книг. Он что-то быстро выискивал то в одной из них, то в другой, самозабвенно листая страницы. Пустую синеву в глазах сменило непонятное голубое мерцание. Вэйн взглянул на книги: «Теория функций», «Ядерная механика», «Руководство по химии и физике», «Принципы психологии», «Термодинамика», «Ракетостроение», «Введение в биохимию»... Разве можно усвоить такой материал, перелистывая страницы и чередуя тексты разных книг? Этого не могли бы

* Стихи Р. Бернса в переводе С. Маршака.

** Стихи Омара Хайяма в переложении Э. Фицджеральда (1809—1883).

сделать даже величайшие гении в истории человечества. А какой бессмысленный набор... Он так и знал — просто Аларику нравится переворачивать страницы. Неужели мальчик действительно... слабоумный?

«Ладно, я просто устал. Наверное, лучше всего пойти в постель, — подумал он. — Завтра воскресенье. Можно устроить себе выходной и как следует выспаться».

Глава 2

В банде Ричарда Хаммера насчитывалось около пятидесяти мужчин и с десяток женщин, таких же тощих, хитрых и злых. Отряд медленно продвигался вдоль реки. Люди шепотом проклинали острые камни, которые впивались в босые ступни. Обломки луны над головой едва просвечивали сквозь облака. Вода бурлила на скользких порогах, и неверный лунный свет превращал ее в черную жидкую смолу. Холодный ветер шуршал и посвистывал в листве, как зловеющий дух ночи. Где-то далеко залаяла собака, и, словно в ответ, в какой-то полумиле от них замычала одичавшая корова. Сырая и темная ночь ожидала зла и кровавой жертвы.

— Дик! Еще долго, Дик?

Хаммер обернулся на тихий оклик и хмуро взглянул на смутные фигуры шагавших за ним людей.

— Всем молчать, — прорычал он. — Никто не должен говорить во время перехода.

— Я буду говорить, когда захочу, — раздался из темноты наглый и громкий голос.

Хаммер сторбился и, разглядывая смельчака, хищно выставил вперед освещенное луной лицо, которое почти полностью скрывали всклокоченные волосы.

— Я здесь начальник, — тихо напомнил он. — И если ты, сосунок, решил оспаривать власть, мы можем разобраться прямо на этом месте.

На его плече висело единственное в банде ружье, а в кармашках пояса имелось несколько патронов, но даже с ножом и дубиной, а то и просто зубами и ногтями Хаммер мог прикончить в бою любого. И только поэтому он остался в живых, несмотря на вереницу лет, отмеченных голодом, убийствами и бесконечными скитаниями. Он знал, что в банде долго не живут и главарь всегда остается первым кандидатом в покойники. Он знал, что зависть — лучший повод для убийства, а нож заносит тот, кто ближе всего. Хаммер выжил в этой гонке только потому, что забыл о доверии и покое, о жалости к себе и другим.

— Ладно, успокойся, — сердито уступил его соперник. — Я просто устал и голоден, а мы все идем и идем.

— Скоро сделаем привал, — пообещал главарь. — Я уже знаю эти места. А теперь вперед... и чтобы тихо!

Они шли дальше, почти на ощупь, смыкая от усталости глаза, и вперед их гнал только голод, проевший животы до позвоночника. После долгого перехода в несколько сотен миль по выжженным южным землям им было до злости непросто проходить ночами мимо богатых северных ферм, довольствуясь горстью кукурузных початков или парой украденных кур. Но Хаммер хотел проскочить к городу незаметно, поэтому он без лишнего слов наводил порядок в отряде и вел его дальше. Никто не знал о плане главаря, но банда понимала, что эта вылазка в глубь мирной цивилизованной страны не обойдется без сражений. А значит, будут грабежи и добыча, шептались люди с волчьим нутром.

Когда Хаммер сделал привал, луна почти опустилась к горизонту. Бандиты поднялись на высокий холм, чтобы взглянуть на темную массу в двух милях от них. И они увидели город.

— Теперь всем спать, — сказал главарь. — Удар нанесем перед самым рассветом. Мы возьмем там все — еду, дома, женщин и выпивку! А может, и больше этого, парни!

Люди валились с ног от усталости. Они не могли думать ни о чем другом, кроме сна. Бандиты растянулись на земле, словно стая диких животных. Лохмотья из кожи и домотканого полотна едва прикрывали их тощие тела. Вооружение составляли ножи, дубины, косы и топоры, но иногда встречались копья и луки. Повернувшись к спящему городу, Хаммер сел на кусок скалы. В темноте его огромная фигура напоминала бородатую гориллу. К нему присоединились два его верных помощника — жилистые молодые парни, от которых на милою несло кровью и жестокостью.

— Ладно, Дик, выкладывай, что за идея, — проворчал один из них. — Не зря же мы перлись сюда как придурки. Если тебе нужны жратва и бабы, то их хватало и там, откуда мы пришли. Что ты задумал?

— Много чего, парни, — ответил Хаммер. — А теперь закройте рты и не поднимайте шума. Я объясню свой план. Этот город даст нам кое-что побольше, чем неделю кормежки, покоя и загулов. Он даст нам... дом.

— Дом! — прошептал другой бандит. В его холодных глазах появился дикий отстраненный блеск. — Дом! — повторил он. — Это слово — как из другого мира. Слишком давно я его не произносил...

— Мне довелось жить здесь перед войной, — с тихим вздохом продолжал Хаммер. — А когда все пошло ко дну, меня забрали в армию. В нашем подразделении вспыхнула чума, и те, кто не

умер в первую неделю, ушли в холмы. Я отправился на юг. Страна полным ходом катилась под откос, и мне показалось, что лучше идти туда, где тепло. Но слишком многие думали так же.

— Ты рассказывал эту байку уже тысячу раз.

— Знаю, милый, знаю... А что ты хочешь? Тому, кто прошел через такое дерьмо, этого не забыть уже никогда. И я помню, как умирали люди... как их жрала чума. Но потом все понемногу улеглось, и дела пошли на поправку. Мне понравилось одно местечко, я обосновался там и завел хозяйство.

Собака снова залаяла — на этот раз гораздо ближе. Ее жуткий лай превратился в мрачное рычание. В прежнем мире таких звуков не было. Они появились после того, как начались мутации.

— Эта зверюга разбудит весь вонючий город, — проворчал один из бандитов.

— Людям нравится спокойная жизнь, и они быстро забывают уроки прошлого, — сказал Хаммер. — Вы только посмотрите, как они здесь привыкли к миру и порядку. Никакой охраны. Повсюду отдельные фермы. А там нам приходилось сражаться за каждый клочок земли. А когда поля зазеленели, на нас свалились жуки и прочая нечисть, чуть позже наводнение смыло скот, дома, запасы... и я снова подался в банду. С тех пор мне часто вспоминались старый дом и тихий Саутвэл, его прекрасные пастбища и умеренный климат. Судя по слухам и рассказам, вся эта часть страны жила почти как раньше. И поэтому я решил вернуться.

Свет луны скользнул по лицу Хаммера. В холодной тьме блеснул оскал его зубов.

— Ладно, босс, ты всегда любил потрепаться. Может быть, поднатужиться и перейдешь к делу?

— А это и есть дело, малыш. Городок отрезан от всего мира — ни железных дорог, ни телефона. Если мы захватим его, наши парни позаботятся об окрестных фермах. Мы заткнем рот каждому, и соседние поселения ничего не узнают. Но слушайте дальше... Вы и сами заметили, что здесь бывают представители правительства. В кукурузе всего несколько жуков — значит, кто-то должен опылять посевы. Вчера мы видели пролетевший самолет. И мне кажется, они тут частые гости.

Его помощники тревожно поморщились. Один прошептал:

— Я не хочу иметь дел с правительством. Они нас попросту повесят.

— Если дотянутся! На самом деле это власть слабаков. Они даже не пытались прорваться на юг, и лишь пару раз трусливо сунули туда свой нос. Я так полагаю, что все правительство сидит в том городе, о котором мы слышали. И этот город находится

где-то в Орегоне. Но мы узнаем подробности от тех, кого захватим. Они все расскажут!

Слушайте внимательно, ребята! По каким-то причинам правительство хочет наладить связь с Саутвэллом. Машин и дорог не хватает, поэтому они используют самолеты. А значит, рано или поздно один из них приземлится в этом городке. Пилот вылезет из кабины, и самолет станет нашим. Я еще не забыл, как сидеть за штурвалом. Мы слетаем в Орегон и, приземлившись в столице, прихватим с собой какую-нибудь большую «шишку», а то и самого президента. Пилот расскажет нам все — куда садиться, где кого искать. Их самолеты примелькались, шума от них мало, к тому же никто не ожидает такой заварухи. Если их вояки заметят нас, они подумают, что прилетел кое-кто из своих.

Вот так, парни. Мы захватим большую «шишку» и узнаем, где хранятся атомные бомбы. Наверняка у них под боком есть какой-то запас, и нашему заложнику придется сделать все, чтобы мы их получили. А если ему наплевать на свою жизнь, мы возьмем его семью, чтобы жена и дети замолвили за нас словечко. Так или иначе, бомбы будут наши. По городу расползутся слухи, страна потеряет доверие к власти, и правительство пошлет ко всем чертям. Мы перетащим сюда бомбы и оружие, объявим эту территорию своей и станем хозяевами Саутвэлла — князьями, баронами... королями! А позже наши люди отправятся на завоевание других земель. И ни одно правительство нас уже не остановит.

Хаммер вскочил. Он уже видел в воображении картины великого похода. И, конечно же, в глубине души он знал, что его предназначение не в грабежах и разбоях. Закаленный болью и горем, после долгой битвы за жизнь, Хаммер видел себя победителем — Александром... Наполеоном. Он действительно хотел сделать свою страну великой и мощной державой. Что касается других... Слишком долго в его судьбе «другие» означали «врагов», и плевать он хотел на остальную половину мира.

— Больше не будет голода, — тихо шептали его губы. — больше не будет замерзших от стужи и промокших под дождем. Люди узнают покой. Никто не будет прятаться и убегать. Мы остановим это вечное бегство в никуда. Наши дети перестанут умирать от голода. Они будут расти такими, какими их задумал Господь — свободными и счастливыми. Эх, парни! Мы построим собственное будущее... И я уже вижу прекрасные высокие города под мирным и добрым солнцем.

Его помощники неловко шевельнулись. После десяти лет общения они привыкли к странным перепадам настроения своего грозного главаря. Восторженные речи и огромные амбиции Хаммера не вмещались в рамки мышления этих парней, но внушали им ужас и благоговейный трепет. На юге о ловкости и дерзости

Хаммера ходили легенды, и даже враги уважали его за удачу. К тому же план казался простым и выполнимым.

Размышляя о будущем, они обычно мечтали о хорошем богатом доме с большим гаремом и грудями барахла. Но свержение правительства было настоящим делом, за которое не жалко отдать и жизнь. Им с детства твердили, что во всех болезнях и бедах, во всей их горькой судьбе виновато только правительство. Потом оно стало их врагом. Оно убивало лучших друзей, лишало добычи, загоняло в трудовые лагеря. Правительство мешало жить, направляя на них всех и каждого. И оно никогда не оставит их в покое... наедине с этой милой зеленой землей.

Но если они сделают это... Если у них появится оружие...

Собака, бродившая вокруг стоянки бандитов, мелькала в пятнах лунного света, как бесформенная призрачная тень. Издав короткий тоскливый вой, пес медленно спустился по склону холма и помчался к засыпавшему городу.

Глава 3

Аларик Вэйн проснулся от скребущих звуков. Затуманенное сознание прорвалось сквозь пелену сна, и мальчик открыл глаза. Лунный свет, вливаясь в окно, мерцал на корешках разбросанных книг и серебрил сталь приборов, расставленных на полу у стены. А там, за окном, начиналась черно-белая фантазия, в которую превращался мир под чарами высоких звезд.

И вот пришло пробуждение. Выскользнув из кровати, Аларик подбежал к окну и взглянул в прорезь ставня. Его пес, царапая стену, просился внутрь. Животное нервничало и казалось возбужденным. Мальчик раскрыл ставня, и пес быстро перескочил через подоконник.

Тихо заскулив, собака дернула Аларика за штанину пижамы, фыркнула в сторону юга и встряхнулась. Большие светлые глаза мальчишки засверкали в лучах сияющей луны, но маска из косых теней закрыла детское лицо, и на виду остались только три морщинки, выдававшие серьезную озабоченность.

Ему надо... надо... подумать!

Пес предупреждал об опасности с юга. Но мутация, изменившая мозг животного, лишь обозначила зачатки разума, и верный друг во многом по-прежнему оставался собакой. Он не мог понимать или сопоставлять события, выходящие за грань элементарного уровня. Три года назад, заметив у щенка определенные задатки, Аларик занялся его обучением, и постепенно между ними установилось частичное взаимопонимание. До этого времени они просто помогали друг другу — охотились, совершали дальние походы или убегали от диких собак. Но теперь пришла

настоящая опасность. Там, за городом, в южном направлении, появились плохие люди — вот и все, что могла сообщить собака. И этого хватило бы для любого нормального человека. Но Аларик не был нормальным.

Он стоял, подрагивая от усилий. Тонкие пальцы судорожно сжимали голову, как бы вмяная в череп выползавший от напряжения мозг. Что все это значит? Как ему поступить?

Опасность оформилась в образ, он замкнул на нее цепь примитивных инстинктов и начал ждать подсказки. Первый импульс пришел от шайки «чистых» детей, которые договаривались избить мутанта. Второй появился от стаи диких собак, а третий — от следа медведя. Первое решение: с тех пор как численность людей уменьшилась, хищные звери совсем обнаглели — надо бежать. А потом, будто в конвульсиях внутренней борьбы, мозг извергнул старое решение: бежать должен весь город — личное бегство поможет.

Надо думать... думать! Есть опасность, от которой нельзя убежать. Что делать в этом случае? Ум ощупывал мглу неопределенности, но зацепок не хватало, и череп начинал заполняться безумным звоном разомкнутых логических цепей.

Разум не дал ответа, однако на помощь пришли инстинкты. Словно почувствовав беду, они собрались в могучий темный вал и в конце концов прорвались сквозь бурю сознания.

Вот это да! Какая простота! Аларик расслабился, в глазах блеснул восторг от восхитительного и конкретного решения. Оно оказалось таким же ясным, как и любое элементарное приложение теории трех тел. Если нельзя избежать опасности, с ней надо сражаться!

Сражение, разрушение... Да, что-то придется разрушить. Надо немедленно отправляться на электростанцию. Там недавно закончили ремонт генераторов, а значит, он найдет все, что ему необходимо.

Аларик быстро оделся и, взглянув на луну, подсчитал оставшееся время. До рассвета оставалось несколько часов. Он сам не знал, откуда пришло это знание. Но мальчик не сомневался, что враг устроит налет перед самым рассветом. Любая задержка грозила бедой! Он выпрыгнул в окно и побежал по улице. Следом мчалась огромная собака. Пятна лунного света лишь подчеркивали пустоту и безмолвие улиц.

В принципе, город мог запустить электростанцию в любое время. Все оборудование и измерительные приборы находились на своих местах. Однако для уборки урожая потребовалось несколько очень важных механизмов, с помощью которых осуществлялась подзарядка аккумуляторов, и с освещением решили подождать.

Темное здание у реки походило на тушу великана, а окно, подсвеченное изнутри масляной лампой, казалось единственным глазом циклопа. Сбоку, срываясь вниз с бетонной дамбы, шумела вода. Сразу после войны турбины вышли из строя, провода и части генераторов растащили по домам, а кое-что использовали для починки зерноуборочных машин. И вот совсем недавно правительство призвало народ к восстановлению хозяйства, и Саутвэл получил все необходимое для запуска гидроэлектростанции. По такому случаю город даже устроил праздник, а мэр сказал, что после долгого падения в пропасть это еще один шаг вверх по лестнице развития.

Аларик постучал в дверь и громко закричал. Внутри раздался звук скрипнувшего стула и послышалось медленное шарканье ног — настолько медленное, что могло довести до бешенства. Все еще задыхаясь от быстрого бега, мальчик нервно переминался на ступенях. Нет времени, нет времени!

Дверь со скрипом отворилась, и ночной сторож, близоруко шурясь, уставился на Аларика. Старик разбил очки еще во время бомбардировок и с тех пор никак не мог достать новые.

— Ты кто, мальчик? — спросил он. — Что тебе нужно?

Аларик нетерпеливо проскользнул мимо него и побежал на склад. Он знал, где лежали необходимые вещи, но работа предстояла долгая, а времени оставалось ужасно мало.

— Сюда нельзя... Эй, ты! — с негодованием закричал сторож и, прихрамывая, направился к нему. — Придурковатый мути. Ты в игры со мной собрался играть?

Аларик стряхнул с плеча цепкую руку старика и жестом подзывал собаку. Пес зарычал, шерсть на загривке встала дыбом, и сторож поспешно отступил назад.

— Эй, на помощь! — закричал он хриплым голосом. — На помощь! Грабят!

Откуда-то из глубины разума, почти инстинктивно, пришли слова.

— З-заткнись, — сказал Аларик, — или пес убьет т-тебя.

Он не шутил.

Животное рывкнуло басом и, роняя слюну, злобно лязгнуло клыками. Сторож медленно опустил на стул. Кровь отхлынула от его лица. Собака села перед ним и удовлетворенно зевнула.

Складская дверь оказалась запертой. Аларик схватил тяжелый гаечный ключ и, просунув его в широкую щель, отжал панель двери. Потом вбежал в небольшую комнату, быстро осмотрелся и начал отбирать материалы.

Вот эти провода... пару индикаторов... несколько трубок... батареи. Быстрее! Надо торопиться!

Втащив груды железок в операционный зал, он сел на корточки перед огромными генераторами, от которых исходило монотонное гудение, и, словно маленький гном-оборванец, принялся за работу. Сторож с тревогой и изумлением смотрел на размытый контур его фигуры. А пес бдительно следил за стариком, с утрумой злобой надеясь, что тот попытается сделать какую-то гадость... Аларик был единственным, кто его понимал и любил, и ради этого мальчика он перекусал бы весь мир.

Над домами, полями и страной тускло замерцал холодный рассвет, но едва он сверкнул на глади быстрой реки, как вернулась глубокая тьма. Люди Хаммера пробуждались с чуткостью животных. В утренней мгле, среди ключев сырого тумана, слышались стоны, проклятия и шепот. Рваная одежда потяжелела от росы и влаги. Голод ввал душу — о, как хотелось есть! — и они, дрожа от холода, смотрели на неподвижное пятно конечной цели. Во рту набиралась слюна, глаза блестели похотью.

— Эта страна прекрасна, — шептал Хаммер, — и лучшей земли не найдешь. На полях колосится урожай, белый туман стелется над рекой, а та сверкает, как лезвие ножа... Это моя земля! — Его голос окреп. — Джо! — крикнул главарь. — Возьмешь двадцать парней и обойдешь город с севера. Когда пройдете мимо главной дороги, оставь несколько человек на окраинах и на мосту через речку; остальных поведешь на главную площадь. Бак, твои пятнадцать человек пойдут с запада. Войдешь в город временно с Джо, расставишь ребят по периметру, а пару человек пристроишь в том большом здании на Пятой улице. Насколько я помню, ты еще не научился читать таблички на домах? Когда все сделаешь, присоединишься к Джо. Остальные отправятся прямо на север. Всем соблюдать тишину. Любой, кто встретится на пути, должен быть оглушен или убит. Будьте готовы к бою, но сами в драку не лезьте. А теперь расходимся!

Две первые группы спустились вниз по склону холма и исчезли в туманной мгле. Хаммер немного подождал. Он заранее поделил банду на отряды, во главе которых поставил своих помощников, но лучшие люди остались с ним, в его штурмовой бригаде. Он приказал им построиться и произнес короткую речь. Тихий голос впивался в туман как холодный клинок.

— Судя по тому, что я видел здесь и в других местах, они не ожидают ничего подобного. Их давно никто не тревожил. Да им и в голову не могло прийти, что какой-то банде хватит наглости и ума прорваться с дальнего юга на их жирные земли. Тут нет патрулей, и на весь район наберется, возможно, лишь несколько полицейских, которые дрыхнут сейчас в теплых кроватках. У нас не будет никаких проблем. Все оружие находится в полицейском

управлении. Это здание станет нашей первой целью. Получив оружие, мы получим и город. Но я откручу голову любому, кто начнет пальбу без моего приказа. Кто-то из горожан мог приберечь винтовку или ружье, и, если мы сдуру попрем на них, они отправят нас прямо к чертям на сковородку.

По рядам истощенных оборванцев пробежал тихий ропот. Сверкнули свирепые глаза. В тусклом румянце первых солнечных лучей блеснули ножи и топоры. Цепкие пальцы сжимали копья и луки. Эти люди прошли через многое, и здесь не было трепета нетерпения или безумной бесконтрольной жажды крови. Они не рвались в бой, но и не страшились смерти. Шестнадцать послевоенных лет и злая судьба научили их терпению. Они умели ждать.

Хаммер никогда не пользовался часами. Он чувствовал ситуацию нутром, и этот дар не раз спасал ему жизнь. Каким-то внутренним зрением он видел, как остальные группы приближались к окраинам города. Главарь поднял руку, отдавая сигнал, и, перевернув затвор винтовки, начал спускаться с холма.

Белый туман стелился по земле, скрадывая топот босых ног. Вокруг звенела предутренняя тишина. Мокрая трава хлестала голени и икры. Вдалеке замычала привязанная корова, и крик петуха встретил алые стяги рассвета. Но тишина вернулась вновь. Обреченный город по-прежнему спал.

Они вышли на треснувший бетон центральной магистрали и снова ощутили забытое чувство чего-то прочного и стабильного под ногами. Вскоре начали встречаться брошенные разграбленные дома. Хаммер отметил, что в грозные годы чумы и беспредела Саутвэл, как и другие города, сжался в компактное оборонеспособное ядро, но с тех пор так и не разросся до прежних пределов.

Какая беспечность — ни одной укрепленной заставы. Они возьмут этот город без труда. И пусть их всего лишь горстка в сравнении с численностью горожан — они компенсируют разницу напором, внезапностью и жестокой расправой. На краю обитаемого района Хаммер остановился, назначил шестерых бойцов на патрулирование территории, а затем повел остальных к центру города. Банда перешла на медленный шаг, чувства обострились, каждый нерв и мускул напрягся для броска вперед или прыжка в сторону.

Из переулка послышался стук копыт. Хаммер сделал знак лучнику, и тот с усмешкой вложил стрелу в тетиву. Обогнув угол дома, на улицу выехал конный полицейский. Особого впечатления он не производил — револьвер и тусклое пятно полицейского значка были единственными знаками отличия. Его одолевала дремота, и он спешил в участок, чтобы доложить об окончании

дежурства и отправиться домой. А его жена, наверное, уже готовила завтрак.

Тетива натянулась, издала глухой вибрирующий звук, и громкий стон расколол тишину. Стрела попала в грудь. Седок вывалился из седла. На его лице появилось и застыло такое нелепое удивление, что пара бандитов захохотали. Хаммер выругался. Лошадь отпрянула в сторону, заржала и, в панике переходя на галоп, поскакала по улице. Эхо от стука копыт забило между стенами, словно треск боевых барабанов.

Какой-то мужчина выглянул в окно. Он сонно потер глаза, но, заметив вооруженных топорами оборванцев, вздрогнул и попытался закричать. Стрела оборвала короткий возглас. Из горла вылетел булькающий звук, который тут же перешел в сильное шипение.

— Корявый Зуб и Мекс, идите в этот дом и прикончите остальных! — приказал Хаммер. Сам того не осознавая, он сделал величественный жест рукой. — Вы пятеро будете разбираться со всеми, кто нас заметит. Остальные, вперед!

Отбросив излишнюю осторожность, но стараясь не поднимать шума, они побежали по улице. Город во многом изменился, однако общая планировка осталась той же. Лицо Хаммера исказила мрачная усмешка. Он прекрасно помнил это полицейское управление — в былые времена его таскали туда чуть ли не каждый субботний вечер.

Пробежав квартал, они приблизились к участку. Все та же мощеная площадь, все то же здание, потемневшее от времени. Вот только не было больше лепных украшений и вместо машин перед входом стояли запряженные лошади. Из приоткрытой двери проглядывала полоска света.

Бандиты ворвались внутрь. Дежурный сержант и пара других парней, моргая от изумления, таращились на винтовку Хаммера. Их руки медленно поднялись вверх. Бандиты веером рассыпались по коротким коридорам, осматривая каждый уголок и заглядывая в каждую комнату. Раздались крики и быстрый топот. Короткий резкий лай револьвера сменился шумом драки.

Снаружи слышалось ржание и стук копыт. Грохнул выстрел, и один из бандитов, стоявший на стреме у двери, упал. Подскочив к окну, Хаммер выбил прикладом стекло и открыл стрельбу по конным полицейским. Он насчитал не меньше полудюжины всадников, которые, вернувшись с постов, стали свидетелями захвата их участка.

Он понимал, что сейчас не до точности, главное — протянуть время, пока не кончатся патроны. Первый выстрел ушел «в молоко», вторым он подстрелил лошадь. Третья пуля выскла искру, задев столб осветительного фонаря. Полицейские открыли

ответный огонь. Им явно не хватало выдержки и меткости. Однако пара пуль просвистела в опасной близости от головы, разнеся крестовину рамы и оставив на стене за спиной Хаммера два темных пятна.

— Эй, Дик! Мы здесь!

Из коридора выбежали несколько парней. Он увидел в их руках оружие, которое они несли, как что-то святое и прекрасное.

— Босс, это для тебя!

Хаммер схватил протянутый автомат и передернул затвор. От долгой очереди занемели пальцы. Кавалеристы рассеялись по переулкам, оставляя мертвых и раненых. Страх гнал их прочь — прямо в лапы остальных групп! Хаммер радостно захохотал.

— Мы захватили все здание, — задыхаясь доложил один из его людей. — Боба ранили в руку, и я видел, как они подстрелили Тони и Маленького Джека. Но город наш!

— Хорошо. Проследи, чтобы этих ублюдков закрыли в камерах. Пусть ребята возьмут оружие и лошадей. Надо поднять весь город. Сгоняйте людей на главную площадь. За попытку к бегству и неповиновение расстреливать на месте. Но будьте осторожны. Возможно, кто-то начнет отстреливаться, а нам сейчас проблемы не нужны. Мы должны сохранить каждого из наших бойцов. Март, Родж и Одноухий, держите участок и присматривайте за ранеными. Сэмбо и Путзи — вы пойдете со мной. Я отправлюсь на площадь и объявлю горожанам, что власть переменялась!

Глава 4

На улице послышался шум — звуки бегства и паники, громкие выстрелы, проклятия и крики. То здесь, то там раздавались автоматные очереди. Родерик Вэйн, задыхаясь и обливаясь потом, пытался выбраться из мрачного кошмара. Господи, какой сон! Ужасное напоминание о мрачных временах...

Но это не сон!

В дверь заколотили — заколотили ногами. Грубый голос с южным акцентом закричал:

— А ну открывай! Открывай, зараза! Именем закона!

Раздался хохот, похожий на волчий визг. Потом наступила гнетущая тишина. Выпрыгнув из постели, Вэйн почувствовал какое-то странное спокойствие, и его удивило то, что он не дрожит, не носится по комнате в слепой панике и не бормочет невнятных оправданий.

— Ал! Карен! Поднимайтесь! — хрипло прокричал он. — Оставайтесь внутри, в задней комнате. Я выйду посмотреть, что случилось.

Вспомнив об оружии, он побежал в гостиную. Пару лет назад, когда кончились патроны, Вэйн повесил винтовку на стену как сувенир, но в былые времена ему приходилось убивать из нее людей.

«Неужели все повторится снова? — подумал он. — Господи, только не это!»

Каркасный брус расщепился и треснул. Перепрыгнув через упавшую дверь, в комнату ворвался мужчина. Увидев пистолет в его руке, Вэйн отбросил бесполезную винтовку. Он помнил такие одетые в лохмотья фигуры, этих заросших волосами мужчин, палец которых всегда на спусковом крючке. В город ворвались бандиты.

— Эй, умник, — кивнул оборванец. — Еще секунда, и я придушу тебя. Быстро на улицу.

— Что происходит? — насилуя непослушные губы, прохрипел Вэйн.

— Вываливай на улицу!

Родерик медленно пошел вперед, моля небо, чтобы бандит последовал за ним — подальше от Карен и Ала.

— Берите, что хотите, — сказал он, стараясь не сорваться и не зарыдать. — Хотите, я покажу, где лежит серебро?

В дом вбежал еще один вооруженный мужчина.

— Кто-нибудь выходил отсюда? — спросил он.

— Я только что выломал дверь, — ответил первый. — Это мой дом. Иди и ищи себе другую кормушку.

Он повернулся к Вэйну и ударил его кулаком в живот.

— Тебе же сказали — проваливай... Иди на главную площадь.

Вэйн отшатнулся, ловя ртом воздух, побрел к двери. Почти теряя сознание от потрясения и боли, он спустился по ступеням и прислонился к стене.

— Род!

Вэйн обернулся, и из его груди вырвался вздох облегчения. Выглянув из-за угла дома, Карен поманила его к себе. Несмотря на бледность, ее лицо оставалось спокойным и невозмутимым.

— С тобой все в порядке, Род? — тихо спросила она.

— Да... Да... А ты как?

— Я услышала их разговор и вылезла в окно. Только знаешь, Род... Ал исчез.

— Исчез?!

Вэйн почувствовал, как по телу прокатилась волна неконтролируемой дрожи. Ал, малыш... Пусть мальчик мутант, но прежде всего он их ребенок. Чуть позже к нему пришло понимание, и Вэйн немного расслабился.

— Просто он убежал. С ним все в порядке, Карен. Мальчик знает, где прятаться... Это знают все мутанты.

В его уме промелькнула мрачная мысль, что в следующем поколении это узнают все «чистые» дети.

— Род, что им от нас нужно? Зачем они пришли?

Оборванный бродяга погрозил им кулаком и махнул рукой в сторону площади. Они покорно побрели по улице.

— Я думаю, город захватили бандиты, — тихо сказал Вэйн.

— Бандиты?

Он почувствовал, какой холодной стала ее ладонь.

— Тогда нам надо бежать, милый! Прямо сейчас!

— Боюсь, что это невозможно, — хрипло ответил он. — Здесь действует хорошо обученная банда, и их главарь хитер как лиса. По-видимому, они пришли с юга и, пользуясь неожиданностью, перебили всю полицию... Тот человек угрожал мне пистолетом Эда Хэли — я узнал оружие по рукоятке. И они наверняка окружили город. Этот тип, который выгнал меня из дома, приказал идти на главную площадь. А значит, они перекрыли пути отхода и теперь сомкнули кольцо. — Он быстро осмотрелся вокруг. — В любом случае нам сейчас не убежать.

Они смешались с толпой ошеломленных горожан, которые испуганно шли к площади под охраной вооруженных бандитов. Многие выдернули из постелей. Голые тела прикрывали пихамы и ночные рубашки. Эта обнаженность придавала людям еще более беспомощный вид, а вялое шарканье ног дополняло картину. Захватчики действовали нагло и быстро. Они переходили от дома к дому, осматривали помещения и выгоняли сонных горожан на улицы. Все делалось жестко и без лишних уговоров.

Время от времени раздавалась стрельба, звучали короткие и резкие выстрелы, которые вскоре обрывала верная пуля, удар ножа или дубины. И лишь пара семей плотным огнем удерживала врагов на расстоянии. Но Вэйн видел, как горящие стрелы впились в крыши их домов.

Он вздрогнул, сжал руку Карен и зашептал:

— Мы должны выбраться отсюда как можно быстрее. Надо сделать все, что в наших силах. Пока их сдерживают порядок и дисциплина, но, когда город будет полностью под их контролем, начнутся грабежи, насилие и убийства. Да ты и сама знаешь.

— Если они останутся здесь, об этом узнают правительственные войска, — ответила шепотом Карен. — Пилот сказал, что мы можем считать воздушную линию открытой.

— Меня это тоже беспокоит. Бандиты должны понимать, что долго им в городе не продержаться. Зачем же тогда они пришли сюда? Почему они не грабили дальние фермы? Ладно... Поживем — увидим.

Люди группами выходили на площадь и собирались у памятника, который возвышался в центре. Их молчаливая толпа в

своей пугливой медлительности напоминала стадо коров на скотном дворе. По бокам, подгоняя людей и отпуская едкие замечания, выстроились две цепочки бандитов. Старый памятник представлял собой гранитную колонну с каменной скамьей в ее основании. На этой скамье сидел человек.

Вэйн не узнал бородатого гиганта, но Карен, сжав ладонь мужа, тихо шепнула:

— Ой, Род, это же... Хаммер! Ричард Хаммер!

— Ну да?

— Ты разве не помнишь? Он работал механиком на станции обслуживания. Мы всегда пользовались его услугами. Однажды я помяла крыло машины, и он выправил дефект так, что ты даже не заметил.

Услышав шепот, главарь поднял голову и осмотрел их лица. Народу собралось немного, и лучи раннего солнца превратили волосы Карен в ослепительно золотой ореол.

— Да это же миссис Вэйн, — прорычал он. — Как делишки, дорогуша?

— Здра... Здравствуйте.

— Смотри-ка, муженек тоже здесь. Выжил, значит. Да, Вэйн, тебе всегда везло.

Профессор раздвинул толпу плечом и начал пробираться вперед, как вдруг от приступа страха у него подкосились ноги.

— Хаммер... что происходит? — выдавил он из себя.

— Ничего особенного. Просто я захватил власть в этом городе, и вы можете приветствовать своего нового хозяина.

— Значит, вы...

Слова застряли в гортани. Вэйн с трудом подавил нарастающую панику и, переведя дыхание, сделал еще одну попытку:

— Я так понимаю, вы стали вожаком этой группы людей и привели их сюда, чтобы разграбить город. Но вы должны знать, мистер Хаммер — это вам с рук не сойдет. Нас связывает со столицей регулярная авиалиния, и правительство вскоре обо всем узнает.

Хаммер мрачно усмехнулся:

— Плевать я хотел на твое правительство. И мы не намерены оставаться здесь вечно. Я собрал народ для того, чтобы разобратся по-хорошему. Мы не хотим никого убивать. Но если тебя это действительно интересует, то слушай...

Хаммер вкратце обрисовал свой дальнейший план.

— Вы сошли с ума! — вскричал Вэйн. — Это невозможно!

— Случалось и менее возможное, мой друг. От вас до юга рукой подать, но вы зажрались и потеряли бдительность. А что тогда говорить о правительстве, которое сидит в Орегоне? Мы возьмем его голыми руками!

— Допустим, вам это удастся, мистер Хаммер. Но неужели вы не понимаете, что только усилия правительства удерживают цивилизацию от окончательного распада? Вы отбросите нас на тысячелетия в прошлое.

— Ну и что из этого? — с усмешкой воскликнул бандит и злобно сплюнул под ноги профессора. — Запомни, Вэйн — не тебе меня учить. Я уже достаточно наслушался речей о законе, порядке и человечности. Ты опоздал на пятнадцать лет. А разве не ты и тебе подобные объявили нас вне закона? Разве не вы прогоняли нас прочь, когда мы, умирая от голода, просили помощи и поддержки. Вы спровадили нас на юг, а затем, захватив себе жирные куски, заговорили о цивилизации и гуманности. Все эти годы, Вэйн, мы шли от смерти к смерти. Нас выкашивали болезни и голод. Но те, кто остался в живых, стали твердыми как сталь!

— Земля — она и на юге земля. Вы тоже могли бы осесть и вести хозяйство, — со злостью ответил Вэйн. — Кто вам мешал перебить бандитов и выращивать свой хлеб?

— Слишком много людей подалось на юг, — огрызнулся Хаммер. — На каждого фермера по тысяче горожан. И что мы могли сделать без земли, без машин и опыта? А когда народ захотел вернуться, вы показали зубы и вышвырнули нас прочь. Впрочем, я вам не судья. Вы тоже хотели жить. Но теперь, Вэйн, пришел наш черед. Так что заткнись и слушай мои приказы.

Он перевел взгляд на Карен и улыбнулся. От этой улыбки повесело лютым холодом. Он давно забыл о том, что такое радость и теплота души.

— А ты, я смотрю, все хорошеешь, — с ухмылкой сказал Хаммер. — Ах, как долго я мечтал об этом...

Площадь быстро заполнялась людьми. На лицах большинства горожан по-прежнему читалось недоумение. Многие плакали, молились и жаловались. Кто-то пытался втереться в милость к пришлым оборванцам. Остальные ругались, шептали угрозы или молча следили за ходом событий. Но все они были заложниками банды — пойманными, беспомощными и послушными жертвами.

Услышав шум, Ричард Хаммер обернулся. Не обращая внимания на падающих людей, сквозь толпу продирался всадник на лошади.

— Что случилось? — спросил главарь.

В его словах чувствовалась лихая удаля. Он победил — этот город шипел и скулил у его ног. А больше тревожиться не о чем.

— Мне кажется, у нас начались проблемы! — прокричал верховой бандит. — Там у реки... Половины отряда Джо как не бывало.

— Гм-м? Неужели нарвались на спиртное?

— Не похоже... Эй! А это что такое?

Хаммер завертел головой. Толпа закрывала ему обзор, и он почти ничего не видел. Но боги победы трубили в фанфары над его огромной косматой головой, от триумфа распирало грудь и хотелось делать какие-то глупости. Хаммер вскочил на скамью и взглянул в направлении реки. Потом усмехнулся, потом захохотал и даже завопил от радости.

— Вы только посмотрите, парни. Какой-то сумасшедший мути... Нет, вы только посмотрите на него!

Толпа немного расступилась, и Вэйн оказался в передних рядах на этом участке улицы. Его сердце гулко заколотилось о ребра. Какой-то миг он не смел поверить своим глазам. А потом из груди вырвался крик...

— Аларик!

Мальчик медленно приближался к площади. В его руках покачивалось какое-то фантастическое переплетение из проводов, катушек и трубок, которые он торопливо припаял и приварил друг к другу. Вся эта конструкция соединялась с большой катушкой кабеля, привязанного к спине мула. Кабель тянулся вдоль улицы и уходил куда-то вдаль — скорее всего к электростанции.

Но зачем это Алу? Ценный кабель считался неприкосновенным и предназначался для электрификации аэропорта. А эти детали из дорогих и редких приборов? Зачем он их только трогал... И для чего? Для чего?

— Эй, гаденыш! — глумливо закричал Хаммер. — Что ты там тащишь?

Аларик молча приближался. Его тонкие черты лица исказились от напряжения. Странные синие глаза искрились, как кристаллики льда, и в них не было ничего человеческого. Приподняв свою ношу, он поворачивал пару дисков.

— А это, случайно, не оружие? — тревожно спросил бандит, срывая винтовку с плеча.

— Нет! — закричал Вэйн и сделал неловкий прыжок.

Хаммер небрежно нанес удар, сбивая профессора с ног.

Бандит прижал было приклад к плечу, но, так и не закончив движения, вдруг начал падать с лошади. Вэйн неуклюже перевернулся на спину и, стряхнув с себя зыбкую пелену ужаса, увидел, как тело мужчины взорвалось.

Падавшего бандита окутало облако белого пара; кости, плоть и череп с треском разлетелись в стороны, а потом сверкнула ослепительная вспышка. Винтовка, раскаленная до вишнево-красного цвета, отлетела к стене дома. Детонация патронов превратила ее в полоску сладковатого дыма. Но еще до того как останки упали наземь, по периметру площади пронесся светло-

синий луч, и там, где стояли вооруженные бандиты, в небо взвились столбики пара, черный дым и кровавые клочья.

Крики горожан переросли в рев голодной стаи. В нем смешался ужас и триумф. Люди набросились на уцелевших бандитов. Рассвирепевшая толпа тянула тысячи рук, заострившие пальцы впивались в тело, глаза и волосы. Некоторым оборванцам повезло — их просто забили до смерти.

Хаммер взревел и оттолкнул подбежавших людей. Лошадь, потерявшая всадника, встала на дыбы. Отбиваясь от наступавших смельчаков, Хаммер пробился к испуганному животному. Он вскочил в седло, проревел проклятие и пустил коня в галоп. Горожане разбежались в стороны — подальше от копыт.

Ему почти удалось уйти. Хаммер был на краю площади, когда человек, брата которого убили бандиты, метнулся навстречу, схватил лошадь под уздцы и повис на ней. А затем около дюжины мужчин взяли главаря под стражу.

Несколько бандитов убежали, а остальных, уцелевших в кровавой бойне, повесили тем же вечером. Никто и слова не сказал о суде, присяжных и обвинении. Хаммер попросил не завязывать ему глаза, и его просьбу исполнили. Вокруг него сустились люди — кто-то пристраивал на шее веревку, другие тащили табурет. А он смотрел на сиявшую под солнцем реку, на поросшие лесом холмы, на прекрасные широкие поля, обещавшие хороший урожай.

Вэйн не участвовал в казни. У него хватало своих проблем.

Глава 5

После праздника, банкетов и речей город приступил к восстановлению оборонительных рубежей и укреплению сил безопасности. В то же время в доме Родерика Вэйна состоялось некое подобие заключительной конференции. Он и Карен устроились у камина, смущенного и напуганного Аларика усадили напротив. Здесь же присутствовал представитель правительства — худощавый интеллигентный мужчина, который выглядел гораздо старше своих лет. Его звали Робертом Бойдом, и он являлся доверенным лицом самого президента. В углу, до половины скрытый тенью, лежал косматый пес, похожий на троля. Он не сводил с чужака угрюмых красных глаз и изредка издавал предупреждающее рычание.

— Вы уже слышали официальный отчет, — сказал Вэйн. — Аларика считают ученым-самоучкой. Горя желанием уничтожить бандитов, он не только изобрел новейшее оружие, но и сделал его. Жители города стольким ему обязаны, что никто не обратил внимание на Попа Хэнсома — сторожа электростанции. А ведь

мальчик обошелся с ним довольно грубо. Хотя люди привыкли ожидать от гениев каких-то странностей.

— Должен признаться, со многими из них все так и есть, — слегка усмехнувшись, ответил Бойд.

— И все же в случае с Алариком нельзя говорить о странности и эксцентричности. Я согласен, это просто прекрасно, что он сохранил жизни многих людей. Налет бандитов показал нам, чего могут стоить благодущие и беспечность. Но истинная ценность события в другом. Люди поняли, что мутанты представляют собой неотъемлемую часть общества и их уникальные качества могут принести огромную пользу. — Вэйн тяжело вздохнул и почесал подбородок. — Однако вы должны знать, что Ал не гений и не ученый-самоучка. В данной ситуации он вел себя как настоящий слабоумный.

— Но изобрести такой аппарат...

— Да, теперь все называют его чуть ли не Робин Гудом. Ах, как мило — создавая оружие, он работал всю ночь, а потом рисковал жизнью и спасал добропорядочных граждан. Ради этого можно простить небольшое насилие и воровство. Однако Аларик рассказал мне, что за несколько часов до нападения его предупредила собака — именно поэтому он и отправился на электростанцию. Неужели вы не понимаете? Если бы мальчик сообщил об этом мне или полицейским, город мог бы подготовиться к набегу бандитов. Мы ликвидировали бы их плохо вооруженные группы, не потеряв при этом ни одного человека.

Ошеломленный Бойд поднял голову и взглянул в пустую синеву огромных глаз Аларика.

— Почему же ты... этого не сделал? — тихо спросил представитель президента.

Мальчик повернулся к нему, медленно сосредоточиваясь. Его лицо сморщилось от усилий. Он должен... За день до этого отец говорил, что надо отвечать на такой вопрос. Ах да...

— Я... не... д-додумался, с-сэр, — неуверенно произнес он.

— Ты не додумался? Этого просто не может быть!

Бойд изумленно всплеснул руками и обратился к Вэйну:

— Простите меня, но в таком случае ваш мальчик — безумный гений.

— Нет, — мягко ответила Карен. — Вернее, не в обычном смысле слова. Вы имеете в виду людей, которые, проявляя гениальность в чем-то одном, слабоумны во всех других отношениях. Я учила в школе детей и немного знаю психологию. Вчера Ал заполнил несколько тестов, с которыми я работала когда-то на занятиях, — вопросы науки, навыки в механической сборке, ускоренное чтение, понятливость. Результаты поразительны — что гениальность распространяется на слишком многие сферы.

— Тогда вы загнали меня в тупик, — сказал Бойд. — Кто же он, по-вашему?

— Мутант, — ответила Карен.

— А как насчет оружия?

— Аларик пытался объяснить мне его устройство, но мы не поняли друг друга, — признался Вэйн. — Тот экземпляр сгорел от перегрузки и превратился в кучу расплавленного хлама. После осмотра тех деталей, которые мне удалось собрать, можно сделать вывод, что оружие проецировало мощный луч очень сложной волновой структуры и этот луч вызывал резонанс в каких-то важных органических соединениях. Расщепление молекул и телесных коллоидов высвободило потрясающую энергию, которая привела к разрушению тел. Знаете, я даже рад, что не разбираюсь в этом. В мире и так слишком много оружия.

— Гм-м, как официальное лицо я не согласен с вами. Но, честно говоря, мне тоже по душе такой исход. В любом случае изобретатель по-прежнему с нами... Наш маленький гений.

— Для создания таких изобретений необходимо нечто большее, чем гениальность, — ответил Вэйн. — Человек не может не ошибаться. Нельзя воплотить идею в металл сразу и до мельчайших подробностей — пусть даже вам дана вся необходимая документация, книги, справочники и тексты. Я знаю, что характеристики циклов и физические постоянные Аларик взял из квантовой механики. Но и величайший гений в мире потратил бы несколько месяцев, а то и лет, разрабатывая теорию и аналитические предпосылки. Потом потребовалось бы время на реализацию идеи, появилась бы масса неучтенных, но взаимосвязанных мелких факторов. Он шел бы от одной ошибки к другой. Чтобы освоить инженерный процесс и отладить его до винтика, пришлось бы построить десятки моделей, провести сотни проб и экспериментов. — Вэйн откашлялся и подвел итог: — Несмотря на бессвязную речь, Аларик рассказал мне очень интересную вещь. Самым трудным для него в тот момент оказался выбор действия. Он не знал, как действовать при встрече с опасностью. Когда же мальчик решил остановиться на оружии, ему потребовалось две минуты, чтобы разработать проект этой дьявольской машины. И хотя детали не во всем отвечали необходимым требованиям, его первая модель была почти совершенной. Он просто знал, как и из чего ее собирать.

Бойд заставил себя расслабиться. Он вдруг понял, что боится смотреть на эту маленькую большеголовую фигуру. В нем проснулся древний страх — страх человека перед неизвестным.

— Но как это ему удалось? — вяло поинтересовался он.

— Мы с Карен провели целое расследование, и то, что рассказал нам маленький Ал, позволяет сделать кое-какие пред-

положения. Они довольно странные, поэтому их можно объяснить только иносказательно. Но сначала я попрошу вас ответить на один вопрос. Скажите, как думает человек?

— Как думает? Ну... он думает... логично. Человек следует нити логики.

— Вот именно! Нити! — воскликнул Вэйн. — Его разум опутан цепями логики. Вся наша психическая деятельность, начиная с математики и кончая эмоциональными переживаниями, пронизана логикой. Мы думаем, переходя от предпосылок к выводу. Одно ведет к другому — по шагу за раз.

Огромные успехи физики и математики объясняются тем, что эти науки имеют дело с простейшими концепциями, которые затем упрощаются еще больше. Например, три закона Ньютона о движении не предполагают, что на тело действует огромный спектр различных взаимозависимых сил. Физика ограничивается только одним набором воздействия, причем его составляющие рассматриваются по одной за раз, словно они независимы друг от друга. На самом деле в природе таких случаев не существует. Всегда будет трение, гравитация, радиация, какие-то иные влияния и помехи. Физику спасает только то, что внешние воздействия, как правило, невелики и ими можно пренебречь.

Вэйн чувствовал себя до странности хорошо и радостно. Он снова мог читать кому-то лекцию. У него опять были слушатели, которые ловили каждое его слово.

— Давайте разберем частный случай. Вам известна проблема двух тел в астрономии? Итак, даны два тела; массы, скорость и расстояние известны. С помощью законов движения и гравитации нам надо определить их положение в любой момент времени, как в прошлом, так и в будущем. Эта задача решена давным-давно. Ученые считают ее элементарно простой. Но вот с проблемой трех небесных тел происходит совершенно другая история. При трех наборах взаимозависимых сил задача оказалась настолько сложной, что общего решения так и не нашли. Как мне известно, рассмотрено лишь несколько частных случаев. А что тогда говорить о взаимодействии многих тел?

В контексте биологических наук упрощения вообще недопустимы. В психологии и социологии все факты должны рассматриваться в совокупности. Живой организм — это неописуемо сложный набор взаимодействий, начиная с самого низкого субатомного уровня и кончая великим многообразием Вселенной, частью которой он является. И в подобном случае одноцепочечные аналитические методы не действуют. Несмотря на поддержку мощных статистических систем, эти науки почти целиком эмпиричны, а социология пока так и не оправдала своего названия.

Давайте возьмем предыдущий пример. Если мне предстоит решить задачу о взаимодействии трех тел, я должен сначала рассмотреть особый случай, где одно из трех тел имеет нулевую массу. А теперь представьте, что мы с вами анализируем влияние южноазиатской внешней политики на внутренние дела Америки в довоенные годы. Разве мы можем игнорировать обратный случай или пренебрегать существованием других стран мира? Но эта сеть взаимоотношений постоянно меняется, и мы должны мгновенно оценивать каждое из таких изменений. Ни одна из существующих символических систем не приспособлена к подобному виду деятельности. Таким образом, любой полученный нами результат будет качественным по своей оценке, а не количественным и предсказуемым. Вы понимаете ход моих рассуждений?

— Кажется, понимаю, — ответил Бойд. — Но ведь и обычные люди могут одновременно думать о двух и более вещах.

— Да, могут, — согласилась Карен. — Мы можем рассматривать это как пример разделенного внимания, где каждая часть ума следует своей собственной нити рассуждения. Вполне нормальное явление, хотя, будучи доведенным до крайности, оно перерастает в шизофрению.

— Так, значит, вы меня поняли, — удовлетворенно сказал Вэйн. — Видите ли, у наших обезьяноподобных и человекообразных предков не было надобности рассматривать мир как целое. Они имели дело только с непосредственным окружением и сиюминутными событиями. Конечно, у каждого из нас есть способность к совокупной оценке ситуации, но мы ее почти никогда не используем. Существует такой школьный тест, где ребенка просят визуализировать в воображении ряд кирпичей, которые не касаются друг друга. В среднем нормальные дети говорят о шести-семи кирпичах. Аларик утверждает, что может видеть любое число, и я ему верю. Я верю ему, потому что он мутант.

— Видимо, сказались какие-то изменения в структуре мозга, — добавила Карен. — Рентгеновские лучи не показали физической патологии, и я думаю, что мутация скорее всего затронула тончайший уровень клеток.

— Ал вообще не думал, когда изобретал оружие, — сказал Вэйн. — Вернее, не думал в обычном смысле слова. Научные принципы, законы и параметры соотнесены в его сознании с координатами какого-то внутреннего пространства. Поставив перед собой задачу, он свел координаты вместе и получил ответ. Очевидно, клетки человеческого тела резонируют на определенные волновые формы. Ал подытожил необходимые и создал оружие, которое могло воспроизвести такую частоту. И хотя это тоже работа ума, она не имеет никакого отношения к тому, что мы называем размышлением. Для него такие действия просты и

почти элементарны, тем не менее он не додумался предупредить людей о бандитах или обратиться за помощью.

— Теперь мне все ясно, — воскликнул Бойд. — Основой наших рассуждений являются цепи логики, а его процесс мышления имеет какое-то подобие с решетчатой структурой.

— Да, что-то в этом роде.

— Мистер Вэйн, вам не кажется... что мы тоже способны на такое?

Бывший профессор математики задумчиво потер подбородок.

— Честно говоря, не знаю, — ответил он. — Разум во многом зависит от обучения и воспитания, то есть от культуры и окружающих людей. Можно сказать, что гении и слабоумные проявляют здесь большую самостоятельность. В каком-то отношении они тоже мутанты. История знала многих людей, которые имели склонность к пространственному осмыслению проблем — например, Юлий Цезарь, Наполеон или Никола Тесла. Как математику, мне часто приходилось сталкиваться со сложными вариациями данных. Возможно, это тоже как-то повлияло на Ала. Но лишь мутация могла создать абсолютно новое качество, для которого, по всей вероятности, понадобился новый набор генов. Мы не знаем, насколько огромны или ничтожно малы возникшие изменения. Ясно одно — это мутация.

Несмотря на многовековую приверженность людей к линейной логике, мы можем заметить в нашей культуре некоторые зачатки пространственного мышления. Например, ученые-семантики имеют свой нон-элементарный принцип; физики и математики отдают предпочтение объединению в целое и лишь изредка пользуются операциями присоединения. Прекрасным примером может служить обобщенное исчисление векторов и тензоров. Но знаете, чего здесь не хватает? Естественности! До этих вещей доходили медленно и упорно — в течение многих столетий.

Ал родился таким. Он от рождения обладал пространственным мышлением. Но, как и в случае других мутантов, этот дар сопутствовал потере других качеств, в том числе и потере простой прямолинейной логики людей, которая ему абсолютно не свойственна. Он не гений. Он ребенок — пусть даже с пространственным мышлением. Ему не понятны принципы логики, но он лучше других разбирается в вопросах нон-элементаризма. Я убежден, что мы можем научить Ала другому типу мышления, но вряд ли он освоит его выше элементарного уровня.

— Тут есть еще одна тонкость, — добавила Карен.

Ее взгляд задержался на сиявшей лампе, которую включили сегодня в первый раз за шестнадцать лет.

— Род прав, — при правильном обучении Ал может усвоить основы логики. По крайней мере, он будет понимать людей и

общаться с ними. Его вид мышления не имеет отношения к простым проблемам повседневной жизни. Но мальчика можно научить справляться с ними так же, как мы обучаем нормальных детей неестественным делам типа алгебры и физики. Может быть... Может быть, потом он тоже научит нас каким-то непостижимым вещам.

Бойд кивнул и покашлял.

— Я думаю, это вполне возможно, — сказал он. — В столице есть психиатры, логопеды и другие специалисты. Кстати, доктор Вэйн, если бы мы знали о вашем ученом звании, вас давно бы уже пригласили в наш научный центр. И отныне можете считать, что вы получили такое приглашение. Обучив Аларика общению с людьми, вы могли бы привлечь его к своей работе и создать новую биологическую или социальную математику. И, может быть, тогда нам удалось бы построить первую в истории разумную цивилизацию.

— Мне очень хотелось бы надеяться на это, — прошептал Вэйн. — И я верю, что это возможно. Спасибо, мистер Бойд. — Он устало улыбнулся: — Послушай, Карен, ты все-таки получила своего супермена — величайшего гения, которого когда-либо видел мир. Если ему сейчас не создать тепличных условий для роста и не обучить основам логического мышления, он просто не выживет в нашем мире. Боюсь, что этот тип суперменов не будет отличаться большой выживаемостью.

— Знаешь, Род, — шепотом ответила Карен, — пусть он не такой, как все, но он наш сын.

Она погладила мальчика по голове, и тот застенчиво улыбнулся.

ДЕТИ ФОРТУНЫ

*Вот мы пришли к палатам конунга,
Мы обездолены, отданы в рабство;
Холод нас мучит, и ноги ест грязь,
Мы жернов вращаем: нам плохо у Фроди!*

*В руки бы дали крепкие древки,
Мечи обгаренные! Фроди, проснись!
Фроди, проснись, если хочешь ты слышать
Старые песни и древние саги!*

*От палат на восток я вижу пламя —
То весть о войне, знак это вещий;
Войско героев скоро придет,
Князя палаты пламя охватит.*

*Ты потеряешь Хлейдра престол,
Червонные кольца и камень волшебный.
Девы, беритесь за рукоять жернова —
Нам здесь не согреться кровью сраженных.**

Песнь о Гротти (примерно 10 в. н. э.)

Глава 1

Стрела вылетела из-за кустов так неожиданно, что Колли заметил ее в самый последний момент. Он рефлекторно отпрыгнул, и стальной наконечник с тупым звуком впился в дерево. Второй прыжок вознес его на двенадцать футов вверх — туда, где кипело море листвы и солнечного света. Пальцы уцепились за ветвь. Колли подтянулся и перекинул ногу через сук. Прильнув к коре, он перевел дыхание и посмотрел вниз.

Из густой поросли вышли двое мужчин, одетых в старые потрепанные джинсы и рубашки из дубленой оленьей кожи. Босые ноги мягко ступали по лесному ковру. Оказавшись на поляне, они начали изумленно озираться вокруг. Первый — крупный индеец с седыми волосами — выглядел слишком старым для мути, но второй — молодой, возможно, лет шестнадцати — имел на каждой руке по три пальца. У парня был лук, старик держал копье, и у обоих за поясами виднелись ножи.

Колли знал, что от них так просто не уйти, но времени на прятки не оставалось. Он прыгнул вниз и, падая, выдернул из ножен короткий меч. От удара о землю заныли ноги и клацнули

* Перевод с древнеисландского А. Корсуна.

зубы. Одним быстрым движением он вонзил лезвие в живот лучника.

Юноша закричал, выронил оружие и, удивленно моргая, вцепился руками в кровавую рану. Его спутник отступил на шаг и взмахнул копьем. Острый наконечник разорвал рубашку и оцарапал плечо. Вырвав меч из оседавшего тела, Колли отбежал шагов на десять. Глаза индейца удивленно расширились. Он выставил копые перед собой и приготовился к обороне. Колли, пританцовывая, обошел вокруг него, выискивая слабое место. Индеец издал свирепый клич и, подзадорив себя, метнул копые. Он вложил в бросок все свое мастерство и все свои силы, но Колли успел увернуться.

Верткий соперник пригнулся к земле, стремительно бросился вперед и вонзил меч в грудь старика. Индеец потянулся за ножом, вяло занес его для удара, но Колли без труда отвел руку в сторону и, слолив сопротивление, закончил бой. Ему не понравилось убивать и еще больше не понравилось смотреть, как умирают люди.

Он вытащил клинок из тела и, переведя дыхание, склонился над поверженными врагами. Удары сердца гулко отдавались в ушах. Колли резко выпрямился и прислушался. На фоне ровного шелеста листвы до него донесся далекий трескучий хохот сойки. Сквозь кроны деревьев проглядывало небо, которое казалось неописуемо голубым на зеленом полотне лесного свода. Огромное царство теней и солнечного света наполняли таинственные шорохи и неясные очертания, но людей поблизости не было — это Колли знал наверняка.

Он медленно воткнул меч в землю, а затем протер его ладонем. В душе разрасталась тревога. Когда же они последний раз сражались с мародерами? Почти три года назад. Неужели где-то недалеко остановилась крупная банда? Или он просто столкнулся с парой заблудившихся странников? Теперь об этом не узнать. Его противники лежали на земле, их невидящие глаза смотрели в никуда, а на ранах уже жужжали мухи.

Колли поежился. Прежде ему не доводилось убивать людей. И у него даже не возникало такого желания.

«Интересно, — подумал он, — вырвет меня после этого или нет? А впрочем, какая чушь. При чем здесь рвота? Теперь они только мертвые тела на упавшей листве, и скоро земля приберет их к себе, оставив лишь белые кости». Эти люди означали для него опасность. Они тайли зло. Они могли оказаться бандитами. Он должен рассказать о них городу и как можно быстрее.

Колли поднял оружие и осмотрел ножи. Грубый примитив — холоднаяковка из стальных полос. Лук и стрелы сравнительно хорошие, но у них в городе такие вещи делали гораздо лучше.

Однако кузнец может взять их на перековку, и тогда Колли перепадет цент, а то и два. Колли сунул ножи за пояс, забросил колчан за спину и поднял копье. Короткий меч мягко вошел в кожаные ножны.

Честно говоря, отправляясь на эту прогулку, он хотел лишь отыскать логово рыси. В прошлом месяце она несколько раз забиралась в овчарню, и с тех пор ее поисками занимались лучшие охотники города. Зверь почти не оставлял следов и казался слишком ловким для обычного животного — тоже, наверное, мути. Но теперь с рысью можно подождать.

Колли отвернулся от мертвецов и быстрой трусцой направился в сторону дома. Ему предстояло одолеть около десяти миль, а это почти час пути. Деревья теснились плотной стеной, но он без труда находил дорогу.

Ноги тихо ступали по мягкому грунту. Мышцы напряглись, чувства обострились до предела. Здесь могли скрываться чужаки. Но Колли не боялся их. Он мог бы уйти от любого преследования.

Высокий древний лес тянулся вдоль западных откосов Реки Далеких Ветров и уходил в неизвестные дали. Колли сбежал в лошину и свернул на северо-запад. Рыхлая почва приглушала звуки шагов; кусты недовольно похрустывали, когда он продирался сквозь них; над головой шелестел высокий свод ветвей. Пятна солнечного света и лесные тени сплетали дивные узоры, которые можно увидеть только раз в жизни, а сиреневый мрак впереди казался центром вечности.

Колли бежал, сохраняя ровное дыхание. Недавно ему исполнилось двадцать четыре года... а может быть, двадцать три или двадцать пять — этого точно никто не знал. На первый взгляд он ничем не отличался от обычных людей. Домотканая одежда скрывала странное телосложение, а смуглое вытянутое лицо выглядело довольно симпатичным. Но при пристальном осмотре в глаза бросались слишком уж длинные ноги, короткое тело и мощная широкая грудь. Это едва заметное нарушение пропорций придавало ему забавный и немного игривый вид.

Дорогу перебежал пушистый упитанный кролик. Колли почти не разглядел его, но все же заметил, что у зверька нет привычных длинных ушей — большие, круглые, похожие на блюдца уши придавали ему сходство с мышью. И был ли у него хвост?

Впрочем, удивляться нечему. Из всех живых существ, которых видел Колли, добрую половину составляли мутанты. Хотя по-настоящему уродливые мути встречались только среди людей. В животном царстве слабаков ожидала смерть. Колли привык оценивать жизнь по стандартам своего поколения, и эти стандарты во многом отличались от взглядов «прежних дней».

Выбравшись на длинный пологий склон, который уходил к далекой реке, он быстро преодолел три мили открытого пространства. Когда-то здесь бушевал лесной пожар. Старики говорили, что после войны пожары пылали годами и их никто не тушил. Леса отступили, обнажив клинья выжженной земли. И лишь теперь они начинали понемногу возвращаться на прежние границы. А вот люди ушли навсегда. По всей округе осталось чуть меньше тысячи жителей.

На середине склона показалась серая полоска магистрали. Она потрескалась и заросла травой. Весенние ручьи прорыли в ней каверны провалов. Интересно, как выглядели эти места до войны? Старики рассказывали о бесконечных потоках машин, но Колли не представлял себе такой картины.

Погорелую пустошь заполняла новая поросль. Колли заметил молодое деревце, которое отличалось от всего, что он видел раньше. Длинные, как у ивы, ветви зеленели широкими разлапистыми листьями папоротника. А вот на этой поляне он проводил в детстве долгие часы, отыскивая четырехлистный клевер. В прежние дни четвертый листик считался чудом, приносившим счастье. Теперь это обычное явление, однако счастья в мире не прибавилось.

По другую сторону пожарища начинались пахотные земли. Колли отыскал узкую тропу, которая петляла среди полей пшеницы. Пробежав чуть больше мили, он заметил неладное. В такое время на землях коммуны обычно работали люди. Но сегодня на всем пути через поля он не встретил ни одного человека.

Ни одного!

Неужели на город напали бандиты?

Сердце громко заколотилось, и он побежал изо всех сил. Тропа раскручивалась бесконечной лентой, солнце припекало, и ветер шептал колосьям о своей любви. Высоко над головой звенели птичьи трели. Старые мокасины взбивали фонтанчики пыли. Колли начал задыхаться, но не потому что бежал, а от испуга.

Боже на небесах, неужели это действительно бандиты? Неужели они опять напали на их город? Со старых времен дошло немало историй, но кое-что он запомнил и сам — грабежи, поджоги и крики детей, утопавшие в лающем хохоте. Там, в его памяти, бушевало пламя и расплзался дым, чернели развалины и белели черепа. Господи, только не это!

Он взобрался на вершину холма и испуганно осмотрел поселок. Тот мирно нежилсЯ на солнце, разбросав в стороны полоски некрашенных домов. На пустынных улицах стояло несколько фургонов, у столбов топтались привязанные кони. Колли облегченно вздохнул.

Но где же люди?

Торопливо сбежав вниз, он оказался на окраине города. Несколько лет назад убрали частокол, но крайние дома по-прежнему служили линией укреплений. Так и не встретив людей, Колли свернул на главную улицу, вспугнув ненароком двухвостого кота. Приблизившись к центру, он услышал шум голосов и громкие крики. Каким бы ни было событие, собравшее народ на рыночной площади, в мерном ропоте толпы не чувствовалось паники и тревоги. Он облегченно улыбнулся и обогнул последнее здание.

Широкая площадь бурлила людьми. Сюда пришли все жители города — от мала до велика. Взгляд Колли пробежал по фигурам бородатых мужчин, одетых в свободные куртки охотников и пахарей. Кое-кто имел при себе винтовки; вооружение остальных составляли ножи и короткие мечи. Тут же мелькали цветастые платья и самодельные шляпки женщин. Среди взрослых сновали дети — кто в одежде, кто без нее. Он видел такую картину сотни раз во время общих сходов. Но теперь в ней появилось нечто новое. Его взгляд застыл на незнакомой машине, вокруг которой толпились люди.

В лучах вечернего солнца большой металлический предмет казался сияющей стрекозой. Над толпой протянулись длинные тонкие крылья... Нет, лопасти! И это вертолет! О, Боже, вертолет!

Колли осмотрелся и, заметив рядом пятнадцатилетнего парня, схватил его за руку:

— Эй, Джо, что здесь происходит?

Мальчишка повернул к нему возбужденное лицо.

— Колли, где ты был?! — задыхаясь от восторга, закричал он. — Вот здорово! А они там тебя все ищут.

— Меня? — Колли удивленно отступил на шаг. — Ты шутишь, Джо?

— Да-да, тебя и никого другого. Эти люди прилетели из Орегона. Они выполняют правительственное задание. И их главный сказал, что он ищет прыгуна, о котором они слышали в соседнем городе...

Колли не стал больше ждать и начал медленно пробираться сквозь толпу. Джо с тоской посмотрел ему вслед и налег на колеса своей примитивной коляски, пытаясь найти место, с которого открывался бы лучший обзор. Ему не повезло — он родился без ног.

Глава 2

У вертолета стояли двое мужчин. Пилот оказался худым молчаливым парнем в военной форме. Из кобуры на его поясе выглядывала рукоятка автоматического пистолета. Второму перевалило за сорок, хотя он выглядел намного старше. Его фигуру облегал строгий изысканный костюм. И неизвестно, что больше

вызывало восхищение у горожан — одежда чужаков или чудесная воздушная машина, которая могла парить под самыми небесами. Судя по возгласам и взглядам, предпочтение все же отдавалось одежде. Плотный эластичный материал, его высочайшее качество, цвета, вырезы и невидимые швы — все это казалось абсолютным совершенством для молодежи и пробуждало милые, почти забытые воспоминания у стариков. В их поселке давно уже не видели довоенной одежды, а та, что когда-то имелась, превратилась теперь в оборванное тряпье.

Солнце клонилось за вершину горы. В окнах начинали зажигаться свечи. Теплый ветер раздувал густые тени и гнал их вниз по склонам тихих печальных холмов. Из бескрайнего леса донесся слабый крик совы, а чуть позже раздался унылый вой одичавшей собаки. Ночь и тишина вступали в свои права.

Вполне естественно, что прием почетных гостей проводили в доме мэра. По такому случаю в длинной мрачной столовой зажгли камин, и веселый огонь, потрескивая, бросал дрожащий свет на тусклые картины, клыкастые пасти чучел и скудную корявую мебель. Старшие дети сустились вокруг стола, подавая блюда. На домотканую скатерть выставляли рыбу, оленину и суп, картофель, черный хлеб, масло и самый лучший сидр, который нашелся в городе. Жена мэра — необъятная, рыхлая ворчливая карга — на глазах превратилась в смиренное радужное создание и в присутствии дородного мужа за весь вечер не произнесла ни одного худого слова. Колли чувствовал себя ужасно неловко — о нем еще никогда не говорили так много. Праздничная одежда сжимала горло и грудь. Он робко сидел на краешке стула и покорно слушал мэра Джонсона.

— Да, джентльмены, мы неплохо устроились. Лет пять после войны жизнь казалась сплошным кошмаром, но, как я слышал, такое творилось везде. В ту пору поселок совсем опустел. Многие из нынешних жителей пришли сюда позже. Мы даже приютили несколько вражеских солдат, которые годами скитались вокруг, выпрашивая хлеб и одежду. По совести говоря, они оказались неплохими ребятами. Мы поднакопили оружия и силы, дали отпор бандитам, отогнали дикое зверье и снова начали растить зерно. Пасли скот, охотились — да вы и сами знаете. Пришлось переходить на все свое. Мы ведь до сих пор так живем, хотя и ведем небольшую торговлю с другими поселениями. Случалось, и беда приходила — то засухи, то ливни, то мор, то недород. А однажды всех наших овец слизнула какая-то чертова болезнь — наверное, одна из тех, которую занесли при бомбежке.

— Вряд ли, — ответил правительственный посланник Темпл. — Те искусственные бациллы свирепствовали недолго. Я думаю, во

всем виновата мутация какой-нибудь обычной болезни. Такое, знаете ли, происходит время от времени.

— Одним словом, Господь защитил наш маленький город. В общем-то жить можно. Хотя, откровенно говоря, нужда большая, и во многом. Как бы там ни было, мы заботимся о наших мути. В других местах этого нет, я знаю, — мрачно добавил он.

Темпл вздохнул:

— Вы правы. Кое-где еще убивают детей. Недавно по стране прокатилась волна мятежей. Мутантам устраивали погромы. Но это ничего не изменит. Новое поколение имеет право на жизнь. И вскоре мы станем свидетелями зарождающейся расы. Ход событий можно замедлить, но сам процесс уже необратим.

— А мы долго голову не ломали, — сказал Джонсон. — У нас для каждого нашлась работа. Глупые мути роют землю, собирают жуков на полях или валят лес. Уродики работают ткачами, плотниками и тому подобное. У нас тут родилась девочка без глаз, так из нее получилась портниха — лучше некуда.

— Я рад за вас, — прошептал Темпл.

— Здесь почти нет моей заслуги, — сказал Джонсон, раздуваясь от гордости. — Просто нам не нравится то, что происходит в других местах. Мы решили придерживаться демократии. Люди зовут меня мэром, но я тут что-то вроде судьи, председателя на городских собраниях или вожака во время стычек с бандюгами. Вот и все.

— Кстати, Колли... Э-э, Джим, — добавил он, — можешь не беспокоиться о тех дикарях, которых ты сегодня встретил. Я послал наших следопытов, и они не заметили никаких признаков боевого отряда. Скорее всего это была просто пара бродяг.

Темпл печально улыбнулся.

— Мистер Коллингвуд, мы едва не совершили свое путешествие зря, — сказал он. — Если бы вас убили...

Колли почесал ногу, поерзал на стуле и виновато отвел глаза.

— Вы еще не объяснили, зачем вам понадобился наш парень, — заметил Джонсон. — Я-то надеялся, что вы прилетели наладить регулярную связь, торговлю и воздушное сообщение... Черт, мы даже не голосовали на выборах.

— Зато вы не платите налогов, — ответил Темпл. — А это в наше время не так и плохо. Конечно, мы ведем работу по восстановлению и объединению страны. И к вам обязательно прилетят наши сотрудники. Но, по правде говоря, вы прекрасно обошлись бы и без цивилизации.

Мэр прищурился и внимательно осмотрел собеседника. Жизнь научила его уму и терпению.

— Мне не совсем ясны ваши намеки, сэр, — проворчал он.

— Хорошо, не будем темнить, — ответил Темпл. — Мне очень понравилось ваше отношение к мутантам, и я могу сказать вам правду. Но мои слова должны остаться в пределах этой комнаты.

— Можете быть в этом уверены, — заверил его Джонсон.

Он взял из корзинки огромное яблоко и впился в него зубами.

— Наша скороспелка. Не хотите попробовать? Мутационная порода с запахом каштана.

Темпл покачал головой и начал рассказ:

— Страну опять захлестнуло насилие. Многие люди относятся к мутантам со страхом и отвращением. Это не раз приводило к убийствам, судам Линча и ужасным расправам. Я уверен, что вам тоже известны такие истории. Мы пытаемся восстановить порядок, но у нас не хватает людей и ресурсов. Нам просто не вытянуть организацию полиции на всем континенте. Основная доля средств идет на воссоздание индустрии в наиболее перспективных регионах страны. Остальные территории находятся на голодном пайке, и люди там едва сводят концы с концами. От Юкатана до Рио-Гранде разбросано несколько тысяч мелких поселений, похожих на ваш городок. Война их почти не коснулась, но развал экономики и транспортных систем отрезал людей от мира. Выжили те, кто вернулся к сельскому хозяйству и обеспечил себя собственными ресурсами. Многим из них угрожают хорошо вооруженные банды, и некоторым городам приходится содержать свои армии. Сначала мы помогали им всем, чем могли. И у правительства хватило бы средств на дальнейшие поставки. Однако мы свернули субсидии, оставив несчастных на произвол судьбы.

В комнате воцарилась тишина. И только в камине весело потрескивали дрова.

— Но почему это происходит? — спросил Джонсон.

— Потому что по всей стране начались убийства мутантов, и правительство не может сдержать эту вспышку социальной истерии. Однако история показала, что при угрозе извне поселения забывают о внутренних раздорах и тогда начинают ценить каждого человека — мутант он или не мутант. При виде врага люди вдруг понимают, что им невыгодно проводить дискриминацию своих сограждан, поскольку для работы и сражений нужна каждая пара рук. Да, мы оставили города без поддержки. Но люди перестали устраивать погромы. И мутантов все чаще принимают в общество.

Джонсон мрачно откашлялся. Ему не понравились слова столичного гостя — в некотором роде они звучали как оскорбление.

— Если вы уже поели, джентльмены, мы могли бы перейти в гостиную, — холодно произнес он.

До войны этот дом принадлежал зажиточной семье, но время прошло по нему своими жерновами. На голых стенах виднелись грязные подтеки, пол трещал, а старая покосившаяся мебель несла на себе следы неумелой починки. Единственной хорошей вещью было резное кресло. Темпл замер, завороченно разглядывая бесподобное произведение искусств.

— Какое мастерство, — прошептал он.

— Это сделал наш одноглазый Билл, — немного успокоившись, ответил Джонсон. — Тоже мути... На вид настоящий циклоп, но с деревом ладит, как Бог.

Темпл предложил ему сигарету, и враждебность мэра тут же рассеялась. Он с благоговением принял подарок.

— Господи! Табак! — прошептал растроганный хозяин. — Я не видел его лет десять или двенадцать. Впрочем, тогда мне всучили какую-то дрянь.

— Боюсь, нам до сих пор не удалось добиться довоенного качества, — с улыбкой ответил Темпл.

Он повернулся к Колли, который робко сидел в углу.

— Мы прилетели за вами, мистер Коллингвуд.

Юноша покраснел от смущения и усилием воли заставил себя заглянуть в глаза Темпла.

— Зачем? — спросил он.

— Это долгая история, — ответил чиновник. — Мы хотели бы взять вас в Тейлор... в столицу.

— О-го-го...

— Если вы только сами захотите, — поспешно добавил Темпл.

— Но...

— Послушайте, мистер Коллингвуд, мне говорили о вас как о мутанте с удивительными способностями.

— Нет, это неправда, — забормотал Колли, нервно сжимая дрожащие руки. — Я просто бегаю быстрее других... прыгаю довольно высоко и, если надо, задерживаю дыхание. Вот и все.

— Этого достаточно! У вас нет проблем со здоровьем? Вы ничем не больны?

Колли промолчал, и вместо него ответил Джонсон:

— С ним все в порядке. Ему повезло.

— Зря вы считаете это удачей, — с усмешкой произнес Темпл. — Около семидесяти пяти процентов новорожденных, в том или ином отношении, являются мутантами, и, хотя радиоактивность постепенно уменьшается, процент таких рождений растет, а не идет на убыль. Дело в том, что многие мутанты достигли половой зрелости, и их видоизмененные гены начинают находить себе соответственные пары. Впрочем, речь сейчас не об этом.

Вы и сами знаете, что большая часть мутаций вполне безвредна или, по крайней мере, не вызывает серьезных проблем. Чаще всего встречаются просто какие-нибудь бессмысленные деформации тела. В основном это неблагоприятные изменения. И удивляться тут нечему — случайные отклонения, как правило, оказываются худшими, а не лучшими.

Фактически все мутации можно отнести либо к патологии, либо к безвредным изменениям, которые не оказывают влияния на деятельность человека. Число благоприятных мутаций бесконечно мало. Я думаю, что во всем мире не наберется и пятисот тысяч подобных случаев. Вы, мистер Коллингвуд, один из этих немногих. Таких, как вы, чертовски мало.

— Допустим, что так, — хрипло отозвался Колли. — И что из этого?

— Сначала позвольте задать вам несколько вопросов, — сказал Темпл. — У вас есть семья, иждивенцы или близкие родственники, о которых вам надо заботиться?

— Нет, — ответил Колли. — У меня нет семьи. Моя мать умерла несколько лет назад. Она вынашивала еще одного ребенка, но мути оказался слишком большим... — Юноша замолчал. Его кулаки судорожно сжались.

— Прошу прощения, — прошептал Темпл.

— Отец утонул в ту весну, когда разлилось половодье, — продолжал Колли. — У меня есть две сестры, но они вышли замуж. Так что я один.

— У нас катастрофически не хватает женщин, — добавил мэр Джонсон. — Не так легко теперь молодым парням отыскать себе жену. Я давно присматривался к Колли, думал отдать за него свою Жанет. Она у меня нормальная, но ей едва исполнилось тринадцать, и, наверное, лучше подождать каких-нибудь два-три года.

— Так, значит, вас ничто не связывает? — спросил Темпл. — И при желании вы могли бы улететь со мной?

— Я думаю, мог бы, — ответил Колли, преодолев смущение. — Вот только зачем?

— Мы хотим собрать всех супермутантов вместе, — сказал Темпл. — Мы не можем позволить, чтобы жизнь уникальных людей зависела от каких-то несчастных случаев. Да взять хотя бы сегодняшний инцидент — вас едва не убили лесные бродяги. И это в то время, когда вся страна нуждается в вашей наследственности...

Колли запыхал румянцем, а Джонсон, заливаясь хохотом, захлопал себя по ляжкам.

— Эй, парень, да никак тебя выбрали в жеребцы-производители! — закричал он.

— Нет-нет! Вы меня не так поняли, — возмутился Темпл и нахмурил брови. — Мы дадим вам дом. У вас появится возможность получить образование, и вы будете абсолютно свободным человеком. Поверьте, если вам захочется уехать домой, вас никто не станет задерживать. Конечно, какое-то время вам придется проходить медицинский осмотр, но я думаю, пара недель — не такой уж и долгий срок. Если вас заинтересовало мое предложение, мы можем поговорить об этом позже.

Колли поднял голову и взглянул на человека из столицы. У него вдруг захватило дух от тех возможностей, которые раскрывала перед ним судьба.

Джонсон деликатно прочистил горло и застенчиво сказал:

— Мистер Темпл, я хотел бы попросить вас об одолжении... Моему мальчику шесть лет, и он страдает от болей в руке. Это очень сильные боли. Конечно, во время приступов он держится молодцом, но у меня сердце кровью обливается, когда я смотрю на его мучения. Может быть, ваши доктора...

— Прошу прощения, — мягко ответил Темпл, — но я не могу взять его с собой. Однако в ближайшее время мы планируем отправить в ваш район несколько медицинских групп...

Остального Колли не слышал. Кровь ударила в голову, в ушах зашумело. Господи! Он полетит в Тейлор! Он увидит главный город Северной Америки... А это цивилизация... Мир!

Огромный мир!

Глава 3

Под ними медленно проплывали высокие и пустынные горы — Тетоны, Джексон-Хоул, хребет Биттеррут. Он видел долины и сияющие реки, зеленые и прекрасные леса. Потом до самого горизонта протянулись возделанные поля, и Колли отвернулся от иллюминатора.

Кабину заполнил рокот мотора. Он казался не очень громким, но отдавался везде — в ушах, в мышцах, в костях. Пилот сказал, что они полетят со скоростью около сотни миль в час — фантастика, в которую невозможно было поверить. Впрочем, он и не верил. К тому же земля внизу менялась довольно медленно.

— Когда мы прилетим в Тейлор? — спросил он.

— Через несколько часов, — ответил Темпл. — Я думаю, к вечеру уже будем там.

Колли беспокойно заерзал на сиденье. Он не привык к таким стесненным условиям, хотя мог на спор пересидеть в засаде любого.

— И вы совершили этот полет ради меня?

— Конечно, — ответил Темпл. — Вам нет цены, Колли. Я говорю об этом вполне серьезно.

— Но такие вещи может делать каждый.

— К сожалению, нет. Поверьте, юноша, вас никто не собирается обманывать.

Колли ошеломленно покачал головой. Все это походило на сон, и еще вчера он выслеживал рысь.

— Как вы меня нашли? — спросил он, преодолев застенчивость. — Это большая страна, а мы почти не имели дел с людьми из других поселений.

— Молва летит на крыльях, — ответил Темпл. — Охотники, торговцы и бродяги разносят слухи по всей стране. Людям приедается однообразная жизнь, и они с удовольствием слушают интересные рассказы. Наше правительство организовало несколько инспекционных групп, которые совершают облет поселений. Мы встречаемся с горожанами, говорим о ситуации в государстве, выслушиваем просьбы и жалобы. И это приносит огромную пользу. Узнав нужды и потребности людей, правительство может оказать им реальную помощь. Кроме того, сбор данных позволяет вести статистику, следить за численностью населения и составлять перспективные планы. Помимо прочего, наши группы интересуются рассказами о супермутантах. Услышав такие истории, они тут же начинают выискивать их источник. — Темпл вздохнул. — Обычно подтверждается лишь сотая часть слухов. Реальные сведения искажаются; люди выдают желаемое за действительное, а иногда кто-то просто сочиняет красивую легенду. Правдивые истории встречаются редко. Но они выводят на настоящих супермутантов. И одна из них привела нас к вам.

Смущенный услышанным, Колли молчал. Ему не хотелось говорить на эту тему.

— Скажите, а как там у вас? — спросил он. — Я имею в виду те места, откуда вы прилетели? Там, где живет правительство.

Темпл засмеялся:

— Мой ответ займет много времени, Колли. Вы, наверное, знаете, что нам удалось объединить почти всю Северную Америку, за исключением Мексики, которая пожелала сохранить независимость. И хотя жители вашего города почти полностью лишены поддержки со стороны правительства, официально они тоже считаются гражданами страны. Люди живут с каждым годом все лучше и лучше. Еды хватает. Мы наладили выпуск новых машин, а в некоторых местах восстановили дороги и междугородные телефонные линии. Самолеты и вертолеты осуществ-

ляют связь с дальними поселениями. У нас по-прежнему свободная страна, хотя, наверное, и не такая, какой она была прежде. Я думаю, вам у нас понравится.

— А как насчет остального мира? На что похожи теперь другие страны?

Темпл открыл дверцу металлического шкафчика и достал толстый атлас.

— Тут собраны данные аэрофотосъемки, — сказал он. — Сейчас мы посмотрим карту мира. Вот Северная Америка, здесь находится Мексика, а ниже...

— Я все это знаю, — воскликнул Колли, шутливо надувая щеки. — Нас заставляли ходить в школу, а там учили не только письму и чтению, но и географии.

— Да, — задумчиво произнес Темпл, — грамотность еще не умерла. Несмотря на войну и лишения, люди сохранили книги. А пока есть книги, будут и знания, хотя в таких маленьких городах, как ваш, Колли, им трудно найти применение.

— По книгам жизнь не узнаешь, — ответил Колли. — В них нет реальных вещей, которые можно использовать на деле. Ну где, например, написано, как сделать оружие? Я помню, самый затертый том в нашей городской библиотеке назывался «Руководство для бойскаутов». Книги мало чему учили. До всего приходилось доходить своим умом.

— Я знаю. Так происходит повсюду. Наша цивилизация ушла от своих истоков. Она превратила народ в скопище маленьких винтиков, из которых складывался гигантский механизм государства, и, когда тот сломался, жизни людей потеряли свой смысл. Мы пережили ужасную войну, но я уверен, что к ней нас подтолкнула та самая глубинная ненависть, которую люди подсознательно затаили против общества... Простите, Колли. Кажется, я заболтался. Вы хотели узнать, что стало с миром?

Латинская Америка добилась неплохих результатов. Однако в процессе восстановления экономики некоторые страны изменили свои границы. Бразилия, Аргентина, Венесуэла и Мексика поглотили остальные государства. Их правительства в основном существуют только на бумаге, поэтому мы не поддерживаем с ними дипломатических отношений. По прогнозам социологов, дальнейшее развитие индустрии и сельского хозяйства вызовет создание хорошо организованных властных структур. А значит, через несколько лет они станут нашими лучшими друзьями.

Страны Тихого океана почти не пострадали в последней войне. И хотя Австралия и Новая Зеландия по-прежнему вызывают некоторое беспокойство, в этом регионе формируется мощное объединение, которое называет себя Южным тихоокеанским

союзом. В Индийском океане основная власть сосредоточена на Малайской архипелаге.

Ближний Восток погружен в анархию, однако Турция, захватив южные территории России, почти восстановила границы старой Османской империи. К счастью, турки ведут себя теперь гораздо цивилизованнее, чем в прошлом. Северная Африка в основном зависит от арабских и берберских эмиратов. О культуре тут говорить не приходится — сплошное варварство. Южную Африку захватили негры. Они основали огромное государство, которое протянулось от Кейптауна до Конго. Страна технологически отсталая, и, судя по слухам, которые доходят до нас, люди живут там в кошмарных условиях.

Европа лежит в руинах. Небольшие племена и поселения владят убогим полутолерантным существованием. Некогда грозная Россия сохранила свои границы на Балтике, но она теперь довольно слаба и зажата между сильной Сибирью и Украиной. Большую часть Индии захватили афганские моджахеды. Остальная ее часть находится в каком-то подвешенном состоянии. Китай раскололся на воюющие провинции, большинство из которых почти не отличаются от вашего поселения, мистер Коллингвуд. Теперь немного о Сибири.

Темпл помрачнел и откашлялся.

— После развала прежней России Сибирь объявила себя независимым государством. Она почти не пострадала в войне, сохранив огромные природные ресурсы и прекрасно развитую индустрию. Ее населяют мужественные энергичные люди, и благодаря их усилиям эта страна быстро набирает силу. Откровенно говоря, нам за ними не угнаться. Сибирь захватила Маньчжурию, Монголию и Корею. Япония и некоторые части Северного Китая постепенно превращаются в ее колонии. Мы о них почти ничего не знаем. Межнациональные отношения оставляют желать лучшего, но пока ясно одно — этим государством руководит безжалостная группа людей во главе с неким Ханом... Впрочем, я вас, наверное, уже утомил. В любом случае на первый раз достаточно.

Колли притих. Много из услышанного осталось непонятным, но общий смысл он уловил. Картины развала и гибели стран не произвели на него большого впечатления — он и сам вырос на руинах цивилизации. Но Колли впервые понял истинные размеры происходящего. И его напугал этот странный и опасный мир.

Ему захотелось вернуться домой, убежать куда-нибудь на холмы, в леса. Ему захотелось забыть о мире, который теперь ревел вокруг. Но вертолет уносил его все дальше и дальше. И было поздно что-то менять...

По старым стандартам Тейлор считался бы небольшим городком, и даже сегодня имелись куда более крупные населенные пункты. Но Колли он показался огромным — колонны домов разбегались в стороны и отступали далеко назад, вокруг неслись стальные потоки транспорта, и по паутине улиц спешили гудевшие толпы. Гудки, мигавшие вывески и шум сливались в одну туманную пелену. Все казалось новым, ярким и блестящим. И неудивительно, подумалось ему. Большую часть города построили за последние тридцать лет. Маленький поселок на склоне Каскадных гор превратился в мощный индустриальный центр и стал сердцем всего континента.

Колли даже обрадовался, что они приземлились не в городе, а на выступе горы, который нависал над огнями столицы. У самого края теснилось несколько строений. Их возвели совсем недавно — это чувствовалось по блеску ярко окрашенных крыш. Чуть дальше начинался поселок, тянулись газоны и сады, тенистые аллеи и небольшие коттеджи. На другом краю утеса возвышалась каменная стена, а за ней темнело узкое мрачное ущелье. Одним словом, ему здесь понравилось.

Вертолет опустился на площадку, и Темпл повел Колли в большое здание. Как и большинство других строений, оно состояло из множества закругленных линий, плоских панелей и огромных окон, сверкавших гладким тонированным пластиком. Внутри царил покой. Они проходили мимо женщин, склонившихся над мониторами, мимо серьезных администраторов, и Колли здоровался со всеми, кто встречался на пути. Люди останавливались, недоуменно смотрели на него, а затем с улыбкой спешили по своим делам.

Темпл привел его в большую столовую и заказал обед.

— Успокойтесь, Колли, — сказал он. — Здесь вас будут окружать только друзья.

— И все эти люди питаются только тут? — спросил юноша.

— Если им так хочется. Многие готовят пищу в своих домах, но некоторые предпочитают ходить в столовую. Вам надо запомнить одно — обслуживающий персонал предназначен только для того, чтобы помогать таким, как вы. Это поселок супермутантов, и только они здесь настоящие хозяева.

— Но я тут еще не свой... И, честно говоря, мне не верится, что я могу вам как-то пригодиться.

— Вас привезли сюда, чтобы уберечь от опасностей. Вам нечего бояться, Колли. Если вы решите вернуться домой, мы пойдем ваши чувства и никаких задержек не будет.

— Хм-м.

Колли почувствовал легкое сомнение. А впрочем, какого черта? Он с аппетитом набросился на еду, которая оказалась вкусной и хорошей.

Потом его отвели в кабинет доктора, где с ним вытворяли всякие непонятные вещи.

— Полное обследование займет около недели, — сказал доктор. — Мы хотим проверить все, что только можно. Но пока я могу назвать вас вполне здоровым человеком.

Колли смущенно покраснел и рассердился на себя за это.

— Мне тоже не нравятся уколы и таблетки, но вам придется немного потерпеть, — сказал Темпл, когда они вышли из здания. — Сейчас мы зайдем в лабораторию, у вас возьмут анализы, и я вас отпущу. Остальную часть дня вы можете использовать по своему усмотрению. Познакомьтесь с соседями, попросите их показать наши достопримечательности. Можете сходить в кино или на танцы — развлечений хватает. Я думаю, вам здесь понравится.

Сумерки наступили почти мгновенно. Огромный город, раскинувшийся внизу, лениво раскрыл свои тысячи глаз, и те засияли, подмигивая, угасая и вновь загораясь, как звезды, упавшие с неба. Синева над головой окрасилась мягкими вечерними красками. Колли развел руки в стороны и вдохнул воздух полной грудью. Ему здесь чертовски нравилось.

Под ногами зашуршал гравий. Они проходили мимо освещенных веранд небольших симпатичных коттеджей.

— Мы собрали здесь около сотни супермутантов, — сказал Темпл. — Поселок рассчитан на пятьсот обитателей. Потом надо будет либо достраивать его, либо создавать что-то новое. И я надеюсь, такое время все же придет. Прошу прощения, мне хотелось бы взглянуть на номер... Да, все верно. Это ваш дом. Возьмите ключ. Смелее, юноша, смелее. Открывайте замок, входите, чувствуйте себя хозяином.

Внутри оказалось довольно мило и уютно. Темпл переходил из комнаты в комнату, показывая, как управляться с различными приспособлениями. А Колли только затылок чесал и удивлялся всем этим премудростям.

— Утром вы получите одежду, которая будет соответствовать современной моде, — сказал Темпл. — Ее подготовят сегодня вечером по вашим меркам. Теперь о деньгах — вот сумма на первые расходы. Если вам потребуется еще, просто подойдите ко мне и скажите об этом.

Колли обиженно поджал губы.

— Послушайте, — воскликнул он, — мне не надо вашей милостыни.

— Это не милостыня. И поймите, юноша, вы нам очень нужны. Я вам даже передать не могу, как вы нам нужны. Поэтому можете требовать любую сумму.

Подойдя к двери, Темпл остановился и сказал:

— Теперь разрешите откланяться. Возможно, какое-то время мы не увидимся. Мне предстоит выполнить серьезное задание, и я не знаю, насколько оно может затянуться. Если вы что-то захотите узнать или вам понадобится наша помощь, смело идите в центральное здание и обращайтесь к любому администратору. Удачи вам, молодой человек.

Когда Темпл ушел, Колли почувствовал себя до странности неуютно. Он остался один с этим огромным незнакомым миром. Юноша бесцельно прошелся по комнате, осматривая мебель и предметы. Больше всего ему понравился цветной телевизор. Но его пугали все эти малопонятные чудеса. Он выключил широкий экран на стене и сел в кресло, которое тут же приняло форму его тела.

— Вот же, черт! — выругался Колли. — Я уже начинаю тосковать по дому.

Глава 4

Услышав стук в дверь, он вскочил. На экране входного монитора маячила фигура незнакомца. Рука потянулась к поясу за ножом, но Колли вспомнил, что положил его в дорожную сумку — Темпл утверждал, что люди в столице ходят без оружия.

— Войдите! — крикнул он.

Уловив дрожь в своем голосе, Колли взвыл от ярости, и мимолетная вспышка гнева вернула ему утраченную твердость.

— Войдите!

До этого он видел негров только на картинках. Высокий парень в красивом элегантном костюме закрыл за собой дверь и смущенно остановился у порога.

— Привет. Я Джо Гэммони, — сказал он низким густым басом.

— Ага, а я Джим Коллингвуд.

Они пожали друг другу руки.

— Я гляжу, вроде новенький приехал; жена говорит, давай в гости пригласим — вот я и пришел. Пойдем, с ребятами познакомимся. Это ничего, что я к тебе так запросто?

— Наверное, нормально. И спасибо за приглашение. Большое спасибо. — Колли вспомнил, что у него в секрете есть бар. — Может быть, хочешь немного выпить?

— Думаю, не откажусь. Наливай.

Гэммони взял бокал и с усмешкой осушил его одним громадным глотком.

— Вот так-то, парень. Ты идешь или нет? — Он неторопливо прислонился к стене и сунул руки в карманы брюк. — Слушай, Джим, ты води себя немного посвободнее. Будь как дома. Ребята могут задать пару вопросов. Так ты не смущайся, ладно?

— Ладно.

— Вот и хорошо. Тогда я расскажу тебе о себе. Год назад меня привезли из Вирджинии — из такой же лесной глуши, как и тебя. У меня нашли... В общем, это называется кинестезией — идеальное чувство равновесия и направления. Я не могу ни потеряться, ни заблудиться. Как пошел в шесть месяцев, так с тех пор и иду по прямой — вот такие дела. Наверное, поэтому и кривоногий. — Он тихо засмеялся. — Когда меня научили управлять самолетом, у всех глаза повывезали из орбит. Мне не надо ни приборов, ни компасов. Когда я в полете, все получается само собой — легко и быстро. Сейчас наши ученые думают, как использовать мои способности. Да и пусть себе думают, правда?

Колли тоже рассказал свою историю, и Гэммони глубоко-мысленно кивнул.

— Да, ты отличаешься от обычных людей еще больше, чем я, — сказал он. — У меня просто маленькие изменения в башке — как парни говорят, пара лишних болтов — но у тебя другие кости и мышцы... а возможно, отличия найдутся даже в легких и крови. Только не волнуйся — они все обнаружат. И могу поспорить, таких, как ты, в мире больше нет. Ладно, Джим, пошли... Или как ты говоришь? Колли? Пойдем, я познакомлю тебя с ребятами.

Они зашли в соседний коттедж. Жена Гэммони оказалась милой негритянкой, у юбки которой крутилась пара маленьких, будто прилипших к ней детишек.

— Вот, посмотри на эту мелочь. Видишь? — спросил гордый отец. — Совсем не похожи на меня, правда? Я думаю, у них какая-то рецессивная мутация.

Да, этот парень многому научился за год, подумал Колли. Гэммони показался ему очень смышленным и умным человеком.

Небольшой мужчина с пронизательным взглядом представился как Эйб Фейнберг из Иллинойса. Дополнительные фаланги на пальцах придавали его тонкой ладони вид гибкого мягкого шупальца.

— У меня очень развитое чувство осязания, — говорил он, — и я могу манипулировать маленькими, почти невидимыми предметами. Мне нравится тонкая ювелирная работа, и мой предел — частицы величиною в несколько микрон.

Колли поднял голову и увидел рослого белокурого красавца. При своих шести с половиной футах роста тот имел невероятно широкие плечи.

— Миша Иванович, — представился он. — Они находят меня два года назад в России. Да, эти люди искать нас по всему миру. А я очень сильный, как конь. — Он усмехнулся. — Но они не знают, как меня использовать. Я не такой сильный, как трактор.

Стройная симпатичная девушка с каштановыми волосами сказала, что она Луис Гренфил из Онтарио.

— Необычный слух: слышу в ультра- и инфразвуковом диапазоне, к тому же лучше других различаю звуковые тона. Конечно, я могла бы писать музыку, но какая от нее будет польза? Все равно никто не услышит ее нюансов.

За Луис ухаживал сухопарый парень с всклоченной копной волос.

— Том О'Нил, — представился он. — Меня отыскивали в Ирландии. Это из-за моих глаз. Телескопическое зрение. Причем на обычном расстоянии я вижу вполне нормально. В нашем поселке жили и другие люди с таким зрением, но они не захотели перебираться сюда. Да и сила у них не та — чуть меньше ста футов, так уже надевают очки.

Маленький и пухлый Александр Аракелян из Калифорнии предложил Колли ударить его кулаком.

— Смелей, Колли. Бей, сколько хочешь. Это мне не повредит.

Колли молниеносно нанес удар и, промахнувшись, едва не свалился на пол.

— Прости, друг. Честно говоря, не ожидал, что ты нападешь так быстро. А ведь ты почти достал меня — вернее, мог достать. Ученые говорят, что это сверхбыстрое восприятие и мгновенная реакция. Видишь ли, в моих нервных клетках произошли какие-то изменения, но наши медики до сих пор не понимают, какие именно.

Людей собралось много — примерно две дюжины человек. Они разбрелись по дому и образовали несколько небольших групп. Колли понял, что с первого раза всех имен ему не запомнить. Он сел с бокалом в руке и, лениво посматривая по сторонам, попытался определить черты, объединявшие всех этих людей.

Во-первых: молодость. Шел двадцать девятый послевоенный год, и предельный возраст обитателей поселка не превышал двадцати восьми лет. Самому младшему минуло пятнадцать.

Во-вторых: все казались довольно нормальными. Любой из них выглядел как вполне обычный человек, и если не приглядываться, отличия оставались почти незаметными. Единственным

исключением был парень, который мог выполнять в уме любые вычисления — его глаза лучились ярко-красным светом. Из всех присутствовавших людей самым разговорчивым оказался Эйб Фейнберг. Он объяснил, что благоприятная мутация — это просто довесок к обычным способностям человека. Его гибкие тонкие пальцы могли выполнять любую ювелирную работу, но такая ограниченная специализация приводила к вялости и потере сил, то есть лишала его других благоприятных качеств. Нечто подобное происходило и с теми людьми, которые рождались с комплексом плохих и хороших черт — взять, к примеру, калек, надежных слухом мисс Гренфил, или неимоверно сильных, но слабоумных идиотов. Однако Колли таких в расчет не брал.

В-третьих: о них заботились и им хорошо платили. Каждый мог при желании получить образование или работу. Однако их трудовая деятельность неизменно ограничивалась условиями дома, мастерской или лаборатории — никакого риска, никаких выходов за территорию поселка.

В-четвертых: ни один из них не чувствовал себя счастливым.

Когда вечеринка перевалила за половину и спиртное растворило барьеры разобщенности, Колли заметил у гостей какую-то смутную, почти неразличимую печаль. Она проскальзывала в мимолетных нотках фраз, в каком-нибудь случайном слове или саркастическом замечании. Его встревожила эта общая угнетенность, и он решил во что бы то ни стало докопаться до ее причин.

Сев рядом с Фейнбергом и Ивановичем, Колли деликатно прервал их разговор и смущенно попросил объяснений.

— Мне показалось, что с вами здесь обходятся довольно мило, — сказал он в конце концов. — Откуда же эта тоска?

— Да, с нами здесь обходятся мило. Я с этим согласен, — ответил Фейнберг. Он немного перепил, его щеки порозовели, речь стала быстрой и неразборчивой. — Мы счастливы как сукиные дети. Как рожденные в пурпуре.

— Наверное, мне не следовало об этом спрашивать. Простите. Я простой охотник и фермер.

— Они тебя всему научат, Колли. Но это тебе не поможет. Ты и Миша во многом похожи. Вас в любой момент можно заменить машинами, и машины будут работать намного лучше. — Фейнберг вытащил сигарету и, прикурив, небрежно затянулся. — На самом деле это наша общая проблема. Вот спроси меня, на кой черт мы тут собрались? Да, меня поставили на сборку микроэлементов. Да, я стараюсь изо всех сил и прекрасно справляюсь с работой. Ну и что? Они могли бы собрать простой робот-автомат, и все. Но добрые дяди захотели сделать Фейнберга счастливым. Они дали ему верстак. Они загрузили его работой — лишь бы он поменьше думал.

— Давайте думать позитивно, — вмешался в разговор Иванович. — Я таскать обломки скал и махать кувалдой, но что в этом плохого? Неужели лучше жить в маленькой лесной деревушке и голодать по триста дней в году?

— Значит, если тебе набить желудок... — Фейнберг замолчал и мрачно посмотрел на свой бокал. — Уезжай домой, Колли, — внезапно сказал он. — Скажи им, что тебе здесь надоело. Возвращайся туда, где бегают олени и козы, копайся в земле, гоняй медведей и расти своих детей. Здесь ты никому не нужен.

Колли обиделся, и Эйб, заметив это, положил руку на его плечо.

— Я советую от чистого сердца, парень. Ты мне понравился, и я не хочу, чтобы тебя завертело в этой чертовой мельнице.

— Но что тут происходит? — спросил Колли. — Что тебе здесь не нравится?

— Видишь ли, в моем случае это философский протест. Хотя здесь от многого с души воротит. Поговори с Джо Гэммони или с другими. Он женился на простой девушке, задолго до того, как его нашли. Когда он приехал сюда, они попытались разбить его семью. На что только не шли — подумать страшно! Спроси у Джо, спроси, как они старались отделаться от нее. Конечно, обошлось без злодейств и преступлений. Ничего противоправного. Разве что совсем чуть-чуть. Да и как можно, джентльмены? Мы же не подлые злодеи из Сибири. Просто им хотелось уложить Джо на другую супермутантку. Они не смогли смириться с тем, что он тратит свою драгоценную сперму на обычную женщину. Хотя некоторым из нас такие эксперименты нравятся. Ты можешь здесь отлично повеселиться. Если не веришь мне, можешь спросить у Миши.

Русский печально усмехнулся. Фейнберг пригладил волосы и продолжил:

— Однажды они привели ко мне девушку. Она тоже живет в поселке, и у нее такая же кинестезия, как у Гэммони. Они решили усилить эту способность и уговорили ее родить первого ребенка от Джо, а второго от меня — хотели создать помесь из наших качеств. Логика простая: берем парня, у которого вместо головы калькулятор, объединяем его с мозгом Аларика Вэйна и получаем на выходе интеллект суперинженера. Понимаешь? Вот только Джо оказался верным мужем и католиком, а я — глупым упрямым. Мне хотелось найти свою даму сердца, с которой я мог бы жить нормальной жизнью.

Эх, что я говорю? Где теперь эта нормальная жизнь? Разве нормально, когда тебе дают работу только для того, чтобы чем-нибудь заняться? Разве нормально провести всю свою жизнь в этих чертовых горах, встречая одних и тех же людей, выслушивая

одни и те же сплетни? Я согласен, у нас подобралась неплохая компания; и не будь этих мелких ссор и раздоров, здесь был бы настоящий рай. Но черт возьми! Там, за горой и стенами, целый мир! А мы не смеем даже спуститься в город и выпить рюмку в простом вонючем баре. Ты еще не знаешь почему? Потому что нас могут линчевать! Американцы никогда не любили привилегий, если не получали их сами. И даже сейчас, когда я оказался у самой кормушки, они мне не нравятся. Они мне не нужны! Мой народ веками сражался за право на свободу, и я буду считать себя последней скотиной, если примкну к новой расе господ.

Ты спроси себя, Колли. Спроси, что такое супермен? Что означает благоприятная мутация? На каком основании выбрали именно тебя? Что хорошего в каждом из нас?

А что хорошего в их мерзкой программе? Черт бы их побрал! Мы все полны видоизмененных генов, как и каждая тварь, живущая на Земле. И мы не решим насущных проблем, спаривая супермутантов. Нам никогда не удастся вырастить искусственного супермена. Неужели не ясно, что от нас будут рождаться такие же искалеченные идиоты, как и от всех остальных?

Они ссылаются на Ницше, который якобы предрек появление суперменов. Но, судя по их словам, они никогда не читали Ницше. Поверь мне, Колли, он имел в виду совершенно другое. Бернард Шоу — да! Это настоящий предтеча суперменов. В нем есть ум, острота и гуманность. Но он потерял глубину. Он катился под гору и в то же время наотрез отвергал научный подход. И так поступают многие из нас. Возможно, потому, что мы нелюди. Мы смотрим на мир другими глазами. Мы хладнокровны, как ящерицы. И, кроме того, люди не любят рассуждать. Им нравится выполнять приказы. Потому что проще жить по заветам великого отца — и если у них не находится такого, они его создают. Они сами порождают его!

Около полуночи Колли ушел домой. Он чувствовал себя усталым и опустошенным. Слишком много всего довелось ему услышать и увидеть в этот день. Мир перестал быть уютным гнездом и уже никогда не будет таким, как прежде, как бы этого ни хотелось. Колли лег в постель, но заснуть ему удалось не скоро.

Глава 5

Администратор вздохнул и пожал плечами:

— Я не могу придумать для вас такой работы, гдегодились бы ваши уникальные способности. Но вы получили хорошее образование. Почему бы вам не заняться технологией машиностроения?

Колли смущенно почесал затылок:

— Мне говорили, что где-то во Флориде ныряльщики добывают губку. А я могу задерживать дыхание на несколько минут.

— Правительство поощряет этот вид промысла только для того, чтобы поддержать местный рынок, — мягко ответил администратор. — Синтетические губки гораздо лучше. Боюсь, мы не найдем для вас вакансии в торговых экспедициях.

— Я понимаю. Просто предложил на всякий случай. А если мне устроиться в группу разведчиков? Я мог бы поддерживать связь с удаленными поселениями.

— Прошу прощения, но мы вам этого не позволим. Слишком большой риск.

Колли рассердился:

— Послушайте, мистер. Я свободный гражданин! И я могу идти, куда захочу.

— Мы не собираемся вас задерживать, — ответил администратор. — Но мы можем отказать вам в работе. — Он улыбнулся: — Давайте не будем спорить. Я отказываю вам для вашей же пользы. Мы просто хотим создать вам безопасные и благоприятные условия.

— Хорошо...

Колли уступил. Он не привык спорить. В их поселении существовало правило — либо помалкивай, либо делай шаг вперед; другого выбора обычно не оставалось.

— Наверное, вы правы. Я еще подумаю над этим.

— Можете думать сколько угодно, — ответил администратор. — А вам не хотелось бы посещать занятия в колледже? Мы собираем новую группу... Три часа в день — не так уж и много.

— Знаете... Я думаю, да. Спасибо.

И Колли торопливо ушел.

Он уныло побрел домой. Черт бы их всех побрал. Эйб Фейнберг был прав. А что делать? Вернуться домой... после всех его храбрых и восторженных слов? Это его не привлекало. К тому же, если он заявит о своем уходе, они начнут спорить, обманывать или извиняться. Они всегда найдут способ, чтобы задержать его. Колли топнул ногой и сжал кулаки. Они поймали его в свою паутину — тонкую, шелковую и липкую.

Поднимаясь на крыльцо, он заметил Мишу Ивановича, который проходил мимо. Русский гигант что-то весело насвистывал себе под нос.

— Эй, — окликнул его Колли, — не хочешь пропустить со мной стаканчик?

— Я готов, — ответил Иванович, сворачивая к дому. — У меня есть проблемы говорить по-английски.

Они вошли в коттедж, оставив дверь приоткрытой. Теплый летний ветерок разгонял дремотную жару. Колли достал два бокала и налил виски.

— Я тут, наверное, сопьюсь, — сказал он после третьей порции. — И мне никогда не попасть в тот город под горой.

— Я там бывал, — сказал Иванович. — Мы ходить в бары и большие магазины.

— А давай еще раз пойдем туда!

Кроткое лицо Иванoviча затуманилось печалью.

— Нам там не обрадуются.

— Черт возьми, мы свободные люди или нет? — вскричал Колли и направился к двери. — Если ты не пойдешь со мной, я отправлюсь туда один.

— Хорошо. Со мной у тебя не быть столько неприятностей.

Пока они спускались по тропе, солнце начало клониться к горизонту. Колли хотелось побегать. Он мог бы добраться до цели за несколько минут, но ему приходилось подстраиваться под медленную походку неуклюжего друга. Когда они спустились с горы, город изменился — он вырос, раздался вширь, превратился в тысячи высоких домов. Мимо проносились машины. Их размытые овалы сияли металлом и пластиком. А вокруг шагали столько людей, сколько Колли не видел за всю свою жизнь. Он протрезвел, под сердцем засосала смутная тревога. Где-то внутри появилось чувство, что они совершают большую ошибку. Но ему не хотелось отступать. Повернуть назад, когда до города рукой подать? Нет, это уж слишком.

— Мы ждать автобус, — сказал русский, опускаясь на бордюрный камень.

Вскоре рядом остановилась длинная серая машина. Они забрались внутрь и заняли места. Колли осмотрелся. В салоне сидело около двадцати пассажиров, и все они выглядели как простые, обычные горожане. Он заметил пару мутантов — юношу с бугристым, почти собачьим лицом и совершенно лысого подростка. Колли прошептал молитву и поблагодарил Бога за свои гены. Да, если бы он походил на таких уродливых людей...

Как странно. Это таинственное «я» молчало в нем несколько лет, и еще пару дней назад он о нем просто не догадывался. Что же поселилось вдруг в его черепе? Что смотрело на мир его глазами, навеки став пленником... Колли с содроганием отбросил эту мысль.

Он даже не заметил, как автобус подъехал к конечной остановке.

— Здесь надо выходить, — сказал Иванович. — Я это место узнавать.

Когда они расплачивались за проезд, Колли отчаянно завидовал безмятежности русского. Но чуть позже все эти чувства смыла волна удивления.

Чтобы уменьшить проблемы с транспортом, город планировали сделать децентрализованным, поэтому здания в большинстве случаев не превышали тридцати этажей. Но Колли они казались высокими, как горы. Словно в застывшем водопаде, отвесные стены, ярус за ярусом, поднимались на головокружительную высоту, и там, наверху, на ошеломляюще тонких шпилях в вечерней мгле помигивали и сияли крохотные лампы. А вокруг ревел огромный город — торопливые безликие толпы, радуга одежд, десятки тысяч каблучков, выстукивавших дробь на твердом асфальте, протяжный низкий рокот транспорта и голоса, голоса, голоса. Колли придвинулся к Ивановичу и покорно пошел за ним следом.

Они вошли в таверну. По одну сторону длинного, тускло освещенного зала располагались кабинки, по другую находилась стойка бара. На стенах чувственно двигались «живые картинки», в углу мерцал телевизор. Народу было полно. Люди возвращались с работы и заходили на огонек, чтобы пропустить стаканчик-другой. Смех, шум и болтовня вскипали, как бушующее море.

Легко раздвигая грудью толпу, Иванович протолкался к бару. Когда он постучал по стойке кулаком, на подносе запрыгали стаканы.

— Два водка, — сказал он. — И по кружке пива.

Потягивая огненный напиток, Колли осторожно осматривался вокруг. На первый взгляд здесь было неописуемо весело — почти так же, как на праздниках в их поселке. Но, присмотревшись, он увидел усталые лица и отчаянную скуку в глазах. Колли прислушался к хриплым голосам, к мрачной брани и вялым шуткам. И он понял, что здесь тоже нет ни одного счастливого человека.

Но почему так происходит? У этих людей есть еда и хорошая одежда; они выглядят гораздо лучше тех, кого он знал. Им не надо носить оружие. У них есть удобные дома и прекрасные лекарства, которые поставят на ноги при любой болезни. И кому как не Колли знать о прелестях жизни на природе. Он испытал их на себе — тяжелый труд, уроки терпения, дождь и снег, изматывающий ветер, голод, болезни и смерть близких. Какой же злой червь гложет этих людей? Что угнетает этих мужчин и женщин?

Кто-то похлопал его по плечу. Он оглянулся и увидел плотного мужчину средних лет. Тот слегка покачивался и пригла-

живал загнувшуюся полу мягкого пиджака. Лицо мужчины покраснело, нижняя губа воинственно выпятилась.

— Ты с этим парнем? — спросил он, ткнув пальцем в широкую спину Ивановича.

— Что? Да.

Колли почувствовал, как в животе начинает набухать комок страха.

— С холма приперлись, что ли?

Колли помнил предостережения своих новых знакомых, но слова срывались с языка сами собой.

— Да, — ответил он. — Мы просто хотели... Мы хотели спуститься в город и найти друзей.

— Друзей?! — Пьяница всплеснул руками. — А ты разве слышал о дружбе хозяина и раба? Я вкалываю весь день. Я прихожу домой высунув язык и тут же валюсь спать. С меня дерут налоги, как шкуру с козла, и все эти деньги потом тратят на вас, ублюдков!

Иванович повернулся к нему и сузил глаза.

— Нам не надо никаких неприятностей, — сказал он.

— Да, могу поспорить, что не надо. А зачем они тебе? Ты и так получишь все, что захочешь. Вы живете, как короли. А теперь еще пришли к нам, в наши трущобы. Что? Захотели бросить нам кость за то, что мы так долго вас терпели?

— Они с холма... Супермутанты... Слишком хороши для нас...

К ним начали приближаться другие люди. Вокруг смыкалось кольцо искаженных злобой лиц. Глаза пылали ненавистью и гневом. Колли напрягся; по всему телу пробежала нервная дрожь.

Бармен склонился к ним через стойку:

— Эй, парни, вам лучше уйти. Я не хочу здесь лишних разборок.

Иванович зарычал. Из глубины его горла вырвался дикий утробный рев:

— Мы иметь такое же право быть здесь, как все!

— Какие еще права! — закричал пьяница и захохотал с надсадным неприятным хрипом. — Что ты мелешь, урод? Тебе сказали, проваливай — вот и иди!

— Моих детей на холм не взяли, — сказал кто-то из толпы. — Они для них недостаточно хороши. А чем мой волосатик хуже этих идиотов?

— Да, я им не подошел, — согласился мутант, вытирая ладонью покрытое волосами лицо. — Они не знают, как меня использовать. Я гожусь только для того, чтобы прислуживать этим сукиным детям.

— Пойдем отсюда, — прошептал Колли, дергая русского за рукав. — Пойдем отсюда, Миша. Нам надо уходить.

— Ладно, мы уйдем, — утрюмо согласился разъяренный Иванович.

Он вытянул мускулистую руку и оттолкнул в сторону троих мужчин. И тогда началась драка.

Колли увидел мелькнувший кулак, и его лицо словно взорвалось от боли. Он сослепу нанес удар, угодив кому-то в плечо. Толпа взревела и двинулась вперед.

Прокричав проклятие, Иванович схватил за шиворот двух нападавших и с размаху столкнул их головами. Брызнула кровь. Русский отшвырнул оглушенные жертвы в толпу. Десятки рук тянулись к нему, разрывая одежду. Он рванулся вперед, раздавая удары налево и направо, вминая головы в шеи и разбрасывая людей, как тряпичные куклы.

Колли пришел в себя и отпрыгнул к стойке. К нему метнулось несколько человек, и он отогнал их мощными пинками. Двое, пошатываясь и утирая кровь, пытались протиснуться в задние ряды, но толпа гнала их перед собой. Колли ударил в ближайшее лицо, и тут же кто-то попал ему в живот. Колли охнул, задохнулся от боли и обмяк. Ему сделали подсечку, и он едва удержался на ногах. Здесь дрались насмерть. Люди, опьяненные ненавистью и спиртным, забыли о пощаде. Колли втянул воздух через разбитые губы, пригнулся и приготовился отдать свою жизнь по самой дорогой цене.

— Всем назад! — взревел Иванович.

Широко расставив ноги, он свирепо осматривал толпу. Перед ним лежали три бездыханных тела. Люди ворчливо и неохотно расходились в стороны.

Заверещала сирена. В проходе появились солдаты в голубой форме. Расчищая дубинками дорогу, они торопливо продирались через толпу подвыпивших людей.

— В сторону, в сторону! Просим всех разойтись по своим местам!

Колли стоял, едва переводя дыхание. Он смотрел в окно, и там, на серой стене противоположного дома сияла неоновая вывеска. Она вспыхивала и вспыхивала, пульсируя, как голодный удав, сплетенный из цветных полосок света. Его начинало тошнить. И виноват был не алкоголь и не боль от ударов. Это рвалась наружу тоска — неустержимая волна одиночества из глубин души, которую переполняло горе.

Они ненавидели его! Огромный мир плевал ему в лицо, ревел и топал ногами. Он вертелся кувырком, перемалывая его зубами и пачкая ядом ненависти. Колли хотелось бежать отсюда, бежать

до тех пор, пока не окажется дома. Ему хотелось плакать и кричать.

— Вы арестованы, — произнес один из полицейских. — Сейчас вас доставят в участок. Стоять спокойно, я сказал!

Когда они вышли на улицу, Колли увидел автомобиль, стоявший у обочины. Какой-то мужчина, забравшись на капот, с интересом разглядывал толпу у входа в заведение. Рядом с ним сидела собака. Парень как парень — стройная фигура, длинная куртка и серая шляпа. Скользя по нему взглядом, Колли пригляделся к собаке. Огромное лохматое животное трянуло шишковатой головой и неуклюже поднялось на мощные черные лапы. Собака-мутант.

Глава 6

Здание конгресса находилось в центре города. В кольце парков и садов высокая башня казалась воплощением мечты. Изящные барельефы украшали каждый ярус этажей, а на тонком шпиле, вознесенном в самое поднебесье, реяло знамя. Североамериканского союза. Чуть выше колоннады главного входа над глобусом Земли простирали свои крылья белый голубь свободы. Местные остряки называли здание «колокольней». Знамя было для них «тряпкой», а символ сира — «засранцем». Они не понимали тоски уходящего поколения, с задумчивой грустью подумал Аларик Вэйн.

Он поднялся по длинному пролету лестницы. Охрана, отсалютовав, без слов пропустила его и собаку. В конце мраморного коридора странная пара вошла в автоматический лифт и поднялась в конференц-зал, который располагался на десятом этаже. Вэйн нащупал в кармане мягкую пачку, прикурил сигарету и сделал несколько нервных затяжек. В нем снова вскипела напряженность. Он знал, что его здесь ценят. К нему благоволили и ловили каждое его слово. Но при встрече с этими людьми он всегда испытывал страх. Что же им сказать, чтобы они поняли его план? Аларик вздохнул и, опустив руку, погладил бесформенную голову собаки.

Да, ему хотелось нравиться людям. Ему хотелось стать простым парнем в большой компании, которого дружески хлопают по плечу и которому рассказывают смешные анекдоты. Это желание нравиться вызывало страх. Однако понимание причин не избавляло от последствий. Вэйн боялся людей. Однажды он обратился к психиатру. Но какой психиатр мог помочь человеку, мозг которого отличался от всего, что когда-либо встречалось на Земле?

Увидев его, охранник, стоявший у двери, отдал честь и шелкнул каблуками. Вэйн вздрогнул и, кивнув, прошел мимо солдата.

Несмотря на странный мозг, Аларик внешне ничем не отличался от любого нормального человека: средний рост, стройная, немного неуклюжая фигура, тонкие черты лица, взъерошенные каштановые волосы и большие светло-синие глаза. Костюм и куртка маскировали короткое туловище и длинные ноги. Пропорции его тела не совпадали с общепринятыми нормами, но эти различия были почти незаметными. Тем не менее Вэйн воспринимал свой необычный облик как клеймо, как уродливый штрих, который бросался в глаза всем и каждому.

Дверь автоматически открылась, и он прошел в просторный освещенный зал. Сквозь дальнюю стену из прозрачного пластика просматривались горы, сияющий город и наплывающая ночь. Несколько человек прохаживались у двери, еще около полудюжины сидели вокруг большого стола. Они ожидали его. Эти люди, возраст которых колебался от сорока до пятидесяти или даже до шестидесяти, управляли огромным континентом. Они представляли власть. Но сейчас они ожидали его.

Роберт Бойд, президент Северной Америки, поднял усталое лицо и взглянул на вошедшего Вэйна.

— Здравствуйте, Аларик, — сказал он.

Его невыразительный голос казался чем-то обеспокоенным. Другие тоже кивали и шептали приветствия: начальник штаба Нейсон; лидер правящей партии конгресса Рэморез; министр иностранных дел Винкельрайд; министр здоровья и генетики де Гайз; их секретари и помощники — Каннингхэм, Маккена, Джованни.

Вэйн вздохнул и кивнул. Его губы шевельнулись, но слова не шли, словно какая-то преграда в горле мешала им прорваться наружу.

— Я... я...

Он закрыл рот и попытался сконцентрироваться. Они терпеливо ждали, давно привыкнув к его дефектам речи.

— Извините за оп-поздание. В центре города начались беспорядки, и я ос-с-становился, чтобы п-проследить за ситуацией. Дело в том, что нападению п-подвергся один из обитателей нашего холма.

— Да?

Де Гайз склонился вперед. В его голосе чувствовалось волнение.

— Кто это был? Чем все закончилось?

— Тот большой русский. Его зовут Иванович. Сами понимаете — бар, пьяная драка... Так что прошу прощения.

Вэйн раздраженно сжал пальцы в кулак. Черт... Наверное, ему никогда не привыкнуть к обычной речи. Пусть его ум работает не так, как у них, но он должен... он должен научиться выражать

свои мысли доходчиво. Аларик помолчал, вытягивая новую нить из паутины мыслей.

— Кажется, никто не пострадал. Полиция арестовала участников драки. Это произошло в баре недалеко от центра города.

Де Гайз холодно усмехнулся:

— Пусть он посидит до утра, а потом мы заберем его под залог. Большой бык! Теперь он поймет, что значит шляться по городу.

— Мне это не нравится, — сказал Рэморез. — Знаю, что надоел вам своими предостережениями, но так больше не может продолжаться, господа. Мы совершаем огромную ошибку. Выделив особый класс привилегированных людей, мы насильно пытаемся внедрить его в демократическое общество.

— Тем не менее этот класс существует, и тут ничего не поделаешь, — пожав плечами, ответил Бойд.

— Если потребуется, мы можем изменить структуру общества, — сказал Нейсон. — Целостность человеческой расы неизмеримо важнее частной формы гражданского правления.

— А я в этом абсолютно не уверен, — парировал Рэморез.

— Черт бы вас побрал, джентльмены, — огрызнулся Нейсон, — если не будет расы людей, не будет и правительства.

— Мы уже обсуждали этот вопрос, — сказал Бойд. — Сегодня на повестке дня другая тема. Если только наш гость не предложит нам что-то новое...

Он взглянул на Вэйна, но мутант покачал головой и застенчиво улыбнулся:

— Прошу прощения. Мне очень хотелось бы разработать для вас идеальное политическое решение, однако я не так силен в человеческих взаимоотношениях. Мой разум функционирует по другим законам. И должен признаться, мне проще рассчитывать электронные и потенциальные поля, чем анализировать общественное мнение.

— Это общая черта нашего времени. И именно поэтому тридцать лет назад мы переступили запретную грань, — сказал Бойд. — Именно поэтому мир стоит перед новой опасностью, которая может означать гибель всего человечества.

Вэйн взглянул на него и удивленно поднял брови. Его невинные, по-детски чистые глаза наполнились тревогой и недоумением.

— Что-то случилось? — спросил он. — Я так давно не слышал никаких новостей.

«Да, ты долго жил вдали от всех, — подумал Бойд. — Ты заточил себя в уединенном гнезде на скалах континентального разлома. Ты спрятался от мира, который не хочет тебя понимать».

И временами ты сходишь с Синая и даришь нам, как добрый волшебник, одно из своих чудес — атомный мотор, лучевой передатчик энергии или полное математическое описание теории спонтанных турбулентностей. Ты создал сотни вещей, каждая из которых обогатила цивилизацию. Но тебя не интересуют люди. Тебе по душе одиночество. Почему же ты не хочешь объединиться с нами?»

Президент откашлялся и произнес:

— Кризис еще не наступил. Я думаю, у нас есть в запасе время. Сибиряки осторожны и постараются свести риск к минимуму. Но мы знаем, что они разрабатывают новое секретное оружие. Это только часть их долговременной программы, целью которой является уничтожение нашей страны и завоевание мирового господства.

Он взял указку и подошел к огромной карте, которая висела на стене под портретом его предшественника — великого президента Драммонда.

— Геополитические факторы жизни почти не изменились. Любая страна, объединившая против нас регион Евразии и Африки, превратит Америку в удаленный остров, на который потом набросится весь мир. И Сибирь работает в этом направлении.

— А если построить на Луне военные базы? — предложил Вэйн. — Тогда мы могли бы угрожать им ударом из к-к-космоса.

— Не забывайте, у них там тоже есть свои базы.

— Вы хотите сказать, они их уже п-построили? — удивленно вскричал Вэйн.

— Неужели вы этого не знали? — раздраженно спросил Бойд, но тут же взял себя в руки. — Да, они осваивают Луну около пятнадцати лет. Мы не так сильны, чтобы помешать им создавать космические базы. Конечно, два набора баз могли бы компенсировать друг друга, а в случае войны они бы просто занялись обоюдным уничтожением. Может быть, вы что-нибудь придумаете на этот счет?

— В принципе, можно разработать противоракетный силовой экран, — сказал Вэйн. — Знаете, я подумую.

Участники заседания выслушали его обещание с нарочитой небрежностью, но Нейсон не удержался от восторженного проклятия. Они привыкли ожидать от Вэйна невозможного — невозможного хорошего или невозможно плохого.

Молчание затянулось, и начальник штаба попытался разрядить обстановку.

— Откровенно говоря, мне не очень нравится, что вы живете там, на этой чертовой горе, — сказал Нейсон. — Вы создали

прекрасную систему обороны, но я думаю, сибиряков она не остановит. Разрешите мне хотя бы организовать охрану территории.

Вэйн молча смотрел на свои руки. Он не мог заставить себя произнести ответ, но они поняли, что это отказ.

Де Гайз выпятил острый подбородок:

— Во всяком случае, вы могли бы жить на холме — в моей колонии. Я прошу прощения, что вмешиваюсь в вашу личную жизнь, но вам давно пора обзавестись семьей и детьми. Или дайте нам хотя бы вытяжку половых клеток. Ваши хромосомы уникальны. Надеюсь, вы не хотите унести их с собой в могилу.

Вэйн покраснел. Собака сердито зарычала. Юноша закусил губу, но нашел в себе силы для ответа.

— Н-н-нет!

Возглас получился слишком резким.

Де Гайз немного помолчал и шепотом извинился.

— Мы попросили вас прийти сюда для того, чтобы обсудить марсианский проект, — торопливо вмешался Бойд. — Нас заинтересовала возможность полета на Марс.

— Марс... Да-да. Я послал вам чертежи космического корабля. Вы их получили?

— Мы получили весь ваш отчет. Но почему вы хотите отправиться на другую планету? В обосновании это не указано.

Вэйн удивленно поднял голову.

— А разве вам не ясно? — спросил он. — Полет на Марс решит проблему с мутантами. Радиация по-прежнему окружает каждого из нас, и это будет длиться десятилетиями. Нам не остановить видоизменения генов, и наследственность людей станет еще более непредсказуемой.

Аларик говорил теперь быстро и без запинок. Он перешел к теме, которая ему нравилась, — к большой, сложной и совершенно безличной теме.

— Перед войной ученые утверждали, что радиоактивное излучение не может быть причиной многочисленных мутаций. Они проводили эксперименты с млекопитающими, и уровень сопротивляемости организма генетическим изменениям казался им относительно высоким. Судя по их расчетам, наша ситуация с мутантами предполагала бы такой уровень радиации, при котором дальнейшая жизнь на Земле вообще невозможна.

Ученые не учли всеобъемлющего распространения радиации. Она оказалась везде — в частицах пыли, в молекулах воздуха, в потребляемой пище и воде. Ее уровень не слишком высок, чтобы нанести серьезный вред большинству живых организмов, но она теперь в каждом теле, в каждой клетке и даже в самой прото-

плазме. Не удивительно, что нуклеопротеины в генах просто сошли с ума.

Бойд поднял руку, пытаясь остановить затянувшееся вступление, но странный ум Вэйна ушел в свой собственный неведомый мир, глаза лучились голубоватой пустотой, и он не замечал ничего вокруг. Президент со вздохом откинулся на спинку кресла и смирился с предстоящей лекцией о всем очевидных вещах. Они уже привыкли к менторской манере речи. Вэйн всегда начинал с элементарных вещей, а затем охватывал всю тему целиком. Но его фразам недоставало логической связанности, он перескакивал с темы на тему, и тогда уже никто не понимал, о чем он говорил.

— В данный момент мы разрабатываем прибор, который позволит нам наблюдать структуру генов. Работа идет полным ходом, и я верю, что вскоре мы добьемся значительных результатов. К сожалению, все это требует времени, и проблема настолько огромна, что исследования могут затянуться на несколько поколений. Мы столкнулись с огромными трудностями. Например, принцип неопределенности Гейзенберга накладывает на работу целый ряд теоретических ограничений, которые нам придется как-то обходить. Тем не менее главной бедой остается время. Жизнь на Земле задыхается от неимоверного количества искаженных генов. Пока проявляется только малая их часть, но мутантов рождается все больше и больше.

В следующие несколько лет я предвижу резкое снижение рождаемости. И если нам не удастся приостановить стерилизующее действие рецессивных изменений, человечество подойдет к грани полного вымирания. Война и ее последствия нарушили тонкое равновесие экологии. Ее сотрясает вихрь хаоса, и силы природы уже не могут поддерживать жизнь на Земле. Скажите, что произойдет с людьми, если, допустим, вымрут бактерии, производящие азот? А сколько лет осталось до исчезновения высших форм жизни? Нам необходимо найти решение проблемы сейчас, иначе мы не сделаем этого никогда.

Ситуация почти безвыходная — радиация везде. С годами ее интенсивность ослабевает, но уровень настолько высокий, что она по-прежнему осложняет положение. Поэтому стабилизации не предвидится. Темпы рождаемости замедлятся даже среди мутантов. Как мы можем изучать генетику при таких условиях? По самым радужным прогнозам, люди обретут контроль над своей наследственностью только через сотню лет. Но к тому времени на Земле уже никого не останется. Кто же будет пользоваться нашими достижениями?

Мы пытались строить герметически закрытые лаборатории. Это нам не удалось — от радиоактивности не избавиться. Даже под землей она настолько велика, что не помогают ни герметизация, ни дегазация. Любые точные исследования попросту невозможны. Кроме того, нам не обойтись без длительного изучения некоторых образцов. А где их хранить? Вы представляете, какой огромный исследовательский комплекс пришлось бы изолировать от внешней среды? Сначала мы планировали создать колонию на Луне. В принципе эта идея выполнима, но на практике она не выдерживает критики — слишком сложно создавать на Луне дееспособную систему самообеспечения и слишком накладно поддерживать ее ресурсами Земли. Ко всему прочему я узнал сегодня о существовании вражеских баз, а они наверняка будут создавать нам лишние сложности.

До сих пор ни один проект не выходил за пределы системы Земля—Луна. Я предлагаю нарушить эту традицию. Как мы знаем из астрономии, Венера не подходит для освоения. Она еще хуже, чем Луна. Марс тоже не слишком гостеприимный, но у него есть несколько преимуществ. Содержание кислорода в атмосфере таково, что при использовании соответствующих компрессоров люди могли бы обеспечить себе необходимый запас. Воды там немного — вероятно, большая ее часть содержится в минералах, зато мы имеем неописуемое изобилие тяжелых металлов, чего не скажешь о Луне. Съемка со спутников подтвердила наличие простейших жизненных форм — а значит, мы получим ценный материал для генетических исследований... Возможно, некоторые из мхов и растений окажутся съедобными. Что же касается холода, то при нашей атомной энергетике я считаю эту проблему вполне разрешимой. Топлива для ракеты потребуется немного — чуть больше, чем для полета на Луну. И, конечно, не последним доводом является величина планеты. Я убежден, что на Марсе можно создавать самостоятельные, независимые от Земли колонии.

Давайте посмотрим, что нам это даст. Во-первых, соответствующие лабораторные условия. Во-вторых, колонисты перестанут мутировать, и, если исследования себя не оправдают, мы просто обеспечим людей более хорошими условиями для выживания. В-третьих, колонистов можно подбирать по определенным параметрам, и это будет естественным завершением ваших экспериментов по евгенике. В данном случае вы не только избежите тех униительных моментов, которые провоцирует ваша нынешняя политика селекции, но и сохраните свою захромавшую на обе ноги научную программу.

Вэйн замолчал. Де Гайз мрачно кивнул.

— Я знал, что этим закончится, — сказал он. — Даже если бы на обитателей холма не нападали толпы, к ним все равно чувствовали бы злобу и отвращение. Но разве у нас есть другой выбор, спрошу я вас?

— Хм-м... Марс, — задумчиво произнес Винкельрайд и посмотрел в окно на потемневшее небо. — У меня есть информация, что правительство Сибири рассматривает аналогичный проект. Я считаю, что мы должны запустить космический корабль первыми.

Каннингхэм прочистил горло.

— Мои инженеры уже просмотрели ваши чертежи, — сказал он, — и у нас появилось несколько вопросов. Отсутствие инструментов и контрольно-измерительных приборов...

— Понимаю вас, — ответил Вэйн. — Все верно. Я знал, что надо торопиться, и поэтому конструировал очень простой летательный аппарат. Функции многих приборов, необходимых для полета, возьмет на себя команда.

— Команда?

— Речь идет о супермутантах. Обитателях холма. А я буду у них капитаном.

На Вэйна обрушился поток возражений.

Бойд внимательно следил за спором, но участия в нем не принимал. Он знал, за кем останется победа. Подойдя к окну, он взглянул на огоньки, мигавшие в ночи, и ему вспомнились летние вечера давно забытой довоенной эпохи. Бойд вспомнил кафе «Флорес», суету толпы и бокал в руке — бокал аперитива, который он не пил, а лишь подносил к губам. Сумерки превращали город в сказку, мимо столиков проходили люди — тысячи лиц, тысячи судеб. А рядом сидела девушка-финка, которая училась на том же курсе, и они улыбались друг другу, потому что вокруг шумел Париж, потому что они были молодыми и им принадлежал весь мир.

Забавно, как часто он вспоминает этот год. Тот год и статую Крылатой Победы. Ему нравилось приходить в Лувр, когда дворец открывался по вечерам. Он медленно поднимался по длинному пролету ступеней, а над головой, сияя в лучах прожекторов, Победа расправляла крылья. И он видел это застывшее движение, он слышал вой ветра, неистовый рев труб и величественный шелест крыльев.

Нет-нет, сказал себе Бойд. Все гораздо проще — порыв морского ветра, обычная статуя и прожектор. Что еще могло кричать и струиться вокруг триумфа обреченных?

Прах к праху, пыль к пыли. Я воскрешаю и жизнь, сказал Господь. И нет больше девушки-финки, нет Парижа и Ники Самофракийской. Наступила ночь.

Глава 7

Гордыня: Аларик — победитель; Вэйн — телега, фургон, стремление и дорога к неизвестному. Итог: повозка, которая несет победителя за грань небес. Лжепобедитель. Пустышка.

Какая пустота внутри. Какое одиночество. Вечное одиночество! Но не будет больше плача в темноте, потому что ночь разобьется в реве дюз и сгорит в реактивном пламени...

	(Отец)	
	()	
Родерик Вэйн	: Бог :	
	()	
	(Защитник)	
		— Родословная
	(Мать)	
	()	
Карен Вэйн	: Любимая :	
	()	
	(Дом)	

... и слезы, к которым он привык, — их тоже больше не будет.

Ворчун — добрый старый пес... Он пытался помочь и понять. Но у него мало что получалось. Им не хватало полного взаимопонимания (потому что взаимопонимание — основная функция, которая отличает человека от других животных). И все же, общаясь с ним, Аларик переставал бояться.

А победитель боялся, даже оставаясь наедине с самим собой. Он понимал, что у него нет врагов. Он знал, что люди желают ему только добра. Но они его не понимали. Они не могли его понять, и ему приходилось делать усилия и говорить их словами.

Жалость к себе: червь, вцепившийся в собственный хвост. Хватит думать об этом. Они уже перешли к сборке двигателя.

Энергия расщепления: как жаль, что никто не может оценить красоту его матрицы уравнений.

Они как бронзовые золотистые листья, взвившиеся в вихре красного пламени. Они, как ветер из темной бездны, как озноб, который холодит щеки, руки и грудь.

— Мистер Вэйн?

— Да...

Как его зовут? Они говорили о нем однажды. Ах да.

— Что вам угодно, мистер Коллингвуд?

— Я долго думал над вашим предложением. И знаете... Мне бы очень хотелось оказаться на этом корабле.

— Спасибо за поддержку. Я рад, что вы будете с нами.

— Сначала мне ваша идея показалась бредом. Я собирался возвращаться домой и уже укладывал вещи. И тут до меня дошло, что это мой последний шанс, последняя возможность сделать что-то действительно полезное. — Как сияют его глаза! — И я надеюсь, это будет интересно!

— Хорошо, мистер Коллингвуд. Во время полета вы будете выполнять обязанности помощника инженера. И вам н-не м-мешало бы...

— Подготовиться? Будьте уверены, мистер Вэйн. Весной я заканчиваю курс. Мне вот только хотелось узнать — почему надо улетать так быстро? Через год Марс будет гораздо ближе...

— Да, он будет ближе. Но план заключается в том, чтобы пройти рядом с Солнцем и получить дополнительное ускорение. Используя энергию притяжения нашего светила, мы сэкономим не только время, но и топливо. Как видите, достоинства маневра оправдывают риск.

Вот такой ответ. А для тех людей, которые останутся здесь, он подготовил толстый том таблиц, графиков и математических выкладок, хотя все это можно найти в его чудесной матрице уравнений.

«Жаль, что они не понимают. У них другой образ мышления — поэтапный, линейный, разнесенный во времени. Огромная сеть взаимосвязанных и одновременных факторов не имеет для них смысла. Они не улавливают потрясающего единства всех событий. Люди прикованы к этой сети. Они едва передвигаются от одной ячейки к другой, и общая картина ускользает от их взора.

Но они заметили мою ошибку. Видимо, при разборке узловых сочленений не хватило концентрации, и незамеченный фрагмент остался затерянным в бесконечности неизвестного. Им удалось ухватить этот кусок. Они удержали его и сделали своим. Безмерность не напугала их. Они отвергли ее, едва коснувшись хаоса рассудком.

Космический корабль: синтез уравнений, диаграмм и блестящего металла. Почему потенциальные поля и абстрактные математические выражения кажутся ему более реальными, чем ветер, земля и далекое солнце?

Анализ ситуации: они рассказывали об одной девушке. Нам необходим ее слух. Принимая звуки в инфра- и ультразвуковом диапазонах, она могла бы анализировать вибрационные составляющие действующего двигателя, а значит, отпала бы нужда в приборе...

- который пришлось бы проектировать, создавать, настраивать, переделывать, перенастраивать (а время несется галопом, как дикая лошадь);
- который пришлось бы сопрягать с массивным компьютером (мы же обойдемся простым человеческим мозгом — двумя фунтами влажной губчатой ткани);
- который потребовал бы новых уравнений, беглых набросков и чертежей... (О нет! Слишком многое еще нуждается в доработке).

...но, будь альтернатива, я бы ни за что не взял ее в полет. Семь мужчин и одна незамужняя женщина — ахи, вздохи и лукавое жеманство... Почему люди не ведут себя так же разумно, как электронные приборы?»

А ведь победитель боится женщин. Его сердце закрыто для чувств. Хотя многие сочли бы за честь разделить с ним ложе и без колебаний пошли бы следом, помани он их пальцем. Но у женщин странные глаза. Интересно, о чем они думают наедине с собой?

Белый снег искрился под солнцем, горные вершины отбрасывали голубые тени, и высокое небо казалось твердым непробиваемым куполом.

— Здравствуйте, мистер Фейнберг. Как идут дела?

— Все прекрасно, мистер Вэйн. Скоро закончим. Честно говоря, я не ожидал, что объем работ окажется таким большим. Мы только что завершили сборку корпуса, а сами знаете, какой точности требует стыковка пластин. Но мы управимся как надо — можете не беспокоиться. До Марса доберемся без проблем. — Его лицо светилось от радости. — Вы даже представить не можете, что означает для меня этот полет! Я ведь хотел вернуться домой. Так бы и собирал всю жизнь какие-то безделушки, которые не имели бы для меня никакой ценности. А теперь я работаю от всей души.

Вот так из холодной стали и голых уравнений они воплощали свою мечту. Страна напряженно ожидала старта. Им пришлось создать специальное учреждение, где опытные профессионалы отказывались от услуг тех, кто хотел быть зачисленным в команду. А в паре тихих кабинетов уже знали день, когда ракета поднимется на хвост и, сверкнув столбами огня, умчится в небо громовой стрелой. И кто-то уже писал торжественные речи о гордых сыновьях Земли и твердой поступи разума.

Капитан Вэйн, пилоты О'Нил, Аракелян и Гэммони, инженеры Фейнберг, Коллингвуд и Гренфил, младший помощник Иванович — их имена на века сохранятся в истории. Хотя они летели на Марс по велению души — их не заботили награды и

памятные записи. За несколько месяцев тренировок экипаж сплотился в настоящую команду. Их принял даже Ворчун... хотя это еще не повод для его участия в экспедиции. Конечно, Вэйну хотелось взять пса с собой. Но здесь следовало учесть массу и аппетит животного.

(Старая дружба. Привычка размышлять вслух, беседуя с собакой о непостижимом. Благодаря изменениям в мозгу Ворчун научился понимать его слова, желания и мысли. «Мы многое потеряем, расставшись друг с другом. Но тогда зачем расставаться? Пусть он полетит как талисман — как талисман, приносящий счастье».)

Среди просевших снежных проталин бежали ручьи, на темной земле сияли лужи, покрытые мелкой рябью и кусочками льда. Холодный ветер срывался с вершин и разносил по всей округе тревожные крики возвращавшихся птиц.

— Установка прошла испытание на все сто процентов. Не думаю, что у нас возникнут с ней какие-то проблемы, но на всякий случай проверьте таймер номер три.

— Будет сделано, мистер Аракелян. Мы скоро перейдем на следующий блок.

— Вызывает Джонни Кривоножка. Алекс, укладывай свою сумку и иди сюда... Добрый день, мистер Вэйн. Да-да, все хорошо.

«Я мог бы называть их по именам, но меня останавливает какой-то внутренний страх. Кто знает, как они отнесутся к этому? Пока я веду себя с ними официально, они вынуждены отвечать мне тем же. Хотя в формальных отношениях есть доля безопасности. Это как хорошая маска».

Первую ступень ракетоносителя покрасили в ярко-зеленый цвет — цвет весны, который оживил и украсил голые темные сопла.

— Вот и все, Ал. Завтра старт.

— Да, господин президент. Завтра в полночь.

— Если вы не вернетесь в течение года, мы отправим поисковую группу.

Старик волновался. Иначе он не говорил бы об этом снова.

— Я думаю, до такого не дойдет. Но нам может потребоваться несколько дополнительных месяцев. Не волнуйтесь. Если мы выбьемся из графика, отклонение будет небольшим, и я без труда рассчитаю новую орбиту.

— Знаешь, мне иногда кажется, что ты хочешь там остаться.

— А что? Марс имеет свои преимущества.

Прошел день, и наступил долгожданный час. Вспугнув ночную темноту, на поле засияли прожектора и фары. Стофутовая колонна корабля тянулась вверх — к невидимым звездам. Машины

ревели, скрежетали тросы, вокруг разносились крики людей. Секундная стрелка описывала круги, минутная — все ближе подползала к полуночи. Желанный миг настал. «Отныне мы всегда будем жить настоящим. Это трудно понять пространственным умом. Но я обречен пробираться к истине на ощупь — слишком долго меня воспитывали люди с иной конфигурацией психики».

Последнее рукопожатие. Слова президента:

— Я не буду произносить прощальные речи. Вы и сами знаете, как мы к вам относимся, парни.

Двери с шипением закрылись. Атомный двигатель взвыл, разогревая реактор. Защелкали реле. Металл замкнул их в себе, как громадная холодная утроба.

— Раз, два, три! Проверка! Проверка! Раз, два, три!

Энергетические ячейки создали потенциальные поля, те замкнулись на единую матрицу Вселенной, выделив в континууме пространства короткую дугу орбиты. Расчет уравнений подтвердил ее соответствие. Но пространство и время — относительные концепции. Энергетическая связь корабля и Вселенной включала в себя Солнце, Землю и Марс. Она могла измениться в любую секунду.

— Пост номер один готов.

— Пост номер два готов.

— Пост номер три готов.

— Общая готовность. Все управление на ключ... Ну, парни, держитесь. Четыре секунды до старта, три, две...

«Спокойно, Ворчун, спокойно. Прижмись ко мне, и пусть гигантская лапа придавит тебя к подушке амортизатора. Просто лежи и жди».

— Старт!

Рев, грохот, пронзительный визг, а потом давление и тьма, взметнувшаяся ключьями перед глазами... и сердце, готовое выскочить из груди.

Энергетическая потребность равна интегралу гравитационной функции, взятой в интервале от уровня Земли до бесконечности.

Глава 8

За обзорными экранами повисла ночь, и холодную тьму до самого края вечности заполнили колючие сверкающие звезды. Почувствовав нервную дрожь, Колли отвернулся и тяжело вздохнул. Иногда в горах, морозными зимними ночами, он смотрел на яркое, усыпанное звездами небо, но оно никогда не было таким холодным и безжалостным, как теперь. Отныне все казалось другим. Корабль превратился в скорлупку из металла и пластика, пространство стало бездной между двумя мирами, а Земля и Луна

уменьшились до двойной звезды — янтарной и голубой. Высокие горы и широкие равнины, великие моря и бушевавшие океаны сократились до крохотных светлых точек.

Дюзы гудели, их вибрация отдавалась тупой непрерывной дрожью в каждой частичке тела. Колли закрыл глаза, и назойливый гул понес его к Солнцу, которое им скоро предстоит обогнуть. Его швырнуло в море беспокойных снов. Огромные волны из пустоты и звезд ревели и вздыхали, рассказывая о вечном одиночестве. Нет, человеку здесь не выжить, шептали они. Это место не для него.

Он проснулся и увидел Луис, стоявшую в узком проходе между сектором жилых кают и машинным отделением. Она смотрела на обзорный экран, но думала о другом — скорее всего о Земле, — и звезды напрасно подмигивали ей озорными огоньками.

— Привет, — смущенно сказал Колли.

— А-а, это ты, — обернувшись, ответила она. — Как дела?

Глупый вопрос, когда живешь бок о бок, когда на виду у одних и тех же людей ты дышишь, ешь, спишь и работаешь, а когда ты начинаешь забывать, что означает слово «уединение», этот вопрос вызывает раздражение и гнев. В первую неделю полета произошло несколько ссор, но они не вызвали серьезных последствий. Колли мало общался с другими членами экипажа. Во время разговоров он робел и замыкался в себе.

— Как мои дела? Нормально, — ответил он, пытаясь улыбнуться. — А я смотрю, ты тоже не жалуешься. Хотя тяжело, наверное — одна среди семи мужиков.

— Конечно, нелегко, — согласилась она, — и с каждым днем все труднее и труднее. Мне кажется, я сделала ошибку, когда согласилась на этот полет.

— Неужели капитан Вэйн не подумал о таких вещах...

— Вэйн!

Очевидно, Колли задел ее больное место. Она даже затопала ногами от возмущения.

— Только и слышишь — Вэйн, Вэйн, непогрешимый Вэйн. Ах, Вэйн — супермутант! Ах, Вэйн — непревзойденный гений. Но почему никто не замечает, что он просто слепой идиот? Стоит с ним поговорить, и тут же становится ясно, что он совершенно не разбирается в людях. Неужели вы не понимаете, что он взял в полет только тех, кто соответствовал его кораблю? Ему плевать на наши чувства. Он видит в нас только винтики и болты для своих механизмов!

Словно защищаясь от потока ее слов, Колли поднял руку к лицу. На миг он почувствовал отголосок той страсти, которая бушевала в ней.

— Успокойся, — прошептал он. — Прошу тебя, Луис. Успокойся.

Она умолкла, прислонившись к стене, и потупила взор.

— Прости меня, Колли.

— Тебе надо отдохнуть. Ты выглядишь очень усталой.

— Какой тут отдых. Здесь слишком шумно.

— Да... Наверное, этот рев тебя просто оглушает.

— Дело не в громкости, — ответила она. — Я могла бы привыкнуть к ней, так же как и ты. Но для тебя эти звуки превратились в фон, такой же постоянный, как и сам корпус. А я слышу все нюансы. Там возникла небольшая вибрация, здесь изменился тон, где-то выше появился свист и потрескивание. Я сижу и ломаю голову, что все это значит, чем закончится и не разлетимся ли мы ко всем чертям до самых дальних уголков Вселенной. Этот рев не бывает одним и тем же. И я не могу к нему привыкнуть!

— Представляю, каково тебе, — с сочувствием сказал он.

— И еще этот Том... Да ты и сам знаешь, я ему немного нравлюсь, но... Миша тоже начинает на меня поглядывать, и я словно между двух огней. А другие... Как долго они будут относиться ко мне по-дружески? Я совсем растерялась. И меня это пугает, Колли.

В поисках утешения она вцепилась в его рукав — так по-детски и доверчиво, что он без задней мысли обнял ее за плечи и накрыл маленькую нежную ладонь своей рукой.

— Когда мы доберемся до Марса, все займется делом и оставят тебя в покое, — сказал он.

— Почему ты согласился лететь? — неожиданно спросила она.

— Не знаю, — сказал он. — Наверное, по тем же причинам, что и остальные. Я просто был восхищен таким огромным и стоящим делом. Но теперь пришла тоска, и я начинаю понимать, что мое место на Земле.

— Ты мне нравишься, Колли, — импульсивно сказала она. — В тебе есть что-то такое... не знаю... не могу сказать. Мы все теперь чуть-чуть разочарованы. И у каждого на этом корабле есть свои сомнения, слабости и страхи. Но ты... Ты лучше всех. Ты как будто из другого, какого-то светлого мира.

Его лицо вспыхнуло румянцем.

— Я тоже боюсь, — прошептал он, отводя глаза в сторону.

— Это здоровый испуг. Ты...

Кто-то вышел из рубки, и на трапе послышались шаги. Колли повернулся и увидел мрачное лицо О'Нила. На миг у него появилось желание отдернуть руки от Луис — она не его девушка, и их могли неправильно понять — но он преодолел свой страх.

— Привет, Том, — сказал он.

Рот ирландца скривился.

— Привет, — ответил он и тихо добавил: — Значит, и ты тоже?

— Что «тоже»? — уклоняясь от прямого ответа, переспросил Колли.

О'Нил вздохнул:

— Ладно, забудем. Не выношу этих сцен.

Луис бросила на него холодный взгляд.

— Кстати, для информации, — сказала она. — Я стою тут с Колли только потому, что он единственный, с кем можно говорить и не тревожиться о последствиях.

— Ты могла бы делать это с Джо Гэммони... или с собакой. — О'Нил усмехнулся. Но даже сквозь грохот дюз в его тихом смехе слышались злость и печаль. — Ладно, ребята, шутки в сторону. Я искал вас по делу. Шефу что-то не понравилось в вибрациях двигателя. Он не может уловить точную причину, но уверен, что есть какая-то неисправность.

— Все приборы в норме, — возразил Колли. — Конечно, при таком типе двигателя ни в чем нельзя быть уверенным, но... — Он замолчал, почувствовав холодную волну, которая прокатилась по спине.

Луис нахмурила брови.

— Я не совсем уверена, — смущенно сказала она, — но в шуме двигателя действительно появился какой-то новый рисунок. Он возник недавно, и мне трудно сказать, в чем причина. Первый раз я услышала его возле контрольного стенда. Мне показалось, что со стороны дюз доносится слабый ультразвуковой гул. Проверка показала норму, но гул стал громче, и сейчас к нему прибавилось резкое шипение...

— Мы первые в этом уголке космоса, — мягко ответил О'Нил. — Еще никто не забирался так далеко.

Колли судорожно сглотнул и, отогнав минутную слабость, торопливо заговорил:

— Я видел траекторию нашей орбиты. Если мы сейчас остановим двигатель, он нам больше не понадобится... Мы окажемся настолько близко к Солнцу, что уже никогда не вырвемся из его объятий. Пройдет несколько дней, и корабль сгорит в протуберанцах солнечной короны.

Они молча смотрели друг на друга. Вокруг вибрировали металлические стены, и сквозь фильтры обзорных экранов дышала огнем огромная звезда.

— Вэйн провел анализ звуков и сопоставил их с показаниями приборов, — мрачно сказал О'Нил. — Но его слух ограничен обычным диапазоном. Ему не хватает данных. А ты, Луис, можешь слышать все. Ты должна помочь ему и описать полную картину.

Она уныло взглянула на Колли и печально сказала:

— Я же говорила тебе. Вэйн использует нас вместо приборов и датчиков. Он считает нас частями своей машины, а мы люди. Люди!

— Ладно, Луис, — оборвал ее О'Нил. — Командиру требуется твое описание звукового спектра. И сейчас твой дар может выручить каждого из нас. Кстати, Колли, ты не мог бы поговорить с Эйбом? Возможно, он что-нибудь заметил.

Колли кивнул и отправился в заднюю надстройку. Пройдя узкий коридор, который напоминал ему крысиную нору, он вошел в небольшое машинное отделение, где находился пульт управления атомным двигателем. На задней стене мерцали созвездия приборов и индикаторов. Экраны мониторов выдавали текущую информацию. Эйб Фейнберг удивленно взглянул на вошедшего и со скрипом развернул вращающееся кресло.

— Что ты сюда приперся? — добродушно спросил он. — У тебя еще три часа до смены.

Колли объяснил ситуацию, и Фейнберг нахмурился.

— Мне тоже не понравился этот визг. Я думал, он идет из измерителя ионного потока. Но что бы там ни говорила Луис, потенциальные поля сохраняют стабильность, и причин для паники нет.

Он открыл ящик стола и вытащил схемы двигателя. В свое время Колли изучал их до рези в глазах и теперь без проблем разбирался в путанице сложнейших механизмов. Там, за бронированной плитой стены, в особом водяном кожухе, находился ядерный реактор. Из гигантских баков в пусковую камеру автоматически подавалась вода; она нагревалась и нагнеталась в струи, которые распылялись под воздействием мощного электрического поля. Положительные и отрицательные ионы, создавая модулированную волну, поступали в систему дуоз, и их выброс регулировался потенциальными полями. Фактически каждую дуозу в каком-то отношении можно было считать линейным ускорителем. В принципе, конструкция не отличалась сложностью, но разветвленная система контроля и тысячи взаимосвязанных узлов

делали ее сложной для понимания. И, пожалуй, только Вэйн мог судить о ситуации в целом.

— Знаешь, а ведь этот дребезг действительно идет от дюз.

Фейнберг хмыкнул и покачал головой:

— Луис говорит, что он нарастает. Но я не могу понять причины. Что могло его вызвать? И к чему все это приведет?

— К довольно забавной смерти, — прошептал Колли. — К маленькой вспышке на Солнце или чему-то в этом роде. — Он печально улыбнулся. — А мне бы этого очень не хотелось.

Фейнберг бросил на него сердитый взгляд.

— Хватит хныкать, Колли, — сказал он. — Я понимаю, что иногда неприятности могут довести человека до предела, но давай лучше вспомним, что мы люди. Мы люди — а значит, надо бороться до конца и не забивать себе голову дурными мыслями о смерти.

Колли задержал дыхание и прислушался к равномерному пыхтению дюз. Из-за переборки доносились шумы, монотонный гул и потрескивание разрядов. В какой-то миг ему показалось, что он услышал жалобный скрежещущий вой. Нет, это просто игра воображения, сказал он себе. А если вой все же есть? Что он мог бы означать?

Люди и корабль. Они стали частью друг друга — тем неразрывным единством, которое требовало наличия всех и каждого из них. Они мчались к звездам на маленькой шаровой молнии, и на далекой Земле уже никто не различит в вечернем небе живую затерянную искорку с восемью мутантами на борту. Колли впервые понял, на какой огромный риск пошел Аларик Вэйн. Он понял, каким диким и безрассудным трюком оказался полет на Марс. Но почему на эту авантюру согласились правители Америки? Неужели они сошли с ума и перепутали Вэйна с Богом?

Да, их миссия важна для страны, но идти на такой риск... Колли почувствовал гнев на этого молчаливого человека, который беспечно забросил их к самому Солнцу. А если он сумасшедший? Если его вообще не волнует то, что может случиться с ними?

И тут Колли неожиданно понял, что Вэйн действительно ни о чем не беспокоился. Вернее, почти ни о чем.

Это объясняло многое. Но в душе остался неприятный осадок.

В тревожных раздумьях прошел час, за ним еще один. А потом спокойный голос капитана попросил всех собраться в комнату отдыха. На борту назревала критическая ситуация.

Они в шутку окрестили это помещение салуном. Прижимаясь к вибрирующим стенам и вдыхая пот друг друга, экипаж с трудом разместился в небольшой, скромно обставленной комнате. Аларик

Вэйн стоял у дальнего входа, а у его ног лежала огромная черная собака. Мрачное лицо капитана стало бледнее обычного. Под спутанной челкой каштановых волос сияли большие глаза, которые смотрели куда-то за спины подчиненных. Вэйн заговорил. Слова лились торопливым потоком:

— Мисс Гренфил описала мне образ сверхзвуковых вибраций, вызванных неисправностью двигателя. Звуки быстро изменяются, но собранные данные позволяют прояснить характер проблемы. При расчете орбиты мы не учли подобной ситуации, но я напомним вам, что никто не пролетал так близко от Солнца.

«Да, — подумал Колли, — мы оказались здесь первыми».

В комнате было жарко и душно. Его рубашка стала мокрой от пота и прилипла к спине.

— Астрономы давно предполагали, что излучаемая Солнцем энергия имеет резкие пики на определенных участках спектра. — Сухой и бесстрастный голос капитана напоминал о лекциях в тихих аудиториях колледжа. — Именно эти пики интенсивности и стали причиной неполадок двигателя. Активность Солнца вызывает сильную эмиссию заряженных частиц, которые, вылетая на значительное расстояние, чуть позже вновь возвращаются в корону звезды. Они оказывают непрерывное воздействие на корпус корабля, в результате чего происходит вторичная эмиссия. Уровень ее невелик, механический ущерб минимален, но частицы влияют на электронные поля, управляющие потоками ионов. Отклонения незначительные, и все же небольшой процент положительных ионов бомбардирует стенки дюз. Некоторые из них, потеряв на теневой стороне энергию и скорость, присоединяют к себе электроны потоков солнечной радиации. Это приводит к налипанию, и на отражателях дюз образуется ледяная корка. Дальнейшее испарение уменьшает тягу, и мы теряем скорость. Но главная беда в том, что дюзы могут скоро прогореть.

Комнату заполнила тревожная тишина.

Я... Я...

Вэйн отвернулся и откашлялся.

— Я прошу прощения у вас за то, что не учел подобного хода событий.

— Все нормально, капитан, — сказал Иванович. — Вы сами говорить — всего знать нельзя.

— Вопрос в другом, — добавил Аракелян. — Что нам теперь делать?

— Что бы мы ни придумали, действовать надо быстро, — хрипло затараторил Фейнберг. — В этом секторе пространства нам не обойтись без постоянного ускорения. Если скорость сни-

зится, силы инерции будет недостаточно, и мы свалимся на Солнце.

— А если вращать корабль? — предложил Гэммони. — Развернемся по оси, подставим дюзы Солнцу, и лед растает.

— Этого не сделать при включенном двигателе, — возразил Аракелян. — Нам придется останавливать реактор и проводить сложные маневры с лазерными пушками. Разворот туда, разворот обратно, и еще неизвестно, как быстро растает лед. Мы потеряем огромное количество времени.

— Я продумал этот вопрос, — сказал Вэйн. — Нам надо остановить двигатель и очистить дюзы от налипшей корки. На теневой стороне мы закрепим соленоид, который будет изменять направление солнечных ионов. Работа простая, но ее требуется сделать очень быстро. При значительной потере ускорения мы начнем приближаться к Солнцу. По предварительным данным, мы можем отключить двигатель только на двадцать четыре часа.

И снова наступило молчание.

— Ладно, парни! — рявкнул Гэммони. — Надо спешить. И нечего тут сидеть с открытыми ртами.

В группу по очистке дюз назначили Колли, Аракеляна и О'Нила. Остальная часть экипажа занималась установкой отклоняющего соленоида. Проклиная себя за медлительность, Колли влез в узкий и неуклюжий скафандр. На Марсе предполагалось использовать более простые костюмы, но вблизи Солнца требовалась толстая броня из особых тяжелых сплавов. Когда шелкнули замки шлема, он пережил краткий приступ клаустрофобии. Паника быстро утихла, но чувство тревоги осталось. Ноздри заполнил запах масла и резины.

Тонкие руки Фейнберга пробежали по соединениям и зажимам. Он тщательно проверил баллоны, помпы и системы охлаждения.

— Надо спешить, — заворчал Аракелян. — Черт с ней, с этой проверкой.

В наушниках шлема его голос казался резким и металлическим.

Фейнберг поднес ко рту запястье, на котором крепился микрофон, и хладнокровно ответил:

— Успокойся, парень. Вы идете в ад. Зачем же искушать судьбу?

Они вышли в воздушный шлюз и подождали, пока помпы не откачали воздух. Над головой светилась лампа индикатора, которая указывала на наличие кислорода, и Колли смотрел, как убывает ее свет. Дверь открылась, за силуэтами его спутников разверзлась звездная тьма.

— Норма, — сказал О'Нил. — Все чисто.

Когда они выбрались на корпус, двигатель отключили. Желудок полетел куда-то в газовую область. Колли судорожно сглотнул, и ему пришлось закусить губу, чтобы преодолеть накатившую тошноту. Он начал падать, и это было бесконечное падение в черное и ужасное небо, которое простерлось вверх и вниз, которое навалилось на него со всех сторон, пытаясь оторвать незащищенное тело от корпуса корабля. Колли рухнул на колени, вцепился в гладкий металл и со всхлипом втянул воздух в легкие.

— Спокойно, — произнес Аракелян, похлопав его по плечу. — Не дрейфь, приятель. Все это ерунда.

Колли проглотил набежавшую слюну. В ушах отдавался стук сердца. Вокруг него сияла безбрежная пучина звезд. Все трое перебрались на теневую сторону, но за круглым боком корабля по-прежнему взмывали вверх огненные языки красно-белого пламени. Они рвались из пекла, в которое падал их корабль. Они слепили глаза. Колли покачнулся и крепко прижал магнитные подошвы к корпусу. Пальцы на ногах импульсивно подогнулись. Яркие отблески мешали смотреть. Он различал лишь очертания скафандров и узкую полосу корпуса, которая казалась дорожкой пылавшего белого огня.

— Все нормально, парни, — сказал Аракелян. В его голосе чувствовалось напряженное спокойствие. Да и как же иначе? У него был опыт полета на Луну. — Теперь медленнее, ребята. Держите корпус между собой и Солнцем. Если понадобится заглянуть за край, опускайте светофильтры. Иначе ослепнете на неделю, а то и навсегда. При ходьбе прочно ставьте ногу на корпус и только потом поднимайте вторую. Если вы сделаете прыжок и оторветесь от корпуса, вас не вернет даже Господь Бог — так и улетите в открытый космос. Поэтому без спешки, парни. У нас в запасе есть несколько часов, а это куча времени. Теперь за мной и следите за каждым шагом.

Взявшись за руки и шаркая подошвами, они побрели к корме. Колли покачивало при ходьбе, но он этого не чувствовал — просто на смотровой пластине шлема раскачивались звезды. При отсутствии притяжения жидкость в каналах полушарий мозга начинает вести себя по другим законам, поэтому головокружение может вызвать даже самое небольшое движение. Колли никак не мог привыкнуть к карусели внутри своего мозга. Он чувствовал постоянную дурноту и все больше боялся, что его стошнит в скафандр. К тому же он не знал, встала нога на корпус или еще нет. В сполохах огня приходилось полагаться на интуицию. Од-

нажды О'Нил сделал неверный шаг и плавно поплыл к звездам, но Аракелян спокойно поймал его за руку и притянул назад.

Приблизившись к огромным дюзам, они опустились на корпус и по-пластунски поползли к горловинам. Аракелян установил магнитную опору, и они привязались к ней тонкими тросами. Почувствовав себя увереннее, Колли перегнулся через острый край и взглянул на отражатель ближней дюзы. Мощный луч фонаря осветил тусклую поверхность, тонкие полоски швов и широкие пятна льда, похожие на темные подтеки грязи.

Осмотрев соседнюю дюзу, Аракелян помахал ему рукой. Колли услышал его искаженный помехами голос:

— Да. Я разглядел там какой-то лед. Довольно тонкий слой, но думаю, все проблемы из-за него. — Он опустил вниз жесткий трос, на конце которого крепилась щетка. — Черт возьми! Я чувствую себя настоящим трубочистом. Ладно, парни, хватайте свои швабры, и за дело!

Колли повис в темноте, проталкивая трос вперед и подтаскивая его обратно. Каждый раз, когда он упирался щеткой в отражатель, тело съезжало назад, и ему приходилось подтягиваться, зависая над краем дюзы почти до пояса. Аракелян, распластавшийся у самой солнечной стороны, казался пылающим факелом, свет которого слепил глаза. Колли задыхался в тесном неповоротливом скафандре. Господи! Как долго это будет продолжаться?

И лишь значительно позже, включив лебедку, Аракелян опустился на тросе вниз и проверил каждый отражатель в отдельности. Большую часть льда они сбили, а пара боковых разворотов корабля могла удалить оставшиеся небольшие куски. Алекс выбрался из последней дюзы и устало уселся на краю.

— Думаю, порядок, — сказал он хриплым голосом.

Они медленно отползли назад, отвязали крепления и начали пробираться к шлюзу. Усталость взяла свое, они потеряли бдительность и на обратном пути стали излишне уверенными и торопливыми. На этот раз они не держались за руки. А в черепе у Колли по-прежнему бурлила пустота.

Он даже не понял, что сделал неверный шаг. Внезапно фигура О'Нила в бронированном скафандре медленно поплыла вниз, и Колли, взглянув под ноги, отчаянно закричал. Он махал руками, и звезды, качнувшись сначала в одну сторону, а затем в другую, завертелись сияющим колесом. Глаза резануло огнем раскаленного Солнца.

— На помощь!

Все происходило медленно, как в кошмарном сне. За минуту Колли отнесло всего лишь на какой-то ярд. Он кувыркался,

вращался и закрывал руками обзорную панель, пытаясь защитить глаза от света, терзавшего мозг. Под ним проплывали то звезды, то корпус корабля. Крик эхом отдавался в шлеме. Он вытянул руки к фигурам друзей и еще раз закричал. Звезды, перемигиваясь друг с другом, затягивали его в огромную молчаливую бездну.

— Хватай меня за ногу! — закричал О'Нил.

Он по-лягушачьи оттолкнулся от корпуса, и Аракелян, вознеся молитву о прочности магнитных подков, схватил его за голени. Ирландец пролетел мимо. Их разделял какой-то фут, но они разминулись. Колли даже показалось, что за темной маской светофильтра он заметил разочарованное лицо.

— Алекс, качни меня немного!

О'Нил вытянулся во всю длину.

— Давай! Давай же, ради Бога!

Колли снова опалило огнем светила. На фоне миллионов колючих и холодных звезд Солнце казалось малиново-желтым спрутом с тысячью протянутых щупалец. Корабль удалялся все дальше и дальше. Рукавица О'Нила скользнула по его бедру, и они снова разошлись в стороны. Аракелян взревел и сделал еще одну попытку.

На сей раз перчатки шлепнули его по ботинку. Затаив дыхание, Колли ждал, когда долговзаяя фигура ирландца подплывет к нему поближе. Захват был ненадежным, инерция вращения вот-вот могла разорвать эту слабую связь, и тогда в его жизни осталось бы только медленное и ужасное падение — падение к центру Солнца.

А еще между ним и О'Нилом стояла Луис. Ирландец любил ее и, наверное, считал Колли самым ненужным человеком на борту. Ему ничего не стоило разжать немного руки, а чуть позже с горечью сказать, что в последний момент не хватило дюйма, что не удержал, не сумел дотянуться. Колли крепко сжал зубы и закрыл глаза.

Мягкий удар отозвался горячей волной надежды. Руки ирландца, скользнув по лодыжке Колли, поднялись к бедру. Потом обхватили талию, крепко сжали запястье, а потом... потом ноги стукнулись о металл. Колли покачулся, присел на корточки и, со всхлипом переводя дыхание, погладил поверхность корабля. Он снова чувствовал себя его частью.

— О Иисус... О Боже! — шептал Аракелян. — Больше не делай этого, я тебя прошу.

Казалось, что горло забило песком. Тело сотрясала нервная дрожь. Но Колли удалось прошептать извинения.

— Да брось ты. Это могло случиться с каждым, — сказал О'Нил.

Когда они вернулись в пропускной шлюз и сняли скафандры, Колли взглянул ирландцу в глаза и сжал его широкую ладонь. Они долго смотрели друг на друга.

— Я обязан тебе жизнью. Спасибо, друг.

— Не за что, — ответил О'Нил. — Абсолютно не за что.

Глава 9

Марс заполнил половину неба. Стоило повернуться к экранам на этой стороне, как лица окрашивались оттенками красновато-янтарного зарева. Взгляд Колли пробегал вдоль линии каменистых холмов, проскакивал железные пустыни и полярные болота, а затем скользнул по тонкой шероховатой полосе экваториальных карликовых лесов. Он с трепетом следил за очертаниями огромной пыльной бури, которая красным лохматым пятном пронеслась через тысячи квадратных миль бесплодного пространства. Неужели они действительно добрались до другой планеты? Неужели этот мир окажется таким же твердым и реальным, как холмы Земли? А Земля превратилась в маленькую далекую звезду...

Космический корабль повис на временной орбите. До поверхности Марса оставалось несколько тысяч миль. Телеметрические зонды проводили сбор первичной информации, работали видеокамеры, чьи объективы обладали фантастической разрешающей способностью; жужжали и посвистывали спектрометры, термометры и самописцы, на создание которых Чиappareлли и Лоувел потратили жизни. Корабль парил в невесомости, и тишина, наступившая после рева маневренных двигателей, казалась неестественной и пронизанной неким таинственным смыслом. Люди неосознанно перешли на шепот, а тихое гудение кондиционеров стало тревожным и надоедливо громким.

Колли услышал звонкий голос Фейнберга:

— А ведь ученые думали об этом несколько веков. Возможно, на Марсе кислорода больше, чем показали анализаторы космических станций, но его все равно недостаточно, чтобы свободно дышать. Температура варьируется от умеренного холода до жуткого мороза. Поверхность довольно плоская — преобладают низкие горы и холмы. Относительно развитая растительность существует благодаря сложному симбиозу многих видов, но здесь нет ничего похожего на земные леса и луга. В полярных районах имеется несколько мелких озер. В остальных местах — скалы, сушь и пустыни. Никаких признаков разумной жизни или крупных животных. Тем не менее я уверен, что мы найдем здесь

каких-нибудь небольших тварей. Одним словом, Марс — это мрачное местечко, но чему быть — того не миновать.

— И все равно тут лучше, чем на Луне, — сказал Аракелян. — Вот увидите, мы найдем здесь много преимуществ.

— Эту планету можно колонизировать, — сказал Вэйн. — Я знал это с самого начала.

Фейнберг подготавливал карту. Земные астрономы предоставили им координатную систему, аппаратура корабля собрала все необходимые данные, но работа предстояла огромная. Состояние невесомости создавало дополнительные трудности. Бумага, инструменты и карандаши все время уплывали за пределы досягаемости.

Чтобы не мешать Эйбу, Колли выбрался из комнаты и, отталиваясь от стен руками, поплыл по коридору в комнату отдыха. В салуне шла игра в покер. Иванович, Гэммони и Луис Гренфил отчаянно резались в карты.

— Привет, — проворчал Джо. — Можешь подсаживаться.

Денег они с собой не брали — да и что с ними здесь делать! — но все играли в долг, и за недели полета суммы набегали значительные.

— Только смотри — не проиграй последнюю рубашку.

— Ему-то бояться нечего, — усмехнулся Иванович. — Другое дело, если это случится с Луис.

Девушка вспыхнула, прикусила губу, но ничего не сказала. Колли даже немного рассердился. Черт возьми! Этот Миша никогда не знает меры. А Луис хорошая девушка, и не надо над ней так шутить. После того первого разговора они часто проводили время вместе — говорили о доме, о детстве, о будущем. А ирландец впал в молчаливую тоску.

Колли подавил раздражение и проглотил слова, которые вертелись на языке. Теперь не до ссор, хотя с некоторых пор определенные лица начали вызывать отвращение. К тому же во всей этой ситуации было что-то неправильное — добравшись до другой планеты, исполнив самую заветную мечту человечества, они сидели, мусолили потрепанные карты и подкалывали друг друга плоскими шутками.

А какого черта им еще делать? Трубить в фанфары и произносить героические речи? Но люди выросли же из этих штанов. Последняя война сделала их взрослыми. Хотя как знать... Над Землей нависла темная ночь кошмарных перемен, и только Богу известно, настанет ли утро.

Колли отбросил эти навязчивые мысли и, зацепившись ногой за крепление переборки, повис над столом. Взяв из-под зажима лист бумаги и магнитный карандаш, он написал долговую рас-

диску на пятьсот долларов, поставил подпись и прикрепил листок на липкую ленту, подколотив к стене.

— Ладно, — сказал он. — Сдавай...

Оседлав реактивные струи огня и пробудив громовыми раскатами порыжевшие долины, корабль спускался из царства ночи и звезд. Гэммони, О'Нил и Аракелян склонились над пультом управления. Их необычные чувства заменяли отсутствовавшие приборы. Три пары рук, порхая по клавиатуре, исполняли единую симфонию посадки. Ревевшие дюзы подняли пыльную бурю, обзорные экраны заволокло пеленой, и Колли на миг подумал, что ракета утонет в море песка и навеки останется погребенной в коварной пустыне.

Но три опоры нащупали твердый грунт, одну из них подтянули, уравнивая корабль, а затем реактор заглох и наступила тишина. Они прилетели.

Никто не произнес ни слова. Острота момента наложила на уста печать молчания. Луис придвинулась к Колли, их пальцы сплелись, и по телу прокатилась волна покоя. Люди выбирались из амортизационных кресел и растерянно смотрели друг на друга, а вокруг сгущалась тишина.

На мостик вышел Вэйн. Его голос по-прежнему оставался бесстрастным, но в нем больше не чувствовалось бывшего равнодушия.

— Конечная остановка. Пассажиры могут выходить.

Экипаж без лишних слов начал надевать облегченные скафандры. Эта жесткая герметичная одежда с подвижными соединениями и прозрачным шлемом заполнялась обогащенной кислородом смесью, подаваемой при давлении в десять фунтов. Специалисты предусмотрели многие из возможных критических ситуаций. Пластик алого цвета светился в темноте, помогая найти человека, затерявшегося в ночной пустыне. Внутренняя прокладка из термопленки создавала необходимую температуру, а небольшой, но мощный ротационный насос, всасывая марсианский воздух, сгущал и подогревал его до требуемой кондиции. Тем не менее для дыхания обычно использовались кислородные баллоны, которые крепились на спине.

С помощью лучевых приемников, установленных на плечевых сегментах, энергия корабля передавалась в скафандры. Кроме того, они осуществляли радиосвязь и излучали импульсы, по которым определялось местонахождение каждого члена экипажа. Вес оснастки компенсировался ослабленной силой марсианского притяжения, поэтому люди чувствовали себя довольно свободно.

Дальность действия энергетического луча позволяла отходить от корабля на значительное расстояние.

Все отступили на шаг, предоставляя капитану право выйти первым, но он, похоже, не заметил этого жеста. Вэйн выбрался из шлюза и не спеша спустился по трапу. Следом за ним неуклюже засеменял Ворчун, ужасно смешной в своем собачьем скафандре. Колли взглянул вниз. Вид двух маленьких одиноких фигур еще больше подчеркивал пустоту и необъятность рыжевато-коричневой пустыни, разлинованной ржавыми полосами.

Сделав первые шаги по поверхности, он остановился, и его захлестнул водоворот чувств и мыслей. За ним возвышалась стальная колонна корабля. Над головой простиралось темно-синее небо, которое у горизонта приобретало холодный зеленоватый оттенок. Под ногами поскрипывал плотно утрамбованный песок, и вокруг, куда бы он ни посмотрел, тянулись огромные дюны. На их создание ушло несколько миллионов лет. Тихий ветер поднимал над острыми вершинами легкую завесу песка, в низинах змеились желтые, золотисто-коричневые и серовато-зеленые наносы. Местами виднелись острые скалы, расцвеченные пятнами минеральных отложений. Их тени впивались в пустыню длинными черными ножами.

В разреженном воздухе выпуклая линия горизонта казалась очень близкой и приподнятой кверху, словно неприветливая планета смыкала вокруг них свои стены. Небольшой и бледный диск Солнца клонился на запад, омывая тусклым светом пустой и холодный мир. И даже днем на небе виднелась рваная дуга Млечного Пути и сияло несколько ярких звезд. Но Земля среди них не было, и от этого тоска Колли становилась еще сильнее.

Ему не нравилась такая тишина. Жужжание компрессора, стук сердца и звуки дыхания, словно навязчивый фон, поглотили все, что могло оказаться приветствием Марса. Он напрягся, стараясь уловить песню ветра, который прилетел к ним из немыслимо далеких мест этого мертвого мира. Но Марс могла услышать только Луис. Он повернулся к ней, их глаза за стеклами шлемов встретились, и они улыбнулись друг другу с какой-то жалкой обреченностью.

— Эй, смотрите!

Голос О'Нила звучал в наушниках немного уныло.

— Там кусты или деревья...

— Марсианский аналог тропических джунглей, — усмехнулся Аракелян. — Ладно, кто пойдет со мной на разведку?

Растянувшись в длинную цепь и оставив одного из членов экипажа у корабля, они побрели через пески. Эта мера предосторожности показалась Колли смешной и нелепой. В мире, где

нет диких зверей и воинственных аборигенов, людям угрожала сама природа — древний, сильный и терпеливый соперник. Марс мог разорвать скафандр и высосать воздух из шлема. Перепад давления превратил бы легкие в розовую слизь и красные клочки, а холод заморозил бы кровь. Пустыня могла иссушить человека голодом и жаждой, занести медленно наступающими песками и на тысячи лет скрыть под собой его мумифицированный труп. Но им предстояло покорить этот мир. Роща занимала лишь несколько акров. Низкие изогнутые деревья с серой корой и листьями, похожими на зонты тускло-зеленого цвета, переплетались с сухими и длинными лианами, увешанными пучками белого мха. Картину дополняли рыжие пятна лишайника и твердые ноздреватые отростки. Ни одно растение не походило на земные формы — к такому сюрреалистическому кошмару надо привыкать постепенно.

Тем не менее они обнаружили жизнь. Здесь, в ржавой пыли, среди песчаных холмов, под небесами, не знавшими дождя, в миллионах миль от любимой и прекрасной Земли, к скупому солнцу тянулась упрямая поросль. Колли с благоговением коснулся жесткой серой коры. Жизнь так хрупка — она лишь краткая вспышка в необъятном цикле неорганической Вселенной. Но ее упорство не знает границ. Она сражается за свое место под солнцем и, потеряв корни в одном мире, тянется к другим планетам, добиваясь того, на что прежде не хватало духа. Это корявое маленькое деревце стало их путеводной звездой — символом веры и надежды.

— Надо взять образцы. Мы проведем молекулярный анализ и попытаемся определить жизненный цикл растений.

Казалось, что голос Фейнберга приходил с другого края планеты.

— Этим займется наша научная группа, — кивнув, ответил Вэйн. — Остальные приступят к оборудованию лагеря. Работы много, и лучше закончить ее поскорее.

Они вернулись к кораблю. Никто не требовал отдыха и выходных дней. Все понимали, что работу нужно начинать немедленно. Но тем вечером на праздничном столе появилось несколько изысканных блюд и пара бутылок старого вина. Команда устроила маленький пир. При пониженном атмосферном давлении глоток вина не повредил бы никому. Вэйн и О'Нил казались утруженными и чем-то озабоченными, но остальные смеялись, пели и поднимали бокалы в ответ на тост Луис, который потом повторился весь праздничный вечер.

— Да, джентльмены — мы сделали это!

Проходили дни и ночи; бледный морозный свет над древними холмами и клубившейся пылью сменялся блеском и мерцанием сотен тысяч звезд на темном кристалле высокого небосвода; а затем вновь тянулись долгие часы работы, усилий и надежд. Слишком многое предстояло сделать. Не хватало инструментов и машин. Люди чуть ли не ползком возвращались на корабль, глотали скудный паек и, упав на кровати, забывались тревожным сном.

Иногда Колли казалось, что он навеки заключен в холодные и липкие стены зловонной тюрьмы своего скафандра; высокие горы Земли превратились в сказочный сон, увиденный однажды сотни лет назад; остались только мозоли, красная пыль и лопата в руках. Он знал, что они на Марсе лишь несколько недель, но утомленный разум отказывался верить в этот факт.

Трое исследователей — Вэйн, Аракелян и Фейнберг — изучали экологию. Они препарировали образцы, проводили анализы и составляли теоретические выкладки. Выясняя химический состав и взаимосвязи, научная группа создавала полную картину многостороннего симбиоза, который поддерживал жизнь небольших карликовых рощ и степных лугов лишайника. Луис Гренфил взяла на себя обязанности повара, прачки и кладовщика. Остальные строили базу, и даже марсианская гравитация не могла облегчить эту нечеловеческую работу.

Фундамент и стены медленно поднимались ввысь. Конфигурацию корабля спланировали таким образом, что большую часть его переборок и несущих конструкций можно было изъять и превратить в герметичные помещения. Оставшийся скелет содержал лишь минимум того, что требовалось для полета на Землю, а груз состоял из разборных частей, которые теперь предстояло собрать. Учитывая нехватку строительных материалов, Порт-Драммонд решили разместить под грунтом, выкопав котлован и накрыв его куполом. Оборудование выгрузили по периметру корабля, и площадка для складирования заняла несколько акров. Блеск гладкого голого металла на серо-коричневой поверхности Марса стал первым следом человеческой деятельности.

Пройдет несколько месяцев, и следующая экспедиция доставит утварь, которая заполнит построенные подвалы. Корабли привезут людей, работа наберет обороты, а потом будут новые корабли и новые люди... О Боже на небесах! Сколько времени понадобится для того, чтобы обосноваться в этом крохотном поселении за пятьдесят миллионов миль от дома?

Несмотря на невыносимые условия, Колли и Иванович чувствовали себя по сравнению с другими довольно неплохо. Рус-

ского выручала огромная сила, а парня с холмов спасали особые легкие и необычная система кровообращения. Конечно, он тоже уставал, но ему не приходилось шататься от кислородного голодания и ловить ртом воздух. Однако в отличие от Ивановича Колли проявлял к работе интерес. Он воспринимал ее как проблему. Он сражался с ней. И, возможно, поэтому товарищи выбрали его старшим в строительной бригаде.

Да, черт возьми, он видел в этом вызов. На их стороне были низкая гравитация и рыхлый грунт, но тот же песок постоянно осыпался и проседал, а сухой воздух превращал изготовление бетона в целую трагедию. Перед тем как он затвердевал, вездесущая пыль высасывала из него половину воды, в результате чего состав получался хрупким и через несколько дней разрушался от эрозии и разницы температур. Чтобы защитить бетон от пересыхания, приходилось устанавливать вокруг него пластиковую опалубку, а это отнимало уйму сил и времени. Какие-то крохотные и подлые жучки облюбовали изоляцию силовых кабелей. Они объедали ее с неимоверной скоростью, поэтому каждую соединительную линию требовалось прятать в бетонных перекрытиях. Затем неожиданно закончился цемент, и начались долгие поиски его заменителя. В конце концов на одном из отвалов обнаружили аналог глины — вещество, которое смешивалось с водой и обжигалось в кирпичи.

Несмотря на жесткие ограничения, воды катастрофически не хватало. Чуть позже они научились извлекать ее из полостей стволов определенного вида деревьев. За водой охотились и бледные, быстро растущие корешки, обладавшие потрясающей способностью находить любую трубу и контейнер с жидкостью. Они без труда вспарывали бронированную сталь баков и наносили огромный ущерб. Раз в две недели экипаж устраивал коллективную карательную экспедицию, уничтожая эти растения на несколько миль вокруг. Трубы прокладывались в открытых туннелях, и их приходилось осматривать каждый день. Проблемам не было конца.

Но база медленно поднималась вверх и углублялась вниз. Они построили два десятка подвальных помещений, установили на куполе плиты солнечных батарей и экранировали шахту ядерной электростанции, которую намечалось доставить следующим кораблем. Бригада подготовила помещения для будущих лабораторий, складов и огромной оранжереи, которая помимо возобновления кислорода должна была снабжать станцию свежими продуктами. Крохотное строение почти терялось среди тускло-коричневых холмов безмерного мира. Оно казалось слабым,

беззащитным и простым, но люди считали его своим убежищем, они считали его будущим домом.

Иногда, устало разгибая спину и окидывая взглядом контуры базы, Колли чувствовал отголосок того первого порыва гордости, который он пережил после посадки на Марс. Закрыв глаза, он размышлял о том, каким будет Порт-Драммонд через сотню лет, и перед ним вставал высокий белый город, а вместо пустыни вокруг зеленели поля.

Ничто не предвещало беды. Люди подготовились к любым капризам негостеприимного Марса, но они даже не могли представить себе, что здесь, в такой непомерной дали, их потревожат старые заклятые враги. И все же это произошло — внезапно и трагически.

Колли взглянул на заходящее солнце и остановил работы. Еще немного, и, разбросав по небу звезды, наступит ночь.

— Думаю, пора и передохнуть, — сказал он.

Собака, тянувшая брус, прицепленный к упряжке, остановилась и села, ожидая, когда ее отвяжут. Колли не переставал удивляться уму этого животного. Пес работал вместе с людьми, выполняя простые поручения, и ему не надо было повторять дважды одних и тех же слов. Но в облике Ворчуна проглядывало что-то жуткое, и никто не решался погладить его или назвать дружком.

Люди начали собирать инструменты и заносить их внутрь помещений. Горький опыт показал, что внезапная пыльная буря могла занести песком любую оставленную вещь. Неповоротливые готескные фигуры казались черными на фоне неба. Их узкие длинные тени потянулись к кораблю. Миша на миг задержался и, укрепив последнее соединение трубы, вперевалку зашагал за остальными. Колли с тоской осмотрел холмы. Ему не терпелось узнать, что скрывает за собой бесплодный горизонт. Наверное, все те же дюны и скалы. Это Марс. Здесь нет золотых замков и прекрасных принцесс. Это мир пустоты, и, чтобы заполнить ее, человек должен принести сюда свои собственные сказки и грезы.

Что-то мелькнуло вдаль, отразив последние лучи вечернего солнца. Заметив резкий металлический блеск, Колли прищурился и пригнулся. На секунду ему показалось, что он увидел какой-то перемещающийся предмет. Неужели животное?

Нет, просто померещилось, подумал он и пошел к трапу. Вокруг него сомкнулись ненавистные стены корабля. Вдохнув спертый воздух, он сморщил нос и покачал головой. Сняв костюм и повесив его в шкаф, Колли влез в крошечный предбанник и начал ждать своей очереди, чтобы омыть губкой грязное и вспотевшее тело. Впереди него стоял Фейнберг, который воз-

бужденно рассказывал утрюмому О'Нилу о своем замечательном открытии.

— Да, черт возьми, растения получают кислород прямо из скал. Я еще не знаю, какие органические катализаторы участвуют в этом процессе, но благодаря им кислород вступает в свободную химическую связь. При небольшой селекции мы можем вырастить для нашей колонии потрясающий гибрид — растение, которое будет очищать железную руду, выделять кислород и при всем этом иметь съедобные клубни. Сейчас мы пытаемся определить генетическую структуру и законы наследственности. Их хромосомный набор отличается от всего, что я видел на Земле, и, откровенно говоря, мне не очень верится, что он будет соответствовать шкале Менделя.

Колли оберся губкой, надел корабельную одежду и отправился в столовую. Команда хмуро поглядывала на тарелки. Люди так устали, что им уже не хотелось разговаривать. Да и зачем говорить, когда знаешь любой ответ своего собеседника?

Луис вынесла из крохотного камбуза большую чашу с тушеным мясом. Колли не сводил с девушки глаз. Он считал ее единственным прекрасным существом на всей планете. Милое личико пылало от жара небольшой печи, глаза сияли, а нежные каштановые волосы завивались у плеч игривыми колечками. С каким наслаждением он провел бы рукой по этим чудесным локонам. Но он не мог... и не смел. Возможно, позже, когда они вернутся на Землю... Где-нибудь на другой стороне вечности...

— М-м-м, — замурлыкал он. — Пахнет превосходно, кок.

Луис пощелкала пальцем по воображаемым счетам и, напустив на себя строгий вид, сообщила:

— Ты произнес эту фразу девяносто седьмой раз.

— Хорошо, — ответил он. — Тогда я скажу кое-что еще.

— Сорок три раза.

— Ладно, ладно. Сдаюсь. Ты просто прекрасна.

— Пятьдесят первый случай необоснованной лести.

Она поставила перед ним тарелку. Ирландец хмуро взглянул на них и отвернулся. Колли почувствовал укол совести и, чтобы замаять ситуацию, перевел разговор на другую тему.

— По пути на корабль я заметил какой-то предмет. Он блестел, как что-то металлическое. А когда я входил в шлюз, отблеск повторился, причем с той же западной стороны.

— О, наконец-то нас нашли марсиане, — пошутил Фейнберг

— Ты не шутишь, Колли?

Заинтересовалась только Луис. Остальные молчаковырялись в своих тарелках.

— Что бы это могло быть? А вдруг там озеро?

— Ерунда, — ответил Гэммони. — Мы уже составили карту района, и в том направлении, кроме дюн, ничего нет. Скорее всего он увидел отблеск от скалы.

В любое другое время его сообщение вызвало бы спор или длительное обсуждение. Но ужин подошел к концу, усталость взяла свое, и о странном отблеске забыли.

Перед сном Колли почувствовал какое-то смутное беспокойство. Большая часть команды разбрелась по койкам. Вэйн и Фейнберг уединились в маленькой лаборатории. Аракелян и О'Нил сонно передвигали шахматные фигуры. А тревога не давала Колли покоя.

— Пойду пройдусь, — сказал он, поднимаясь с постели.

— Смотри, не потеряйся в этой чертовой пустыне, — проворчал Аракелян.

— В такую светлую ночь и слепой не заблудится, — отмахнувшись, ответил Колли.

Луис отложила микровизор и подняла голову. На борту имела прекрасно укомплектованная фильмотека, которая при сравнительно малом весе насчитывала несколько тысяч кассет, и девушка в свободное время любила поплакать над мелодрамой или сериалами о чистой и преданной любви.

— Ты не против, если я пойду с тобой? — спросила она.

Сердце Колли подпрыгнуло и забилося сильнее.

— Буду только рад, — ответил он.

Ирландец яростно оттолкнул от себя шахматную доску.

— Я признаю, что проиграл, — прошипел он сквозь зубы. — Пойду спать.

Бедный парень, подумал Колли. Он даже не может скрыть своих чувств.

В его сожалении не было ни самодовольства, ни хвастовства. Но жалость вскоре рассеялась в потоке собственных эмоций.

Когда они с Луис вышли на трап, ночь залила их сиянием холодных звезд. Пустыня казалась темным морем, ее края исчезали в безмерности сверкавшего неба, а застывшие волны дюн засыпали в бархатных объятиях неподвижного безмолвия. Шорох шагов и поскрипывание утрамбованного песка громко отдавались в ушах. Едва они сошли с трапа, он нежно сжал ее ладонь в своей руке.

— Как бы мне хотелось пройти с тобой под звездным небом без скафандров, и чтобы вместо песка под нашими ногами стелилась трава.

— Почему? — спросила она.

— Ты сама знаешь почему, — ответил он.

— Так тоже неплохо.

— Луис...

— Нет, Колли, — сказала она. — Мы не можем позволить себе личные отношения. Здесь им не место. Ой, ты только посмотри на небо! Какой чудесный вид!

Он закусил губу и почувствовал, как пылает его лицо. Вот так всегда. Однажды они остались совсем одни, и он попытался ее поцеловать. Но Луис не разрешила ему сделать это. Она даже не хотела говорить об их будущем и о том, что они будут делать на Земле. Хотя, возможно, она была права.

В полумраке пустыни лицо Луис казалось подсвеченным изнутри. Он скользнул взглядом по изгибу ее щек, по выпуклым линиям носа и губ. Он видел отблеск звезд в ее глазах, но их отделяли друг от друга скафандры. «Вот же черт, — подумал Колли. — Я никогда больше не полечу сюда. И лучше бы я остался дома».

Вокруг них сомкнулась тишина. Они вышли на окраину лагеря и, не говоря ни слова, стали разглядывать далекие звезды и по-волчьи серую пустыню. Колли хотел пойти дальше, но Луис поймала его за руку и притянула к себе.

— Стой на месте, — прошептала она.

Он замер, удивленно уставившись на нее. Она вдруг пригнулась. Ее голова в прозрачном шлеме медленно поворачивалась из стороны в сторону, и свет звезд поблескивал на завитках волос. Она к чему-то прислушивалась.

— Что случилось, Луис?

— Тихо, — шепнула она. — Тихо... Там кто-то есть.

Он хотел поднести руку к уху, но перчатка глухо ударилась о шлем. Колли ничего не слышал — ни звука, ни шороха, лишь тихое хриплое дыхание и стук сердца. Луис настойчиво сжала его ладонь.

— Кто-то пробрался на стройку... какое-то животное... Пошли!

— Нет! — сказал он, отталкивая ее. — Это дело для мужчины.

Перебегая от одной тени к другой, Колли помчался к темному силуэту базы. Тело свыклось с неуклюжим скафандром, и он снова чувствовал себя идущим по следу. Впереди протянулось открытое освещенное пространство. Он сделал рывок, сердце отозвалось тревожным стуком, и перчатки внутри стали мокрыми от пота. Хотя какого дьявола... На Марсе нет больших животных!

И тут он тоже услышал тихое бормотание, какой-то шум и глухое постукивание, которые раздавались среди каркасов из сваренных балок. Колли перешел на шаг, а затем лег на живот и пополз вперед вдоль низкой стены.

Люди!

Он разглядел четыре темные фигуры, которые, спрятавшись в тени большого упаковочного ящика, наблюдали за кораблем. Чужаки! На фоне светлых полос металла и листов пластика они казались лишь смутными пятнами, но Колли понял, что это чужаки. И еще он заметил блеснувший ствол оружия.

В животе появился холодный тяжелый комок. Сознание захлестнуло потоком тревожных мыслей. Как долго они следят за кораблем? Неужели эти люди видели, как он и Луис сходили по трапу? Что им нужно? И кто они такие? Чужаки вели себя очень осторожно. Выбравшись из укрытия, они перебежали в тень и направились к высокой серой колонне корабля.

В глубине сознания застучал тревожный молоточек. «Если это друзья, то почему они крадутся в ночной темноте? Неужели враги... О Боже! А мы здесь совершенно одни!»

Он рванулся им наперерез, и вперед его погнало не мужество и не безрассудство, а холодное полуинстинктивное понимание, что теперь уже нечего терять. Колли переключился на общий вызов и крикнул Луис, что она должна предупредить остальных. Приблизившись к врагам, он в одном длинном прыжке вылетел из темноты и бросился к ним.

Заметив его появление, чужаки развернулись. У каждого из них имелось оружие, и, чтобы лишить их возможности выстрелить, Колли решил смешаться с ними. Он знал, что мышцы, кулаки и зубы в этой ситуации не помогут — броню их скафандров могла пробить только пуля. Обхватив руками одного из врагов и отбиваясь ногами от остальных, он начал звать на помощь.

Они выкатились из тени, и, скользнув взглядом по фигуре противника, Колли увидел плоское узкоглазое лицо. Монгол, подумал он. Сибиряки! А потом пара гигантских рук рывком оторвала его от врага и подняла в воздух.

Он повис, отбиваясь ногами от гиганта, который не уступал по силе Мише Ивановичу. Под стеклом шлема виднелось бородатое лицо. Колли кожей чувствовал, что в него направлено несколько стволов. Он немного развернулся и ударил обеими ногами в воздушную помпу на спине силача. С третьего раза корпус насоса смялся, воздушный патрубок треснул, и сибиряк, заорав, швырнул его на землю.

Колли сгруппировался, упал на четвереньки, и, когда ошеломление от удара прошло, он прыгнул на человека с винтовкой и ударил его головой в живот. Они покатались кувырком. Улучив момент, Колли вырвал винтовку и метнулся в сторону.

Он выстрелил и тут же пожалел об этом. Автоматная очередь прошла стежками огня темное полотно ночи. Фонтанчики пыли

поскакали ему навстречу. Он отпрянул и скатился по склону вырытого карьера. Сибиряки бросились за ним и, остановившись на краю откоса, открыли беспорядочный огонь. Колли быстро отпрыгнул в густую тень, припал к насыпи и выстрелил в ближайшую фигуру. Один из четырех врагов закричал. Из пробитого костюма вырвалась струя пара. В лютом холоде кислород превращался в легкую белую дымку. Человек покачнулся и упал в карьер.

Откатившись за земляную насыпь, Колли ждал дальнейших действий врага. Когда же подоспееет помощь? Вэйн не верил, что они найдут на Марсе крупных диких зверей, тем не менее на борту имелся небольшой арсенал оружия. Интересно, почему сибиряки перестали стрелять?

Поток свинца взбил пыль в паре шагов от него. Враги заходили с другой стороны. Колли выстрелил в неясный силуэт, вскарабкался на насыпь и побежал к нависшей плите. Он петлял и делал зигзаги, а позади чавкали и посвистывали пули.

Со стороны корабля открыли огонь, и автоматная очередь принесла спасение. Он увидел, как упала еще одна фигура. Двое уцелевших сибиряков начали отступать. Они побежали по склону дюны, удаляясь все дальше и дальше. Не прошло и минуты, как ночь пожрала их одним глотком.

Колли упал на четвереньки, втягивая воздух в натруженные легкие. Он задыхался, его колотила дрожь. Волна страха загуманила сознание, и ум погрузился в тьму.

Видимо, он отключился всего на минуту или две. Открыв глаза, Колли увидел над собой фигуру Луис. На ее плече висел автомат.

— Колли, — едва переведя дух, прошептала она. — Колли, с тобой все в порядке?

— Да... Наверное...

Она помогла ему сесть. К его изумлению, он все еще жил. Костюм был цел и невредим, и Колли по-прежнему мог дышать, видеть, слышать и двигаться. Но он чувствовал, что силы покидают его, маленькими струйками вытекая из тела.

— Я... в порядке. А где остальные?

— Они скоро будут здесь. Сам знаешь, сколько времени нужно для того, чтобы забраться в эти чертовы костюмы. Я прибежала к ним, предупредила об опасности, а потом взяла эту пушку и вернулась к тебе.

— Ты замечательная девушка.

В голове расплзалась пустота, но Колли преодолел подступившую слабость.

— Ты не поможешь мне встать?

Он поднялся, цепляясь за нее, и они медленно побрели к кораблю.

«Несколько хороших глотков кислорода, и всё пройдет, — успокаивал он себя. — Пара вдохов во все легкие, и я почувствую себя лучше. Надо же! Я жив! Кто бы мог подумать?»

Они остановились рядом с гигантским семифутовым телом. Окоченевший сибиряк лежал на песке, и в льдинках его глаз отражался свет холодных звезд. Патрубок лопнул, кислород иссяк, и он задохнулся. А еще был тот, который упал в карьер — когда холод проник в разорванный костюм, его кровь застыла, и глазные яблоки вывалились наружу. Никто из них уже не скажет ни слова — никогда не скажет.

Колли склонился над сибиряком. К скафандру гиганта крепился массивный ствол базуки, рядом виднелась обойма реактивных снарядов.

— Что они задумали? — со взхлипом спросила Луис.

Теперь, когда им больше не угрожала непосредственная опасность, она плакала, не стыдясь своих слез.

— Зачем все это, Колли?

— Чтобы пробить дыру в нашем корабле, — спокойно ответил он. — Самый быстрый способ расправиться с нами.

— Но зачем?

Она прижалась к нему, и каким-то таинственным нервом он почувствовал сквозь толстый пластик костюмов ее мягкое и теплое тело. Подавив дрожь, накатившую на него, он пожал плечами и криво усмехнулся:

— Зачем? Наверное, мы им не очень нравимся.

Глава 11

Аларик Вэйн стоял, наблюдая за командой. К тесноте и духоте, к тяжелому дыханию людей прибавилось новое — комнату заполнил страх. Почувствовав острый запах испуга, собака ошестинилась и показала зубы. Экипаж молчал. Все ждали, что скажет капитан. Яркий верхний свет отбрасывал на их глаза и щеки темные пятна теней, и Вэйну казалось, что на него смотрит шеренга черепов. Они ждали его решения... Они ждали от него каких-то слов.

— Я... я...

Он перебирал в уме фразы и мысли, но все они были пустыми и неважными.

— Я н-не знаю, что с-сказать. Это для меня такая же н-неожиданность, как и для вас. Д-да, неожиданность.

— Нам надо решить, что мы будем делать дальше, — воскликнул Фейнберг.

— А они точно сибиряки? — спросил Гэммони.

Он все еще не мог поверить в происходящее.

— Да, — ответил Иванович. — На их снаряжении российские штампы.

— И один из погибших оказался азиатом, — добавил Фейнберг. — Так что это наши друзья из Сибири, можешь не сомневаться. Но откуда они взялись? — Не услышав никаких предположений, он ответил сам: — Очевидно, сибиряки тоже послали свою экспедицию. Они послали ее немногим раньше или немногим позже нас — все зависит от выбранной орбиты и ускорения — но в любом случае эти ребята прилетели позже нас. Я склоняюсь к мысли, что они приземлились всего лишь несколько дней назад.

— Откуда тебе это известно? — спросил О'Нил.

— Они знают о расположении нашей базы. А это говорит о том, что сибиряки засекли нас при облете планеты, когда проводили предварительные исследования. Решив избавиться от конкурентов, они не стали терять времени и тут же предприняли первую попытку. Диверсанты пришли пешком — значит, их корабль или корабли находятся не так далеко от нашего лагеря.

— Возможно, они приехали на вездеходе или какой-то машине, — осмелился добавить Колли.

— Учитывая стоимость каждого фунта массы, я не верю, что у них есть вездеход, — ответил Фейнберг. — К тому же помимо лучевых приемников мы нашли на трупах батареи индивидуального обогрева, а это говорит о том, что они действительно пришли пешком. Между прочим, лучевые приемники сибиряков абсолютно идентичны нашим. Очевидно, их шпионы — или агенты разведки, если вам так больше нравится, — похитили у нас секрет энергопитания по лучу. И я не удивлюсь, если они строили свой космический корабль по чертежам и планам, взятым из сейфов американских военных ведомств. Сибиряки знали о нашем полете все — вплоть до даты вылета и предполагаемого места посадки.

— Но мы и не скрывали эту информацию, — заметил Вэйн.

— Согласен, — сказал Фейнберг. — Тем не менее они стартовали почти одновременно с нами, и это нельзя объяснить простым совпадением. Черт возьми! Возможно, они полетели сюда только для того, чтобы ликвидировать нас!

— Но зачем? — вскричал Вэйн, и на его лице появилось странное беспомощное выражение. — Зачем им это нужно?

— Мы не нравимся их правительству, — ответил Аракелян, — и они захотели выбить нас отсюда. К тому же сибиряки могут теперь завладеть всем нашим оборудованием и установками. Мы

подвезли сюда кучу материалов, хорошо поработали, и они решили воспользоваться всем этим, чтобы создать свою собственную марсианскую колонию.

— Здесь хватило бы места для всех, — сказала Луис. — Великий Боже, неужели мы перенесем эти глупые споры даже сюда?

— По каким-то причинам сибиряки хотят объявить монополию на Марс, — продолжал Аракелян. — И пока не важно, почему они ведут себя подобным образом. В счет идет каждая минута, и мы должны обдумать наши дальнейшие действия.

— Нам лучше убраться отсюда ко всем чертям, — сказал О'Нил. — Если они заранее готовились к ликвидации нашей экспедиции, у них есть все преимущества. Давайте вернемся домой, пока еще возможно. Мы доложим обо всем правительству, и оно предпримет ответные меры.

Иванович тряхнул головой, и в его голубых глазах вспыхнула ярость.

— Нет! — взревел он. — Надо дать им их собственную таблетку. Почему нам надо улетать? Неужели мы трусы?

О'Нил покраснел.

— Зря ты так обо мне думаешь! — огрызнулся он. — Я просто предложил самое разумное решение.

— Ладно, парни, хватит, — вмешался Аракелян. — Никто здесь не считает тебя трусом, Том. И лично я во многом согласен с тобой. В данный момент информация важнее, чем героизм.

— Если они завладеют нашей базой, у них появится преимущество во времени, — с вызовом произнес Фейнберг. — Сибиряки построят здесь свои укрепления, и нам уже никогда не вернуться назад. Не потащим же мы сюда танки и боевые корабли?

— Надо подождать... Надо просто подождать!

Аларик Вэйн поднял вверх тонкую ладонь. Казалось, он требовал тишины.

— Чисто экономически... — Капитан замолчал и, глубоко вдохнув спертый воздух, продолжал: — Мне кажется, что нам лучше какое-то время оставаться здесь — по крайней мере неделю или две. Теперь мы знаем о грозящей опасности. Давайте подумаем об обороне. Я могу построить коллоидный резонатор, который однажды уже показал себя в деле. Подобного оружия нет во всем мире, и оно станет для них полной неожиданностью. Мне не верится, что сибиряки привезли с собой летательные аппараты, а космические корабли не предназначены для бомбометания. То есть мы действительно можем остановить их и дать решительный отпор.

О'Нил угрюмо усмехнулся.

— Давайте рассмотрим и другую возможность, — сказал он. — Что, если мы сами покончим с ними?

— Я не представляю себе, как это можно сделать, — тихо ответил Вэйн. — Нас только восемь, а их наверняка гораздо больше. Мой резонатор имеет ограничения в зоне охвата. Мне придется вносить изменения в конструкцию и увеличивать дальность действия. — Он говорил так, как будто извинялся. — Я не маг и не волшебник. Я не могу вытащить из шляпы непобедимое оружие. Ситуация требует анализа, и мы нуждаемся в дополнительной информации.

— Надо выслать разведчиков, — поддержал его Гэммони. — Это придется сделать в любом случае. И я прошу записать меня первым.

Вэйн покачал головой.

— Нам не нужны добровольцы, — ответил он. — Каждый член группы должен соответствовать своему предназначению.

Колли украдкой взглянул на Луис. Она смотрела на капитана, и ее губы кривились в злой усмешке. Он знал, о чем она думала — о людях, которых считали винтиками большой машины.

— Это очень опасное задание, — предупредил Аракелян. — Я думаю, они будут ждать нашей ответной вылазки.

— Но территория очень велика, — возразил Вэйн. — В том направлении, куда убежали лазутчики, она довольно холмистая, а значит, у наших людей будут неограниченные возможности для маневра. Мистер Коллингвуд, у вас особая наследственность и большой опыт охотника, поэтому вы единственный, кто может возглавить группу разведчиков.

Колли кивнул, не смея выразить согласие словами. Он тоже был напуган, и ему совершенно не хотелось идти туда, где их ждали вооруженные люди. Но если без этого не обойтись...

— Вам будут помогать трое, — продолжал Вэйн. — Мистер Иванович возьмет основную часть груза во время дальнего похода; телескопическое зрение мистера О'Нила заменит вам бинокль, отблеск которого может выдать группу; а мисс Гренфил, с ее чудесным слухом, различит любую засаду и прочие хитрости врага. Остальная часть экипажа займется обороной.

— Эй, минутку. Подождите!

О'Нил растолкал других и шагнул вперед:

— Вы не можете посылать туда Луис...

— Все верно, Том, — тихо сказала она. — Я сама хочу пойти с вами.

— Но... Мне кажется...

— Мистер О'Нил, вы же слышали ответ мисс Гренфил, — холодно произнес Вэйн. — Что же касается вас, мистер Коллингвуд,

я не могу дать вам каких-то особых инструкций. Постарайтесь сделать все, что в ваших силах. И помните: вы должны сохранить свои жизни любой ценой. Каждый из вас представляет собой одну восьмую часть нашей боевой мощи, поэтому не полагайтесь на безрассудный риск. Сейчас разведчики отправятся спать, а мы позаботимся о вашем снаряжении.

Вот так, подумал Колли. Просто и без лишних эмоций. Никаких сомнений и тревог.

Марсианский рассвет был почти неуловим — холодная молочная пелена расплзлась по небу, а затем совершенно неожиданно наступил роковой день прощания. Когда Колли вышел на трап, ржавая пустыня уже протянула щупальца дюн до самого горизонта. Сердце дрогнуло от тоски по земным рассветам, и ему на миг почудилось, что он снова стоит в высокой траве, покрытой капельками росы, а вокруг на высоких деревьях щебечут птицы. Он тряхнул головой, отгоняя видение, и кивнул остальным.

— Вперед, и с Богом.

Четыре фигуры, облаченные в неуклюжие скафандры, пошли через пустыню на запад. Остальные стояли на верхней площадке трапа и смотрели им вслед до тех пор, пока маленький отряд не скрылся из виду.

Колли молча прокручивал ситуацию, оценивая преимущества и недостатки. Силовой луч действовал только в зоне прямой видимости. Когда корабль останется за линией горизонта, они перейдут на индивидуальные источники питания, подзарядка которых будет осуществляться с помощью малогабаритных солнечных батарей. Каждый разведчик нес запас еды и воды. В огромный рюкзак Ивановича они сложили оружие и самые тяжелые вещи. В целях безопасности Колли выбрал маршрут вдоль края карликового леса. Поход планировали на шесть дней — три дня туда, три дня обратно. Сибиряки расположились где-то неподалеку — все говорило о том, что до их лагеря не больше двух дней пути.

Опытный взгляд охотника без труда различал следы убежавших сибиряков. При таком безветрии отпечатки на песке исчезали медленно. Почти не осознавая этого, он запоминал ориентиры, следил за положением солнца и самых ярких звезд. Для неопытного глаза Марс выглядел неизменным — все те же кроваво-красные дюны, цветные полосы руды на запыленных скалах и низкие заросли корявых растений. За крутыми оврагами поднимались низкие холмы, а дальше снова начинались дюны, сухой песок и острые скалы. Но Колли знал, как найти дорогу назад.

Чуть позже ирландец завел разговор. Голоса, проходя через микрофоны, атмосферу и наушники, наполнялись резким металлическим дребезгом.

— Неужели сибиряки не подумали о том, что мы можем нанести им ответный визит?

— Наверняка подумали, — пожав плечами, ответил Колли. — И, будь здесь густые заросли, они могли бы сбить нас со следа. Но на такой открытой местности это просто невозможно.

— А если им все же удастся ускользнуть? Пройдут они, к примеру, по голым скалам, и ищи их тогда свищи.

— Они шли по этому пути туда и обратно. Видишь, здесь две цепочки следов. Потеряв одну из них, мы всегда можем отыскать другую. Очевидно, сибиряки не успели составить карты и, плохо ориентируясь в пустыне, решили воспользоваться обычным компасом. Я уверен, что они добирались в наш лагерь по прямой линии. Следы ведут на северо-запад. Мы без труда найдем их корабль.

Луис закусила губу.

— Наверное, я что-то не понимаю, — прошептала она. — Этот мир и так враждебен к людям. Зачем же еще сражаться друг с другом?

— Они первые начали, — сказал Иванович.

— Да, но я думаю, что это болезнь всего человечества. Почему мы никак не научимся жить в мире?

— Некоторые люди не хотят, да и просто не могут делать это, — ответил Колли. — А других без хорошей дубины такому не научить.

— Нет, тут все гораздо сложнее, — возразил О'Нил. — Мы сейчас пытаемся нанести ответный удар в целях самообороны. Но именно таким образом и начинается каждая война. Скажите, кто-нибудь из вас подумал о том, почему они напали на нас первыми? Мы считаем их убийцами и кровожадными чудовищами. А они обычные люди, и у них тоже есть высокая цель, ради которой они сражаются за Марс, за свой народ и, возможно, за всю Вселенную. Тот, кто не может защитить свои идеалы и ценности, просто нежизнеспособен и должен выйти из игры.

— И что же тогда делать? — с отчаянием спросила Луис. — Рвать друг другу глотки, пока не наступит конец света?

— Нам надо изменить свои идеалы, — ответил ирландец. — Мы должны дать человечеству одну великую цель.

— Вряд ли такое возможно, — проворчал Колли. — На Земле больше нет единой расы людей.

— И все же, друзья мои, это обязательно надо сделать, — сказал О'Нил.

Он отрешенно смотрел куда-то вдаль, и на его лице сияла мечтательная улыбка.

Колли пожал плечами и молча повел отряд вперед. Корабль исчез за горизонтом. Они остались одни среди скал, коричневых дюн и мертвой тишины.

Любые физиологические процессы становились на Марсе фантастически сложными. Питаться приходилось холодной едой, извлекаемой из герметично закрытых контейнеров. В каждом шлеме имелось отверстие с клапаном, и при приеме пищи оно соединялось с особым патрубком пищевого контейнера, или «сундука с едой», как язвительно называл его Колли. Потребление воды ограничивалось строго выверенным рационом, а емкости с жидкостью располагались на спине и по бокам скафандра. Для удовлетворения естественных нужд люди уходили за дюну и пользовались специальным приспособлением, которое предохраняло костюмы от потери воздуха и тепла.

Щетина и пот тоже вносили свою долю дискомфорта — кожа неимоверно чесалась, а добраться до нее было невозможно. Дыхание зависело от запаса кислорода, от состояния вентилей и насосов. Любая поломка механизмов и приспособлений скафандра означала смерть. Там, на территории лагеря, они в любой момент могли бросить все дела и подняться на борт корабля, но здесь, в пустыне, им не оставалось ничего другого, как только идти вперед. Все это доводило их до безумия. Они шептали проклятия и скрипели зубами. Они сражались с собой, стараясь подавить беспричинную злобу, а она росла и росла и снова выходила из-под контроля.

— Мы никогда не освоим эту планету, — со вздохом произнес Колли. — Она слишком велика для нас. И людям здесь не прижиться.

— Главное — начать, — ответил О'Нил. — К тому же у нас нет другого выбора.

— На бумаге и словах колонизация Марса выглядит прекрасно. Но нам не перевезти сюда столько людей, техники и материалов. Куда проще обосноваться на Южном полюсе.

— Мы бы так и сделали, — сказал О'Нил. — Но Антарктида тоже стала радиоактивной. Единственная надежда на Марс. И мы должны завоевать планету во что бы то ни стало.

— Как? Выкапывая ямы в песке?

— Это только начало. А потом колония разрастется и выйдет из своих убежищ. Мы начнем изменять земные и марсианские растения. Люди научатся выращивать органику и водоросли, они адаптируют свои биохимические процессы, и колония перейдет на самообеспечение. Пройдут годы, в атмосфере увеличится со-

держание кислорода — а его запасы в грунтовых полостях не-
сметны — здесь появятся вода и углекислый газ. К тому времени
колонисты привыкнут к местным условиям, и в отличие от зем-
лян им уже не потребуется так много кислорода и тепла. Упорное
движение вперед, десятилетия усилий и труда приведут людей к
победе, и уже через пятьсот или тысячу лет эти пустыни пре-
вратятся в цветущие сады. Когда есть цель, для человека нет
ничего невозможного. Научных знаний нам хватает. Опыт и
технику приобретем в процессе работы. Осталось вложить труд и
деньги. Но прежде всего — труд.

— Деньги? — удивленно спросил Колли. — Того, что необхо-
димо для освоения Марса, мы не купим ни в одной стране Земли.
А здесь, как видишь, деньги не нужны.

— Они нужны всегда, — ответил О'Нил. — Деньги — это сим-
вол человеческих усилий. При колонизации Марса людям при-
дется отказаться от всего, что накоплено веками. Чтобы хоть
как-то возместить такую огромную потерю, мы должны обес-
печить колонистов деньгами. Вопрос простой, но от него зависит
существование нашей расы. Именно здесь нам предстоит созда-
вать научные станции и вести эксперименты со стабильным на-
бором хромосом марсианской флоры. Именно здесь мы должны
раскрыть тайны генетики и наследственности. Да, возможно, это
невыполнимая задача. И может случиться так, что экология Зем-
ли развалится ко всем чертям, пощадив лишь самые прими-
тивные формы жизни. Но у нас останется Марс. У нас останутся
колонии. Придет день, и люди вернутся на родную планету,
чтобы посеять на ней ростки новой жизни. — Он печально по-
качал головой и тихо добавил: — Деньги нужны, но жизнь за них
не купишь.

«Как странно, — подумал Колли. — Я никогда не замечал у
Тома этого патриотизма и веры в людей. Иногда я чувствую себя
перед ним мальчишкой».

— Знаешь, Том, — сказал он ирландцу, — мне нравятся твои
слова. И я во многом согласен с тобой. Но когда мы вернемся
домой... и если мы действительно вернемся домой, я больше
никогда не покину Землю.

— А я вернусь сюда, — тихо ответил О'Нил. — Конечно, на
Земле сейчас гораздо лучше, но Марс — это надежда людей.

Луис долго смотрела на него. Потом перевела взгляд на Колли
и вновь взглянула на Тома.

— Сначала нам надо решить небольшой вопрос с сибиряками, —
напомнила она.

Они разбили лагерь в ложбине между двумя дюнами. Муж-
чины вырыли неглубокую яму и натянули палатку из тяжелой

прочной ткани. Она походила на спальный мешок и выглядела довольно ненадежным убежищем. Оставалось надеяться, что тепло четырех человеческих тел, прижавшихся друг к другу, заменит им термопластик костюмов и сохранит запас энергии переносных аккумуляторов.

Настала ночь, мороз окреп и превратился в жестокую безжалостную стужу. Пар от их дыхания стал густым; на низком потолке вырос слой ноздреватого льда. По инструкции им полагалось на рассвете соскоблить его в пищевой контейнер и использовать для дальнейших нужд.

Колли проснулся от того, что от холода у него свело судорогой ноги. Ему хотелось забраться в костюм и включить обогрев на полную мощность, но, прикусив губу, он подавил возникшее желание. Боль нарастала, и он чувствовал себя таким несчастным, что почти забыл о Луис, которая лежала рядом.

Глава 12

Колли лежал на животе и, выглядывая из-за двух зазубренных обломков скалы, осматривал длинный каменистый склон, который вел к вражескому логову. Чтобы избежать отблесков от металлических частей скафандров, отряд обошел лагерь по кругу, оставив позади себя вечернее солнце. Огромные тени, словно потоки черной лавы, сползали с холма и надвигались на две ракеты, каждая из которых была намного больше их собственного корабля. Они стояли посреди небольшой долины, вцепившись пальцами опор в голую поверхность железной пустоши.

Вокруг кораблей патрулировали две темные фигуры, рядом возвышались блиндажи, построенные из камней, и на их стенах поблескивали стволы пулеметов. На открытой площадке находилось несколько полусобранных механизмов, но, судя по тому, что никаких строительных работ не велось, их вытащили наружу только для того, чтобы освободить побольше места в кораблях.

— Да, — прошептал О'Нил, подползая к Колли. — Они прилетели сюда, чтобы завладеть нашей базой.

— Но теперь они поняли, что это не так легко, — сказал Колли. — Интересно, что у них теперь на уме?

— Трудно сказать. Конечно, можно предполагать штурм нашей базы, но весь мир знает, на что способен Аларик Вэйн. А их здесь не больше двадцати человек.

Ирландец пристально осматривал склон холма и вражескую территорию. Зрение мутанта позволяло ему видеть детали, которые ускользали от взгляда Колли.

— Ты начальник, тебе и решать, — наконец сказал О'Нил. — По-моему, мы узнали все, что могли, а с такого расстояния Луис

ничего не услышит. Кроме того, она не понимает по-русски ни слова.

— Безопаснее всего обстрелять их прямо отсюда, но тогда мы потеряем элемент неожиданности и они успеют нанести контрудар. А мне хотелось бы подкрасться к ним с той реактивной пушкой, которую мы прихватили у их парня. Они планировали уничтожить наш корабль, так почему нам не ответить тем же? И тогда мы могли бы забыть о сибиряках, а заодно получить их припасы и оборудование.

— Они не так глупы, — предупредил О'Нил. — Вся территория охраняется сигнализацией. Я заметил пару темных пятен, и мне кажется, что они зарыли там датчики ультрафиолетового излучения. Стоит пересечь любой из невидимых лучей, как с нами тут же расправятся снайперы.

— М-м-да. Хотя послушай, Том... Эти лучи должны проходить у самого грунта. Очевидно, они ожидали, что мы будем подползать к ним на животах.

— А мы вместо этого начнем прыгать, да? Чтобы в конце концов сесть на кое-что горяченькое.

— Не так и долго пробить дыры в обоих кораблях. А потом из них начнет выходить воздух, и ребятам будет уже не до нас. Я могу перенести туда эту пушку за несколько секунд. Они же не знают, на какую скорость я способен.

Ирландец бросил на него быстрый удивленный взгляд.

— Ты действительно решил расправиться с ними любой ценой? — шепотом спросил он.

— А что тут такого? Мне просто хочется вернуться домой, — с усмешкой сказал Колли. — Там, откуда я родом, мы не пускали слюни, жалея врагов.

Он повернулся к Луис, и она положила руку на его плечо.

— Подумай лучше, Колли, — сказала девушка. — Они же не идиоты. Я уверена, что сибиряки выставили наружные посты. И у каждого из них в руках будет автомат.

— Да, ты права, — согласился он. — И вот как мы поступим. У нас тоже есть оружие, а в такой разреженной атмосфере абсолютной тишины не требуется. Том и Миша возьмут автоматы и подползут к их лагерю с другой стороны. Они завяжут перестрелку с охраной, а я в это время постараюсь преодолеть барьер ультрафиолетового излучателя. Думаю, мне удастся подобраться к ним, не привлекая особого внимания. Через минуту или две после того, как парни откроют огонь, я перепрыгну через лучевой барьер, подбегу поближе и выпущу три-четыре снаряда по кораблям.

— А я? — спросила она.

— Ты останешься здесь.

— Ах, значит, так! Как дошло до дела, женщину долой...

— Не надо споров, милая. Если эта затея окончится провалом, кто-то должен рассказать остальным о нашей гибели.

Она долго смотрела ему в глаза. Колли попытался успокоить ее улыбкой, но Луис со вздохом отвернулась. Он жестом дал знак ирландцу, и они отползли подальше от лагеря.

Весь следующий час отряд планировал боевую операцию. О'Нил начертил на песке план местности, указал посты и расположение датчиков. Они уточнили направление атаки, обговорили детали и торопливо проглотили паек. Колли почти не ел. Тревога сдавила грудь и горло. Тело сотрясала мелкая дрожь. «Признайся, парень, — говорил он себе. — Ты боишься идти туда. Ты весь перепотел от страха».

Ночь наступила так быстро, словно кто-то выключил свет. О'Нил вернулся с наблюдательного поста и сообщил, что охрана у кораблей осталась прежней. Сибиряки неплохо разбирались в стратегии боя — их позиции были просто великолепными, и каждый из двух часовых мог простреливать свой полукруг долины. Но крутые холмы подступали со всех сторон, разбрасывая черные тени, и Колли надеялся, что ему удастся прокрасться по этим темным пятнам до стен одного из блиндажей. Глушитель ослабит звуки выстрелов, а за толстой броней корпуса их вообще никто не услышит. На трапах нет ни огонька, экипажи отправились спать, и теперь пришла пора пожелать им спокойной ночи.

Колли облизал пересохшие губы. Он отдал бы сейчас полжизни за глоток виски.

— Ладно, я пошел. Дайте мне пятнадцать минут и начинайте заходить им в тыл. Удачи вам, парни.

Иванович закричал, что-то зашептал себе под нос, и О'Нил быстро похлопал его по плечу. Луис подошла и встала рядом с ними. Колли видел, как дрожат ее губы.

— Храни вас Господь, — прошептала она, и они соприкоснулись шлемами.

Представив этот жест со стороны, Колли мрачно усмехнулся, но вдруг почувствовал в груди странное и доброе тепло. Он повернулся и ушел в темноту.

Ноги соскальзывали с острых камней. Он пригнулся и пробежал по склону еще несколько ярдов, направляясь к дальнему концу долины. Колли преодолел овраг, быстро взобрался на дюну и неподвижно замер на песчаном гребне, стараясь умерить стук сердца, который громом отдавался в ушах. Несколько минут он посматривал по сторонам, выискивая все, что могло шевелиться. Звезды над головой казались такими огромными, что Колли

чувствовал себя маленькой, ничтожной букашкой, расплюсченной под линзой холодного неба. Он тряхнул головой и настроился на задание.

А задание простое — бить так, чтобы воздух вылетал из груди и кровь струилась из разбитых носов. Он знал, что придется убивать людей, которых никогда не видел. Он знал, что там, на Земле, многих сибиряков ждут жены и дети. Но война есть война, и выживает сильнейший.

Камни хрустели под ногами, песок скрипел, и каждый звук казался таким неестественно громким, что оставалось лишь удивляться, как этот шум не разбудил еще всю планету. Колли чудилось, что база на его спине превратилась в башню, которая задевала звезды, и он не понимал, почему охранники не замечали шагавший к ним небоскреб. Корабли поблескивали, как одетые в доспехи чудовища — два огнедышащих дракона, которым удалось пересечь пространство между мирами. Жаль, что придется уничтожить такое совершенство.

Да, он не сомневался в успешном завершении операции. Реактивные снаряды пробьют стальные корпуса и оставят огромные дыры, которые уже ничем не заделаешь. Три-четыре точных попадания, и весь воздух выйдет наружу. Люди задохнутся, так и не добежав до своих скафандров. Позавчера утром капитан Вэйн показал им, как действует эта штука. О Боже, неужели прошло только два дня? До полета на Марс Колли держал в руках лишь лук да самодельные мушкеты. Урок капитана произвел на него огромное впечатление.

Он незаметно переполз в пятно черноты и выбрался на самый трудный участок. О'Нил объяснил ему, где находится ультрафиолетовый барьер, но здесь могли оказаться и другие ловушки. Колли считал пустяком предстоящий прыжок на шесть футов в высоту и тридцать ярдов в длину, и его не смущали непривычные марсианские условия. Пока он тревожился только о Томе и Мише. Они ничего не смыслили в разведке. Кроме того, им приходилось тащить пулемет, а это не самое легкое оружие в мире. Колли с тоской подумал о том, что его жизнь теперь зависела от людей, которые могли подвести.

Ладно, не стоит об этом...

Он почти взобрался на небольшой холм, где сибиряки установили систему сигнализации. Колли вытянулся плашмя и осмотрелся. Его исцарапанный грязный скафандр слился с мрачным ландшафтом. Впереди, на стене блиндажа, он заметил ствол пулемета, который поблескивал в лунном свете. Мышцы напряглись, потребность в действии стала почти неудержимой. Почему они медлят? И что могло их там задержать?

Он припал к земле и до хруста сжал челюсти, ожидая начала атаки.

Вспышка прожектора была как удар. Луч резанул по глазам, и Колли, вскрикнув, прикрыл лицо рукой. Пулемет затыкал, взбивая вокруг фонтанчики пыли. Приподнявшись на четвереньки, он попытался убежать. Луч прожектора и пули не отставали. А над долиной, словно глас архангела в день Страшного суда, разносился голос, усиленный мощными динамиками:

— Сдавайтесь! Сдавайтесь, или вас убьют! Вы проиграли!

Задыхаясь от напряжения, Колли упал на песок. Он знал, что пулю не обгонишь. Стрельба тут же утихла. Вытянув руку, он попытался снять базуку, но предупредительный огонь прочертил перед ним полосу темных пятен.

Луч бил с носовой части одного из кораблей. За крутом белого сияния чернела тьма. На какой-то миг ему показалось, что он заметил метание других лучей. А потом пришли они. Из густой черноты появились две большие фигуры, и, увидев оружие, нацеленное в его живот, Колли торопливо поднял руки.

Один из сибиряков ткнул пальцем в сторону кораблей. Второй, прикрывая напарника, зашел сбоку. Подавив рвавшиеся наружу сухие рыдания, Колли покорно зашагал навстречу судьбе.

Подойдя к трапу, он присоединился к Ивановичу и О'Нилу. Их охраняли несколько вооруженных людей. Русский ругался. Его лицо исказилось от ярости и ошеломления. Ирландец молчал. Он стоял в тени, и Колли видел только темное стекло шлема, но даже через толстую ткань костюма в глаза бросались поднятые вверх плечи.

— Они погнались за Луис, — прошептал О'Нил. — Сибиряки выслали за ней целый отряд.

— Но как они узнали...

— Не имею понятия. Да разве теперь это важно?

Через несколько минут девушку подвели к кораблю. Она едва передвигала ноги и с трудом переводила дыхание. Видимо, Луис пыталась убежать, но они ее догнали. У одного из преследователей были неестественно длинные ноги.

Мужчина жестом показал на выдвинутый трап. Они поднялись по ступенькам и вошли в воздушный шлюз. Внутренняя поверхность шлема запотела, Колли потерял ориентацию и вместе с дверью сослепу ткнулся в стену. К нему протянулось несколько рук, и кто-то начал открывать застёжки его костюма.

Он оттолкнул от себя непрошенных помощников и гордо произнес:

— Я разденусь сам.

Представ перед врагами в одном нижнем белье, Колли почувствовал стыд и странную беспомощность. Вокруг собралась добрая дюжина людей, одетых почти так же, как и их пленники. Взревев, как медведь, Иванович сжал кулаки. В ответ послышался смех, и вперед вышел смуглый гигант, превосходивший Мишу по всем параметрам. Позади первой пары рук у него виднелась вторая.

Колли вышел из оцепенения только тогда, когда его повели по лабиринту коротких коридоров. Он осмотрелся. Те же металлические стены, что и на их корабле, но на родном судне эту скупую обнаженность оживляла настенная роспись, которой увлекался Фейнберг. Экипаж сибиряков состоял наполовину из белых и наполовину из азиатов. У каждого имелось личное оружие. Он увидел нескольких мутантов — их выдавали длинные ноги, странные пропорции тел, удвоенное количество рук и гибкие пальцы с дополнительными суставами. Но большинство изменений, конечно, не проявлялось внешне. Очевидно, команду набирали из супермутантов — по примеру американской экспедиции. Кроме резких отличий Колли разглядел множество нейтральных аномалий, которые не относились ни к плохим, ни к хорошим качествам: лысые черепа, странно расположенные уши и носы, а у одного из сибиряков были длинные перепончатые ступни. Казалось, что они вообще не замечают этой патологии, а возможно, она действительно не имела для них значения.

Пленных провели по небольшому трапу в маленькую прихожую. При виде их часовой, стоявший у двери, взял автомат наперевес и застыл по стойке «смирно». Кто-то отдал резкий приказ, и большая часть команды поспешила удалиться. С пленными остались только двое — четырехрукий гигант и монголоид, чьи быстрые и ловкие движения говорили о неимоверно быстрой реакции. Часовой постучал и, получив ответ, осторожно открыл дверь. Колли смело прошел в комнату первым.

Они оказались в маленькой рубке. Стол и шкаф придавали помещению вид старомодного кабинета. Возле каждого иллюминатора стоял штатив с прожектором, на полу змеились провода, и почти все свободное пространство занимала электронная аппаратура, о назначении которой Колли мог только догадываться. За столом сидели капитан корабля и, по всей вероятности, руководитель всей сибирской экспедиции.

Он мягко улыбнулся и сказал:

— Прошу вас, входите. Если хотите, можете присаживаться, но тогда вам придется устраиваться на полу. Позвольте представиться. Полковник Белинский из Сибирского ханства.

Колли молча взглянул на врага, который стал полновластным хозяином их судеб. Полковнику было около сорока, однако бритая голова и широкое лицо делали его человеком без возраста. Он вел себя довольно непринужденно, но его коренастую фигуру облагала безупречная серо-зеленая форма. Небольшие голубые глаза казались добрыми и дружелюбными, а в очертаниях рта проглядывала утонченная чувственность. Он говорил по-английски с каким-то странным механическим совершенством — без малейших признаков акцента и выразительности.

— Мне кажется, я уже знаю ваши имена, — сказал он после небольшой паузы. — Коллингвуд, О'Нил, Гренфил и Иванович, не так ли? Впрочем, я предполагал, что Вэйн пошлет именно вас. Устраивайтесь поудобнее, господа. И поверьте, вам здесь ничто не угрожает.

Колли медленно опустил на корточки и уселся на пол. Ошеломление рассеялось, и вместе с нахлынувшей дрожью пришло понимание, что с ними случилась невообразимая катастрофа. Но ему все же удалось наполнить фразу нотками сарказма.

— Поверить вам? После того как вы пытались уничтожить нас?

— О нет, — с усмешкой ответил Белинский. — На этой планете вы единственные, кто думает об убийстве. А наши люди хотели просто вывести ваш корабль из строя. Вы обязательно вышли бы для внешнего осмотра, и они захватили бы вас в плен. Ни о каком уничтожении даже речи не шло. Ваши гены сейчас дороже золота, и потеря любого из вас равносильна преступлению против человечества. Тем не менее мы убьем вас всех, если это понадобится, — мягко закончил полковник. — Хотя искренне надеюсь, что такой необходимости не возникнет.

— Но зачем? — вскричал О'Нил. — Зачем нам вообще восставать? Если вы хотите создать здесь колонию — пожалуйста, работайте. Мы и не подумаем вам мешать.

— Структура наших взаимоотношений определяется вопросами национальной политики, — ответил Белинский. — Я бы даже сказал, что это проблема философского характера. Но сначала мне хотелось бы предостеречь вас от большой ошибки — не считайте нас идиотами. Когда мои люди вернулись и доложили о неудаче, я понял, что нам следует ожидать гостей. Просчитать ход ваших мыслей было несложно. И как видите, мы неплохо подготовились. — Он жестом указал на прожектора. — У нас на борту есть человек, чей слух не хуже вашего, мисс Гренфил, — продолжал полковник. — Мы установили в долине и на склонах приемную аппаратуру, чтобы этот юноша мог слышать любой

звук в пределах километра. Вооруженные люди в скафандрах находились в воздушных шлюзах и ждали моего сигнала, а несколько человек, снабженных приборами ночного видения, наводили на каждого из вас прожектора. Так что поймать вас оказалось проще пареной репы.

— Да, — согласился Колли, опуская голову. — Проще некуда.

Он привел отряд прямо в ловушку. Ему верили, его считали великим следопытом, охотником и знатоком своего дела. А он ввалился сюда, как медведь, и попал в капкан. Колли сжал кулаки, и на глаза навернулись слезы обиды. Он не оправдал их надежд. Он не соответствовал этому миру. И он отдал бы сейчас полжизни, чтобы улететь домой.

— Теперь мы займемся вашими коллегами, — сказал Белинский. — У нас есть несколько вариантов дальнейшего взаимодействия. Мы привезли с собой оружие, которое может пробить броню корпуса с относительно большого расстояния. Когда появятся несколько пробоин, вашим коллегам придется сдаться в плен. Но мне по душе другой и более надежный метод, который не повлечет за собой уничтожения столь дорогого оборудования.

Луис прижалась спиной к стене. Ее нервы не выдержали, и она закричала:

— Что вы задумали? Почему вы так поступаете с нами? Мы не представляем для вас никакой угрозы. Неужели вам не хватило войны? Неужели вы не знаете, во что превращается наша Земля?

— Теперь немного поздно обсуждать этот вопрос, — спокойно ответил Белинский. — И все же, я думаю, история доказала, что два абсолютно разных мировоззрения не могут существовать в одном пространстве слишком долго. Рано или поздно кто-то начинает главенствовать, и тогда уже не обойтись без насилия и жестокости. Мы все столкнулись с проблемой мутантов, но наше ханство, в отличие от вас, выбрало верный и единственно правильный путь. Многим людям он показался трудным и сложным. И мы знаем, что слабые и безвольные жертвы войны потянутся к легкому и лживому пути Запада. Им не понять циничного обмана. Им не понять, что ваши полумеры приведут человечество к бессмысленной гибели. Но это понимаем мы. И, значит, путь Запада будет отброшен,

О'Нил утрюмо хмыкнул. В уголках его рта заплясали буторки мышп.

— Кажется, я слышал эту песенку и раньше, — сказал он хриплым голосом. — А что предлагает взамен правительство Сибири?

— Оно предлагает взглянуть на факты, — ответил Белинский. — Взглянуть на факты и понять, что вся эволюция пошла иным

путем. Да, мне тоже хотелось бы другого исхода. И я согласен, что последняя война была глупостью, которая едва не довела мир до самоубийства. Любые причины, породившие ее, не стоят и гроша по сравнению с полным исчезновением человечества. Тем не менее война нанесла свой удар. Наследственность людей нарушена, и нет ни шанса на то, что нам удастся восстановить ее прежнюю форму. Это страшная и бесспорная истина. Но мы можем сохранить ростки разумной жизни. Мы можем сберечь ее семена и взрастить богатый урожай. А для этого надо собрать всех тех, у кого остались хорошие гены. Пусть они будут даже немного видоизмененными — в великом море уродов и калек это уже неважно. Вы и сами сделали несколько попыток в этом направлении, но законы вашего общества обрекли их на полный провал. Здесь нужен другой подход, и без принудительных мер нам просто не обойтись.

— Другими словами, — тихо произнес О'Нил, — вы хотите возродить старую систему хозяев и рабов. Небольшая клика аристократов и огромная масса вырождающихся крепостных.

— Ваши слова пронизаны эмоциями, — сказал Белинский. — Тем не менее мы считаем, что лучшим решением является контролируемая эволюция избранных особей. К сожалению, такая система не предполагает демократии.

Он взглянул на тьму марсианской ночи, и внезапно его лицо исказилось злобой.

— Я часто вспоминаю довоенные годы. Вы можете смеяться надо мной, но я готов жизнь отдать за то, чтобы вернуть эти добрые старые времена. А их больше не будет. Хоть голову расшиби — все равно не будет. — Он повернулся к пленникам и быстро добавил: — Хан понимает, насколько важны в данный момент исследования в области генетики и колонизация Марса. Но мы знаем, что ваш взгляд на проблему ошибочен. Он может привести лишь к гибели человечества, поэтому мы не намерены отдавать вам эту планету.

Одна военная база, оснащенная для отражения атак из открытого пространства, может удержать Марс от ваших новых домогательств — ситуация и приоритеты в космосе останутся прежними. Само собой разумеется, Америка не знает, что мы полетели сюда, и исчезновение вашего корабля будет считаться мрачной тайной века. Наши лучшие социологи, экономисты и математики рассчитали, что ваша страна может пойти еще на две подобные попытки, а потом от Марса откажутся, и в качестве альтернативы будет избрана Луна. На ней, конечно, не так удобно, но, по крайней мере, она ближе к Земле.

— Послушайте, — сказала Луис, и в ее голосе прозвучала безнадежная мольба, — вы просто ослепли от своей идеологии. Мы знаем факты не хуже вас. Вы говорите о ложных путях и взглядах, но это плод вашего больного воображения. Мы просто изучаем новые данные. И наши генетические исследования могли бы привести к изменению всей ситуации.

Белинский печально улыбнулся.

— Поверьте мне, ученые нашего ханства внимательно изучили ваш подход, — ответил он. — Мы установили, что вероятность успеха слишком мала, чтобы оправдывать такую огромную потерю времени, материалов, труда и интеллектуальных усилий. За те же капиталовложения мы можем получить более весомый результат, и для этого надо следовать нашему простому, но верному пути. А человечество, как вы знаете, одно. Национальный суверенитет — это только безумный миф, и мы не позволим другим государствам растрачивать на фантастические проекты столь необходимые нам ресурсы и интеллектуальную мощь, которые принадлежат всему человечеству.

— Пусть у нас ничего не получится, — сказал О'Нил, — пусть наши усилия окажутся напрасными, но мы будем чувствовать себя свободными людьми. А какой толк в выживании расы, если человечество превратится в муравейник, где даже хозяева будут рабами?

— Вот видите, — сказал Белинский. — Я же говорил, что мы не сходимся в основах философии. И мы никогда не поймем друг друга, потому что фундаментом ваших рассуждений являются эмоции, а не рациональное мышление. — Он покачал головой и добавил: — Я нахожу что-то возвышенное и светлое в стремлении выжить любой ценой, и мне противно ваше безнравственное цепляние за абстрактные символы. Запомните, если люди исчезнут с лица Земли, все ваши духовные ценности потеряют смысл. Они превратятся в прах, в ничто.

Иванович поднял косматую голову и задал по-русски какой-то вопрос. Белинский ответил на английском языке:

— Вы хотите знать о своей дальнейшей судьбе? Она будет прекрасной. И я повторяю — пока вы будете вести себя в определенных рамках и воздерживаться от дурного поведения, вашим жизням ничто не угрожает. Мы гарантируем вам хорошее обращение. Когда же наши ракеты вернутся в Сибирь, вас примут там с большими почестями...

— Как производителей новой породы! — огрызнулся Колли.

— Вполне возможно, — с усмешкой ответил Белинский. — А что? У вас есть какие-то возражения на этот счет? — Полковник встал из-за стола и презрительно осмотрел своих пленников. —

Теперь я должен пожелать вам спокойной ночи, — сказал он. — Если у вас появятся просьбы и пожелания, можете смело изложить их охране. Все наши люди говорят по-русски, а это родной язык одного из ваших коллег.

Их провели по трапу в навигационный зал, а затем через пару комнат, где вплотную друг к другу стояли койки. Пройдя вереницу коридоров, они оказались в средней части корабля. Услужливый азиат с поклоном пригласил их в просторную комнату. Едва они вошли, металлическая дверь захлопнулась, и ее звонкий стук стал последним аккордом былой евободы.

Луис осмотрелась, и в ее глазах появилось удивление.

— Вот это да! — присвистнув, прошептала она. — Нас поместили в номере люкс.

— Господи, какая роскошь! — ошеломленно произнес О'Нил. — Я ничего не понимаю. Их экипаж спит вповалку, а они выделили нам самые лучшие комнаты. — Он задумчиво приподнял одну бровь. — Неужели они летели на Марс только для того, чтобы выловить нас? Вы знаете, я начинаю верить, что в Сибири мы могли бы стать сливками общества и вести довольно-таки сладкую жизнь.

— Да, — ответил Колли. — Наверное, могли бы.

Тюрьма состояла из четырех небольших комнат и крошечной ванной, но после стесненных условий американского корабля это пространство и богатая прекрасная обстановка просто поражали воображение. Пленники с восхищением осматривали легкие откидные кровати, полированные столы и бархатные кресла. Их приводили в восторг пушистые ковры на полу и декорированное освещение. Колли отыскал микровизор и прекрасную коллекцию фильмокниг на английском языке. На полках секретера лежали настольные игры. В шкафах висела нарядная и чистая одежда. Он подошел и осмотрел стальную дверь, которая вела в коридор. На уровне лица находилось смотровое окошко, изнутри его наполовину прикрывала металлическая задвижка. Заглянув в небольшую щель, он увидел охранника, который лениво прогуливался у двери. Заметив пристальный взгляд пленника, часовой повернулся к окну и замер в учтивом ожидании. Колли резко закрыл задвижку.

— А почему бы нам не воспользоваться их добротой? — степенно сказал Иванович. — Луис, если хочешь, можешь принять ванну первой.

Она кивнула, взяла одежду из шкафа и вошла в каabinку. Из-за двери донесся визг восхищения.

— Да тут есть даже душ!

— Вот черт! Неужели они могут позволить себе такую роскошь? — с удивлением спросил Колли.

— Видимо, они очищают использованную воду и используют ее повторно, — ответил О'Нил.

Он беспокойно заходил по комнате.

— Они устроили для нас загон с позолоченной оградой. Представляешь, сколько все это весит и стоит? Конечно, у них не было такого груза техники и материалов, как у нас. К тому же они летели на двух кораблях. Но мне почему-то кажется, что их сейчас не больше пятнадцати человек. Кроме того, они, очевидно, планируют оставить здесь небольшую группу и второй корабль для охраны и освоения нашей базы. — Его худое лицо напряглось, и он вонзил кулак в открытую ладонь. — О святые угодники! Колли, Миша, если бы нам удалось удрать и рассказать обо всем капитану Вэйну... Мы могли бы одержать победу!

— Да, конечно, — согласился Колли. — Но как нам удрать?

— Пока не знаю, — небрежно ответил О'Нил. И все же мы должны это сделать. Должны! По крайней мере, один из нас.

Он осмотрел своих собратьев по несчастью. Те разлеглись на кроватях, вытянув ноги, нывшие от усталости.

— Если только вы не хотите остаться здесь, — тихо добавил ирландец. — Наверное, в Сибири ценят хорошую породу, и жизнь жеребца-производителя не так уж плоха.

— Поговорим об этом завтра, — сказал Колли, отводя взгляд от мрачного лица, пылавшего фанатической яростью.

У него не осталось сил на споры. У него даже не осталось сил на мысли. Он хотел одного — помыться, вернуться в постель и уснуть, уснуть на целую неделю.

Глава 14

Охранник принес завтрак. Его прикрывал второй сибиряк, который стоял у двери. Пища ничем не отличалась от их собственного рациона, но она была горячей, и, расправившись со своей порцией, Колли ощутил неизъяснимое блаженство. Несмотря на долгий сон, в теле по-прежнему чувствовалась какая-то слабость. Однако настроение улучшилось, и, когда охранники ушли, Колли по-дружески подмигнул О'Нилу. Тот сердито вскочил и зашагал по комнате. Миша зевнул, завалился на постель и оглушительно захрапел. Луис тихо сидела на краю кровати и смотрела на ирландца, который никак не мог успокоиться. О'Нил сделал последний круг по комнате и подошел к Колли.

— Черт возьми! Мы должны бежать отсюда! Нам надо предупредить остальных во что бы то ни стало!

— Я согласен. Но как? — Колли зевнул и потянулся. — Слушай, Том, мы на корабле, где полным-полно вооруженных людей. Нам придется идти по пустыне, а значит, нужны скафандры — причем не любые, а наши личные, выполненные по индивидуальным меркам. Вот и расскажи нам, как мы их достанем.

— Так, значит, ты уже... сдался.

— Нет. Но я пытаюсь думать трезво, — ответил Колли.

«Ты лжешь, — сказал он себе. — На самом деле ты ни о чем еще не думал».

О'Нил взглянул ему в лицо и хрипло закричал:

— Я смотрю, тебя не смущает мысль о сотне женщин, которых будут подкладывать в твою постель. А как насчет Луис...

Девушка отвернулась.

— Том, не надо, — сказала она.

Колли прикусил губу. Об этом он не подумал. У женщин действительно все по-другому.

— Скорее всего они будут выращивать детей искусственным способом, — смущенно сказал он, пытаясь сменить тему. — Кто-то мне рассказывал о таких опытах.

— Эктогенетика... Да, думаю, ее развивают сейчас полным ходом. — О'Нил устало опустил в кресло. — Только нам это не поможет. Как будто ты не понимаешь, зачем мы им нужны!

Колли молчал, подыскивая ответ. Он знал, что ирландец прав. И ему тоже многое не нравилось в обществе сибиряков. Но они превратили мутантов в привилегированный класс. И такое положение могло сохраняться несколько поколений. Ему предлагали стать одним из великих. Он снова оказался бы на Земле, на зеленой прекрасной Земле, где над головой высокое небо, где есть летние ночи, осенний листопад и тихий нежный шум дождя. О, как ему хотелось вернуться на родную планету.

Луис подняла голову, и свет скользнул по бронзе ее волос. Колли вздрогнул, увидев на ее лице выражение неподдельного ужаса.

Он открыл рот:

— Том...

О'Нил напряженно пригнулся вперед.

— Да? Ты что-то хотел сказать?

Внезапно Колли ощутил мимолетную дрожь. Как они могли забыть? Сибиряки наверняка постарались оснастить эти комнаты хитроумной аппаратурой прослушивания.

— Нет-нет, просто еще одна глупая мысль, — сказал он. — Все это бесполезно. Мы должны смириться, Том. Клетка слишком крепка, чтобы ее сломать.

Только не перестарайся, напомнил он себе.

— Возможно, когда мы прилетим на Землю, у нас появится такая возможность. Но пока я не вижу выхода.

— Нет! — закричал О'Нил. — Наш единственный шанс здесь! На Марсе!

Колли встал и подошел к нему.

— Хорошо, тогда придумай какой-нибудь стоящий план, — раздраженно ответил он. — Но до тех пор пока он у тебя не появится, оставь меня в покое.

Колли открыл секретер и начал перебирать предметы, лежавшие на полках.

— Давайте лучше сыграем в бридж, — предложил он. — Если мы разбудим Мишу, нас как раз будет четверо. Тут есть чем записывать очки?

Луис взглянула на него с внезапным пониманием.

— Нет, — ответила она. — Ни карандаша, ни бумаги. Я уже все проверила.

— Как жалко. Может быть, сыграем в шашки, Том?

Он сжал запястье ирландца и пальцем нарисовал на его ладони букву «О». Сначала О'Нил хотел отдернуть руку, но потом удивленно уставился на палец Колли. И тот нарисовал «С» и «Т». Ирландец кивнул.

Колли продолжал: О-Р-О-Ж-Н-О (пауза) Н-А-С (пауза) М-О-Г-У-Т (пауза) П-О-Д-С-Л-У-Ш-И-В-А-Т-Ь.

— Черт с тобой, — сказал О'Нил. — Давай сыграем.

Его голос немного дрожал, но это было почти незаметно.

— Шашки так шашки.

— Между прочим, я люблю подсказывать и давать всякие советы, — весело отозвалась Луис и под села к ним поближе.

Какая она умная и милая, подумал Колли. Боже, какое изящество.

— Тогда вообще молчи, — сказал он. — Шашки — это дело серьезное.

Он вытащил доску и на всякий случай расставил шашки так, словно они уже сыграли половину партии. А потом они начали писать. Стол имел полированную поверхность, и после небольшой практики им удавалось передавать сообщения довольно быстро. Иногда Колли путал и пропускал слова, но в целом фразы читались легко, особенно когда они начали писать крупными буквами.

Колли: Я с вами до последнего. Но как нам освободиться?

О'Нил: Ты прав по поводу наших скафандров. Надо придумать план их захвата.

Луис: А если разоружить охранника и заставить его отвести нас к воздушному шлюзу?

О'Нил: Нет. Они могут применить слезоточивый газ.

На поиск решения ушло несколько часов. Время от времени, чтобы отвести возможные подозрения, они говорили о чем-нибудь вслух или обменивались пустяковыми замечаниями. Колли знал, что настоящий план не рождается мгновенно — он выковывается в спорах и совместных усилиях. Тем не менее шансы на удачу были ничтожно малы. Потом к ним присоединился отоспавшийся Иванович, и они вкратце растолковали ему суть дела. Миша с трудом улавливал смысл невидимого письма. Колли приходилось по несколько раз писать одни и те же фразы. Но в конце концов гигант понял замысел побега, и им оставалось лишь дожидаться удобного случая.

После обеда они затеяли вялую игру в бридж, и тут в дверь постучали. О'Нил вскочил со стула. Его карты рассыпались по полу.

— Войдите! — закричал он высоким дрожащим голосом.

— Спокойно, Том, — прошептала Луис и потянула его за рукав. — Лучше помалкивай, ладно? У тебя же все на лице написано.

Щелкнул замок, и дверь открылась. В сопровождении вооруженного охранника в комнату вошел Белинский.

— Мне захотелось узнать, как вы тут устроились, — с улыбкой сказал он. — Может быть, появились какие-нибудь просьбы?

— Знаете, полковник...

Колли поскреб подбородок и быстро отвел взгляд от пронзительных голубых глаз сибиряка.

— Должен признаться, что вы произвели на нас впечатление. Мы здесь чувствуем себя просто превосходно.

— А можно вас кое о чем спросить? — оборвала его Луис и нервно облизала губы. — Я хотела бы узнать обо всей ситуации в целом. Например, о том, как вы собираетесь обойтись с нашими коллегами.

— Охотно отвечу на ваш вопрос. Мы хотим взять их живыми, но при условии, что наши потери будут минимальными.

Полковник сел в кресло и скрестил мускулистые ноги.

— Группа захвата почти готова отправиться в путь. У нас есть все необходимые средства устрашения, но думаю, ваши друзья не дураки и примут наши условия капитуляции без пальбы и ненужных жертв.

— А что потом? — спросил Колли. — Когда мы полетим на Землю?

— Нам придется проделать кое-какую работу в вашем лагере, и она потребует определенного времени, — сказал сибиряк. — Мы планируем оставить здесь несколько человек для охраны базы и поддержания порядка. Они подождут прибытия следующего ко-

рабля. Но вы лично можете ожидать отправки на Землю в течение двух месяцев.

— И до тех пор вы намерены держать нас взаперти? Мне уже надоело жить в клетке, — с яростью выпалил О'Нил. — Неужели вы не можете пойти на какие-то уступки?

— Вас я попрошу сохранять благоразумие, — холодно ответил Белинский. — Впереди у нас гигантская работа, и вы, обладая необычными способностями, могли бы внести свой вклад на благо общего дела. Если вы готовы забыть о наших политических разногласиях, мы гарантируем вам не только уступки, но и любое содействие. Конечно, небольшая доля ограничений останется, но их полностью компенсируют те привилегии, которые вы получите на Земле.

— Ладно, — сказал Колли. — Мы здесь, как овцы на пиру у волков, поэтому нет смысла спорить.

Белинский тихо засмеялся.

— Мне очень хотелось бы сделать для вас что-нибудь приятное, — сказал он через какое-то время. — Если у вас появилась какая-то просьба, прошу вас, говорите, не стесняясь. Мы постараемся ее выполнить.

Сердце тревожно забилося. Колли почувствовал, как тело сжалось в одном огромном спазме напряжения, который враг просто не мог не заметить. Мысли гремели в голове тревожными раскатами грома, и казалось, что их должен был слышать каждый человек, который находился в этой комнате. Голос звучал удаленно и глухо, словно говорил не он, а кто-то другой.

— Хорошо, что вы напомнили об этом. У нас тут появилась небольшая просьба.

— Да?

— Вы не могли бы разрешить нам выходить наружу? Понимаете, мы привыкли к нагрузкам. И мне просто невыносимо сидеть в этом замкнутом пространстве.

Белинский всплеснул руками:

— Мистер Коллингвуд, неужели вы считаете меня отъявленным идиотом?

— Тогда поступайте, как знаете, — разочарованно ответил Колли. — Если вы так боитесь нас, то, наверное, нам действительно лучше оставаться здесь.

— Нам пришлось бы охранять вас во время прогулок, а у моих людей и без этого дел невпроворот, — оправдываясь, ответил Белинский. — Впрочем, вы, видимо, догадывались, каким будет мой ответ.

Это не входило в план, но все же...

— Черт возьми, — воскликнул Колли, — вы можете связать нас, опутать веревками... Делайте что угодно, но дайте нам немного размять ноги.

— Хм-м. Ладно.

Белинский отдал резкий приказ на русском языке, затем вновь повернулся к пленникам.

— Думаю, мы выделим вам по часу в день. Но прогуливаться вы будете вокруг кораблей.

— Вот и хорошо.

Небрежный тон требовал невероятных усилий, и Колли чувствовал себя выжатой долькой лимона. Он даже не смел взглянуть на остальных.

— Мы все вам очень признательны.

— Желаю хорошо провести время, — мягко ответил Белинский.

Он встал и вышел из комнаты. Дверь за ним закрылась.

О'Нил склонился над столом и начал вычерчивать буквы: Ты придумал, что нам делать?

Колли: Еще нет. Но, может быть, нам удастся совершить побег.

Луис: Вся надежда на тебя. Только ты сможешь убежать от них.

Колли: Я-то могу, но это поставит твою жизнь под угрозу. Луис, я хочу вернуться вместе с тобой.

Она отвернулась. Колли робко склонился к ней и поцеловал в щеку. Она вздохнула, отошла от стола и села на свою кровать.

Дверь снова открылась. Они увидели четверых охранников в скафандрах. Чуть позже им принесли их собственные марсианские костюмы.

Переодевшись в пропахшее потом нижнее белье, Колли осмотрел свой скафандр. На спине остался только один кислородный баллон. Белинский не хотел рисковать. Ни один человек не мог бы достичь зоны действия их лучевой станции, имея один кислородный баллон. С таким запасом воздуха ему не добраться до родного корабля, как бы быстро он ни двигался. Тут не хватит даже двух баллонов.

Это просто невозможно!

Колли поешился, натягивая жесткую ткань на тело. Серией заученных движений он проверил каждый из элементов костюма: насос, источник питания, соединительные клеммы термопластика. Все оказалось на своих местах. Система жизнеобеспечения действовала нормально, но вряд ли сибиряки ставили его аккумулятор на подзарядку. И все равно без воды, без солнечных батарей, без компаса...

Они медленно пошли по металлическим переходам. Дверь воздушного шлюза открылась, и перед ними раскинулось темное марсианское небо. Спускаясь по трапу, Колли быстро осмотрелся по сторонам. На краю долины он увидел дюжину маленьких фигур. Люди собирали легкую передвижную пушку. Очевидно, она предназначалась для штурма их корабля. Рядом стоял небольшой тягач, который должен был доставить оружие и фургон со снарядами к американской базе. При удачном попадании снаряд мог разрушить ядерный реактор, и тогда экипажу поврежденной ракеты пришлось бы сдаться на милость победителя.

Колли спустился на твердый грунт и остановился, поджидая остальных. Один из охранников направил на него ствол автомата. Колли еще раз осмотрелся, прикидывая варианты побега. Его внимание привлек высокий холм на северной стороне долины. Обрывистый склон пересекала рваная рана глубокого оврага. Какое-то внутреннее чутье заставило его выбрать именно этот сложный и опасный путь.

— Пошли, — сказал О'Нил.

Свет далекого солнца отражался от купола шлема, и тусклый отблеск скрывал его лицо. Приемник придавал голосу Тома тоскливые дрожащие нотки, и Колли благодарил судьбу за это стечение обстоятельств — ирландец показал себя плохим актером. Вот и сейчас он бубнил под нос какую-то чушь.

— Мы пойдем круг за кругом, спускаясь в ад. И снова найдем все те же круги, которым не будет конца...

Они шагали вокруг кораблей, медленно и настойчиво повторяя избранный маршрут. Охранники шли следом, отстав на несколько ярдов. При каждом новом обходе Колли незаметно расширял радиус круга на пять-шесть футов. Холодный пот покрывал спину, стекая по рукам и ладоням. Через какие-нибудь три минуты это вспотевшее тело могло превратиться в замерзший и высохший труп.

Он не знал, насколько хорошо сибиряки продумали их охрану. Оставалось надеяться на импровизацию и силу Ивановича. Русский замыкал цепочку пленных и находился теперь справа от Колли, то есть ближе к кораблю.

И снова северный край лагеря начал медленно приближаться, а ракеты остались за спиной. На дальнем конце долины у полусобранной пушки сустились люди. Охранники о чем-то трепались друг с другом и изредка заливались веселым смехом. Колли в сотый раз говорил себе, что надо подождать. Пусть эта ежедневная прогулка станет обычным делом, и тогда их перестанут подозревать. Но для ожиданий не осталось времени. Его вообще

не осталось. Через неделю сибиряки расстреляют корабль и, слолив сопротивление американцев, отпразднуют победу.

Он собрался с силами и закричал:

— Начали!

Страх исчез в нараставшей волне решимости. Колли сделал гигантский прыжок и оказался слева от охранника. Отведя ствол в сторону, он ухватился двумя руками за автомат и попытался вырвать оружие. Азиат не уступал, и тогда Колли ударил его ногой в живот.

Сибиряк упал, задохнувшись от боли. Не удержав равновесия, Колли повалился на него. Над головой засвистели пули. О'Нил прыгнул на стрелявшего охранника, а Иванович подмял под себя двух других конвоиров.

Азиат отчаянно извивался и отбивался ногами. Перекатившись на бок, Колли выкрутил руку противника и налег на нее всем телом. Он почувствовал, как хрустнула кость. Схватив автомат, Колли быстро передернул затвор и почти в упор выстрелил в шлем сибиряка.

Рядом свистели пули, они шлепались в песок, и казалось, что идет свинцовый дождь. Времени оставалось в обрез. Он перевернул убитого азиата на живот. Из разбитого шлема сочилась кровь, струи пара с шипением вырывались из широкого отверстия. Колли сорвал с зажимов кислородный баллон, но удержать его в одной руке было невозможно — мешали конфигурация и вес. Он отбросил автомат, вскочил на ноги и побежал.

Если Миша удержит их хотя бы на пару минут... и если он сам не получит пулю вдогонку, они утрут сибирякам носы и вырвут свой крохотный единственный шанс. В противном случае он погибнет храброй и дурацкой смертью.

О'Нил распластался на земле. Охранник уложил его на лопатки, но ирландец не выпускал его из своих объятий. Луис свернулась калачиком на песке. Она ничем не могла помочь, а свист пуль над головой едва не лишил ее чувств. Иванович добрался до блиндажа и, оглушив шуплого противника, овладел пулеметом.

А потом его будто чем-то ударило, и резкий толчок принес клубившуюся тьму. Он пошатнулся, опустился на одно колено и дал очередь по уцелевшим охранникам. Сибиряки, встревоженные возникшей перестрелкой, бросили работу и побежали к кораблям. Иванович припал к земле и, прорывав проклятие, открыл по ним огонь.

Боли не чувствовалось, но там, куда пришелся удар, нарастало оцепенение. В голове шумело и немного ломило виски. Как после стакана водки, с усмешкой шепнул он себе. Фигуры врагов

раздваивались, а затем снова приобретали четкие очертания, и казалось, весь мир дрожал, расплывался в стороны и мутился рябью. Как будто смотришь из-под воды, подумалось ему. И он увидел перед собой зеленоватый омут той маленькой речушки на далекой Земле.

Гигант встряхнул головой и осмотрел испятнанный кровью скафандр. Из рваных дыр, оставленных автоматной очередью, вырывались белые струйки пара. «Неужели это я?» — с удивлением подумал он. Но никто другой не вынес бы этого так долго. Сердце рвалось из груди, с губ стекала кровавая слюна, и перед меркнувшим взором струилась вода Земли, которая наполняла его счастьем и утешением. Он уперся коленом в марсианский песок и повел длинной очередью по темному мареву пустыни.

Надо задержать их любой ценой. Пусть Колли убежит подальше, думал он. Вот только не помню, зачем мы все это задумали. И какого черта... нам... не сиделось дома...

А потом над ним зажужжали гигантские пчелы — огромный рой, заполнивший все вокруг. Они сонно гудели, пролетая над полями дикого клевера, и мир пьянел от солнца и пения птиц. Он лежал на траве под высоким деревом, в объятиях ветра и солнечного света, он лежал, упиваясь запахом трав, а вокруг миллионы и миллионы пчел уносили на лапках мед... вжжж... вжжжж. А потом по полю пробежали кони, и на их мокрых боках, как на глади прохладной воды, струились алые лучи заката. Как он любил этот чистый и приятный запах степных коней. Как он любил эту жизнь...

«Мама, милая, позволь опустить буйную голову на твои колени, пригладь рукой непокорные волосы, дай мне немного поспать. Ох, и напился же я». Белый свет померк в его глазах. И видно, скоро появятся звезды.

Глава 15

Оставив позади кроваво-красный обрыв, Колли остановился и негнущимися затекшими руками вставил кислородный баллон в гнездо. Теперь у него их было два. Он перекрыл клапан подачи кислорода, переходя на смесь из марсианского воздуха, которую подкачивал и сгущал насос. Через несколько минут, обливаясь потом, он уменьшил мощность обогрева и, немного передохнув, побежал по дну глубокого оврага.

Треск и свист пуль остались позади, но он знал, что сражение еще не закончено. И пока Миша будет прикрывать его отход, погони опасаться нечего. Однако Колли понимал, что этот бой не мог продолжаться слишком долго. Боже, взмолился он. Великий

Господи, пусть Миша останется жив. Сколько раз я ему говорил, чтобы он не рисковал, и все впустую...

Но потом его охватила тревога за Луис, и он забыл о русском и ирландце. «А вдруг ее найдет шальная пуля и, вспоров скафандр, оборвет драгоценную жизнь? Неужели она теперь лежит на песке, истекая и кашляя кровью? Если Луис умрет и они закроют ее глаза, то нет смысла бежать и звать на помощь, нет смысла жить, и пусть лучше меня занесет песком марсианская буря. Я люблю эту девушку, — думал он. — Как я ее люблю!»

И тогда, отбросив разум и боль, он превратился в бегущую машину.

Колли преодолел пологий склон, усыпанный галькой, и выбрался на плоскогорье, где до самого горизонта раскинулась холмистая равнина. Он быстро оглянулся через плечо. Корабли и долину скрывала гряда огромных камней, но Колли знал, что до вражеского лагеря не больше мили — а пули на Марсе летят далеко. Можно сделать отчаянный рывок, вложив в него все силы, но тогда ему не одолеть большого расстояния. Надо успокоиться, надо бежать длинными прыжками. Пусть ярды и мили скользят под ногами буро-коричневой лентой.

Колли решил сделать круг. Один из сибиряков не уступал ему в силе и мог нагнать его на прямом отрезке пути. Да и в любом случае пришлось бы уходить от погони. А потом, сбив со следа их свору, он отправится к родному кораблю... если только не будет поздно и хватит запаса кислорода. И еще он мог потеряться в этих марсианских песках, блуждая среди дюн до самой смерти.

Жесткая поступь шагов вызывала в теле неприятное ощущение. Сердце забилось быстрее. Легкие пересохли. От разреженного воздуха кружилась голова. Он неохотно включил подачу кислорода.

Воздушный насос начал подвывать, готовый вот-вот остановиться. Задержав дыхание, Колли перешел на воздух из баллона. Кто-то из сибиряков догадался отключить луч подпитки его скафандра. Теперь приходилось рассчитывать только на себя и свой автономный запас.

Интересно, мрачно подумал он, насколько хватит этого баллона. А впрочем, потерпи, приятель. Скоро ты это узнаешь.

Еще раз оглянувшись, он увидел небольшие фигурки, которые быстро взбирались по склону на плоскогорье. Очевидно, они заметили его или нашли на песке следы. Усилием воли Колли заставил себя сохранять спокойный и ровный бег.

Он должен был сбить их со следа. Впереди возвышалось хаотическое нагромождение скал. Прозрачный воздух скрадывал расстояние, и казалось, что огромные камни находятся совсем

близко. Колли даже выругался про себя. Черт возьми! Такое впечатление, что они убегают от него. Ноги жестко вонзались в мягкий грунт и взбивали мелкую пыль, которая медленно оседала.

Внезапно каменный вал оказался рядом. Он без труда взобрался на ближайший валун и бросил быстрый взгляд через плечо. Сибиряки отставали. Колли знал, что им не угнаться за ним. Но на длинной дистанции, имея дополнительные кислородные баллоны, они могли взять свое и догнать беглеца.

Если только они меня найдут!

Он начал прыгать со скалы на скалу. Обнаружив широкую щель между двумя заостренными глыбами, Колли быстро спустился в узкий проход, перелез через огромный камень и начал пробираться к краю гряды. Мышцы дрожали от напряжения, сердце едва не выпрыгивало из груди.

Россыпь скал неожиданно закончилась, и впереди, за небольшой полосой марсианских зарослей, до горизонта простиралась унылая пустыня. Он остановился, перевел дыхание и прыгнул с последнего валуна в сплетение бледно-зеленых растений. С милю или около того, пригибаясь и стараясь не оставлять следов, Колли крался среди кустов и корявых деревьев. Добравшись до края карликового леса, он позволил себе немного отдохнуть и осмотреться. Позади никого не было. Колли видел только скалы и песок. Впереди его поджидала безмолвная пустыня. Она мерцала и пузырилась хребтами дюн, раскачиваясь, как потревоженная топь. Или это у него мутилось в глазах?

А теперь надо пробежать две-три мили, не оставляя следов, сказал он себе. Пусть потом сибиряки чешут свои затылки и бороды.

Колли определил направление по солнцу и огромными прыжками помчался вперед. Песок мелькал под ногами и проносился мимо блестящей красно-коричневой рекой. Временами с вершин холмов он видел линию горизонта, но она всегда оставалась на том конце застывшего моря. Дюны вздымали свои валы с ужасным и тоскливым однообразием, будто пытаясь сбить человека с пути, закружить и наполнить его отчаянием.

Если я потеряю направление, думал Колли, пески занесут меня на тысячи лет и археологи будущего назовут мои бранные останки неразрешимой загадкой истории.

Его начинала мучить жажда. Он попытался отогнать это чувство. Позволив пленным прогулку, сибиряки предусмотрительно опустошили емкости их скафандров, и патрубков для подачи воды оказался таким же сухим, как песок и марсианское небо.

А значит, надо спешить. Надо бежать и бежать — все быстрее и быстрее.

Никто другой не выдержал бы такой марафон. Но Колли доверял своим уникальным способностям. Он надеялся, что сильные ноги унесут его от беды, а мощные легкие и кровь, запасавшая кислород, помогут протянуть весь путь на двух баллонах. Сомнения пришли потом — намного позже.

Прыжок и еще прыжок, короткая пробежка... Он все больше ощущал свою неповоротливость. Ткань и пластик скафандра мешали движениям — не сильно, но вполне заметно. Соединения и муфты давно нуждались в смазке. И вот такая мелочь могла стоить теперь ему жизни.

Что-то мелькнуло на склоне дюны — какое-то крошечное животное с окраской под цвет пустыни. Тварь испугалась и убежала прочь. И он тоже бежит от врага. Он тоже напуган до смерти. И его враги напуганы до смерти. И весь космос наполнен страхом. Поэтому надо бежать! Поэтому он бежал и бежал.

Солнце клонилось к западу. Колли замедлил бег и остановился на пару минут. У него начинала побаливать селезенка. Повернув голову, он взглянул на индикатор кислородного баллона. Стрелка приближалась к нулю. Усталость навалилась на плечи. Ему хотелось сесть, дать покой ногам, но он медленно пошел вперед, стараясь сохранять подвижность мышц.

Как же могло приключиться, что он оказался здесь, в этой фантастической передрыге? И стоило ли прилетать на другую планету, чтобы потом бежать по пустыне от собственной смерти? Какая невероятная чушь! Почему это должно было произойти именно с ним? Такое всегда случалось лишь с другими людьми. Всегда находился кто-то другой, кому полагалось убежать, падать и лежать, ожидая кончины. И Колли вдруг понял, что он тоже смертен, и холодный озноб прокатился по шее и плечам, будто смерть пощекотала его своими ледяными пальцами.

Закат. Он снова бежал в полную силу. Над головой сияли яркие звезды, их становилось все больше и больше, но это сверкавшее кружево лишь издали напоминало земной небосвод. Он не узнавал большинства созвездий — сказывалась другая широта. Желанный Орион и путеводная Большая Медведица остались на другой половине мира. Он бежал, продираясь сквозь густую тишину, ноги выбивали звонкую дрожь на твердой, как железо, поверхности, и звезды, лениво перемигиваясь, освещали чудовищно огромную и безмолвную пустыню. О, как они высоки и недостижимы! Как далека родная Земля! Небо казалось бездонной черной бездной. И будто вечность прошла с тех пор, как

они с Луис шагали под этой необъятной высью и его рука сжимала ее ладонь.

Холод все больше пробирался под костюм. Колли сотрясала дрожь, и даже бег не давал согреться. Наверное, для мути с инфракрасным зрением он выглядел бы как факел, плававший среди темного замерзшего ландшафта. Он ненадолго включил обогреватель. Испарения тела превратились в густой туман, который заползал из скафандра в шлем. Будь у него поглотитель пара, он выдыхал бы воздух в широкий нагубник, и на стенках фильтра осаждались бы капельки воды. Они стекали бы тоненькими струйками в металлический стакан, покрывая дно, заполняя его на четверть, потом до половины... О Боже, он мог бы пить воду! Понимая, что началось удушье, он открыл клапан и сделал продувку воздуха. Струя из шлема поднялась над головой серебристо-белым облачком, как маленький призрак темной марсианской ночи. Облачко начало исчезать. Оно таяло и пропадало, словно его всасывали в себя колющие холодные созвездия.

А потом кончился кислород. Сердце дико забилося. Колли невольно запаниковал, но тут же взял себя в руки. Торопливо отбросив пустой цилиндр, он присоединил воздушный патрубок к другому баллону, сделал несколько глубоких вдохов и снова перекрыл клапан. Кислород обжигал и пьянил бодрящей нежной свежестью. В ноздри ударил запах чистого металла.

Он бежал среди низких холмов, преодолевая крутые склоны, зубастые вершины и коварные трещины, прикрытые тьмой. Одно неловкое падение, рывок, и острые камни порвут его костюм, а потом холодная ночь, как голодный вампир, набросится на скорчившееся тело... Колли еще раз взглянул на звезды. Корабль находился где-то впереди. Но как легко ошибиться на несколько миль, оставить базу в стороне за линией горизонта и бежать, бежать по безбрежным пескам, пока не остановится сердце.

И даже если он на правильном пути, все шансы против него. Во время бега расход кислорода увеличивается в несколько раз. Значит, к утру второй баллон иссякнет. Колли замедлил шаг, пробираясь через гигантский оползень и обходя торчавшие обломки скал. Господи, как медленно! Он должен идти быстрее... намного быстрее. Враги могли отыскать его следы. Они могли послать отряд наперерез — по той прямой тропе, которая соединяла два лагеря. Они пойдут на все, чтобы опередить его и заткнуть ему рот. А теперь сибирякам помогали жажда, холод и кончавшийся кислород.

Дальше, дальше, дальше. Сердце стонало в тисках одиночества и тоски. Он чувствовал себя последним человеком на руинах мертвого и разрушенного мира. Камни под ногами белели,

как черепа. Черные дюны раскачивались, вызывая головокружение. Волны усталой дремоты накатывали на разум и закрывали глаза. Колли выругался и встряхнулся, пытаясь собрать остатки сил. Если он заснет, ему конец.

Погоня, пустыня, холод, жажда и удушье. Теперь к этому списку прибавился новый фактор — он сам.

Сколько еще осталось идти? А сколько он прошел? Колли начал считать шаги, но быстро сбился со счета. Он оступился, упал на живот и, зарывав, остался лежать на песке.

Вставай! Вставай, ради Бога! Мышцы тела болели, наливаясь тяжелым оцепенением. Ему хотелось забыться и отдохнуть. Ему хотелось погрузиться в воду. И вдруг под тонкой пеленой ума сверкнул безбрежный океан — такой же теплый, добрый и древний, как голубая Земля. Скользя по глади волн, ветер сонно напевал тихую песню, и Колли казалось, что он медленно опускается в темную и бездонную глубину, навстречу покою и сну.

Сознание тонуло в оглушительном грохоте волн, и блики солнца играли на белой пене. Звезды завертелись в веселом вихре, и там, на фоне дрожавших созвездий, он увидел холодную улыбку смерти. Ему хотелось закричать. Ему хотелось заплакать. Но ледяная рука уже стерла с лица и рот и глаза.

О Боже, он едва не задохнулся... Колли открыл клапан подачи кислорода и втянул в легкие бодрящий воздух. Еще миг, и он потерял бы сознание. А может быть, он уже его потерял... Звезды перестали дрожать и снова превратились в яркие колющие точки. Он поднялся и взглянул на линию горизонта, куда спускался мостик Млечного Пути.

Колли почти не чувствовал ног. Они двигались сами по себе. Ясность в голове пошла на убыль, и, цепляясь за ее остатки, он остановился, чтобы осмотреть звезды и определить направление. Его больше не волновало, дойдет он до корабля или нет.

На востоке начинало светлеть. Изумрудная зелень расплзалась все выше и выше. А потом на грани мира, возвещая о наступлении нового дня, вспыхнуло усохшее солнце. Сколько же еще идти?

Он шел тяжело и медленно, пригнувшись вперед и безвольно опустив руки. Однажды, вынырнув из забытья и придя в себя, Колли заметил, что у него изо рта вываливается взбухший язык. Помогая пересохшими губами, он с трудом втянул его обратно. Песчаные дюны превратились в мелкую рябь. Пустыня беспокойно мерцала, и ему казалось, что он бредет по воде. Издалека доносился ровный шум прибоя.

Индикатор воздуха замер на нулевой отметке. Колли включил воздушную помпу, перевел ее на питание от аккумулятора и отбросил в пыль пустой баллон. Насос едва позволял дышать, сухой воздух раздражал гортань; нос и горло обжигала колющая боль. Он попробовал бежать, но упал на песок и долго не мог собраться с силами, чтобы встать и пойти дальше. После этого он только шел.

Он шел все дальше и дальше.

Солнце слепило глаза и прожигало мозг. Колли перестал проверять направление. Он все больше пригибался к земле и брел наугад, закрыв глаза. Иногда его голова рывком поднималась, но кругом по-прежнему была пустыня.

Хотя подожди... О Боже!

Он увидел яркий блеск металла. Корабль! Сквозь алый туман и оцепенение в глубины забытья пробился лучик удивления. Неужели он все-таки нашел дорогу назад? Но память высохла от жажды, и Колли никак не мог вспомнить, зачем он сюда шел.

Воздушный насос зашипел и перешел на холостые обороты. Сел аккумулятор, подумал он, не совсем понимая смысл этих слов. Значит, они все же не ставили его на подзарядку. Он с тоской взглянул на далекую ракету. Она не приближалась ни на шаг. И вокруг ни одной живой души.

«А ты хотел кого-то увидеть?» — рассеянно спросил он себя.

Колли шагнул вперед и упал. Он медленно поднялся и снова упал.

«Не сдавайся, парень, — тихо шептал он себе. — Ползи, пока хватит сил. Закуси губу и ползи...»

Насос с тихим свистом заглох. И Колли уже не чувствовал холода, который пробирался в скафандр. Корабль исчез в клочковатой тьме. Но человек не сдавался — он продолжал ползти вперед.

А потом чернота сгустилась, заполнила весь мир и ударила его в лицо. По телу пробежала волна конвульсий, и Колли погрузился в огромный океан.

Глава 16

Крючок дернулся и впился в плоть, раздирая мясо. Ты чувствуешь резкий рывок и, удивляясь тому, что еще жив, погружаешься в беспросветный сон. Но нить извне не дает покоя, она тянет вверх — все выше и выше.

Солнечный свет пылает огнем на жидком небосводе. Ты почти видишь чудовищную фигуру Рыбака, но мозг тонет в серой мгле, с единственным цветным пятном твоей кровавой раны, и, ослепнув

от ужаса, ты понимаешь, что Рыбак вытаскивает тебя вверх, к испепеляющему свету солнца.

Ты напрягаешь силы и, одолев это мощное притяжение к небу, уносишься назад в глубины моря. Но голову, а потом и все тело снова разворачивает назад, и ты опять чувствуешь яростный рывок. Тело сгибается в дугу, плавники и хвост взбивают прохладную воду и сонный полумрак, но с каждым поворотом катушки леска подтягивается вверх, и вся твоя душа становится одним огромным и отчаянным НЕТ.

И снова вверх, дергаясь и вырываясь, сражаясь с болью и желая вернуться в темную глубину. Крюк впился в тело, впереди — зловещий свет. Рыбак заговорил, но между тобой и им протянулись миллионы миль. Слова превращаются в гулкое эхо, и оно заполняет огромные просторы пустой Вселенной. Сражаясь за жизнь и сходя с ума от страха, ты vyplываешь на поверхность. Сухой воздух терзает воспаленное горло; свет кажется жаром ревающего пламени. А затем, сметая с неба миллионы любопытных звезд, до тебя доносится голос Рыбака:

— Он приходит в себя.

Ты слышишь визгливый скрип старого колеса времени и под раскаты грома приходишь в себя, от жгучей боли кусая собственный хвост. Леска ослабла, и мозг скользит в приятную тьму. О, отродье ночи и первобытной сырости, в судорогах вдыхающее воздух жизни! Крюк в твоём рту, как живая тварь. Ты можешь извергнуть собственные кишки, но крюк по-прежнему останется здесь. Леска вздрагивает, и тело взлетает в ужасное небо.

Тебя поймал Рыбак, и теперь впереди лишь боль и бесцельные метания, метания, метания, пока не иссякнут силы и леска не вытащит тебя на берег. А потом ты затрепещешь в прибрежной грязи, и океан отхлынет от тебя, унося вдаль великие воды. Он вытечет из мозга, нервов и костей, и ты снова станешь собой, но где-то на донышке черепа останется ожидание смерти. И океан тоже будет ждать тебя, темнея в глубине сознания.

Ты лежишь без сил, с тоской провожая обрывки доброго мрака, и на тебя смотрит ужасное лицо Рыбака.

— Колли, с тобой все в порядке?

Голос Вэйна был мягким и нежным, как женская рука.

— Д-д-да.

Колли осмотрелся вокруг. Голова казалась неподъемной — он мог лишь слегка поворачивать ее на подушке. Легкий всплеск любопытства вернул былую ясность, и мысли понеслись, как крылатые кони, безудержно выскакивая на поверхность ума, омытого долгим дождем.

— Неужели я все же... дошел?

— Да, черт возьми, ты почти дошел, — проворчал Фейнберг. — Но в паре миль от корабля ты едва не отдал концы. Если бы мы не вели наблюдение... Одним словом, эта пустыня могла стать твоей могилой. И когда ребята притащили тебя сюда, ты мало чем отличался от трупa.

— Нам пришлось обойтись с тобой довольно грубо, — запинаясь, произнес Вэйи. — Плазма, наркотики... Так что я прошу прощения. Мы хотели как можно быстрее привести тебя в чувство и оставить при этом в живых.

— Да, я понимаю.

С губ Колли срывался тихий шепот, но в абсолютном безмолвии корабля они без труда разбирали его слова.

— Надо спешить.

— А что такое? — с тревогой спросил Аракелян. — Что с вами случилось?

Колли вкратце рассказал им о плене и бегстве. События казались далекими и почти нереальными, словно все происходило с кем-то другим, а не с ним.

Выслушав его, они мрачно переглянулись друг с другом.

— Спасибо, парень, — сказал Фейнберг. — Теперь тебе надо отдохнуть. Ты это заслужил.

Они ушли. Колли лежал и отрешенно смотрел в потолок. Мысли исчезли, осталось блаженство и вялость. Веки закрывались и снова открывались в приятной дреме. Но потом накатилa боль. Он почувствовал жгучую резь в пересохших легких и горле. Он вдруг понял, как устали его мышцы. Колли потянулся к емкости с водой и едва поднес ее к губам. Он лежал и пил воду, посасывая резиновый мундштук, предназначенный для условий невесомости. Как ребенок с соской, подумал он со слабой улыбкой. Вода не унимала боль, но он чувствовал, как возвращались силы. Время и сон творили чудеса, и Колли все больше обретал контроль над телом.

В комнату вошел Фейнберг.

— Как дела, парень?

— Наверное, хорошо, — ответил Колли.

— Думаю, больших проблем у тебя не будет. Несколько обмороженных мест, кое-какие последствия обезвоживания и кислородного голодания, но на следующей неделе ты будешь у нас как новенький.

— Если мы только доживем до следующей недели.

— Да, этот вопрос довольно спорный. Вполне вероятно, что друзья-сибиряки уже подтаскивают к нам свою пушку. А наши

средства обороны рассчитаны только на небольшое расстояние. Но мы попытаемся что-нибудь придумать.

— Слушай, ты не поможешь мне сесть?

— Если только с тобой все нормально. Кстати, ты мог бы дать нам несколько полезных советов. Давай сделаем так — я принесу тебе суп, а потом мы устроим у твоей кровати консилиум. Кому-то из нас придется вести наблюдение. Но мы включим селекторную связь, и в совете вождей примет участие каждый.

Через полчаса к нему пришли Фейнберг и Вэйн. Гэммони и Аракелян несли дежурство у мощных телескопов, расположенных в верхней части корабля. Лица людей выглядели усталыми и напряженными. Колли понял, что судьба их здесь тоже не баловала.

— Они знают о нас почти все, — сказал Аракелян по внутренней связи. — Мы еще готовились к полету, а их шпионы уже собирали сведения. И они хорошо подготовились к этой охоте.

— В таком случае нам остается лишь одно, — добавил Фейнберг. — Убраться от них подальше и вернуться на Землю.

— Но Луис... Миша и Том... — вскричал Колли. — А я надеюсь, что они еще живы.

— Только не надо считать нас трусами и предателями, — хмуро произнес Фейнберг. — Пойми, если мы будем играть в донкихотов, нам не удастся предупредить правительство. А это угроза для всей нашей страны. Нас осталось пятеро, и ты почти не в счет. У нас есть пара автоматов и резонатор Вэйна, который действует только на шестьдесят футов. Как же, черт возьми, мы будем с ними сражаться?

Капитан кивнул. Странно, но он был похож скорее на обиженного ребенка, чем на руководителя экспедиции.

— Я не вижу другого решения, — тихо прошептал он. — Если бы у нас был самолет... Но его нет..

— У нас есть космический корабль, — возразил по селектору Гэммони.

— Ладно, парни, мы же знаем, что он лишен маневренности, — напомнил Аракелян. — Прямо вверх, прямо вниз — вот и все, на что он способен в гравитационном поле.

— Эй, послушайте... — Колли попытался сесть, но острая боль впилась в мышцы тела, и он со стоном повалился на подушки. — У них нет никакой защиты против атаки с воздуха. Мы можем посадить корабль прямо на ракеты сибиряков. Мы можем сжечь их дюзам!

— О нет! Только не это! — воскликнул Фейнберг. — Тогда мы поджарим и наших ребят.

— Да, я не подумал о таком исходе, — с гримасой согласился Колли.

— Нет, подождите... — Рот Вэйна вытянулся в тонкую линию. — Это очень логичный ход. Мы пожертвуем тремя жизнями, но спасем великое и огромное дело. — Капитан быстро опустил голову. Его кулаки сжимались и разжимались. — Не слушайте меня, — добавил он. — Я прошу прощения.

— Мне этот план тоже не нравится, — сказал Гэммони. — Мы можем повредить наш корабль. К тому же маневры при спуске потребуют времени, и сибиряки, заметив нас, успеют взлететь в пространство.

— Эх, будь у нас тяжелая артиллерия... — со вздохом проворчал Аракелян. — Мы могли бы сесть прямо в их лагере. И тогда бы им пришлось сдаться.

— Вряд ли, — ответил Колли. — Их полковник — крутой мужик!

— Ну и пусть. Мы пробили бы по дырке в каждом корпусе, и все! Вы и сами знаете, что воздух выйдет не сразу. Они успели бы надеть скафандры... А потом им пришлось бы с нами подружиться. — Аракелян мрачно усмехнулся. — Жаль, что этой мечте никогда не сбыться. У нас нет такого оружия.

— Подождите... Подождите, — воскликнул Вэйн, вскакивая на ноги. — В его голубых глазах появился странный блеск. — Почему это у нас его нет?

Тишина оседала густым и плотным облаком. Все молча смотрели на капитана, и Аларик знал, что они снова ждут от него чуда, будто он действительно непобедимый супермен и великий маг, готовый вытащить кролика из шляпы. Он боялся не оправдать их надежд, и страх заставил его заикаться. Какое-то время с губ срывались только невнятные звуки. Он знал, что его лицо сморщилось. Тело дрожало от усилий и негодования. Ему хотелось убежать. Ему хотелось спрятаться в темном углу. Но он знал, что это теперь не поможет.

— Я сделаю такое оружие, — медленно произнес Вэйн.

Из динамика раздался голос Гэммони. Они почти видели, как он недоверчиво покачал головой:

— Ладно, парни, я согласен с вашим планом. Но надеюсь, вы не развалите нашу старушку на куски?

Глава 17

Колли проспал до самого утра, а затем, закусив губу и опираясь на Аракеяна, поднялся по трапу в рубку управления. Этот день решал все — либо они умрут, либо планета останется за

ними. В деле мог пригодиться каждый, и поэтому он тоже пришел сюда.

Фейнберг находился в инженерном отсеке. Гэммони и Араке-лян, пристегнув ремни пилотских кресел, склонились над клавиатурой пульта. Колли занял место у обзорного экрана. Рядом, поглаживая собаку, сидел Вэйн. На его коленях лежала небольшая безобразная штука, торопливо собранная из трубок, спиралей и каких-то измерительных приборов. От клемм питания тянулся мощный кабель, который уходил к главному энергощиту. И казалось невероятным, что эта груда железяк и есть их оружие — последняя и зыбкая надежда.

Двигатель взревел. Вой дюз, отдаваясь в корпусе мелкой вибрацией, заставлял людей сжимать зубы и наполнял сердца необъяснимым ужасом. Ультразвук, подумал Колли и попытался расслабиться. Но страх, оседлав сознание, скакал по нервам яростным галопом. Ландшафт за линзой обзорного экрана казался мрачной и зловещей картиной. Вся эта пустыня, с унылыми дюнами, пылью и иглами скал, все это пространство, покрытое минеральными венами, напоминало темный обескровленный труп, обезображенный пятнами смерти.

«Но мы построим здесь свое будущее, — подумал он в мимолетном порыве вдохновения. — Пусть этот дикий мир наполнен холодом и пустотой, в нем есть удивительная и запредельная красота. И даже в самые темные ночи на марсианском небе столько звезд, сколько никогда не увидишь на Земле. Пройдут годы, и однажды здесь расцветут сады и зазеленеют поля».

На фоне работавшего двигателя человеческие голоса стали тусклыми и безликими. Начиналась процедура взлета.

«Пост номер один готов, пост номер два готов, пост номер три готов...»

Пальцы пилотов пробежали по клавиатуре пульта, скользнув мимо вспыхивавших и угасавших индикаторов. Их движения выглядели удивительно красивыми. Голова Гэммони склонилась набок. Он прикрыл глаза, и его собственные чувства превратились в компас корабля.

«Пять секунд до взлета, четыре, три...»

Корабль поднялся на хвосте огня. Удары плазмы отдавались в теле. Колли увидел, как пустыня вдруг рухнула вниз, и на экране осталось только небо. Они двигались с ускорением, равным удвоенной силе марсианского притяжения. При огромной массе корабля этот режим буквально пожирал их запасы горючего, но они медленно поднимались в небо, сохраняя требуемую скорость. Вэйн сказал, что, если расход топлива окажется чрезмерным, они восполнят его содержимым баков двух сибирских ракет. Конечно, мечтать не вредно, но... Колли знал, что в случае поражения

Белинский постарается взорвать все три корабля, а будь у него такая возможность, он не пожалел бы и планету. Колли представил себе жизнь на Марсе без ракет и надежды, когда, урезав рацион до минимума и не найдя никаких съедобных растений, они будут голодать и умирать, проклиная небо, которое не сулило спасения.

Рев двигателя заполнил корабль и черепную коробку. Отвернувшись от экрана, Колли увидел большую карту, на которой он отметил координаты вражеского лагеря. Рядом на экране радара высвечивалось положение их корабля, но этот монитор закрывали спины пилотов. Время от времени Аракелян поглядывал на карту и экран, его пальцы мелькали на клавишах пульта в унисон с движениями Гэммони. *Pas de deux* из балета «Надежда человечества». А может быть, лучше «Гибель человечества»?

Гэммони слегка кивнул и что-то сказал в ларингофон — пилотов и Фейнберга объединяла прямая линия общей связи. Эти три человека управляли огромной и невероятно сложной машиной. Три маленьких комочка серого вещества превратились в мозг и сердце стальной машины. Внезапно космический корабль наклонился и заскользил вперед.

Еще вчера они посчитали бы этот маневр невозможным, и он действительно мог оказаться таким. Ракеты создаются для свободного пространства, и этот огромный кит был рожден для плавания в потоках гравитационных сил. Он не мог парить в воздухе, как птица или самолет. Проще рыбу заставить гулять по суше. Попытка горизонтального полета в атмосфере граничила с безумием. Чуть ниже наклон, и ракета врежется в пустыню, от которой ее отделяла одна-единственная миля; маленькая трещина по шву, и корабль скроет облако выходящего кислорода, а команда задохнется, не сходя со своих мест; любой встречный ветер или буря, и он разлетится на куски, которые можно будет собирать по всему полушарию. Но они пошли на этот риск. Они не стали подниматься в открытый космос, а затем, меняя орбиту, опускаться в лагерь врага. Это заняло бы слишком много времени. К тому же такой прыжок не гарантировал точности. Они решили сделать невозможное... или разбиться о поверхность Марса.

Но и среди рыб есть такие, которые могут ползать по земле.

Колли украдкой осмотрелся вокруг. Пилоты перестали быть людьми, они превратились в механизмы корабля. Гэммони стал балансом, Аракелян — скоростью, тонкие пальцы Фейнберга удерживали вздрагивающий корабль на грани падения. (Еще чуть-чуть, но не больше, иначе судно качнется вниз и воткнется носом в красный песок... Теперь эту кнопку! Тихо, крошка, спокойно, спокойно, еще легче...)

Вэйн расслабленно откинулся на спинку кресла. В его глазах светился мир и покой. Он наслаждался точностью и красотой этой сложной взаимосвязи сил и масс. Именно так он представлял себе простые реалии жизни и смерти. Собака жалась к нему. Угрюмая злоба пса сменилась нежным доверием.

Эта победа будет чем-то новым в истории, подумал Колли. Конечно, их отчаянный полет войдет в нее отдельным эпизодом, но она не будет выкована на крови, железе и коварстве. Ее основой станут терпение, знание и мечта, упорная работа и светлая вера в жизнь. В конце концов, они сражались не с Сибирью. Перед ними стояла Вселенная, которая никогда не предназначалась для людей. И только объединив усилия и осознав своего главного врага, человечество могло отвоевать себе место под солнцем.

Вокруг него бушевал неистовый грохот. Колли взглянул на капитана и увидел его довольную улыбку. Вэйн показал на несколько маленьких точек, которые появились на экране радара. С его губ сорвались слова:

— Отряд сибиряков.

Да, скорее всего это они — люди полковника Белинского, тнянувшие через пески свое нелепое оружие. И сейчас, раскрыв рты от изумления, они смотрели вверх на пролетавшую ракету, которую им полагалось уничтожить. Чуть позже, с руганью и тревогой, они развернут колеса и начнут надрывный путь назад, в их обреченный лагерь. Но когда они придут туда, дело будет сделано и исход битвы определен.

Стараясь отделаться от липкого страха, Колли взглянул на небо. Над головой простиралась полуночная синева — цвет безмятежности и далекой красоты. По правде говоря, Марс не такой уж и плохой мир. Если бы Луис согласилась стать его женой, они могли бы вернуться сюда. Они бы вместе создавали колонию, растили детей и любили друг друга. Человек счастлив только тогда, когда у него есть великая цель и его труд кому-то нужен.

Внезапно корабль накренился слишком сильно и заскользил навстречу пустыне. Колли ударился головой о стену и вцепился в подлокотники кресла. Он понял, что это конец, и горло сжалось от спазма отчаяния. Но ракета выровнялась и, взревев, помчалась по куполу небес.

А потом, потом, потом, разбрызгивая струи огня, они начали спускаться вниз. Наступил решающий момент.

Пыль осела. Сначала проявились очертания высоких сибирских кораблей, затем Колли увидел знакомые холмы и до смешного маленькие контуры машин и механизмов. Да, враг такого от них не ожидал. Они нагрянули как гром с ясного неба, и сибиряки не успели взлететь. На разогрев двигателей требовалось

время, а его у противника не оказалось. Они застали врага врасплох, а значит, битва уже наполовину выиграна — если только сибиряки не придержали в резерве какого-то неизвестного оружия.

Реактор умолк, корабль вздрогнул и прочно встал на опоры. Гэммони и Аракелян откинулись на спинки кресел. Их руки подрагивали от напряжения, по щекам и шеем катились капельки пота. Посадка была завершена.

В лагере все замерло. Перед ними, поблескивая в солнечном свете, стояли два корабля, а вокруг раскинулась пустая безлюдная долина. Вэйн расстегнул ремни и подошел к радиопередатчику. Переключив настройку на волну международной связи, он поднес микрофон к губам и спокойно произнес:

— Капитан Вэйн вызывает на связь полковника Белинского. Капитан Вэйн из Союза Северной Америки вызывает сибирскую экспедицию. Смелее, смелее, Сибирь!

Колли встряхнул головой. Шум двигателя оглушил его. В ушах все еще звенели отголоски рева мощных дюз. Он освободился от ремней и, поднявшись с кресла, почувствовал бесконтрольную дрожь. Как странно, что Вэйн так спокоен.

Приемник гудел и трещал. И вдруг на фоне завывавших помех раздался резкий бесстрастный голос:

— Белинский слушает.

Колли даже подпрыгнул от неожиданности. Он почти видел этого приземистого мужчину с гордой осанкой. Он знал, что полковник стоит сейчас у обзорного экрана и искоса посматривает на их корабль. Враг умел скрывать свои чувства и страх — все та же холодная усмешка, все то же надменное презрение на губах. И именно так он встретит свою смерть.

— У вас в плену находятся трое членов нашего экипажа, — сказал Вэйн. — Если вы их немедленно освободите, мы согласимся вступить с вами в переговоры.

— У нас осталось только двое ваших людей, — ответил Белинский. — Мистер Иванович погиб, прикрывая бегство Коллингвуда.

Миша убит?! Миша — шумный весельчак и добрый товарищ. Он нашел свою смерть на этой пыльной планете, и мы уже никогда не услышим его звонкий смех. Колли почувствовал, как на глаза набегали слезы.

— В таком случае отпустите остальных, — холодно произнес Аларик Вэйн.

— К моему сожалению, я вынужден отказать вам в просьбе, — без всякой злобы ответил Белинский. — Они останутся нашими заложниками.

— Если вы не освободите их, мы уничтожим вас, — сказал Вэйн.

— А чем? — спросил полковник. — Насколько мне известно, у вас нет артиллерии. Мы немного посидим, поболтаем с вами и подождем прибытия нашей штурмовой группы. Если вы так умны, как о вас говорят, подумайте лучше о своем положении.

Лицо Вэйна превратилось в говорящую маску. Скорее всего, он воспринимал Белинского как некую деталь, которая испортилась и нарушала работу всего механизма.

— Я не намерен перекидываться словами, — сказал он. — Но обещаю, что ваши корабли останутся здесь на вечной стоянке. Вам известно, кто я такой. И у вас осталась ровно минута, чтобы сложить оружие и сдаться.

Ответа не последовало. Вэйн вздохнул и взял в руки резонатор.

— Колли, где находится помещение для арестованных? — спросил он.

— Вон там — в средней части корабля. Но их могли перевести в другое место.

— Будем надеяться, что они этого не сделали, — ответил Вэйн. — Доля риска есть, но тут уже ничего не поделаешь.

Он щелкнул переключателем, резонатор зажужжал и начал нагреваться.

Колли с ужасом подумал, что этот луч может уничтожить Луис. Отгоняя кошмарное видение, он затряс головой и конвульсивно взмахнул руками.

Оба сибирских корабля спустили трапы. Из воздушного шлюза флагманской ракеты вышли три человека в легких марсианских костюмах. Один из них нес базуку.

Резонатор начал светиться. В глубине кварцевой трубки разрасталось голубое сияние.

— Если мы не поспешим, они пробьют наш корпус, — сказал Колли.

— Я знаю, — ответил Вэйн и снова повернулся к радиопередатчику: — Белинский?

— Да?

— Сообщаю вам, что время кончилось. Вы готовы сдаться?

— Нет.

— Прощайте, полковник, — произнес он с ноткой сожаления.

Капитан подошел к иллюминатору и со вздохом поднял резонатор.

— Когда-то я уже использовал его, — сказал он. — Отвратительное зрелище. Меня потом несколько лет мучили кошмары. Но что поделаешь...

Он повернул диск, фокусируя прибор, а затем нажал на пусковую кнопку.

Один из людей на трапе взлетел в воздух и превратился в огромный фонтан огня и дыма. Другой упал на песок — его шлем разлетелся в куски от взорвавшегося мозга. Третий попытался убежать. Маленькая фигурка походила на мотылька с опаленными крыльями. Ему почти удалось выбраться из пламени горевшего трапа, но Вэйн втоптал его в черное облако дыма.

Из-под стальных опор взметнулись струи огня. Сибиряки, решившись на взлет, прогревали двигатели. Вэйн сменил фокусировку и провел невидимым лучом по ближайшему кораблю. Ракета развалилась на две части. В воздухе повисло облако пыли и замерзавшего пара. А дюзы по-прежнему изрыгали огонь, и их некому было заглушить.

Из приемника донесся разгневанный голос полковника:

— Вы просто мерзкие убийцы... О, как я ненавижу вас, мутантов! Напоминаю, у нас находятся ваши люди. И они умрут, если вы...

— Нет, умереть придется вам, — сказал Вэйн. — Нас слишком мало, чтобы брать вашу ракету на абордаж. Так вы согласны сдаться?

— Нет! — гордо ответил Белинский.

Вэйн направил резонатор на флагманский корабль и разрезал его чуть выше средней части. И снова наступила тишина. Марсианский ветер медленно сносил в сторону черный дым — дым, в который превратились люди.

Глава 18

Струя резака с шипением угасла, но стальная дверь раскалилась докрасна, и к ней было не притронуться. Быстро обмотав руку тряпками, Колли с разбегу навалился на массивное полотно. Дверь дрогнула и открылась.

— Луис, — прошептал он.

Ему хотелось броситься вперед и прижать девушку к груди, но руки безвольно повисли. Она стояла в объятиях О'Нила и с изумлением смотрела на его почерневший от гари шлем.

Колли тяжело вздохнул и устало произнес:

— Я рад, что вы живы, ребята.

В комнату вползал густой и едкий дым, который заполнял всю уцелевшую часть корабля. Ирландец надсадно закашлялся.

— О Боже! Скорее выводите нас отсюда, — прошипел он. — Меня сейчас стошнит. Ну, парни, вы их и разделали! Что это за штука, которую вы использовали?

— Не знаю и знать не хочу, — ответил Гэммони, поднимая с пола резак.

Они быстро влезли в скафандры и вышли наружу. Луис подошла к Колли и сжала его ладонь.

— Значит, ты все-таки дошел, — сказала она. — Это просто чудо.

— Да, наверное, — ответил он. — Но теперь уже все позади.

Он неуклюже переминался с ноги на ногу. Солнечный свет отражался от шлема девушки, слепил глаза, и Колли все время отводил взгляд в сторону.

— Ты живая, вот и ладно. Сейчас это самое главное.

О'Нил гордо осматривал останки вражеского лагеря.

— Жаль, что вам не удалось захватить их корабли. Один дым! Пустили такое богатство на ветер. При их горючем, запасах и оборудовании мы могли бы расширить нашу базу вдвое. Впрочем, и сейчас не все потеряно. Мы перевезем их барахло в наш лагерь, а остальное пусть подождет до следующей экспедиции.

Он вдруг нахмурил брови и повернулся к ним:

— А вы знаете, что они выслали штурмовую группу?

— Да. И их отряд теперь возвращается, — ответил Колли. — Но у сибиряков нет выбора. Мы устроим им засаду на холмах, в нескольких милях отсюда. Думаю, они сдадутся в плен. Я очень надеюсь на это... Не очень приятно, знаете ли, смотреть на гибель людей. Здесь остались в живых только двое парней, которые охраняли вашу камеру. Они заперлись в соседнем помещении... И один из них все время плачет.

Мы можем взять в плен и остальных, — продолжал он. — Но я не доверяю им. Нам лучше закрыть их внутри этого непригодного корабля. Тут хватит и еды и воздуха. Мы оставим им все, кроме инструментов, оружия и оборудования. Пусть они сидят и ждут, когда прилетят другие американские корабли.

О'Нил хмыкнул, и его исхудавшее меланхолическое лицо скривилось в усмешке.

— Когда наш Союз узнает о диверсии, на марсианский проект бросят все силы. И как сказал покойный полковник, одна колония в случае необходимости может удержать всю планету. Хотя я думаю, что после этих событий Сибирское ханство потеряет былую спесь. О Господи! Хоть раз все закончилось как надо!

— Нет, — возразила Луис. — Еще ничего не закончилось. Мы только начинаем наш путь! — Ее маленькая рука в перчатке скользнула в ладонь О'Нила, и она улыбнулась ему.

— Это только начало, — повторила Луис.

Ирландец выглядел до глупого счастливым. Он повернулся к Колли и спросил:

— Ты не согласишься стать свидетелем на нашей свадьбе?

— На свадьбе?

Он ничего не понимал. Известие обрушилось на него, как удар молнии.

— Понимаешь... Когда нас заперли там и нам уже не на что было надеяться... В общем, она согласилась.

— На семьдесят седьмом предложении руки и сердца, — добавила она и засмеялась.

Девушка смотрела на О'Нила с нежностью и теплотой.

— Да? Я рад за вас, — удалось прошептать Колли. Ему пришлось откашляться пару раз. — Конечно, Том. Я буду вашим свидетелем. Мы устроим для вас настоящую свадьбу. И... и... пришлем свои поздравления.

Он пробормотал извинения, отвернулся и быстро ушел. Предстояло собрать оружие и подготовиться к засаде. Работы хватало. Ее всегда хватало. Но он больше не мог оставаться здесь... рядом с любимой, которая вдруг стала чужой. Ему хотелось побыть наедине и подумать о том, как жить дальше.

Колли забрался на высокую скалу, которая гордо и одиноко возвышалась над долиной. Его окружали тишина и покой, и во все стороны простиралась бесконечная пустыня, которая притягивала взгляд своим величием и строгой красотой.

«Как переменчивы женщины, — думал он. — Неужели она меня не любила? А возможно, Луис только использовала меня, чтобы возбудить в нем ревность?»

«Ничего страшного, — успокаивал себя Колли. — Будут и другие. Так уж получилось, что Луис оказалась единственной женщиной на унылой и мрачной планете — вот мы все в нее и влюбились».

Но он знал, что это только отговорки и даже через год ему не забыть о своей первой и такой неудачной любви.

Ладно, какого черта! Год — это не так и долго, когда впереди целая вечность. И в его жизни будет Земля, просторная, прекрасная и зеленая. В его жизни будет Марс, где люди начнут создавать новую расу. Жизнь продолжается. И в каком-то смысле ему даже повезло.

Колли вздохнул и пожал плечами. Пора приниматься за работу — прямо сейчас. Он встал и пошел по склону к кораблям. А там уже трудились дети фортуны.

У подножия скалы марсианское небо казалось более темным. Он увидел даже несколько ярких звезд. Но солнце по-прежнему стояло высоко, наполняя долину сумеречным светом.

ЭПИЛОГ

Орна из Нилдо был очень обходительным хозяином, и ему хотелось, чтобы его гость увидел все местные достопримечательности. На Ганимеде их не так и много, но зрелище полуночного неба стоило любой дороги. Он помог Дэниверу надеть гибкий скафандр, а сам облачился в утепленный костюм и натянул маску. Они всплыли вверх по гравитационной шахте, выбрались из защитного поля многосегментной двери и оказались на поверхности.

Конечно, Дэнивер уже видел это на фотографиях и в видеофильмах. Но реальность заставила его замереть от восхищения. Юпитер в полной фазе выглядел огромным янтарным кругом, раскрашенным фиолетовыми и бледно-красными полосами, между которыми переливалось неисчислимое множество других, более тонких оттенков. Почти касаясь горизонта, он подсвечивал скалы и крутые откосы, придавая им вид экзотических слитков золота. Замерзшее озеро превратилось в чашу, наполненную до краев ослепительным сиянием. Свет гигантской планеты, озаряя пространство, затмевал собою звезды, и лишь несколько самых ярких из них пылали на другой половине неба подобно рассыпанным алмазам. Но какой бы абсолютной ни казалась тишина, вокруг ощущалось какое-то неуловимое томление, словно тихая песня далеких звезд находила отклик в самых заповедных уголках души.

Воздав должное величию незабываемого зрелища, Дэнивер взглянул на запястье, где рядом с часами крепился электронный термометр. Светящиеся цифры едва проступали сквозь узоры изморози, но он без труда разглядел показания шкалы.

— Сто градусов ниже нуля.

Дэнивер понимал неуместность своего замечания, но он выбрал его для контраста — в противовес всему тому, что его окружало — ибо драгоценный камень блесит лучше всего на черном фоне.

— Я думал, будет хуже.

— Мы установили под корой Ганимеда новый реактор, — ответил Орна. — Он обогревает окружающую среду настолько быстро, что люди, приезжающие к нам, не перестают удивляться изменениям. Но чтобы сделать планету пригодной для жилья, придется подождать, по крайней мере, еще одно столетие, и, когда мы завершим наше дело, я буду седым и дряхлым стариком. Жаль, что нельзя преобразить такую большую луну или малую планету за одну ночь. И все же я помню ее в дни моего детства. Тогда здесь не было даже гидросферы, и люди только начинали выпускать кислород на поверхность. — Безбрежность пространства наполняла его гордостью и восторгом. Он повернулся к гостю и удовлетворенно улыбнулся: — А я не думал, что это произведет на тебя такое впечатление. К тому же ты прилетел с самой роскошной планеты нашей системы. — Он вытянул руку к звездам. По его перчатке струился холодный темно-желтый свет. — Видишь ту зеленую звезду? Да, ту, что у самого Лео. Это твой дом.

— Мы, марсиане, питаем огромное уважение к таким проектам, как ваш, — сказал Дэнивер. — Неужели ты думаешь, что наш мир создавался по-другому?

— Но с тех пор прошло столько лет.

— И все же мы не забыли.

Они снова замолчали. Впрочем, их беседы всегда отличались немногословностью. Чуткому разуму хватало жеста, краткой фразы или восклицания, прозвучавшего в безмерном контексте ночи.

Раса по-прежнему сохраняла тенденцию к соматическим изменениям, которые определялись условиями окружающего мира, и неудивительно, что тела двух друзей абсолютно не походили друг на друга. Но размеры, форма и метаболические потребности давно перестали иметь для людей какое-то социальное значение.

Холод усилился. Несмотря на гибкий скафандр и надежную защиту, Дэнивер почувствовал жестокий напор безжалостной стихии. Он поспешил, и Орна, заметив это, тут же корректно предложил:

— Если хочешь, мы можем вернуться под купол.

— Нет, спасибо. Пока еще нет.

Гость повернулся к планете-гиганту. Ослепительный свет ударил в глаза, и на какой-то миг его сознание погрузилось в Юпитер, став частью огромного космического тела, а значит, и всей Вселенной. Да, ему нравились встречи и философские беседы о создании новых миров, но сюда его влекло именно это необъяснимое чувство духовного слияния с космосом.

Он с трудом оторвал взгляд от чарующей картины и почувствовал печаль — ту самую печаль, которая всегда приходит вслед

за трансцендентным переживанием. Его лицо помрачнело, и он тихо сказал:

— Когда-то там тоже бурлила жизнь.

— Что?

Орна взобрался на голую скалу и подошел поближе. Звуки его шагов прозвучали в разреженной атмосфере неожиданно громко.

— Я о Земле. — Взгляд Дэнивера скользнул по небу, но он так и не нашел планету, о которой говорил. — Несколько лет назад мне довелось побывать там в качестве эксперта одной из археологических экспедиций.

— Неужели? А я думал, эта область науки уже исчерпала себя. Сколько веков вы, марсиане, уже копаетесь на Земле?

— Немногим меньше, чем жили там древние люди. С тех пор прошло около миллиона лет. Недавно мы нашли кремневые наконечники и керамические сосуды. Слой раскопок указывал на то, что они принадлежали последним жителям Земли. Это наиболее поздние находки, и они датируются едва ли не тем же столетием, что и Заключительная война. А значит, планета была по-прежнему обитаема, и ее население принимало участие в переселении на Марс.

— Это когда земная биосфера начала разрушаться?

— Да. Мы можем судить о тех событиях только приблизительно. Но некоторые документы сохранились, и просто страшно подумать, каким малочисленным оказался Великий исход. Если бы не Аларик Вэйн, создание самодостаточной экологии на Марсе затянулось бы как минимум на десятилетие, и тогда разумная жизнь в нашей Солнечной системе просто перестала бы существовать.

— Я много читал об этом. Марсианский проект зависел от мирного решения племенных разногласий и межнациональных споров. Для строительства кораблей и колонизации планеты требовалось задействовать все ресурсы Земли. Но древние люди сделали почти невозможное — они спасли остатки жизни и в конце концов вернули себе доброе имя.

Дэнивер покачал головой и криво усмехнулся:

— Я представляю, сколько насилия и интриг сопровождало эти преобразования. В ту пору история еще не знала подобных критических моментов. Мы почему-то всегда вспоминаем только о той сравнительно малой группе людей, которых так или иначе посчитали биологически пригодными к переселению на Марс. Но мы стыдливо предпочли забыть о многолетней трагедии исколеченного большинства, которое осталось брошенным на верную гибель. И все же именно эти первые колонисты Марса стали прародителями современной человекообразной жизни. А на вос-

создание стабильной генетической структуры ушло несколько тысячелетий. — Он осмотрел зазубренные пики гор и отыскал родную планету. — Наверное, поэтому я и не согласен с пословицей, что все происходит к лучшему. Не будь той ужасной войны и ее последствий, мы могли бы жить на Земле, среди цветущих садов и необъятных полей, а наши ракеты летали бы к далеким звездам.

— Но тогда не существовало бы нас, — прозаично ответил Орна.

Дэнивер засмеялся:

— Ты прав. Общий ход событий не так и плох, если он завершился тем, что мы сейчас наблюдаем. Но слушай дальше. Программа по восстановлению земной экологии предполагала строительство нового водохранилища. Я полетел туда, чтобы исследовать участок суши, подлежащий затоплению. Да-да, не улыбайся. Мы еще увидим этот мир в цветении. — Внезапно его голос зазвучал тише. — И все же я не могу забыть ту вещь, которую нашел в руинах. Ты только представь себе. Я стоял в пустыне, безрадостнее которой не сыскать на всем белом свете. Меркурий тоже бесплоден, но с Землей ему не сравниться. На всей планете осталось лишь несколько примитивных растений, да и те, чтобы выжить, превратились в подобие колючей проволоки. А ветер носился вокруг древних развалин, и резкий солнечный свет изливался на нас потоками прожигавшего насквозь безразличия.

Мне попалась на глаза небольшая коробка — маленький плоский предмет из прозрачного сплава, который пощадили ржавчина и время. Я поднял ее и открыл крышку. Внутри лежали какие-то ценные и памятные вещи — монеты, ордена, ключи и прочая мелочь, — которые, очевидно, принадлежали мужчине. Среди них я нашел продолговатый лист плотной бумаги. На одной стороне виднелись тусклые фрагменты цветной фотографии, которая почти не сохранилась; на другой — темнели расплывшиеся строки письма, вполне пригодные для расшифровки. По-видимому, это послание имело большое значение для получателя, и поэтому он его сохранил.

Тень луны легла на поверхность Юпитера и медленно поползла по огромному кругу. Ночь шептала свою неслышную повесть, и камни тихо пощелкивали в железной хватке нараставшего холода. Орна ждал.

— В свое время я потратил несколько часов на изучение древних языков, — помолчав, произнес Дэнивер, — и теперь почти жалею об этом. Я стоял на развалинах мира посреди древней искалеченной планеты, и ветер, будто насмехаясь надо мной, бил

в лицо и пытался вырвать из рук пожелтевшую открытку. Меня никто не подгонял. Я мог бы отнести ее на базу и прочитать текст в спокойной обстановке. Но мне хотелось ощутить ауру давно минувших лет. Мне хотелось просканировать письмо всей той гаммой чувств, которую мы развили в себе в течение сотен поколений.

И я сделал это! Сообщение предназначалось некоему Хью Драммонду — очевидно, мужчине. Место отправления называлось Сент-Луис, штат Миссури, а дата на несколько дней предшествовала началу Заключительной войны. Текст был простой и ясный:

Мой милый. У нас все хорошо. Быстрее заканчивай свои дела. Я знаю, что твоя работа важная, и мне не хотелось бы торопить тебя и надоедать своими просьбами. Но я и дети соскучились по тебе. Мы любим тебя сильно-сильно. И я молю Бога, чтобы ты не перенес наш праздник, который мы задумали провести вместе, наедине друг с другом. Удачи и счастья в новом году! Пока, моя любовь, до встречи! Твоя Барбара.

— Мне кажется, это самое раннее из найденных личных писем, — сказал Орна. — Но я никогда раньше не слышал о твоей находке. Впрочем, тут нечему удивляться. Жизнь на границе — не сахар, и мы совсем закопались в собственных делах.

— Жизнь на границе... Какие прекрасные слова, — задумчиво прошептал Дэнивер. — И все же я чувствую печаль... Да, древние люди совершили подвиг. Они выжили на границе эпох, и в благодарность за это мы называли себя «гомо супериори», но нам никогда не узнать о тех, кто мог бы оказаться на нашем месте.

— Теперь немного поздно для таких размышлений, — напомнил Орна.

— Да, — пожившись, согласился Дэнивер. — Думаю, нам пора возвращаться.

Содержание

От издательства	7
Волна мысли, роман, <i>перевод с английского А. Чеха</i>	9
Сумеречный мир, роман, <i>перевод с английского С. Трофимова</i>	155

МИРЫ ПОЛА АНДЕРСОНА

Собрание фантастических произведений в 30 томах

Том седьмой

Качество печати соответствует диапозитивам, предоставленным издательством.

Составитель *А. Новиков*
Ответственный за выпуск *Е. Чутов*
Редакторы *А. Барина*, *М. Проворова*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Н. Дундина*, *А. Хиришфелде*
Оператор компьютерной верстки *Н. Жук*
Оформление шмуцтитлов: *М. Ермаков*

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать 02.06.96. Формат 84×108/32.

Гарнитура Таймс. Печать высокая.

Усл. печ. л. 17,64. Тираж 12 000 экз.

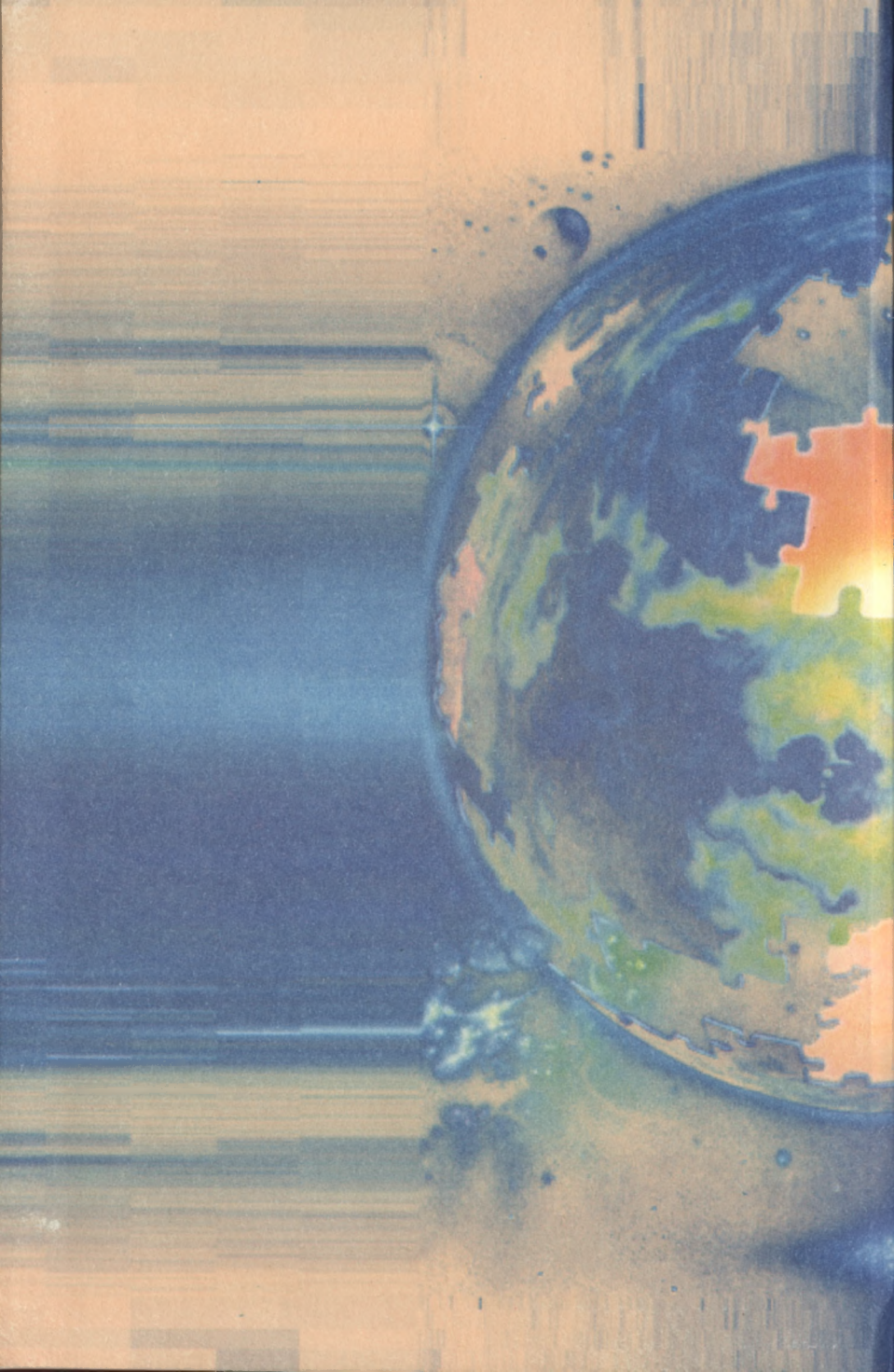
Заказ № 2221. С-176.

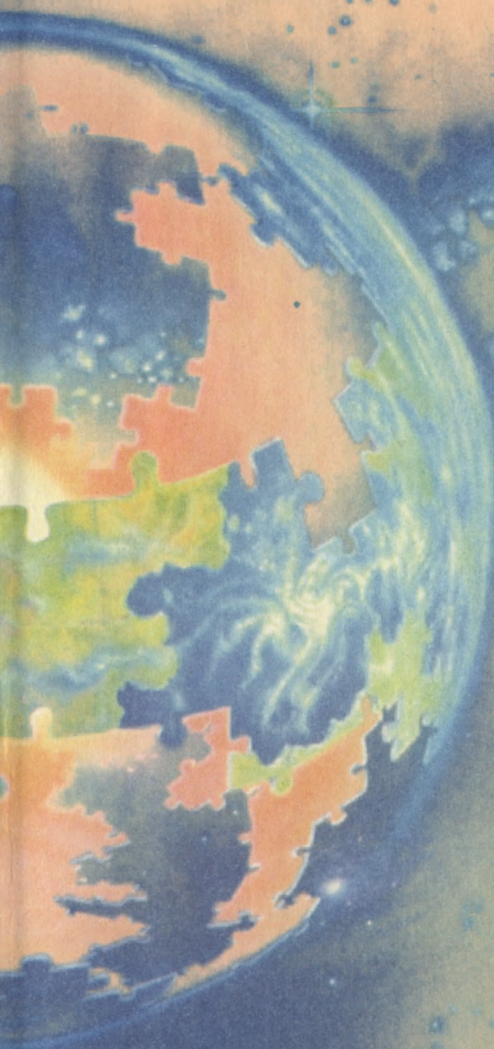
Издательство «Полярис»

Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Тверском ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Комитета Российской Федерации по печати.
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46

Волна мысли

Семьдесят миллионов лет мы находились в оглуляющем поле. Теперь Землю захватывает волна мысли — но как выжить в мире гениев поневоле?

Сумеречный мир

Ядерная война опалила Землю, отравив радиацией воздух и воду. Перед выжившими стоит одна цель — не дать мутациям уничтожить род человеческий...

